THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

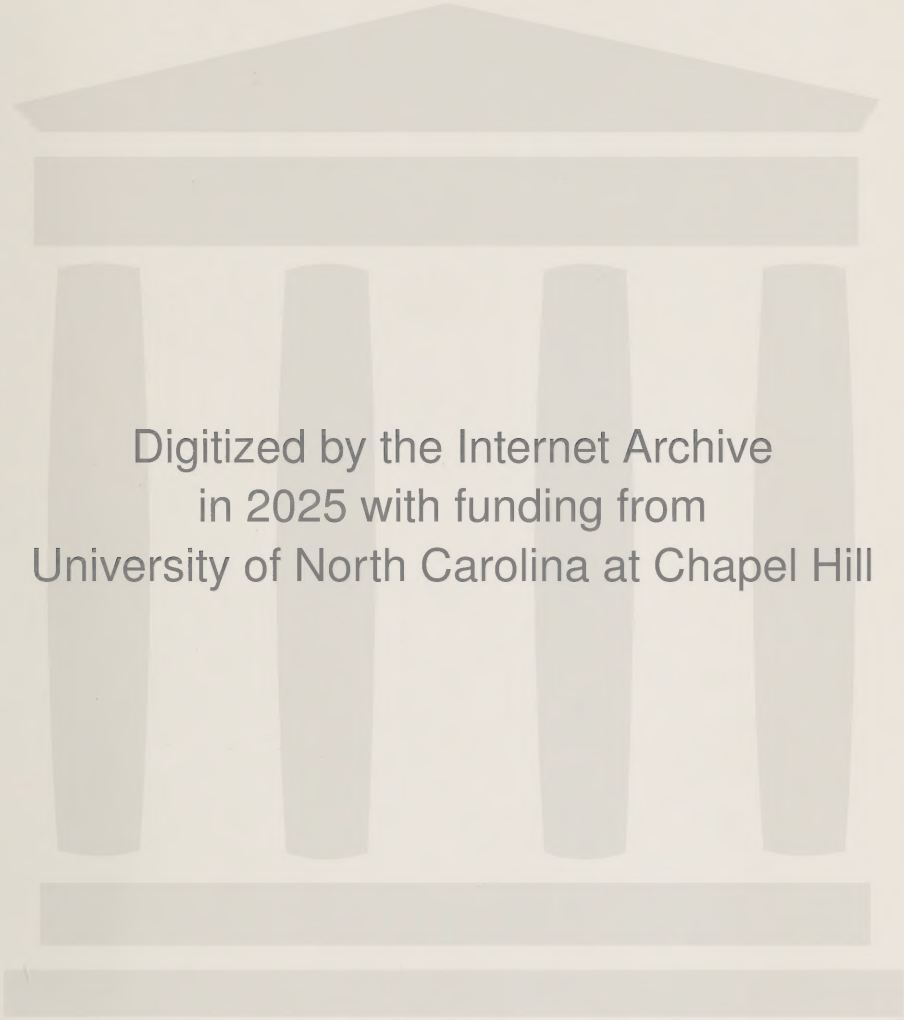
ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG619
.K84
1913

UNIVERSITY OF N. C. AT CHAPEL HILL
00013038143

This book is due at the LOUIS R. WILSON LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
~~NOV 2 8 1978~~	NOV 29 '78		
~~DEC 29 1978~~	DEC 15 '78		
Form No. 513			



Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/drevnetserkovnos00kulb

Григорій Фортѣнат

Древнецерковнославянскій языкъ.

І. М. Кульбакинъ.

Изданіе 2-е, измѣненное и исправленное.

Харьковъ.
1911 г.

Ф. Фортунатовъ.
2/V 1915 г

PG619
.K84
1913

Древне-церковно-словянскій языкъ.

Drevne-tserkovno-slovianskii

Проф. С. М. Кульбакина.

Изданіе 2-е, измѣненное и исправленное.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія и Литографія М. Зильберберга и С-вья.
Долинъ-Захарьевская ул., с. д. № 6.
1913.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Первое изданіе настоящей книги появилось въ 1911 году; выпускаемое теперь второе изданіе отличается отъ перваго мéньшимъ объемомъ и, въ соотвѣтствіи съ этимъ, нѣкоторыми измѣненіями въ содержаніи. Имѣя въ виду въ ближайшемъ будущемъ выпустить въ свѣтъ очеркъ сравнительной грамматики словянскихъ языковъ, гдѣ болѣе умѣстно детальное разсмотрѣніе прасловянскихъ звуковыхъ и морфологическихъ явленій, авторъ въ настоящемъ, второмъ, изданіи своего труда въ значительной мѣрѣ сократилъ главы, посвященныя прасловянской эпохѣ. Съ другой стороны, въ настоящемъ изданіи прибавлена, въ видѣ приложенія, глава о старословянскихъ говорахъ, отражающихся въ древне-церковно-словянскихъ памятникахъ.

Кромѣ того, переработаны нѣкоторые отдѣлы древне-церковно-словянской фонетики, причемъ авторъ старался использовать, по мѣрѣ возможности, всѣ указанія критики, какія казались ему справедливыми. За эти указанія авторъ приноситъ сердечную благодарность рецензентамъ своего труда: проф. Мелье [1]), проф. Б. М. Ляпунову [2]), проф. Е. Ѳ. Карскому [3]) и д-ру Гуйеру [4]), а также проф. Б. М. Ляпунову за письменныя указанія, относящіяся къ морфологіи, и проф. И. М. Эндзелину за устные совѣты и указанія. Съ отзывомъ д-ра Гуйера авторъ, къ сожалѣнію, успѣлъ познакомиться впервые послѣ того, какъ первые листы книги были уже отпечатаны.

13 января 1913 года.

---

[1]) Bulletin de la Société de Linguistique de Paris за 1911 и 1912 гг.

[2]) Archiv für Slav. Philologie XXXIII, 510—536 сс.

[3]) Русскій Филолог. Вѣстникъ, 1911 г. 484—488 сс., 1912 г. 431—432.

[4]) Rocznik Slawistyczny, V т., 225—234 сс.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Введеніе . . . . . 1—32

I. Словянская семья языковъ. II. Древне-церковно-словянскій языкъ. III. Дѣятельность Кирилла и Меѳодія. IV. Народность древне-церковно-словянскаго языка. V. Значеніе др.-ц.-словян. языка въ наукѣ словянскаго языкознанія. VI. Словянскія азбуки. VII. Сравнительная древность словянскихъ азбукъ (кириллицы и глаголицы) и ихъ происхожденіе. VIII. Памятники др.-церк.-словянскаго языка. IX. Пособія къ изученію др.-церк.-словянскаго языка.

Фонетика . . . . . 33—96

§ 1. Звуковая система др.-церк.-словянскаго языка . . . . . 33—34

Отношеніе звуковъ древне-церковно-словянскаго языка къ прасловянскимъ . . . . . 35—38

§ 2. Гласные (а, о, оу, ѣ, и, ꙑ, ѫ, ѧ, ѣ, ъ, ь); неслоговой i или j. § 3. Сонорные (р, л, м, н), согласные (п, б, д, т, к, г, ѳ, ф, с, з, ш, ж, х, ц, ч, ѕ); отличія др.-церк.-словянскаго языка отъ прасловянскаго.

Отношеніе др.-церк.-словянскихъ и прасловянскихъ звуковъ къ индо-европейскимъ. . . . . . 39—49

§ 4. Праслов. o, a. § 5. Праслов. e, ě. § 6. Праслов. ь, i. § 7. Праслов. ъ, y. § 8. Праслов. u. § 9. ǫ, ę. § 10. Прасл. r, l, m, n. § 11. Праслов. p, b̨, t, d, k, g. § 12. Праслов. v, s, z, ch, š, ž, j. § 13. Праслов. c, dz, č, ǧ.

Формы чередованія гласныхъ въ др.-ц.-словянскомъ языкѣ. 49—52

§ 14. Основныя формы чередованія. § 15. Чередованіе гласныхъ въ положеніи предъ r, l, m, n, i̯, u̯. § 16. Чередованіе ē : ō : ə, u̯ā, u̯ō : ū.

Замѣчанія объ отдѣльныхъ звукахъ и звуковыхъ сочетаніяхъ др.-церк.-словянскаго языка. . . . . . 52—96

§ 17. Гласный ѧ. § 18. Гласный ѣ. § 19. Гласный ѥ. § 20. Гласные ꙗ и ь. § 21. Гласные ꙑ, и. § 22. Редуцированные

Стран.

ꙑ, и. § 23. Носовые ѫ, ѧ. § 24. Др.-церк.-слов. рефлексы прасловянскихъ ьr̥, ъr̥, ьl̥, ъl̥. § 25. Др.-церк.-слов. рефлексы прасловянскихъ сочетаній or, ol, er, el. § 26. Рефлексъ прасл. j (i̯). § 27. Смягченные р, л, н. § 28. Рефлексы прасловянскихъ сочетаній губной +j. § 29. Согласные ш, ж. § 30. ш, ж новаго происхожденія. § 31. Группы шт, жд. § 32. Согласные ц, ч, ѕ. § 33. Группа sk въ положеніи предъ ě, i изъ oi (ai). § 34. Группы цк, ѕк, ск. § 35. Конечное з предлоговъ въ сочетаніи съ начальнымъ согласнымъ слѣдующаго слова; предлоги объ, отъ. § 36. Происхожденіе н въ сочетаніяхъ вън̑емь, вьнити и т. п.

Морфологія . . . . . 97—192

§ 37. Общія замѣчанія. 97

Формы прасловянскаго и древне-церк.-словянскаго языка сравнительно съ индоевропейскими . . 97—137

Именныя формы . . . . . 98—111

§ 38. Типы склоненія въ прасловянскомъ языкѣ, система чиселъ и падежей. § 39. Форма имен. п. ед. ч. § 40. Именит. пад. мн. ч. § 41. Имен.-вин. двойств. ч. § 42. Звательная форма. § 43. Винит. пад. ед. ч. § 44. Винит. пад. множ. ч. § 45. Родит. п. ед. ч. § 46. Род.-мѣстн. п. дв. ч. § 47. Род. п. множ. ч. § 48. Дат. п. ед. ч. § 49. Дат.-твор. п. двойств. ч. § 50. Дат. п. мн. ч. § 51. Твор. п. ед. ч. § 52. Твор. п. мн. ч. § 53. Мѣстн. п. ед. ч. § 54. Мѣстн. п. мн. ч.

Мѣстоименныя формы . . . . . 111—117

§ 55. Личныя мѣстоименія. § 56. Основы мѣстоименій указательныхъ, вопросительныхъ и притяжательныхъ. § 57. Особенности мѣстоименныхъ флексій.

Склоненіе прилагательныхъ . . . . . 117—119

§ 58. Прилагательныя опредѣленныя. § 59. Степени сравненія.

Глагольныя формы . . . . . 119—137

§ 60. Основы глагола; основы настоящаго времени. § 61. Основы инфинитива. § 62. Личныя окончанія единствен. числа. § 63. Окончанія множеств. числа. § 64. Окончанія двойств. числа. § 65. Вторичныя окончанія. § 66. Образованіе аориста простого. § 67. Образованіе аориста сигматическаго стараго типа. § 68. Новый типъ аориста сигматическаго. § 69. Формы 2—3 л. ед. ч. аориста. § 70. Формы имперфекта. § 71. Формы перфекта, давнопрошедшаго и будущаго. § 72. Формы наклоненія. § 73. Формы залога. § 74. Именныя формы глагола.

Стран.

Формы древне-церковно-словянскаго языка . . . . 138—192

Склоненіе именъ . . . . . 138—157

§ 75. Типы др.-ц.-словянскаго склоненія. § 76. Основы на согласный; склоненіе основъ на согласный мужескаго рода. § 77. Склоненіе основъ на согласный средняго рода. § 78. Склоненіе основъ на согласный женск. рода. § 79. Склоненіе основъ на -ŭ. § 80. Основы на -i. § 81. Склоненіе основъ на -i муж. рода. § 82. Склоненіе основъ на -i женск. рода. § 83. Склоненіе основъ на -u. § 84. Основы на -o. § 85. Схема склоненія основъ на -o (-jo). § 86. Замѣчанія къ склоненію основъ на -o. Замѣчанія къ склоненію основъ на -jo. § 88. Основы на -ā (-jā). § 89. Схема склоненія основъ на -ā (-jā). § 90. Примѣчаніе объ употребленіи формъ двойственнаго числа.

Склоненіе мѣстоименій . . . . . 157—162

§ 91. Личныя мѣстоименія. § 92. Основы мѣстоименій неличныхъ на -o. § 93. Основы на -jo. § 94. Мѣстоименія ѥ, чьто, кыи.

Склоненіе числительныхъ . . . . . 162—163

§ 95. Числительныя количественныя и порядковыя.

Склоненіе прилагательныхъ . . . . . 163—168

§ 96. Простое склоненіе прилагательныхъ положительной и сравнительной степени и причастій. § 97. Сложное склоненіе прилагательныхъ и причастій. § 98. Замѣчанія по поводу нѣкоторыхъ формъ сложнаго склоненія.

Спряженіе. . . . . . 168—192

§ 99. Классификація глаголовъ. § 100. Личныя окончанія. § 101. Глаголы съ основой наст. вр. на -e (o) (I классъ). § 102. Схема спряженія глаголовъ типа A—съ основой инфинитива, равной корню. § 103. Схема спряженія глаголовъ типа B—съ основой инфинитива на -a. § 104. Замѣчанія, относящіяся къ чередованіямъ гласныхъ въ корнѣ. § 105. Распредѣленіе различныхъ типовъ аориста въ памятникахъ. § 106. Окончаніе -тъ въ 3 л. ед. ч. аориста. § 107. Формы имперфекта и причастія. § 108. Глаголы съ основой на -ne (-no) (II классъ). § 109. Формы аориста съ суфф. -nǫ и безъ него. § 110. Формы прич. прош. дѣйств. залога. § 111. Глаголы съ основой наст. вр. на -je (III классъ) безъ второй основы (A). § 112. Глаголы того же класса, имѣющіе вторую основу (B). § 113. Схема спряженія глаголовъ III класса типа A. 114. Общія замѣчанія о схемѣ спряженія глаголовъ типа B. § 115. Явленія ассимиляціи и диссимиляціи въ формахъ наст. времени. § 116. Формы повелит. накл. глаголовъ III класса. § 117. Формы имперфекта глаголовъ III класса. § 118. Формы прич. прош. времени страд. залога глаголовъ

Стран.

III класса. § 119. Глаголы съ основой наст. времени на -i (IV классъ). § 120. Схема спряженія глаголовъ съ основой наст. вр. на -i. § 121. Замѣчанія объ отдѣльныхъ формахъ глаголовъ IV класса. § 122. Замѣчанія о глаголахъ хътѣти, съпати, горѣти, довьлѣти, видѣти. § 123. Схема спряженія глаголовъ нетематическихъ (V классъ). § 124. Замѣчанія къ спряженію глаголовъ V класса.

Приложеніе.

О старословянскихъ говорахъ, отражающихся въ древне-церковно-словянскихъ памятникахъ . . . . . 193—195

Исправленія и опечатки.

СОКРАЩЕНІЯ.

авест.=авестійскій.

Arch.=Archiv für Slavische Philologie.

B.B.=Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen, herausgegeben von Dr. A. Bezzenberger und Dr. Prellwitz.

Бернекеръ, Slav. Etym. Wörterb.=Berneker, Slavisches Etymologisches Wörterbuch. Heidelberg.

Вондракъ, Vergl. Sl. Gr.=Vondrák, Vergleichende slavische Grammatik. Göttingen. I—II.

Gebauer, H. Ml.=Gebauer, Historická mluvnice jazyka českého.

Glag. Cloz.=Glagolita Clozianus (Сборникъ Клоца).

Götting. gelehrt. Anzeig.=Göttingische gelehrte Anzeigen.

греч.=греческій.

Hujer, Slov. Dekl.=Hujer, Slovanská Deklinace jmenná. Praha. 1910 г.

Das Ostbulgar.=Miletič, Das Ostbulgarische. Schriften der Balkankommission. Linguistische Abtheilung. II 1903 г.).

Denkschriften der K. Ak. d. Wiss. phil.-hist. Cl.=Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Classe.

др.-и.=древне-индійскій.

др.-ц.-сл.=древне-церковно-словянскій.

Ж. М. Н. Пр.=Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

индо-евр.=индо-европейскій.

Изв.=Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

И. Р. А. И.=Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ.

I. F.=Indogermanische Forschungen.

Изслѣдованія по русскому языку=Изслѣдованія по русскому языку. Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

K. Z.=Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen.

K. V. Gr.=Brugmann, Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. 1904 г.

Cloz.=Glag. Cloz. (см. выше).

лат.=латинскій.

латыш.=латышскій.

List. Fil.=Listy Filologické. Praha.

лит.=литовскій.

Ляпуновъ, Изслѣдованіе=Ляпуновъ, Изслѣдованіе о языкѣ Синодальнаго списка 1-ой Новгородской лѣтописи. 1900 г.

Ляпуновъ, Формы склоненія=Ляпуновъ, Формы склоненія въ старословянскомъ языкѣ. 1. Склоненіе именъ. Одесса 1905 г.

Maced. Stud.=Oblak, Macedonische Studien. Sitzungsberichte der Kais. Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Classe. Band CXXXIV.

Мар.=Маріинское Евангеліе.

Mat. i. pr.=Materyały i prace komisyi językowej Akademii umiejętności w Krakowie.

Meillet, Introduction=Meillet, Introduction à l'étude comparative des langues indoeuropéennes.

M. S. L.=Mémoires de la Société de linguistique de Paris.

Остр.=Остромирово Евангеліе.

P. Br. B.=Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur, herausgeg. von H. Paul, W. Braune und E. Sievers.

прасл.=прасловянскій.

Р. Ф. В.=Русскій Филологическій Вѣстникъ.

R. Sl.=Rocznik slaw.=Rocznik slawistyczny. Kraków.

Савв.=Саввина книга (евангельскихъ чтеній).

Сб. Н. У.=Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина. София.

Сборн. Отд.=Сборн. Отд. р. яз. и слов. И. А. Н.=Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

Сборникъ статей по славяновѣдѣнію=Статьи по славяновѣдѣнію. Подъ редакціей акад. В. И. Ламанскаго. Изданіе второго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ.

Sborn. Fil.=Sborník Filologický. Vydává III třída České Akademie v Praze.

Сборн. Фортун.=Сборникъ статей, посвященныхъ учениками и почитателями академику и заслуженному профессору Филиппу Ѳедоровичу Фортунатову. 1902. Варшава.

Сборникъ Ягича=Zbornik u slavu Vatroslava Jagića. Berlin. 1908.

Sitzungsber. d. K. Ak. Wien=Sitzungsberichte der Kais. Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Classe.

Sprawozdania Akad.=Sprawozdania z czynności i posiedzeń Akad. Umiejętności w Krakowie.

Томсонъ, Общ. языков.=Томсонъ, Общее языковѣдѣніе.

Хиланд. лл.=Хиландарскіе листки.

Чтенія И. О. И. и Др. Р.=Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ.

Шахматовъ, «Къ исторіи»=Шахматовъ, Къ исторіи русскаго языка. О полногласіи и нѣкоторыхъ другихъ явленіяхъ. 1903.

Щепкинъ, Разсужденіе=Щепкинъ. Разсужденіе о языкѣ Саввиной книги. 1899 г.

Jagić, Zur Entstehungsgeschichte=Jagić, Zur Entstehungsgeschichte der altkirchenslavischen Sprache.

ВВЕДЕНІЕ.

I. Среди обширнаго круга языковъ индо-европейскаго корня болѣе тѣсную семью составляютъ *словянскіе* языки.

Въ семью эту входятъ языки: русскій, болгарскій, сербскій, словинскій, чешскій со словацкимъ нарѣчіемъ, серболужицкій, польскій и кашубскій.

Къ этой же семьѣ относится и вымершій полабскій языкъ, о которомъ изслѣдователь можетъ судить лишь по скуднымъ нѣмецкимъ записямъ конца XVII и XVIII вѣка, да по полабскимъ именамъ, встрѣчающимся въ латино-нѣмецкихъ грамотахъ и лѣтописяхъ средневѣковья.

Примѣчаніе. Русскимъ языкомъ,—который дѣлится на три главныхъ нарѣчія: великорусское, малорусское и бѣлорусское,—помимо русскаго населенія Россіи говорятъ въ Австро-Венгріи: въ восточной части Галиціи, въ западной части Буковины и сѣверо-восточномъ углу Венгріи.

Словяне, говорящіе болгарскимъ языкомъ, живутъ въ восточной части Балканскаго полуострова—въ королевствѣ Болгаріи и нѣкоторыхъ вилайетахъ Турціи (адріанопольскомъ, салоникскомъ и битольскомъ); кромѣ того болгарскія поселенія находятся въ Румыніи (въ Добруджѣ), въ Россіи (въ бессарабской, херсонской и таврической губерніяхъ), въ Банатѣ и Семиградской области (Венгрія). Численность ихъ превышаетъ 5 милліоновъ: по исчисленію Флоринскаго 5,440,000, по Нидерле 5,000,000.

Сербскимъ или сербо-хорватскимъ языкомъ говоритъ словянское племя, живущее, главнымъ образомъ, въ западной части Балканскаго полуострова: въ королевствѣ сербскомъ, въ королевствѣ Черногоріи, въ нѣкоторыхъ вилайетахъ Турціи (новобазарскій, призренскій, Косово поле, скадрскій и скопійскій санджакъ), въ областяхъ Босніи и Герцоговинѣ, принадлежащихъ Австро-Венгріи, въ австрійскихъ провинціяхъ Истріи и Далмаціи, въ венгерскихъ провинціяхъ Хорватіи, Славоніи, Срѣмѣ, Бачкѣ, Банатѣ и Приморьи, наконецъ на островахъ Адріатическаго моря: Рабъ, Керкъ (Вслья), Цресъ, Лошинь, Брачъ, Хваръ, Млѣтъ, Корчула и друг. Флоринскій исчисляетъ сербо-хорватъ въ 9,135,000, Нидерле—въ 8,550,000.

Словинцы или словенцы, небольшой словянскій народъ (около $1^1/_2$ милліона) обитаетъ, главнымъ образомъ, въ австрійскихъ провинціяхъ—Крайнѣ, Штиріи и Хорутаніи, отчасти же въ Венгріи (въ саладской, желѣзной и веспримской жупаніяхъ) и Италіи (Резьянская долина).

Чехи или чехо-моравне населяютъ чешское королевство, Моравію и нѣкоторыя части Силезіи и Нижней Австріи; ихъ насчитываютъ 7 слишкомъ

милліоновъ (7,237,200). Къ чешскому языку ближайшимъ образомъ примыкаетъ словацкое нарѣчіе, коимъ говорятъ словяне, живущіе къ востоку отъ чехо-моравъ—въ сѣверной Венгріи и юго-восточной Моравіи (всего, считая и эмигрантовъ, живущихъ въ Америкѣ и Россіи, насчитываютъ 2,671,000).

Сербо-лужичане,—остатокъ когда то обширной вѣтви словянства, нынѣ насчитывающій немногимъ болѣе полутораста тысячъ (157,000) человѣкъ,—живутъ по верхнему теченію р. Шпре, въ предѣлахъ Пруссіи и Саксоніи. Ихъ языкъ складывается изъ двухъ нарѣчій: верхнелужицкаго и нижнелужицкаго.

Языкомъ польскимъ говоритъ словянскій народъ, въ политическомъ отношеніи раздѣленный на три части: одна входитъ въ составъ Россіи (Царство Польское), другая—въ составъ Пруссіи (герцогство Познанское, часть Восточной Пруссіи, а также часть Западной Пруссіи и восточная часть Силезіи до р. Тиссы) и третья въ составъ Австріи (восточная часть Силезіи или т. н. Тѣшинское Княжество и западная часть Галиціи). Численность поляковъ, по вычисленіямъ Флоринскаго, доходитъ до 19—20 слишкомъ милліоновъ, по Нидерле—17,500,000.

Кашубскимъ языкомъ говоритъ небольшой народецъ, живущій на южномъ берегу Балтійскаго моря—въ предѣлахъ Западной Пруссіи и Помераніи. Считая и кашубовъ, живущихъ въ Америкѣ, ихъ исчисляютъ приблизительно въ 365 тысячъ. Кашубы являются потомками словянскаго племени поморянъ, на западъ отъ которыхъ, въ предѣлахъ нынѣшняго Мекленбурга и Голштиніи, въ старину помѣщались ближайше родственныя имъ вѣтви полабскихъ (т. е. живущихъ по Лабѣ-Эльбѣ) словянъ: бодричи и лютичи. Ср. Т. Д. Флоринскаго «Славянское племя», 1907 г., Нидерле, «Обозрѣніе современнаго славянства», 1909 г.

Всѣ эти языки были нѣкогда говорами одного языка, который въ наукѣ принято называть *праславянскимъ*; языкомъ этимъ говорилъ единый въ смыслѣ языковомъ и культурномъ словянскій народъ, жившій, по новѣйшимъ выводамъ науки, на территоріи, ограничиваемой съ сѣвера Припятью, съ запада Вислой, съ юго-запада Карпатами, съ востока приблизительно Днѣпромъ и Десной и съ юга степной полосой, на которой съ незапамятныхъ временъ кочевали народы иранскаго корня.

Примѣчаніе. О прародинѣ словянъ ср. Niederle «Slovanské staro-žitnosti» I, 1902, 3—34 сс. Иначе Rozwadowskій, Sprawozdania Akad. въ Краковѣ 3 т. 2 с.

Расширяясь постепенно въ различныхъ направленіяхъ, встрѣчаясь въ различныхъ мѣстахъ съ различными этническими и культурными вліяніями, словянскій пранародъ распался съ теченіемъ времени на отдѣльные, самостоятельные народы, которые въ настоящее время довольно рѣзко отличаются другъ отъ друга какъ языкомъ, такъ и складомъ политической жизни и культуры.

Былые говоры, развиваясь и измѣняясь на длинномъ протяженіи вѣковъ, постепенно сложились въ самостоятельные языки. Однако старыя отношенія между этими языками,—отношенія говоровъ одного языка,—

не стерлись совершенно, и болѣе тѣсное родство между ними, былое единство, безъ труда можно установить научнымъ путемъ и въ настоящее время. Мало того: перемѣщаясь съ территоріи прародины на новыя мѣста, говоры эти очень долгое время еще находились въ сношеніяхъ другъ съ другомъ,—а сношенія поддерживаютъ единство,—долгое время сохраняли прежнюю картину взаимныхъ отношеній; удивительнымъ образомъ, современныя отношенія между словянскими языками соотвѣтствуютъ тѣмъ отношеніямъ между ними, которыя можно предполагать въ старину въ виду данныхъ историко-географическихъ.

Языки—болгарскій, сербскій и словинскій въ настоящее время обнаруживаютъ взаимную близость въ такой мѣрѣ, которая позволяетъ думать, что говоры: болгарскій, сербскій и словинскій были на словянской прародинѣ ближайшими сосѣдями.

Примѣчаніе. Ср. однообразную вокализацію звуковыхъ сочетаній, соотвѣтствующихъ русскому полногласію (серб. болг. брада, слов. ƀrada=русс. борода), слоговое r, l въ соотвѣтствіи русскому ор, ол (въ словахъ *горло, волкъ* и т. п.), твердые гласные въ положеніи предъ гласнымъ *е* (въ русскомъ смягченные: небо и т. п.); совпаденіе въ законахъ развитія количества между сербскимъ и словинскимъ языками, а съ другой стороны нѣкоторыя сходныя явленія ударенія и количества въ болгарскомъ и словинскомъ.

Русскій языкъ нѣкоторыми своими чертами сближается съ болгарскимъ, иными—съ польскимъ.

Примѣчаніе. Русское сонъ (род. сна) и западноболгарское сон; болгарскій постпозитивный членъ (гостът, главата) и то-же явленіе въ великорусскихъ говорахъ: крикот, избата, маслото и т. п. ср. Изв. 1901, № 3, 139 и сл. Съ польскимъ русскій сближается, напримѣръ, въ смягченіи согласныхъ предъ *е* (пол. nieƀo, но чеш. neƀe), въ судьбѣ праслов. слоговыхъ r, l (русс. горло, пол. gardło, чеш. ƀrdlo, серб. грло), также въ словарномъ отношеніи.

Точно такъ-же чешскій языкъ съ одной стороны образуетъ одну группу западно-словянскихъ языковъ съ лужицкимъ, польскимъ и кашубскимъ (поморскимъ), сближаясь съ ними въ цѣломъ рядѣ пунктовъ.

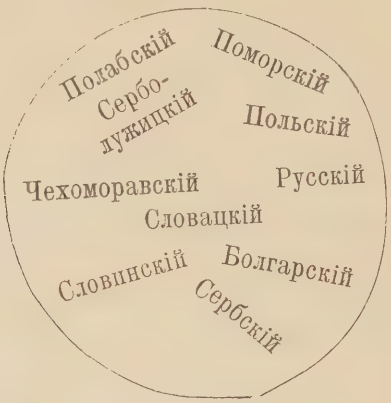
Примѣчаніе. Ср. звуки c, dz (или упрощеніе его z) на мѣстѣ праслов. tj, dj (русское ч, ж: *ночь, межа*), непосредственное смягченіе губныхъ согласныхъ (пол. ziemia, чеш. zeměˇ=русс. земля), kv—gv (русс. цв, зв) и др.

Съ другой стороны, однако, чешскій языкъ въ нѣкоторыхъ чертахъ своей фонетики подаетъ руку южнословянскимъ языкамъ.

Примѣчаніе. Ср. чеш. ƀrada: ср. серб. слов. ƀrada, болг. брада; чеш. твердые согласные предъ e: neƀe; слоговые r, l.

Наконецъ, лужицкія нарѣчія занимаютъ промежуточное положеніе между чешскимъ и польскимъ языкомъ, а кашубскій, близко подходя къ польскому въ большинствѣ характерныхъ чертъ своихъ, нѣкоторыми своими особенностями связанъ съ былымъ полабскимъ языкомъ (каш. karva=пол. krowa, русс. корова).

Если сопоставить эти нынѣшнія соотношенія между словянскими языками съ ихъ географическимъ положеніемъ въ настоящее время и съ ихъ географическимъ положеніемъ въ прошломъ, то можно предполагать, что взаимное положеніе говоровъ словянскаго праязыка на ихъ прародинѣ было слѣдующимъ:



Говоры болгарскій, сербскій и словинскій примыкали къ южной и юго-западной границѣ словянской территоріи, и, соотвѣтственно своему положенію, носители ихъ впослѣдствіи начали движеніе въ юго-западномъ направленіи, просачиваясь постепенно чрезъ ущелья Карпатъ въ подунайскую равнину и затѣмъ на Балканскій полуостровъ; предки чехоморавъ и словаковъ, поляковъ, лужичанъ, кашубовъ и полабянъ двигались въ западномъ и сѣверо-западномъ направленіи; предки русскихъ—на сѣверъ и востокъ. Новыя отношенія—по выселеніи изъ прародины, были, такимъ образомъ, продолженіемъ старыхъ.

Примѣчаніе. Въ IX вѣкѣ южно-словянскія племена (болгарскія, сербскія и словинскія) занимали почти весь Балканскій полуостровъ, за исключеніемъ небольшихъ полосъ, принадлежавшихъ грекамъ и албанцамъ, и почти всю подунайскую равнину; на сѣверо-востокѣ, какъ и встарь, они примыкали къ русскимъ племенамъ, на сѣверо-западѣ поселенія словинцевъ доходили до Дуная, на противоположномъ берегу котораго сидѣли представители чехоморавскаго племени; надъ чехоморавами сидѣли лужичане и поляки, еще сѣвернѣе полабцы и поморяне, къ востоку отъ поляковъ русскіе; такимъ образомъ, въ IX вѣкѣ словянская территорія представляла почти сплошь замкнутый кругъ словянскихъ нарѣчій, находившихся въ томъ же отношеніи другъ къ другу, какое мы предполагаемъ для праславянской эпохи. Ср. «Карту разселенія славянъ въ IX вѣкѣ» Кочубинскаго 1885 г. или «Карту разселенія славянъ во второй половинѣ IX вѣка» Флоринскаго 1907 г.

II. Единство словянскихъ языковъ по происхожденію обусловливаетъ единство науки словянскаго языкознанія. Какой бы изъ словянскихъ языковъ мы ни изучали исторически, для полнаго и яснаго пониманія

его историческихъ основъ и его исторической жизни намъ необходимо широкое знакомство съ остальными словянскими языками: только сравнительное изученіе всѣхъ словянскихъ языковъ можетъ рѣшить задачу научной реконструкціи ихъ общаго родоначальника,—прасловянскаго языка, а безъ такой реконструкціи прасловянской системы звуковъ и формъ нельзя освѣтить корней исторической жизни отдѣльныхъ словянскихъ языковъ.

Очень важное значеніе въ такой реконструкціи, въ сравнительномъ изученіи словянскихъ языковъ имѣетъ грамматика древне-церковно-словянскаго языка. Для того, чтобы было ясно это значеніе, нужно прежде всего выяснить самый терминъ—«древне-церковно-словянскій языкъ», а для этого необходимо нѣсколько остановиться на дѣятельности первоучителей словянскихъ Константина и Меѳодія, съ коей неразрывно связано самое возникновеніе этого древне-церковно-словянскаго языка.

Примѣчаніе. Дѣятельность первоучителей освѣщается цѣлымъ рядомъ источниковъ какъ словянскихъ, такъ и греческихъ и латинскихъ. Среди нихъ важнѣйшими являются такъ называемыя паннонскія житія Константина и Меѳодія на словянскомъ языкѣ, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей однако представляющія словянскій переводъ съ греческаго (ср. Вороновъ «Кириллъ и Меѳодій. Главнѣйшіе источники для исторіи свв. Кирилла и Меѳодія». 1877). Составлены эти житія были, повидимому, въ IX или X вѣкѣ. Изданіе ихъ можно найти: житія Константина въ Denkschriften der Kaiserl. Akad. d. Wiss. ph.-hist. Cl. XIX B. 1870. Wien (Дюммлеръ и Миклошичъ); житіе Меѳодія издано Миклошичемъ также въ 1870 г.: Vita Sancti Methodii ed. Fr. Miklosich; другія изданія указаны Лавровымъ въ статьѣ «Свв. Кириллъ и Меѳодій...», въ «Книгѣ для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ» (подъ ред. Виноградова) вып. 2, гдѣ данъ русскій переводъ житій, а также въ предисловіи къ его собственному изданію житія Меѳодія 1898 г. (въ Чтеніяхъ въ И. О. И. и Др. Р. 1899 г.); ср. еще изданіе житій въ книгѣ Пастрнека Dějiny slovanských apoštolů Cyrila a Methoda, 1902, Praha, гдѣ текстъ ихъ данъ въ искусственно-архаизированной формѣ (ср. Ж. М. Н. Пр. 1902 г., № 8, 454 и сл.). Изъ новой литературы житій ср. Вондрака (Vondrák) Studie z oboru cirkevněslovanského písemnictví, Ламанскаго «Славянское житіе св. Кирилла...» въ Ж. М. Н. Пр., 1903, Лаврова «Die neuesten Forschungen...» Arch. XXII, 1905, Голубинскаго въ Изв. XII, 2, 368—80.

Изъ общихъ пособій по кирилломеѳодіевскому вопросу кромѣ отмѣченныхъ выше работъ Воронова и Пастрнека,—изъ старыхъ—Малышевскаго (свв. Кириллъ и Меѳодій, 1885 г.), Голубинскаго (Святые Константинъ и Меѳодій... 1885 г.), Гетца (Goetz) Geschichte der Slawenapostel... 1897, Ягича (Jagić) Zur Entstehungsgeschichte der kirchen-slavischen Sprache, 1900. Denkschriften d. Kais. Ak. d. W. in Wien, ph.-hist. Cl. B. XLVII.

III. Около 863 года къ императору византійскому Михаилу III явилось посольство отъ моравскаго князя Ростислава: по словамъ житія Константина,—съ просьбой прислать ему такихъ учителей, которые бы научили его народъ христіанской вѣрѣ на его родномъ языкѣ; моравane

въ это время не были уже язычниками, но, будучи обращены въ христіанство латино-нѣмецкимъ духовенствомъ, имѣли богослуженіе на латинскомъ языкѣ.

Если мысль дать народу богослуженіе и христіанскую проповѣдь на понятномъ ему языкѣ, организовать національную церковь дѣйствительно принадлежала Ростиславу, то она была не безъ связи съ его желаніемъ уничтожить церковную зависимость Моравіи отъ нѣмецкаго епископа и его политическими планами. Впрочемъ, возможно, что мысль о словянскомъ богослуженіи, вопреки разсказу житія, не принадлежала Ростиславу, и посольство его имѣло цѣлью лишь заключить политическій и церковный союзъ съ Византіей, въ противовѣсъ такому же союзу нѣмцевъ съ Болгаріей. Ср. Златарскій «Извѣстията за българитѣ»... Сб. Н. У. XXIV, 58 и сл.; ср. Изв. XII, 2 кн. 375—6.

Моравская миссія была предложена братьямъ Константину и Меѳодію. Сыновья знатнаго греческаго вельможи, Константинъ и Меѳодій были уроженцы города Солуня, который въ ту эпоху былъ окруженъ словянскими поселеніями; житіе Меѳодія влагаетъ въ уста императора Михаила слѣдующія слова, обращенныя къ братьямъ: «вы оба—солуняне, а солуняне всѣ говорятъ хорошо по словянски» (вꙑ бо ѥста селоунѧнина ·да селоунѧне вьси чисто словѣньскꙑ бесѣдоуютъ: изд. Лаврова).

Руководящая роль въ миссіи принадлежала младшему брату Константину, который, принадлежа къ духовному сословію, въ то же время извѣстенъ былъ въ моментъ прибытія моравскаго посольства своею ученостью.

Предъ отправленіемъ въ Моравію, Константинъ, по свидѣтельству его житія, «съложи писмена», т. е. составилъ словянскую азбуку и началъ переводъ евангелія-апракосъ: начеть бесѣдоу писати ѥвангельскоу· испрьва бѣ слово и т. д.; именно этими словами,—чтеніемъ изъ св. Іоанна I, 1—25, начинается неполное евангеліе, т. е. сборникъ евангельскихъ чтеній, употребляемыхъ на богослуженіи въ воскресные и праздничные дни.

Прибывъ въ Моравію, братья работали здѣсь надъ организаціей моравской церкви болѣе 3 лѣтъ, по сообщенію житія Константина,—40 мѣсяцевъ. Эта работа состояла, конечно, главнымъ образомъ въ словянскомъ переводѣ богослужебныхъ книгъ и въ подготовкѣ учениковъ, которые должны были дать первый кадръ служителей національной церкви—словянскихъ священниковъ и прочихъ лицъ духовнаго званія; для этого имъ приходилось, конечно, обучать словянскому чтенію и письму, равно какъ и церковному пѣнію, пріемамъ богослуженія и, быть можетъ, также иконописи.

Послѣ этой трехлѣтней работы братья должны были въ силу историческихъ обстоятельствъ отправиться въ Римъ: ихъ организаціонная

дѣятельность въ Моравіи была, такъ или иначе, вмѣшательствомъ въ сферу вліянія римской церкви, и по желанію ли папы, или князя, или наконецъ по собственному почину,—имъ приходилось дать отчетъ въ этой дѣятельности римскому престолу.

По дорогѣ въ Римъ Константинъ посѣтилъ словянское княжество Коцела на Блатенскомъ озерѣ, въ исторической Панноніи (между верхнимъ Дунаемъ, Дравой и Муромъ) и организовалъ здѣсь также словянскую церковь: приѥть же и идоущь Коцьль кнезь паноньскыи, и вьзлюбль вельми словѣньскы книгы наоучити се имь вьда до ·н· оученикъ оучити се имь (житіе Константина, XV); по національности подданныхъ Коцела, давшаго Константину 50 (·н·) учениковъ, должно опредѣлить, какъ словинцевъ.

Путешествіе братьевъ въ Римъ, по разсказу житія, было удачно: словянская литургія была признана папой, и ученики Константина были посвящены въ священники, вмѣстѣ съ ними и Меѳодій. Однако Константинъ въ Римѣ заболѣлъ, принялъ монашество подъ именемъ Кирилла и умеръ въ 869 году. Меѳодій же возвратился сперва въ Паннонію: житіе его разсказываетъ, что объ этомъ Коцелъ хлопоталъ у папы; затѣмъ онъ попадаетъ въ руки архіепископа Зальцбургскаго Адалвина и епископа Фрейзингенскаго Германриха, которые заключаютъ его въ тюрьму; отсюда онъ освобождается лишь чрезъ 3 года—въ 873 году по настояніямъ папы и снова является въ Моравію, гдѣ между тѣмъ обстоятельства существенно измѣнились: Ростислава смѣнилъ на моравскомъ престолѣ его племянникъ Святополкъ, не раздѣлявшій симпатій своего предшественника къ словянской церкви. Меѳодію приходится бороться съ нѣмецкимъ духовенствомъ до самой смерти—въ 885 г.

Послѣ смерти Меѳодія его ученики, представители словянской церкви въ Моравіи, изгоняются Святополкомъ, словянская литургія исчезаетъ въ Моравіи и Панноніи и переносится учениками Константина и Меѳодія въ Болгарію; здѣсь переписываются кирилломеѳодіевскіе оригиналы богослужебныхъ книгъ, и въ то же время продолжается литературная—переводческая дѣятельность.

Врядъ ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что занятые довольно сложнымъ дѣломъ организаціи словянской церкви въ Моравіи и Панноніи Константинъ и Меѳодій не могли перевести на словянскій языкъ всего Священнаго Писанія.

Житіе Меѳодія разсказываетъ, что Меѳодій вмѣстѣ съ братомъ перевелъ Евангеліе, Псалтырь, Апостолъ и избьраныѩ слоужьбы цръкъвьныѩ, а самъ онъ съ помощью двухъ священниковъ-борзописцевъ перевелъ въ 6 мѣсяцевъ весь Ветхій Завѣтъ, за исключеніемъ книги Маккавеевъ; послѣднее извѣстіе можно признать вѣроятнымъ развѣ въ томъ смыслѣ,

что ими былъ переведенъ лишь сборникъ ветхозавѣтныхъ чтеній, необходимыхъ для богослуженія, т. е. Паремейникъ; и дѣйствительно, дошедшіе до насъ древніе списки Паремейника, напр. Паремейникъ Григоровича, изданный Брандтомъ, обнаруживаютъ въ общемъ тотъ-же подборъ формъ и словарнаго матеріала, что и древнѣйшіе списки Евангелія и Апостола; но того же самаго нельзя сказать о дошедшемъ до насъ полномъ переводѣ отдѣльныхъ частей Ветхаго Завѣта. (Иначе Лавровъ Изв. VI, кн. 1, 268 и сл.).

Такимъ образомъ, оставался просторъ для переводческой дѣятельности учениковъ словянскихъ первоучителей на новой исторической аренѣ—въ Болгаріи. Эпохой расцвѣта на этой новой аренѣ древнецерковнословянской письменности было царствованіе болгарскаго царя Симеона (893—927 г.), которое называется золотымъ вѣкомъ болгарской литературы.

IV. Краткій историческій очеркъ возникновенія словянской письменности, данный выше, въ извѣстной мѣрѣ уже выяснилъ значеніе термина *древне-церковно-словянскій*. Подъ этимъ терминомъ разумѣется древнѣйшій литературный языкъ словянскаго племени, языкъ перваго словянскаго перевода Священнаго Писанія, совершеннаго Константиномъ и Меѳодіемъ во 2-й половинѣ IX вѣка.

Этотъ языкъ легъ въ основу церковнаго и шире-литературнаго языка не одного словянскаго народа: отъ болгаръ словянскія богослужебныя книги, написанныя этимъ языкомъ, перешли къ сербамъ и русскимъ; сербскіе и русскіе писцы, переписывая древніе церковно-словянскіе оригиналы, вносили въ работу черты своего живого—народнаго языка, и съ теченіемъ времени получился особый церковный языкъ у русскихъ:—русскій типъ церковно-словянскаго языка и особый церковный языкъ у сербовъ:—сербскій типъ церковно-словянскаго языка; точно такъ же и на болгарской почвѣ древній церковно-словянскій языкъ не оставался неизмѣннымъ: болгарскій языкъ переживалъ новыя явленія въ области звуковъ и въ области формъ, и эти измѣненія новыми пластами ложились на древнюю систему звуковъ и формъ языка словянскихъ первоучителей.

Въ отличіе отъ такого церковно-словянскаго языка новаго типа—болгарскаго, сербскаго, русскаго,—предметъ этой книги и называется *древне-церковно-словянскимъ*. Задача ея, задача грамматики древне-церковно-словянскаго языка,—охарактеризовать и освѣтить научно, исторически—литературный языкъ словянъ, какимъ онъ былъ въ первый періодъ своего существованія.

Однако данное разъясненіе предмета не вполнѣ еще его опредѣляетъ. Остается вопросъ о народности древне-церковно-словянскаго язы-

ка, такъ-какъ единый словянскій языкъ въ IX вѣкѣ давно уже не существовалъ, а были на-лицо, каждый со своими особенностями, отдѣльные словянскіе языки: русскій, болгарскій, словинскій, чешскій и т. д.

Всякій литературный языкъ въ извѣстной мѣрѣ искусственъ.

Въ извѣстной степени искусственнымъ можно признать и древнецерковно-словянскій языкъ; если онъ не былъ чехо-моравскимъ, то играя роль органа церковной и литературной жизни, онъ долженъ былъ принять нѣкоторый отпечатокъ мѣстныхъ условій, отпечатокъ окружающей жизни въ формѣ моравскихъ словъ или укоренившейся здѣсь уже раньше церковной терминологіи латино-нѣмецкаго происхожденія.

Тѣмъ не менѣе въ его основѣ, какъ въ основѣ всякаго литературнаго языка, конечно, лежалъ народный языкъ, лежало одно изъ живыхъ словянскихъ нарѣчій второй половины IX вѣка.

Какое же изъ нарѣчій IX вѣка лежало въ основѣ литературнаго языка Константина и Меѳодія, какова народность этого языка?

Въ настоящее время на вопросъ этотъ можетъ быть только одинъ, и вполнѣ увѣренный, отвѣтъ. Однако отвѣтъ этотъ признанъ всѣми лишь въ недавнее сравнительно время, и вопросъ о родинѣ или народности древнецерковно-словянскаго языка имѣетъ за собой длинную и сложную исторію.

Чтобы отвѣтить на него, примемъ прежде всего во вниманіе нѣкоторые историческіе моменты, уже отмѣченные въ приведенномъ выше очеркѣ дѣятельности Константина и Меѳодія.

Какъ мы видѣли выше, Константинъ уже до отправленія въ западнословянскія области началъ переводить Евангеліе на словянскій языкъ; ни съ языкомъ Моравіи, ни съ языкомъ Панноніи онъ не былъ въ это время знакомъ. Очевидно, если вѣрить сообщенію житія, языкъ перевода былъ тѣмъ языкомъ солунскихъ словянъ, который былъ Константину знакомъ съ дѣтства, какъ солунянину. Это былъ языкъ той словянской вѣтви, которая въ настоящее время извѣстна подъ именемъ болгаръ.

Во всякомъ случаѣ языкъ церковно-словянскій не есть языкъ чехоморавскаго племени, такъ какъ его звуковыя и формальныя особенности, насколько онѣ отражаются въ древнѣйшихъ дошедшихъ до насъ памятникахъ, совершенно не совпадаютъ съ особенностями, съ основными чертами чехо-моравскаго языка.

Остается еще одна возможность: что Константинъ и Меѳодій положили въ основу своего литературнаго языка нарѣчіе паннонскихъ словянъ. Однако такое предположеніе исторически невѣроятно: мы видѣли, что первые 3 года своей миссіи солунскіе братья посвятили Моравіи, и только черезъ 40 мѣсяцевъ, когда необходимыя на первыхъ порахъ богослужебныя книги были переведены, по дорогѣ въ Римъ посѣтили Паннонію.

Ясно, что историческія соображенія, если не прибѣгать ни къ какимъ искусственнымъ и необоснованнымъ предположеніямъ, вродѣ того, что княжество Ростислава въ IX вѣкѣ было населено не моравanами, а тѣми же словинцами, что и Паннонія (см. ниже примѣч.),—прямо указываютъ на словянское нарѣчіе окрестностей Солуня, какъ на народную основу церковно-словянскаго языка.

Къ тому же выводу приводятъ изслѣдователя и соображенія чисто языкового характера. Одна изъ самыхъ характерныхъ звуковыхъ чертъ церковно-словянскаго языка, какъ онъ рисуется намъ по древнѣйшимъ памятникамъ, это—сочетанія шт и жд на мѣстѣ прасловянскихъ tj, dj и kt, gt въ положеніи предъ палатальными гласными: ц.-сл. ношть, межда, скѣшта, рождьство; въ русскомъ мы имѣемъ въ такихъ случаяхъ *ч* и *ж*: *ночь, межа, свѣча, рожество* (*рождество*—церковная форма). Эти сочетанія шт, жд въ соотвѣтствіи съ прасл. tj, dj, kt, gt — въ то же время служатъ однимъ изъ характерныхъ признаковъ болгарскаго языка, тогда какъ въ словинскомъ языкѣ на мѣстѣ указанныхъ прасловянскихъ сочетаній находимъ звуки č (ч) и j; въ древнѣйшемъ памятникѣ словинскаго языка,—такъ называемыхъ Фрейзингенскихъ отрывкахъ,—на мѣстѣ прасл. tj находимъ звукъ, выражаемый латинской буквой c или k (напр. uzemogoki=ц.-сл. вьземогжшти).

Другія звуковыя черты церковно-словянскаго языка также вполнѣ совпадаютъ съ діалектическими чертами болгарскаго языка; такъ, буква ѣ, какъ мы увидимъ ниже, въ говорѣ Кирилла и Меѳодія произносилась вѣроятнѣе всего, какъ широкое ä, звукъ близкій на слухъ къ звуку я (я); такое произношеніе ѣ мы находимъ и нынѣ въ нѣкоторыхъ солунскихъ говорахъ, какъ указалъ въ 1896 г. Облакъ.

Примѣчаніе. Такъ произносится ѣ въ говорѣ Сухо: ср. Macedonische Studien Облака, 25 с.

Звукъ dz, слитный согласный, для котораго въ церковно-словянской азбукѣ существуетъ особая буква, отличающая его отъ простого зубного z,—также извѣстенъ до сихъ поръ македонскимъ говорамъ.

Примѣчаніе. Macedonische Studien. 51 с.

Такимъ образомъ, и съ точки зрѣнія языковой вопросъ о родинѣ или, иначе говоря, народности церковно-словянскаго языка можетъ быть рѣшаемъ только въ пользу болгаро-македонскаго нарѣчія.

Примѣчаніе. Вопросъ о родинѣ или народности церковно-словянскаго языка былъ поставленъ въ наукѣ словянской филологіи при ея зарожденіи. Основатель этой науки, Добровскій, отвѣчалъ на него въ сущности такъ же, какъ и мы въ настоящее время, хотя и не могъ обосновать своего отвѣта, какъ твердое научное положеніе. Для Добровскаго церковно-словянскій языкъ былъ

языкъ «несмѣшанный болгаро-сербо-македонскій»;—формула, которая находитъ себѣ объясненіе въ тогдашнемъ состояніи словянской этнографіи: болгаръ и сербовъ еще не различали, и терминъ «сербы» обозначалъ въ то время всѣхъ словянъ къ югу отъ Дуная. Неопредѣленность приведенной формулы Добровскаго искупается его основнымъ соображеніемъ при рѣшеніи даннаго вопроса: основатель славистики указываетъ на то обстоятельство, что Константинъ и Меѳодій были уроженцы полугреческаго—полусловянскаго города Солуня; слѣдовательно, заключаетъ Добровскій, ихъ словянская рѣчь была скорѣе всего языкомъ словянъ, жившихъ вблизи Солуня.

Эта вѣрная точка зрѣнія Добровскаго не нашла однако столь горячихъ послѣдователей и защитниковъ, какъ иная теорія: паннонскаго, т. е. словинскаго, происхожденія церковно-словянскаго языка,—теорія, долгое время едва ли не господствовавшая въ наукѣ благодаря тому, что защитниками ея являлись такіе крупные слависты, какъ Копитаръ и Миклошичъ.

Уже Копитаръ въ обоснованіе этой теоріи ссылался на тотъ историческій фактъ, что Паннонія или княжество Коцела входила въ епархію словянскихъ первоучителей; въ то же время онъ подчеркивалъ присутствіе въ церковно-словянскомъ языкѣ словъ западнаго, латино-нѣмецкаго происхожденія, какъ-то: олтарь, цѣсарь, оцьтъ (лат. acetum), постъ (др.-верхне-нѣм. fasta), попъ (др.-верхне-нѣм. pfaffo).

Эти слова въ составѣ церковно-словянскаго языка были въ глазахъ Копитара яснымъ указаніемъ, что языкъ этотъ принадлежалъ народу, жившему вблизи латино-германскаго міра, находившемуся въ сферѣ его вліянія. Такимъ народомъ могли быть жители Панноніи, но не болгарскіе словяне.

Теорію Копитара развилъ Миклошичъ, присоединивъ къ указаніямъ своего учителя новые аргументы.

Эти аргументы, съ одной стороны, имѣли въ виду доказать невозможность болгаризма церковно-словянскаго языка, а съ другой—возможность его паннонскаго происхожденія. Миклошичъ указывалъ на то, что въ церковно-словянскомъ языкѣ ъ и ь измѣнились въ *о* и *е*: сонъ (изъ сънъ), день (изъ дьнь), тогда какъ въ болгарскомъ находимъ глухой ъ на мѣстѣ стараго ъ и ь: мъглъ (церк.-сл. мьгла), стъ′клън (ср. ц.-сл. стькльникъ, стьклѣнъ), сън (цер.-сл. сънъ, въ памятникахъ также въ формѣ сонъ).

Различіе между церковно-словянскимъ и болгарскимъ Миклошичъ видитъ и въ рефлексахъ прасловянскихъ носовыхъ гласныхъ: въ церковно-словянскомъ они сохранились, какъ носовые гласные (ѫ, ѧ), тогда какъ въ болгарскомъ носовыхъ гласныхъ не находимъ. Наконецъ, въ соотвѣтствіи церковно-словянскимъ звуковымъ сочетаніямъ шт, жд,—указалъ Миклошичъ,—въ македонскихъ говорахъ, къ числу которыхъ относился говоръ солунскихъ братьевъ, находимъ смягченныя к′, ч′, г′, д′.

Въ то же время Миклошичъ приписывалъ языку былого населенія Панноніи и церковно-словянское шт, жд, и носовые, хотя современный словинскій языкъ не имѣетъ первыхъ, а вторые не оставили никакихъ слѣдовъ въ большинствѣ словинскихъ говоровъ. Въ данномъ случаѣ Миклошичъ опирался на языкъ нынѣшняго населенія Панноніи,—мадьярскій (венгерскій), въ которомъ находимъ заимствованныя изъ словянскаго слова со слѣдами былыхъ носовыхъ гласныхъ и сочетаній št, žd (шт, жд): galamb (ц.-сл. голѫбь), rend

(ц.-сл. рѧдъ), pentek (ц.-слов. пѧтъкъ), Pest (произносится, какъ pešt, т. е. Пешт, названіе города; ц.-сл. пешть, русс. *печь*), roszda (произносится, какъ rožda, ц.-сл. рождиѥ, производное отъ розга).

Ко всѣмъ этимъ соображеніямъ Шафарикъ, первоначально бывшій сторонникомъ болгаризма церковно-словянскаго языка, а позже примкнувшій къ Миклошичу, присоединилъ еще одно указаніе: въ древнѣйшихъ памятникахъ церковно-словянскаго языка онъ находилъ цѣлый рядъ такихъ словъ, которыя въ настоящее время встрѣчаются лишь въ языкѣ словинскомъ, въ чешскомъ, да въ нарѣчіи хорватскаго Приморья, жители котораго представляютъ потомковъ паннонскаго населенія, бѣжавшаго сюда послѣ нашествія мадьяръ. Слова эти, на которыя ссылался Шафарикъ, слѣдующія: локва (дождь), отълѣкꙑ (остатокъ), рѣснота (истина), балии (врачъ), натроути (напитать), ашоуть (напрасно), ближика (родственникъ), братръ (братъ), година (часъ), отокъ (островъ), спꙑти (напрасно), крижь (крестъ), къмотръ (кумъ) и др.: изъ нихъ hodina, bratr, kmotr—находимъ и нынѣ въ чешскомъ языкѣ; братръ встрѣчаемъ также въ древнѣйшемъ словинскомъ памятникѣ—Фрейзингенскихъ отрывкахъ; спꙑти—также содержится въ чешскомъ имени Spytihněv; выраженію ашоуть соотвѣтствуетъ др.-чеш. ješutný, локва часто встрѣчается, какъ названіе мѣста и озера, въ Хорватіи и Крайнѣ, отокъ находимъ у словинцевъ и жителей Приморья; рѣснота—въ словинскомъ.

Въ древнѣйшихъ церковно-словянскихъ текстахъ употребляются прилагательныя небесьскъ, земьскъ, а не небесьнъ, земьнъ, и эти образованія помощью суффикса—ьskъ и до сихъ поръ преобладаютъ у словинцевъ, хорватъ и чеховъ (напр. чешск. nebeský, zemský).

Аргументація паннонистовъ была бы неполна и даже теряла бы все свое значеніе, если бы они, помимо всего вышеуказаннаго, не отвѣтили на одинъ, весьма существенный, вопросъ: какъ могли солунскіе братья переводить богослужебныя книги на языкъ словинскаго населенія Панноніи для мораванъ, среди которыхъ они провели первые 3 года слишкомъ своей миссіи?

Это существенное препятствіе для паннонской теоріи должна была устранить гипотеза нѣмецкаго историка Дюммлера, что въ эпоху Кирилла и Меѳодія не только Паннонія, но и противоположный, лѣвый берегъ Дуная былъ занятъ предками словинцевъ, что нынѣшнее населеніе этой мѣстности, чехо-моравское, пришло сюда позже.

Эту гипотезу Миклошичъ стремился поддержать слѣдующими указаніями: въ латинскихъ источникахъ X вѣка встрѣчается имя моравскаго князя Zuentibaldus, первая часть котораго (словянское svętъ—свѧтъ) указываетъ на сохраненіе въ ту эпоху въ языкѣ моравскихъ словянъ носовыхъ, тогда какъ въ чехо-моравскомъ носовыхъ не находимъ (svatý=svętъ). Отсюда выводъ: въ Моравіи въ X в. жили не чехо-мораване. Второй аргументъ: словаки, живущіе къ востоку отъ мораванъ въ сѣверной Венгріи, и нынѣ называютъ свою страну Slovensko, а свой языкъ—slovenský.

Таковы доказательства, приводившіяся паннонистами въ пользу своей теоріи. Историческая гипотеза Дюммлера, мадьярскія заимствованныя слова, да невѣрныя ссылки на болгарскій языкъ были главными основаніями паннонской теоріи.

По мѣрѣ того, какъ подвигалось впередъ изученіе болгарскаго языка, теорія эта теряла подъ собой твердую почву, причемъ особыя заслуги въ дѣлѣ этого изученія принадлежатъ Облаку, родомъ словинцу, какъ и Копитаръ и Миклошичъ. Послѣ появленія его изслѣдованія о македонскихъ говорахъ (Macedonische Studien 1896 г.) кредитъ паннонской теоріи былъ окончательно подорванъ.

Начать съ того, что историческая гипотеза Дюммлера не имѣетъ за собой ни одного серьезнаго основанія: если чешскій языкъ въ настоящее время не имѣетъ носовыхъ гласныхъ, то ихъ не имѣетъ въ большинствѣ своихъ говоровъ и словинскій; уже въ древнѣйшемъ памятникѣ словинскаго языка находимъ: zodni=гѫдьнзи, ze=гѧ, zueti=гѣатзи и т. п.; и въ древнѣйшую эпоху—въ IX—X вв. чешскій языкъ въ такой же мѣрѣ могъ знать носовые гласные, въ какой и словинскій. Что касается имени slověnsko у словаковъ, то это—фактъ повторенія въ различныхъ уголкахъ словянскаго міра общаго имени словянъ, ровно ничего не говорящій; иного пониманія этого факта и быть не можетъ, такъ-какъ языкъ словаковъ вообще не обнаруживаетъ близости къ словинскому языку, а представляетъ скорѣе переходъ отъ чехо-моравскаго къ малорусскому и польскому.

Подобно исторической гипотезѣ Дюммлера и всѣ остальныя основанія паннонской теоріи оказываются въ настоящее время несостоятельными.

Мнимыя различія между церковно-словянскимъ и болгарскимъ языками, указанныя Миклошичемъ, въ дѣйствительности не существуютъ: западно-болгарскіе говоры имѣютъ такой же переходъ ѫ въ *о* (*сон*) и ѣ въ *е* (*ден*), какъ и церковно-словянскіе памятники; въ восточно-болгарскихъ говорахъ слѣды стараго различія между ѫ и ѣ также сохранились: *сън* и *ден*; между тѣмъ въ словинскомъ всюду ѫ и ѣ совпали въ одномъ звукѣ *е* и *а*, съ различіемъ по говорамъ: san и dan или же sen и den. Слѣды того, что македонскіе говоры, какъ и нѣкоторые восточно-болгарскіе, имѣли въ древности носовые, сохранились и до сихъ поръ: Облакъ отмѣчаетъ въ македонскомъ говорѣ Сухо слоговые m, n на мѣстѣ церковно-словянскихъ носовыхъ: zm̥p (зѫбѣ), gm̥ba (гѫба), grn̥d´a (грѫдь), gn̥ka (ръка) и т. п.; въ говорахъ, расположенныхъ на сѣверъ отъ Солуня: zъmba (зѫбѣ). Macedonische Studien 19, 21 с.с. Наконецъ, тѣ же македонскіе говоры имѣютъ шт и жд на мѣстѣ церковно-словянскихъ шт и жд ib. 123, 124, 125 с.с.

Въ то же время ссылки паннонистовъ 1) на церковно-словянскую терминологію латино-нѣмецкаго происхожденія, 2) на церковно-словянскія слова, параллели которымъ находятся въ словинскомъ, чешскомъ и хорватскомъ, и 3) на мадьярскія слова, заимствованныя изъ словянскаго, съ группами št (шт) и žd (жд) и слѣдами носовыхъ,—также ничего не доказываютъ.

Церковно-словянскій языкъ—есть языкъ литературный и потому въ извѣстномъ смыслѣ искусственный; никто не станетъ спорить съ тѣмъ, что нашъ русскій литературный языкъ въ своей основѣ есть нарѣчіе великорусское, а не малорусское и не бѣлорусское; однако въ немъ можно найти и слова малорусскаго происхожденія, можно найти и слова латинскія, французскія, нѣмецкія. Наличность въ церковно-словянскомъ языкѣ западной церковной терминологіи вполнѣ понятна: солунскіе братья, прибывъ въ Моравію, нашли здѣсь населеніе, уже привыкшее къ извѣстной церковной терминологіи, къ словамъ олтарь, отьць, попъ и т. п.; эта терминологія, естественно, вошла и въ

церковный словянскій языкъ, словянскій переводъ Писанія, законченный въ Моравіи. Точно такъ же понятно проникновеніе въ этотъ языкъ отдѣльныхъ выраженій западно-словянскаго характера; народная основа церковно-словянскаго языка, особенно звуковая, тѣмъ не менѣе остается болгарской.

Къ этому можно присоединить еще одно замѣчаніе: въ нѣкоторыхъ случаяхъ слова, принимаемыя за исключительно свойственныя словинскому, хорватскому или чешскому языку, могли быть извѣстны и болгарскимъ говорамъ: такъ, слово гокачии (поваръ), которое раньше считали «паннонизмомъ», встрѣчается въ юго-западныхъ болгарскихъ говорахъ, ср. Цоневъ, Сборникъ Н. У. XVIII, 359 с.

Мадьярскія слова, заимствованныя изъ словянскаго, со слѣдами носовыхъ и сочетаніями št, žd, конечно—фактъ безспорный: но чѣмъ можно доказать, что слова эти заимствованы мадьярами именно изъ словинскаго? и если словинскому языку были свойственны въ древности сочетанія št, žd изъ праславянскихъ tj, dj, то какъ объяснить ихъ измѣненіе въ современные словинскіе č и j? Историческіе источники передаютъ, что передъ самымъ пришествіемъ мадьяръ территоріей между Дунаемъ и Тиссой владѣли болгаре; очевидно мадьяре заимствовали слова съ št, žd еще раньше прибытія своего въ Панноніо именно отъ болгаръ: ядро мадьярскаго народа первоначально находилось именно между Дунаемъ и Тиссой; соприкосновеніе мадьяръ съ болгарскими словянами предъ приходомъ въ Панноніо не подлежитъ, такимъ образомъ, ни малѣйшему сомнѣнію. Ср. Ягичъ, Zur Entstehungsgeschichte, 35 с.

Нелишне отмѣтить, что при обычномъ št въ мадьярскихъ заимствованныхъ словахъ, въ которыхъ отразилось праславянское сочетаніе tj, есть случаи, когда вмѣсто št имѣется č (ч): lencse=ц.-сл. лѧшта (чечевица), szerencse=ц.-сл. сѣрѧшта. Такую двойственность въ передачѣ словянскаго tj : št и č нѣкоторые изслѣдователи были склонны понимать въ томъ смыслѣ, что заимствованія съ št на мѣстѣ праславянскаго tj—получены мадьярскимъ языкомъ отъ словянъ болгарскихъ, заимствованія же съ č—позже отъ словинцевъ Панноніи: Ягичъ, Облакъ, Вондракъ. Однако эта точка зрѣнія на мадьярское lencse, szerencse, подвергнутая подробному критическому разсмотрѣнію мадьярскимъ славистомъ Ашботомъ, должна быть отвергнута: какъ объясняетъ Ашботъ, эти слова съ č—результатъ простого звукового измѣненія на мадьярской почвѣ: сѣрѧшта дало szerenste, т. е. serenšte, и затѣмъ въ силу перестановки согласныхъ szerentse, т. е. serentše или по современному правописанію szerencse (cs=č); такъ же lenste дало lentše (или lencse).

Причину звукоизмѣненія Ашботъ видитъ въ положеніи št послѣ согласнаго: «st (т. е. št, шт) послѣ согласныхъ и въ началѣ слога было трудно произносимо для органовъ венгерскаго языка». Изв. VII т. (1902) 4 кн. 249 и сл.

Нами разсмотрѣны всѣ болѣе или менѣе существенныя указанія теоріи паннонизма. Въ результатѣ всего, что выше сказано по вопросу о народности церковно-словянскаго языка, можно твердо установить положеніе о его болгаро-македонскомъ происхожденіи.

Въ послѣднее время сдѣлано еще одно указаніе, подтверждающее болгаро-македонскую теорію,—Фасмеромъ: нѣкоторыя церковно-словянскія слова греческаго происхожденія являются въ памятникахъ въ такой формѣ, которая свидѣтельствуетъ не о книжномъ ихъ проникновеніи въ церковно-словянскій языкъ, а о непосредственномъ переходѣ изъ устъ народа; такъ, ц.-сл. сѫбота

съ носовымъ соотвѣтствуетъ не греческому литературному σάββατον (лат. sabbata, нѣм. Sabbat, ср. польск. sobota), а народному σάμβατον греческихъ говоровъ и современному македонскому *сѫмбота*, ц.-сл. крѣкато соотвѣтствуетъ не литературному κράββατος, а народному греческому κρέββατα (ср. серб. крѐвет, по русски кровать); ц.-слов. ПАРАСКЕВГНІА, ЛЕВГНІА, ЛЕВГНТѢ соотвѣтствуетъ не литературному παρασκευή, λευείτες, а народнымъ греческимъ παρασκευγή, λευγίτης, ср. Изв. XI (1906) 2 кн, 388 с.

Ср. по вопросу о народности древне-церковно-словянскаго языка Jagić, Zur Entstehungsgeschichte.... и обширный рефератъ объ этой книгѣ Лаврова Изв. 1901 г. № 1, 242—324 с.с.

V. Итакъ, древне-церковно-словянскій языкъ есть литературный языкъ, въ основѣ котораго лежитъ живое народное нарѣчіе македонскихъ словянъ второй половины IX столѣтія.

Его значеніе въ наукѣ словянскаго языкознанія опредѣляется его давностью: ни одинъ изъ словянскихъ языковъ, ни одно изъ словянскихъ нарѣчій не было фиксировано письменностью столь рано; такъ, черты русскаго народнаго языка отражаются письменностью впервые со 2-й половины XI вѣка, притомъ отражаются робко—въ памятникахъ, представляющихъ копію съ церковно-словянскихъ текстовъ; сербскихъ памятниковъ—нѣтъ древнѣе XII вѣка, чешскихъ—нѣтъ древнѣе XIII, польскихъ—древнѣе XIV ст. Очень важно знать, какой видъ имѣла система звуковъ и формъ хотя бы одного словянскаго нарѣчія въ эпоху, болѣе раннюю: по аналогіи можно судить и о болѣе древней стадіи въ развитіи русскаго и другихъ словянскихъ языковъ; легче составить себѣ приблизительное представленіе и о системѣ звуковъ и формъ прасловянскаго языка, имѣя подъ руками факты, относящіеся къ эпохѣ IX—X вѣковъ, чѣмъ по матеріаламъ XI, XII и послѣдующихъ вѣковъ. Должно оговориться: кирилломееодіевскихъ оригиналовъ мы не имѣемъ,—они не дошли до насъ; древнѣйшіе памятники церковно-словянскаго языка, которые имѣются,—XI вѣка, самое раннее конца X вѣка; тѣмъ не менѣе и эти памятники, какъ копіи съ болѣе раннихъ церковно-словянскихъ оригиналовъ, сохранили въ себѣ черты болѣе ранняго времени и позволяютъ, хотя бы отчасти, строить предположенія относительно говора, легшаго въ основу литературной работы солунскихъ братьевъ.

VI. Древнѣйшіе памятники церковно-словянской письменности, дошедшіе до насъ и являющіеся источниками для построенія грамматики древне-церковно-словянскаго языка, представляютъ оригинальное явленіе въ томъ отношеніи, что они писаны не одной, а двумя азбуками.

Одна изъ нихъ, такъ называемая кириллица, состоитъ изъ буквъ, лежащихъ въ основѣ современнаго русскаго, сербскаго и болгарскаго шрифтовъ; другая, такъ называемая глаголица (терминъ довольно позд-

няго происхожденія), представляетъ иныя, болѣе вычурныя и на первый взглядъ неясныя по своему происхожденію начертанія.

Знаки той и другой азбуки находятся въ слѣдующемъ другъ къ другу соотвѣтствіи:

Глаголица:	Кириллица:	Глаголица:	Кириллица:	Глаголица:	Кириллица:
	а		м		ч
	б		н		ш
	в		о		ъ
	г		п		ь
	д		р		ы
	е, ѥ		с		ѣ, ꙗ
	ж		т		ю
	ѕ		оу		ѧ
	з		ф		ѫ
	і, ї		х		ѭ
	и		ѡ		ѩ
			ѿ		ѯ
	к		ѡ		ѳ
	л		ш		ѵ
			ц		ѵ

Какъ видимъ, оба алфавита не совпадаютъ другъ съ другомъ вполнѣ: въ кириллицѣ есть особый знакъ для *е* нейотованнаго и особый—для *е* йотованнаго: ѥ и ѥ; въ глаголицѣ тому и другому знаку соотвѣтствуетъ одно ; кирилловскимъ двумъ знакамъ, обозначающимъ различные по происхожденію звуки,—ѣ и ꙗ,—соотвѣтствуетъ въ глаголицѣ одинъ знакъ—; кирилловскимъ двумъ знакамъ для одного звука, и и і,—въ глаголицѣ соотвѣтствуетъ 3 варіанта: , , ; въ глаголицѣ есть особый знакъ , который обозначаетъ звукъ, соотвѣтствующій въ за-

имствованныхъ словахъ греческому мягкому г (напр. греч. *ἄγγελος*— слов. ангелъ).

При наличности этихъ различій замѣчаются однако и сходныя черты между той и другой азбукой: звукъ у (латинская буква—u) и въ глаголицѣ, какъ въ кириллицѣ, передается знакомъ, который, повидимому, представляетъ двойное начертаніе; первая часть этого начертанія, несомнѣнно,— Ⱁ, т. е. О; знакъ для глухого шипящаго *ш*—въ обѣихъ азбукакъ одинъ—ш; знаки: щ въ кириллицѣ и соотвѣтствующій Ш въ глаголицѣ очень сходны и даже тождественны по композиціи; кирилловское щ представляетъ слитное ш/т; глаголическое—слитное Ш/Ш, съ упрощеніемъ нижней части; глаголическое *ы* представляетъ двойное начертаніе, состоящее изъ тѣхъ же частей, что и кирилловское (ъ и и или і).

Точно такъ-же можно указать на нѣкоторыя сходныя черты между глаголическимъ и кирилловскимъ письмомъ въ отношеніи надстрочныхъ знаковъ, напр. титлъ, т. е. знаковъ, обозначающихъ сокращеніе слова и имѣющихъ форму ⌐ ¬ ⌐ ⌐.

Отмѣченныя черты сходства между двумя словянскими алфавитами указываютъ на несомнѣнную историческую связь между ними, и вопросъ можетъ сводиться лишь къ тому, какого именно характера эта связь.

VII. Вопросъ объ условіяхъ появленія въ церковно-словянской письменности двухъ азбукъ, объ ихъ сравнительной древности и ихъ составителяхъ, равно—какъ и вопросъ объ источникахъ той изъ нихъ, которая называется глаголицей, долгое время былъ столь же крупнымъ и въ то-же время спорнымъ вопросомъ словянской филологіи,—сколько вопросъ о народности церковно-словянскаго языка. Въ настоящее время вопросъ этотъ рѣшается большинствомъ изслѣдователей въ томъ смыслѣ, что такъ-называемая глаголическая азбука древнѣе по своему происхожденію, чѣмъ кириллица, и что въ основѣ ея лежатъ знаки старой греческой скорописи. Какъ болѣе древняя, азбука эта имѣетъ болѣе правъ считаться первоначальнымъ орудіемъ кирилло-меѳодіевской письменности.

Бо́льшая древность глаголическаго письма явствуетъ уже изъ того, что ея система обозначенія звуковъ древне-церковно-словянскаго языка менѣе точна, менѣе совершенна, чѣмъ система кириллицы; въ ней нѣтъ еще особыхъ знаковъ для йотованныхъ гласныхъ je (кирилловское ѥ) и ja (кирилловское ꙗ); первый обозначается нейотованнымъ є, второй—знакомъ ѧ=ѣ.

Вполнѣ правдоподобно предположеніе Ягича, что первоначальная глаголическая графика, въ параллель одному Э = є и ѥ, имѣла одинъ знакъ для носового е: ЭЄ, все равно, было ли то ѧ или ѩ; ср. «Маріин-

ское Четвероевангеліе» 437 с. Знакъ же Є въ роли ѧ, т. е. *е* носового нейотованнаго явился позже; сперва онъ былъ лишь обозначеніемъ носового характера гласнаго: ЭЄ обозначало носовое о, а ЭЄ—носовое е.

Далѣе, неоспоримымъ является тотъ фактъ, что древнѣйшіе *по языку* памятники древне-церковно-словянской письменности—суть памятники глаголическіе: языкъ Кіевскаго Миссала, языкъ Зографскаго Евангелія, несомнѣнно, древнѣе языка Саввиной книги или Супрасльской рукописи (ср. ниже).

Въ недавнее время открыта надпись кирилловская 993 года (см. ниже), но эта надпись не опровергаетъ только-что установленнаго положенія, имѣющаго притомъ отношеніе къ памятникамъ словянской литургической письменности. Если бы мы уравняли по палеографическимъ даннымъ старѣйшіе кирилловскіе памятники литургическаго характера съ надписью 993 года по древности, то Кіевскій Миссалъ и Зографское Евангеліе, памятники глаголическіе,—мы должны были бы по даннымъ языковымъ отодвинуть еще глубже въ древность на нѣсколько десятковъ лѣтъ. Впрочемъ, въ этомъ нѣтъ надобности: возможно, что кирилловское письмо впервые входило въ житейскій обиходъ, тогда какъ въ церковной письменности еще господствовала глаголица; поэтому столь ранній памятникъ кирилловскаго письма, какъ надпись 993 года, нисколько не подрываетъ положенія о большей древности глаголическаго алфавита.

Съ другой стороны, въ настоящее время врядъ-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что основа глаголической азбуки—греческая, т. е. въ этомъ отношеніи глаголица подтверждаетъ тотъ-же историко-культурный принципъ, что̀ и такъ-называемая кириллица: алфавиты заимствуются извѣстнымъ народомъ у другого, и именно у того, подъ общимъ культурнымъ вліяніемъ котораго онъ находится.

Мысль о греческой основѣ глаголицы очень стара: еще въ 1777 г. одинъ изъ піонеровъ славистики, Дурихъ, старался вывести фигуру глаголическаго н изъ греческаго *ν*.

Въ 1788 г. Лингартъ далъ первую таблицу, въ которой глаголица сопоставлялась съ греческимъ алфавитомъ.

Примѣчаніе. Дурихъ въ соч. «De slavo-bohemica sacri codicis versione». Лингартъ въ соч. «Versuch einer Geschichte von Krain», 347—357: указывая на сосѣдство южныхъ словянъ съ болѣе культурными греками, Лингартъ приписываетъ имъ заимствованіе греческаго алфавита, съ нѣкоторыми измѣненіями въ характерѣ буквъ («auf Hieroglyphen gewohnt, verzierten sie das Einfache der griechischen Züge auf eine geschmacklose Art, dass es schwer wurde, das Original an den sonderbaren Figuren zu erkennen»); Лингартъ сопоставлялъ глаголическое ε съ греч. ε; глагол. ѕ съ греч. ζ; глагол. ı (ᛘ) съ греч. η;

глаг. ⰊⰊ съ греч. κ; глаг. ⰋⰋ съ греч. λ; глаг. ⰌⰌ съ греч. μ; глаг. ⰍⰍ съ греч ν; глагол. ⰎⰎ съ греч. ο; глагол. ⰏⰏ съ греч. π; глагол. ⰐⰐ съ греч. ρ; глагол. ⰑⰑ съ греч. σ; глагол. ⰒⰒ съ греч. τ; глагол. ⰓⰓ съ греч. ου; глагол. ⰔⰔ съ гречес. φ; глагол. ⰕⰕ съ греч. χ; глагол. ⰖⰖ съ греч. ω.

Мысль Лингарта частично,—по отношенію къ отдѣльнымъ глаголическимъ буквамъ,—повторяется и позже,—у славистовъ Шафарика, Миклошича, Григоровича, у палеографа Ваттенбаха, но первая печатная попытка объяснить весь глаголическій алфавитъ изъ греческаго курсивнаго письма принадлежитъ Тэйлору и относится къ 1880 году.

Примѣчаніе. Taylor, Ueber den Ursprung des glagolitischen Alphabets, Arch. V. 191 c.

Дальнѣйшая разработка теоріи греческаго происхожденія глаголицы принадлежитъ Ягичу, который, соглашаясь вполнѣ съ Тэйлоромъ въ основной точкѣ зрѣнія на глаголическій алфавитъ и отвергая наличность въ глаголицѣ какихъ бы то ни было другихъ — негреческихъ элементовъ, вноситъ въ теорію Тэйлора рядъ поправокъ.

Примѣчаніе. Ягичъ, «Четыре критико-палеографическія статьи» 1884 г., статья 4. Сборникъ Отд. р. яз. и слов. И. А. Н. XXXIII. Ср. также новѣйшій очеркъ глаголической палеографіи—Ягича въ 3 вып. «Энциклопедіи славянской филологіи», изд. отд. р. яз. и слов. И. А. Н.

И Тэйлоръ, и Ягичъ сопоставляютъ глаголическія буквы со знаками греческой *скорописи*, тогда какъ такъ называемая кириллица основана на греческомъ уставномъ письмѣ.

Отношеніе глаголическихъ и греческихъ курсивныхъ буквъ наглядно представлено въ особой таблицѣ у Ягича, въ только-что указанныхъ работахъ.

Какъ азбука болѣе древняя, чѣмъ кириллица, и такъ-же, какъ послѣдняя, греческаго происхожденія, глаголица, естественно, можетъ быть усвоена Константину (Кириллу).

Было бы непонятно появленіе глаголицы въ Болгаріи, если предположить, что начало словянской письменности, положенное Константиномъ, было связано съ такъ-называемой кириллицей. Наоборотъ, вполнѣ естественно было вытѣсненіе вычурнаго и труднаго глаголическаго алфавита болѣе простой и удобной «кириллицей». Къ этому соображенію, прежде всего приходящему на мысль, можно присоединить и иныя. Древнѣйшій памятникъ церковно-словянскаго языка, Кіевскій Миссалъ,—писанъ глаголицей; представляя текстъ словянской обѣдни по западному, римско-католическому обряду, онъ во всякомъ случаѣ относится къ западно-словянскимъ областямъ, къ которымъ первоначально была пріурочена дѣятельность Первоучителей; слѣдовательно, онъ свидѣтельствуетъ, что въ этихъ областяхъ въ древнѣйшую эпоху органомъ письменности была

глаголица, а не кириллица. Церковно-словянская письменность была перенесена изъ Моравіи также къ хорватамъ, и къ нимъ была принесена именно глаголическая письменность, а не кирилловская, какъ свидѣтельствуютъ ихъ богослужебныя книги, напечатанныя глаголическимъ шрифтомъ и употребляющіяся и до сихъ поръ.

Примѣчаніе. Вопросъ о словянскихъ азбукахъ, подобно вопросу о народности церковно-словянскаго языка, ведетъ свое начало отъ первыхъ дней существованія славистики. Основатель ея, Добровскій, считалъ глаголицу очень позднимъ явленіемъ,—приблизительно XIV вѣка,—и относилъ возникновеніе ея къ Хорватіи: кирилловское письмо, какъ носившее ясный отпечатокъ Византіи, подвергалось гоненіямъ со стороны Рима; стремясь сохранить богослужебныя книги на родномъ языкѣ, хорваты придумали глаголицу. Такой взглядъ на глаголицу господствовалъ до 1836 года и вполнѣ соотвѣтствовалъ тогдашнимъ научнымъ даннымъ: глаголическія рукописи древнѣе XIV вѣка и нехорватскія не были извѣстны. Раннимъ защитникамъ глаголицы, т. е. ея древности, какъ Добнеру, приходилось оперировать въ своей аргументаціи апріорными соображеніями о грубости глаголическихъ начертаній, объ ихъ оригинальности, которая болѣе соотвѣтствуетъ древнимъ свидѣтельствамъ о *новыхъ* письменахъ, изобрѣтенныхъ Константиномъ.

Въ 1836 году впервые дана была реальная основа для мысли о высокой древности глаголицы открытіемъ и изданіемъ глаголической рукописи, извѣстной подъ именемъ Glagolita Clozianus (ср. ниже, въ главѣ объ источникахъ церк.-слов. грамматики).

Этотъ памятникъ, представлявшій глаголическое письмо болѣе округлой формы, нежели хорватское, своимъ языкомъ не оставлялъ сомнѣній въ извѣстности глаголицы *болгарамъ*, и притомъ въ очень древнюю эпоху. На основаніи показаній этого памятника издатель его, Копитаръ, выставилъ гипотезу бо́льшей древности глаголицы сравнительно съ «кириллицей», считая первую изобрѣтеніемъ Константина (Кирилла). Конечно, выводъ этотъ въ 1836 году не покрывался фактами. Но послѣдующія научныя открытія все болѣе и болѣе утверждали мысль Копитара. Въ 40-хъ годахъ русскій славистъ, В. И. Григоровичъ, вывезъ изъ своего путешествія на Аѳонъ и Балканскій полуостровъ цѣлый рядъ данныхъ по глаголическому вопросу; имъ были открыты: глаголическое четвероевангеліе Зографское, глаголическое евангеліе Маріинское, греческое житіе св. Климента, въ которомъ сообщалось, что св. Климентъ изобрѣлъ новую, «болѣе ясную» азбуку; кирилловскій памятникъ XIII вѣка (по Григоровичу XII)—такъ называемый Боянскій палимпсестъ, въ которомъ нѣкоторыя страницы писаны кириллицей поверхъ стертаго глаголическаго письма, и кирилловскій (Охридскій) апостолъ XII вѣка, въ которомъ отдѣльныя строки и отрывки писаны глаголицей.

Эти открытія подготовили новую точку зрѣнія на вопросъ о взаимномъ отношеніи глаголицы и кириллицы.

Въ 1855 году были открыты Пражскіе глаголическіе отрывки, съ чешскими чертами въ языкѣ, и этотъ памятникъ, древность котораго первоначально переоцѣнили, заставилъ Шафарика, когда-то примыкавшаго къ Добровскому во взглядѣ на глаголицу (Славянскія Древности 1826 г.), пересмотрѣть вопросъ. Результатомъ этого пересмотра были двѣ статьи Шафарика 1858 года—«Ueber

d. Ursprung und die Heimath des Glagolitismus», въ которыхъ знаменитый славистъ выставилъ 3 положенія: 1) глаголица древнѣе кириллицы; 2) она есть изобрѣтеніе Константина; 3) такъ называемая кириллица есть изобрѣтеніе Климента, ученика Первоучителей. Первое положеніе основывалось на бо́льшей древности языка (формъ, лексики «паннонскаго» характера) глаголическихъ памятниковъ сравнительно съ кирилловскими, а также на существованіи глаголическихъ палимпсестовъ (Боянское Еванг.), доказывающихъ, что глаголица уже отжила свое, когда входила въ употребленіе кириллица. Изъ большей древности глаголицы сравнительно съ кириллицей Шафарикъ дѣлалъ заключеніе объ ея принадлежности Кириллу, указывая также на то, что древнѣйшіе остатки словянскаго письма у сѣверо-западныхъ словянъ, въ средѣ которыхъ работали свв. братья,—именно глаголическіе: Пражскіе отрывки. Указывалъ онъ и на неестественность замѣны ясной и простой кириллицы вычурной глаголицей. Конечно, изъ этихъ 3 положеній Шафарика наиболѣе слабымъ было 3-е: оно основано было на показаніи довольно поздняго греческаго житія Климента объ изобрѣтеніи имъ «болѣе ясныхъ письменъ».

Но и первыя два положенія Шафарика встрѣчали затрудненія. Первое изъ нихъ заключалось въ ссылкѣ на имя кириллицы: это имя какъ будто бы опредѣляетъ ея происхожденіе. Это затрудненіе Шафарикъ устранялъ указаніемъ на возможность смѣшенія потомствомъ названій обѣихъ словянскихъ азбукъ; Шафарику удалось даже найти фактическое подтвержденіе такому допущенію: до насъ дошелъ поздній списокъ Пророковъ, представляющій копію текста, писаннаго въ Новгородѣ въ 1047 году; писецъ дошедшаго до насъ списка точно копируетъ запись своего оригинала 1047 г., въ которой писецъ попъ Упырь Лихой отмѣчаетъ, что писалъ «**книгы сиѧ ис-коуриловицѣ**». Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ дошедшемъ до насъ спискѣ встрѣчаются еще глаголическія слова и буквы, каковое обстоятельство и приводитъ къ мысли, что подъ «куриловицей» въ XI вѣкѣ разумѣлась именно глаголица; особая отмѣтка «**ис-коуриловицѣ**» врядъ ли имѣла бы даже смыслъ, если бы писецъ переписывалъ съ оригинала кирилловскаго: кирилловскіе оригиналы были обычны; (иначе арх. Леонидъ въ Р. Ф. В. XXV, 135 с.).

Второе затрудненіе, которое встрѣчало положеніе Шафарика о связи глаголицы съ дѣятельностью солунскихъ братьевъ, было болѣе существеннымъ: оно заключалось въ свидѣтельствѣ черноризца Храбра, жившаго въ X вѣкѣ, о томъ, что св. Кириллъ изобрѣлъ **тридесѧть и осьмь писмена оба оубо по чиноу грьчьскыхъ писменъ· оба же по словѣнстѣи рѣчи.** Слова—**оба оубо по чиноу грьчьскихъ писменъ** вполнѣ подходятъ, по мнѣнію сторонниковъ кириллицы,—къ этой послѣдней, но не подходятъ къ глаголицѣ. Это затрудненіе Шафарикъ устранялъ извѣстнымъ толкованіемъ словъ **по чиноу грьчьскыхъ писменъ,** которымъ онъ придавалъ смыслъ: «по сходству словянскихъ звуковъ съ греческими». Но если бы съ этимъ пониманіемъ словъ Храбра и не соглашались, если бы слова эти дѣйствительно содержали въ себѣ указаніе на греческій источникъ словянской азбуки, то они потеряли свое значеніе возраженія послѣ появленія теоріи Тэйлора, устанавливавшей для глаголицы ту же греческую основу, что и для кириллицы. Тэорія эта не можетъ не считаться единственно основательной при объясненіи происхожденія глаголицы, такъ-какъ она базируетъ на единственно вѣрномъ принципѣ научной палеографіи: алфавиты, обыкновенно, не изобрѣтаются, а вырабатываются народ-

нымъ употребленіемъ и представляютъ, обычно, культурное заимствованіе со стороны одного народа у другого. Упомянутый выше болгарскій писатель Хв., Храбръ, сообщаетъ, что до выступленія Константина (Кирилла) въ качествѣ просвѣтителя словянъ, эти послѣдніе перебивались греческими и латинскими буквами: **прежде оубѡ словѣне не имѣахѫ книгъ. нѫ чрътами и рѣзами чьтѣхѫ и гатаахѫ погани сѫще. кръстивше же сѧ, римьскыми и грьчьскыми письмены нѫждаахѫ сѧ словѣньскы рѣчь безь оустроениа.** Это сообщеніе въ высшей степени правдоподобно; тѣ словяне, которые находились въ сферѣ вліянія Византіи, пользовались для своихъ житейскихъ нуждъ знаками греческой скорописи. Конечно, употребленіе этихъ знаковъ не было систематическимъ и устойчивымъ. Роль Константина состояла отнюдь не въ изобрѣтеніи новаго алфавита, а въ приспособленіи уже употреблявшагося у словянъ греческаго курсивнаго письма къ нуждамъ церковной письменности. Ему принадлежала при этомъ заслуга установленія опредѣленныхъ пріемовъ обозначенія специфически-словянскихъ звуковъ, введеніе устойчивости тамъ, гдѣ до него были колебанія. Весьма вѣроятно, что стиль скорописныхъ знаковъ, употреблявшихся въ общежитіи у словянъ, былъ при этомъ видоизмѣненъ сообразно новымъ задачамъ: онъ сталъ болѣе торжественнымъ и въ то же время вычурнымъ; нѣкоторые знаки, какъ д, г (см. таблицу Ягича) получили измѣненіе, опредѣляемое требованіями симметріи.

Если принять во вниманіе это обстоятельство, съ одной стороны, а съ другой—то, что между начальнымъ моментомъ глаголической письменности и древнѣйшими, дошедшими до насъ, образцами глаголицы прошло приблизительно около полутора столѣтія, то врядъ ли сопоставленіе глаголическихъ знаковъ, какъ они дошли до насъ въ рукописяхъ конца X—начала XI вѣка, съ греческими курсивными буквами VIII—IX вѣковъ, можетъ быть признано неудачнымъ.

Что касается теоріи участія въ глаголицѣ восточныхъ элементовъ, которую встрѣчаемъ еще у Шафарика (1858 г.), то врядъ ли она *въ общемъ* даетъ болѣе счастливые результаты, чѣмъ теорія Тэйлора-Ягича даже въ объясненіи глаголическихъ знаковъ, обозначающихъ спеціально словянскіе звуки. По этому вопросу ср. Вс. Миллера «Къ вопросу о славянской азбукѣ» Ж. М. Н. Пр. 1884 г. (теорія сассанидскаго происхожденія дополнительныхъ знаковъ глаголицы); Abicht «Ist die Aehnlichkeit des glagolitischen mit dem grusinischen Alphabet Zufall?» Leipzig1895 (теорія грузинскаго происхожденія глаголицы); Vondrák «Zur Frage nach der Herkunft des glagolitischen Alphabets» Arch. XVIII, XIX (1896—1897); Грунскій «Памятники и вопросы древне-славянской письменности», 1904 г., вып. II; Кульбакинъ—въ разборѣ книги Грунскаго «Памятники и вопросы...» Ж. М. Н. Пр. 1906 г., № 3.

Рядомъ съ попытками объяснить глаголическіе знаки изъ сассанидскихъ, грузинскихъ, еврейскихъ, коптскихъ и т. д. была также предложена теорія албанскаго происхожденія глаголицы: Geitler «Die Albanesischen und slavischen Schriften» 1883, не давшая положительныхъ результатовъ. Теорія греческаго происхожденія глаголицы была поддерживаема также Бѣляевымъ: «Исторія алфавита и новое мнѣніе о глаголицѣ» 1886 г. По вопросу о томъ, какъ понимать слова Храбра **по чиноу грьчьскыхъ письменъ,** и къ какой изъ словянскихъ азбукъ свидѣтельство Храбра относится,—ср. Ягича «Разсужденія южно-словянской и русской старины о церковно-славянскомъ языкѣ» гл. II; Вилинскаго «Сказаніе черноризца Храбра о письменахъ славянскихъ» 1901 г. (Одесса);

Лаврова въ Изв. 1901 г., 1 кн., стр. 287—289; Погорѣлова въ Изв. 1901 г., 4, с. 340; Абихта «Das Alphabet Chrabrs» въ Arch. XXXI. Доказать, что Храбръ могъ имѣть въ виду только кириллицу, во всякомъ случаѣ не удалось, скорѣе онъ имѣлъ въ виду именно глаголицу; слова по чиноу грьчьскыхъ письменъ, намъ кажется, означаютъ, что Константинъ, устрояя словянскую азбуку, устанавливая извѣстные знаки для обозначенія словянскихъ звуковъ, руководился тѣми отношеніями, какія существовали между греческими звуками и буквами греческаго алфавита. Попытку—заглянуть въ этотъ процессъ устроенія глаголической азбуки Константиномъ—далъ Лескинъ въ статьѣ Zur glagolitischen Schrift въ Arch. XXVII, 161 и сл. Послѣдніе опыты обоснованія пріоритета кириллицы сдѣланы Соболевскимъ (Богословская Энциклопедія, X т. 215 и сл.) и Карскимъ (Р. Ф. В. LXIII т., 204 с.). Признавая связь кириллицы и глаголицы, Соболевскій видитъ въ послѣдней искусственную передѣлку кириллицы, вызванную гоненіями на явно-греческое кирилловское письмо въ Моравіи. Почему эта искусственная передѣлка при наличности кириллицы такъ хорошо привилась на югѣ, остается неяснымъ, такъ-же какъ неясно съ такой точки зрѣнія глаголическое ⰰ=ѣ и ꙗ, Ⰵ=є и ю, Ⰵ=ѧ и ѩ; непонятно также, какъ изъ неясныхъ по происхожденію ѧ и ѫ получились ясные по составу глаголическіе знаки для носовыхъ (гораздо правдоподобнѣе обратное объясненіе ѫ—ѧ изъ глаг. ѫ, ѧ,—ср. Arch. V, 165). Малоубѣдительны и ссылки Соболевскаго на Храбра и надпись 993 г.; если при Храбрѣ было одно словянское письмо, то до 993 года было достаточно времени для появленія другого; характерны слова Храбра: аще ли кто речеть ꙗко нѣ оустроилъ добрѣ понеже сѧ пострꙗжть и еще и т. д. Изъ факта существованія надписи 993 года очень смѣло дѣлать заключеніе, что кириллица въ к. «X в. была наиболѣе обычнымъ, если не единственнымъ словянскимъ письмомъ» въ Македоніи. Къ теоріи происхожденія глаголицы изъ греческаго курсива Соболевскій и Карскій относятся въ общемъ отрицательно.

VIII. Источниками для древне-церковно-словянской грамматики являются слѣдующіе дошедшіе до насъ древнѣйшіе памятники.

А. Глаголическіе.

1. Кіевскій Миссалъ,—отрывокъ обѣдни по римскому обряду (7 пергаменныхъ листовъ), найденный въ 1874 году Срезневскимъ въ библіотекѣ Кіевской Духовной Академіи, куда памятникъ попалъ изъ Іерусалима (пожертвованіе архимандрита Антонина). Изданъ нѣсколько разъ, послѣдній разъ—исправно—Ягичемъ: Glagolitica. Würdigung neuentdeckter Fragmente, Wien. 1900. (Denkschriften der k. Ak. d. Wiss. phil.-hist. Cl. B. XXXVIII); къ отдѣльнымъ оттискамъ этого изданія приложены фотографическіе снимки со всего памятника. Вопросъ о происхожденіи Кіевскихъ отрывковъ, спорный въ наукѣ,—имѣетъ свою литературу, которая указана въ послѣднихъ работахъ, посвященныхъ этому загадочному памятнику древней церковно-словянской письменности: Грунскій «Памятники и вопросы древне-славянской письменности», т. I, 1904; Vondrák O pŭvodu Kijevských listŭ, 1904; ср. также Кульбакина, разборъ

работы Грунскаго въ Ж. М. Н. Пр. 1906 г., № 3 и работы Вондрака въ Изв. X (1905) № 4, 320 и сл.

И по чертамъ палеографическимъ, и по чертамъ языка памятникъ этотъ можетъ быть поставленъ во главѣ всѣхъ церковно-словянскихъ текстовъ, написанныхъ глаголицей.

Примѣчаніе. Въ палеографическомъ отношеніи Кіевскій Миссалъ примѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ мы находимъ древнѣйшіе типы нѣкоторыхъ глаголическихъ буквъ, параллели которымъ можно встрѣтить въ большинствѣ случаевъ только въ древнѣйшемъ изъ остальныхъ глаголическихъ памятниковъ,— Зографскомъ Евангеліи; остальные глаголическіе тексты даютъ уже болѣе новыя формы: таковы формы л (Ⰾ), м (Ⰿ); ш, т, ю, — всѣ три буквы отличаются вполовину меньшимъ размѣромъ, чѣмъ остальныя буквы; буквы ъ, ь являются въ болѣе старой формѣ, представляющей модификацію значка о — Ⱏ, Ⱐ; буква оу—еще съ яснымъ раздѣленіемъ частей; изъ знаковъ носовыхъ въ К. М. находимъ лишь 3 знака: одинъ съ глаголическимъ є въ первой части обозначаетъ и ѧ, и ѩ, другой съ глаголическимъ *о* въ первой части обозначаетъ ѫ, т. е. носовое о, третій соотвѣтствуетъ кирилловскому ѭ. Характерно при этомъ, что вторая часть, во всѣхъ трехъ знакахъ общая и обозначавшая, очевидно, носовой характеръ гласнаго,—меньше по размѣрамъ первой части; этой черты не находимъ въ болѣе позднихъ памятникахъ. Замѣчателенъ памятникъ и богатымъ употребленіемъ надстрочныхъ знаковъ, изъ которыхъ многіе, несомнѣнно, обозначали ударенія. Анализъ этихъ знаковъ можно найти въ указанныхъ выше работахъ. Правописаніе памятника замѣчательно въ высшей степени правильнымъ употребленіемъ знаковъ ъ и ь, какого не найдемъ ни въ одномъ изъ остальныхъ, какъ глаголическихъ, такъ и кирилловскихъ памятниковъ. Въ то же время на мѣстѣ типичныхъ церковно-словянскихъ шт, жд, соотвѣтствующихъ русскимъ ч и ж, находимъ въ К. М. ц и з: дазь, тъзе, тоузимъ, просѧце, обѣцѣниѣ и т. п. Эта-то черта и подала поводъ къ спорамъ о происхожденіи памятника: одни видятъ въ немъ копію съ церковно-словянскаго оригинала, писанную чехомъ; другіе видятъ въ языкѣ памятника извѣстную цѣльность, которую объясняютъ, какъ отраженіе въ памятникѣ особаго древне-словянскаго говора, имѣвшаго ц и з на мѣстѣ обычныхъ ц.-сл. шт и жд; эти двѣ основныя точки зрѣнія формулируются отдѣльными учеными съ различными варіаціями; ср. вышеуказанную литературу вопроса.

2. Зографское Ев., принадлежавшее первоначально Зографскому монастырю на Аѳонѣ, а въ 1860 г. поднесенное Имп. Александру II и нынѣ хранящееся въ Имп. Пуб. Библіотекѣ въ Петербургѣ.

Памятникъ изданъ Ягичемъ въ 1879 г.: Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus. Berolini, MDCCCLXXIX. Научная разработка Зографскаго Евангелія не богата: ср. латинское введеніе Ягича къ его изданію и начатое, но не оконченное изслѣдованіе памятника того же Ягича въ Arch. I—II тт.: «Studien über das altslov. Zographosevangelium»: изслѣдованіе это выясняетъ одинъ лишь пунктъ въ языкѣ памятника,—судьбу звуковъ ъ и ь. Ср. также Грунскаго «Къ Зографскому Евангелію» Сборн. Отд. LXXXIII, № 3.

Примѣчаніе. Зографское Ев., какъ по палеографическимъ, такъ и по языковымъ чертамъ принадлежитъ къ древнѣйшимъ церковно-словянскимъ памятникамъ. Въ немъ мы находимъ еще старыя формы буквъ м, л, оу, буквы ш и т нѣсколько меньше другихъ, буква з еще сохраняетъ свою старую угловатую форму, несмотря на общій округлый характеръ письма. Въ употребленіи знаковъ ъ и ь—больше правильности, чѣмъ въ иныхъ древне-церковно-словянскихъ памятникахъ (за исключеніемъ, разумѣется, Кіевскаго М.): Зогр. Ев. различаетъ еще группы ръ, лъ и рь, ль между согласными, коимъ въ русскомъ языкѣ соотвѣтствуютъ сочетанія ро, ло, ре, ле, не только въ такихъ случаяхъ, какъ врѣхъ, крѣхъ, плъть, крьстъ, но и въ такихъ, какъ дрьколь, крьстити, блъштати, плькати, кльнѫ, глъза. Въ Маріинскомъ Ев. (ср. ниже) мы находимъ уже крѣстити, крѣститъ, глѣзами и т. п.

3. Маріинское четвероев., вывезенное изъ аѳонскаго монастыря Пресв. Богородицы Григоровичемъ и хранящееся въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ.

Памятникъ изданъ въ 1883 г. Ягичемъ: Памятникъ глаголической письменности. Маріинское четвероевангеліе съ примѣчаніями и приложеніями. Петербургъ. Въ приложеніяхъ Ягичъ далъ общую характеристику памятника съ палеографической и языковой стороны и словоуказатель. Ср. также Милетича: Особноститѣ на езика въ Марийнския паметникъ. Периодическо списание XIX—XX (1886). 210—252.

Примѣчаніе. Въ формахъ буквъ этого памятника замѣчаемъ уже нѣкоторыя отступленія отъ старины, какъ она выражается въ Кіевскомъ М. и Зографскомъ Ев.: такъ знаки л, ъ—ь являются уже въ новомъ видѣ , — , въ буквѣ оу обѣ части тѣсно примкнули одна къ другой, буквы ш и т по величинѣ мало чѣмъ отличаются отъ другихъ буквъ. Въ языкѣ памятника встрѣчаемъ явленія, которыя указываютъ на писца-серба или на болгаро-македонскій говоръ XI вѣка, раздѣлявшій нѣкоторыя звуковыя черты съ сосѣднимъ сербскимъ языкомъ: оу вм. бъ, и вм. ѧ, оу вм. ж.

4. Такъ называемый Glagolita Clozianus—отрывокъ изъ сборника поученій, содержащій 12 листовъ; изъ нихъ 10 найдены были извѣстнымъ славистомъ первой половины XIX ст. Копитаромъ въ библіотекѣ графа Клоца,—откуда названіе памятника,—и изданы имъ же въ 1836 году; отдѣльные два листа, повидимому, изъ того же памятника были открыты позже и изданы Миклошичемъ въ 1860 г. Нынѣ часть, открытая Копитаромъ, хранится въ Тридентѣ, а вторая въ Инсбрукѣ. Новое изданіе всего памятника Вондрака освобождаетъ отъ необходимости обращаться къ изданіямъ Копитара и Миклошича: Glagolita Clozův. 1893 v Praze. Изданіе Вондрака съ параллельнымъ греческимъ текстомъ и примѣчаніями снабжено также введеніемъ (на чешскомъ языкѣ), въ которомъ дана общая оцѣнка памятника со стороны палеографической и языковой, словоуказателемъ и снимками (фототипія). Ср. также замѣча-

нія о памятникѣ Облака въ статьѣ «Zur Würdigung des Altslovenischen» Arch. XV, 338 и сл.

Примѣчаніе. Памятникъ нѣкоторыми чертами языка сближается съ Маріинскимъ четвероевангеліемъ: оу вм. ѫ, и вм. ѕı и наоборотъ; на область сербскую или близкую къ сербо-хорватскому языку указываетъ форма тѧ acc. pl. вм. тѕı (отъ мѣстоименія тѕ: ср. современное сербское *те*, съ обычной въ сербскомъ замѣной носового *е* чистымъ). Въ формахъ буквъ, какъ и въ остальныхъ памятникахъ, находимъ отступленіе отъ старыхъ типовъ Кіевскаго М.: новое м, новое ѧ, новое ѭ, оу (вторая часть,—въ Кіевскомъ М. ясное о,—здѣсь существенно измѣнена и отличается отъ первой); ѕ и ь также—въ новой формѣ.

5. Ассеманіево Ев.—рукопись Ватиканской библіотеки, привезенная въ Римъ въ XVIII столѣтіи ученымъ оріенталистомъ Ассемани,—откуда ея названіе.

Издана дважды: первый разъ глаголическими буквами хорватскимъ ученымъ Рачкимъ (Rački) въ 1865 году съ обширнымъ введеніемъ Ягича на сербскомъ языкѣ; второй разъ — латинскими буквами Чернчичемъ (Črnčić) въ 1878 г. Болѣе поздніе черты въ формахъ буквъ и въ языкѣ сравнительно съ такими памятниками, какъ Кіевскій М. и Зографское Ев.—обычны.

6. Синайская Псалтырь и

7. Синайскій Требникъ (или Эвхологій) — находятся въ библіотекѣ монастыря св. Екатерины на Синаѣ. Оба памятника изданы хорватскимъ ученымъ Гейтлеромъ, повидимому, не вполнѣ исправно: Psalterium, glagolski spomenik manastira Sinai brda, Agram 1883; Eucholegium, glagolski spomenik manastira Sinai brda, Agram 1882.

Оба изданія снабжены небольшимъ введеніемъ; ср. также у Ягича, Четыре критико-палеографическія статьи, 1884 г., 43—65 с. — о языкѣ Синайской Псалтыри; Roman Jarosiewicz, Ueber das Euchologium Sinaiticum 1888; Prokop Lang, Jazykovědecký rozbor Euchologia Sinajského 1888. Обѣ послѣднія работы малодоступны: первая была напечатана въ отчетѣ реальной гимназіи въ Коломеѣ, вторая въ Gymn.-Progr. въ Пржибрамѣ (Přibram).

Примѣчаніе. Синайская Псалтырь и Синайскій Требникъ въ своей палеографической сторонѣ обнаруживаютъ признаки еще болѣе поздняго времени, нежели Ассеманіево Ев. или Мар. Ев., Glag. Cloz.: такъ буква ѧ—въ Син. Требникѣ—съ сильнымъ удлиненіемъ боковыхъ линій, какового не замѣчается въ иныхъ памятникахъ XI вѣка, и каковое находимъ въ глаголическихъ строкахъ Охридскаго апостола конца XII вѣка; въ буквѣ о Синайской Псалтыри петли сближены до соприкосновенія: ⱔ ,—то-же имѣемъ въ глаголическихъ строкахъ Охридскаго апостола; буква оу представляетъ новыя измѣненія сравнительно съ Мар. Ев. или Ассем. Ев.: вм. ⱁ (Мар. Ев.) въ Син. Псал. находимъ ⱁ или ⱘ; параллели этимъ формамъ опять таки находимъ лишь въ позднихъ памятникахъ, какъ Охрид. ап.; изъ трехъ знаковъ для звука і:

и, і, ї господствуетъ и, что также является поздней чертой: то-же въ Пражскихъ листахъ, въ поздней страницѣ Кіевскаго М., въ Вѣнскихъ листахъ XII в. (ср. Кульбакина, Охридская рукопись апостола конца XII в., XIV с. и сл.).

Къ числу глаголическихъ памятниковъ, которые могли бы быть зачислены въ рядъ источниковъ церковно-словянской грамматики лишь съ извѣстными оговорками, относятся Пражскіе отрывки, открытые въ 1855 году Гёфлеромъ въ библіотекѣ Пражскаго митрополичьяго капитула; отрывки эти изданы были впервые Шафарикомъ и Гёфлеромъ въ 1857 году, причемъ древность ихъ первоначально была сильно переоцѣнена: Шафарикъ, увлекшись ихъ крайне-ветхимъ видомъ, отнесъ ихъ къ періоду 850—862 г., и отчасти подъ вліяніемъ этого открытія измѣнилъ свой прежній взглядъ на сравнительную древность кириллицы и глаголицы въ пользу послѣдней.

Болѣе внимательное изученіе памятника выяснило полную ошибочность этого взгляда.

Отрывки относятся къ области чехо-словацкаго языка, но въ то-же время нѣкоторыя черты памятника указываютъ на болгарскій оригиналъ рукописи, и притомъ отнюдь не ранняго времени. Ср. новѣйшее изданіе и изслѣдованіе памятника Вондрака: O původu Kijevských listů a Pražských zlomků 1904 и Грунскаго: 1) Памятники и вопросы древне-славянской письменности 1904; 2) Пражскіе глаголическіе отрывки. 1905—въ «Памятникахъ старославянскаго языка» т. I, вып. 4.

Примѣчаніе. Ср. также наши рецензіи на работы Грунскаго и Вондрака, выше уже указанныя,—въ Ж. М. Н. Пр. и Изв. Чехо-словацкое происхожденіе памятника отражается въ замѣнѣ носовыхъ ѫ, ѧ черезъ оу, ѭ (а), согласныхъ шт и жд черезъ ц и з, въ западно-словянской группѣ *дл* и группѣ шч на мѣстѣ ц.-сл. шт; на мѣстѣ ц.-сл. ѕ, ь находимъ одно ѕ, что указываетъ на принадлежность чешской копіи по крайней мѣрѣ концу XI в., если не началу XII.

Поздніе черты замѣчаются и въ начертаніи буквъ: г Пражскихъ отрывковъ напоминаетъ г Охридскаго апостола к. XII в. (1-й глаголическій почеркъ), є имѣетъ лишь одинъ язычокъ, какъ въ глаголическомъ письмѣ болгарскомъ и хорватскомъ XII в.; и преобладаетъ надъ і и ї; оу имѣетъ позднюю форму, какую находимъ въ Син. Пс. и въ главномъ почеркѣ Охрид. апостола (хвостикъ, выходящій изъ спинки буквы, является продолженіемъ нижней петли).

По содержанію Пражскіе отрывки представляютъ отрывокъ вечерни по восточному обряду.

Что касается Охридскаго отрывка Евангелія, то онъ не можетъ имѣть особаго значенія для церковно-словянской грамматики уже въ виду крайне небольшого объема: $1^1/_2$ листа, изъ коихъ 1 листъ сохранился цѣликомъ, а остальное представляетъ листъ, разрѣзанный въ вертикальномъ направленіи. Притомъ и по палеографическимъ чертамъ, и по чертамъ правописанія это—отрывокъ довольно поздняго происхожденія: быть можетъ,—начала XII вѣка, а самое раннее конца XI в., ср. изданіе его въ Изв.

XI (1906 г.), 4 кн., 157 с. (Грунскаго). Не можетъ имѣть большого значенія, хотя и небезынтересенъ, и Македонскій глаголическій листокъ,— по палеографическимъ признакамъ XI вѣка, — отрывокъ изъ поученій Ефрема Сирина. Ср. изданіе Ильинскаго: «Памятники старославянскаго языка» т. I, вып. 6-й, изд. Отд. р. яз. и сл. И. А. Н. 1909 г.

Всѣ дошедшіе до насъ глаголическіе памятники древне-церковнословянскаго языка не имѣютъ хронологической даты, и мы можемъ опредѣлять ихъ древность лишь приблизительно, имѣя въ виду сравнительную древность ихъ языка по отношенію къ кирилловскимъ памятникамъ, для хронологіи которыхъ у насъ все же имѣются кое-какіе опорные пункты.

По всей видимости, Ассеманіево Ев., Маріинское Ев., Glag. Cloz. относятся къ XI вѣку, Синайская Пс. и Синайскій Тр. къ концу XI в., Зографское Ев., если не къ концу X вѣка, то къ началу XI, Кіевскій Миссалъ—вѣроятно, не моложе конца X вѣка.

В. Кирилловскіе памятники:

1. Во главѣ ихъ стоитъ недавно открытая Надпись 993 года, важная не въ отношеніи языка, такъ-какъ она предлагаетъ въ этомъ отношеніи слишкомъ незначительный матеріалъ, а въ отношеніи палеографическомъ: ея начертанія, какъ датированныя,—исходный пунктъ для палеографа въ опредѣленіи сравнительной древности кирилловскихъ памятниковъ церковно-словянскаго языка.

Надпись издана въ И. Р. А. И. 1899 г. (IV) вып. 1 съ приложеніемъ статей о ней Флоринскаго и Милетича; ср. также статьи Иречка и Ягича въ Arch. XXI, 543 и сл. и Карскаго въ Р. Ф. В. XLII, 231 и сл.

Правая сторона могильной плиты отломана, почему въ надписи пробѣлы. Она гласитъ:

въ имѧ ѡт҃ьца и съ
и҃на и ст҃аго до҃уха а
зъ самоиль рабъ б҃ж(ии)
полагаѫ памѧть (ѡц)
ꙋ҃ и матери и брат(оу н)
а кръ҃стѣхъ си(хъ си)
имена оусъпъш(ихъ ни)
кола рабъ б҃жи (риѱими)
ѣ дав(и)дъ написа (же сѧ въ)
лѣто отъ сътво(рениѣ миро)
у ҂ѕ҃фа҃, инъди(кта ѕ҃)

Въ скобкахъ помѣщены недостающія, по догадкѣ возстанавливаемыя, части словъ. Въ 8 строкѣ возстановляли (Флоринскій) (мари), но хроника Скилицы даетъ имя матери Самуила-Рипсима; ѣ въ слѣдующей строкѣ, можетъ быть,—окончаніе формы ριδιμηѣ. Ср. Prokić, die Zusätze in der Handschrift des Iohannes Skylitzes, München 1906, 20 с.

2. Саввина книга евангельскихъ чтеній, хранящаяся въ московской типографской библіотекѣ, написанная попомъ Саввой, судя по языку и палеографическимъ даннымъ,—въ XI вѣкѣ.

Памятникъ изданъ Щепкинымъ: «Саввина книга» 1903, которому принадлежитъ и изслѣдованіе памятника: «Разсужденіе о языкѣ Саввиной книги» 1899 г.

Примѣчаніе. Ср. Отчетъ о присужденіи премій имени гр. Толстого въ 1900 г., Ж. М. Н. Пр. 1900, № 2, Arch. XXII, 247 с.

Начертанія буквъ Саввиной книги въ общемъ совпадаютъ съ таковыми въ Надписи 993 года, въ виду чего, быть можетъ, не было бы смѣлымъ полагать, что Саввина книга относится къ первой половинѣ XI в., какъ и другой крупный церковно-словянскій памятникъ кирилловскаго письма—Супрасльская рукопись.

3. Супрасльская рукопись получила свое названіе по Супрасльскому монастырю возлѣ Бѣлостока, Гродненской губерніи, гдѣ она найдена была въ началѣ XIX вѣка профессоромъ Виленскаго университета Бобровскимъ. Въ настоящее время часть рукописи,—118 листовъ,—находится въ Люблянѣ, въ Лицейской библіотекѣ, куда поступила въ 1845 году въ числѣ книгъ и бумагъ Копитара; другая часть,—151 л.,—находится въ Варшавѣ, въ библіотекѣ графовъ Замойскихъ; наконецъ, третья, небольшая, часть (16 листовъ) была куплена въ 1856 г. акад. А. Ѳ. Бычковымъ и принадлежитъ его сыну, И. А. Бычкову (въ Петербургѣ).

Памятникъ былъ изданъ въ 1851 г. Миклошичемъ: Monumenta palaeoslovenica e codice Suprasliensi, но болѣе точнымъ, хотя и небезупречнымъ (ср. Р. Ф. В. 1905 г. № 2, 339 с.) является новое изданіе Северьянова: Супрасльская рукопись, т. I, 1904 г. («Памятники старославянскаго языка», издаваемые Отд. русс. яз. и слов. Имп. Ак., т. II, вып. 1). Этому обширному памятнику (по содержанію—мартовская минея) посвященъ рядъ статей Вондрака въ Sitzungsber. d. K. Ak. Wien, 112 т., 122 т., 124 т.

Примѣчаніе. Въ статьѣ Zur Kritik der altslov. Denkmale, Sitzungsber. 112 т. (1886 г.), Вондракъ остановился на рефлексахъ въ Супр. рук. сочетаній «губной +j», группы sk въ положеніи предъ ě и i, ь въ положеніи предъ j и на нѣкоторыхъ грамматическихъ формахъ и лексикальныхъ особенностяхъ памятника; въ 1890 г. Вондракъ вернулся къ Супр. рук. въ статьѣ Altslovenische Studien въ Sitzungsber. 122 т., остановившись, главнымъ образомъ, на лексикальной сторонѣ памятника; анализъ послѣдней привелъ его къ заключенію, что основа памятника—болгарская, но въ послѣдней редакціи, которую памятникъ получилъ при переписке, видна рука малоросса. Въ послѣдующемъ, 1891 г. Вон-

дракъ снова посвятилъ Супр. рукописи статью п. з. Ueber einige orthographische und lexicalische Eigenthümlichkeiten des Codex Suprasliensis...,—Sitzungsber. 124 т.; здѣсь разсмотрѣнъ вопросъ объ ꙁ и ь въ Супр. рук. въ связи съ наблюденіемъ о языковой неоднородности памятника. Критическая оцѣнка выводовъ Вондрака дана Облакомъ, Arch. XV, 338 с. и слѣд.

Старую работу Бема «Историко-филологическое изслѣдованіе о Супрасльской рукописи» 1869 г. оставляемъ въ сторонѣ; съ внѣшней исторіей памятника знакомитъ статья Бобровскаго: Судьба Супрасльской рукописи, въ Ж. М. Н. Пр. 1887, №№ 10—12. Ср. еще Abicht и Schmidt: Quellennachweise zum Codex Suprasliensis въ Arch. XV, XVI, XVIII (вопросъ о греческихъ оригиналахъ словянскихъ статей памятника), Zivier «Studien über den Codex Suprasliensis» 1892 и Pastrnek: O rukopíse Suprasliském въ List. Fil. 1897₂, 96—109 (сравненіе фотографическихъ снимковъ Люблянской части памятника съ изданіемъ Миклошича).

Кромѣ этихъ двухъ крупныхъ памятниковъ кирилловскаго письма: Саввиной книги и Супрасльской рукописи, наука располагаетъ еще нѣсколькими отрывками, которые также относятся, повидимому, къ XI вѣку. Важнѣйшими изъ этихъ отрывковъ являются—

4. Хиландарскіе листки, найденные Григоровичемъ въ Хиландарскомъ монастырѣ на Аѳонѣ. Содержаніе ихъ—отрывокъ поученія Кирилла Іерусалимскаго. Изданы были въ 1852 году Григоровичемъ, въ 1868 году Срезневскимъ, въ 1882 году Ягичемъ, послѣдній разъ со снимками со всего памятника Кульбакинымъ въ 1898 году.

Примѣчаніе. Григоровичъ «О древнѣйшихъ памятникахъ церковно-словянской литературы» Изв. II Отд. Имп. Ак. Н. I т. и въ «Статьяхъ, касающихся древняго словянскаго языка» 1852, 71—94 с. Срезневскій «Древніе славянскіе памятники юсового письма»; Ягичъ «Specimina linguae palaeoslovenicae» 64—66 с.; Кульбакинъ въ «Изслѣдованіяхъ по русскому языку», издаваемыхъ Имп. Ак. Н. II т. Ср. еще Вондракъ въ Arch. XXII, 542—553 с. и Кульбакинъ «Лексика Хиландарскихъ отрывковъ» въ Изв. VI (1901 г.), 4 кн., 131—139 с. Хранятся листки въ библіотекѣ Новороссійскаго университета.

5. Листки Ундольскаго (отрывокъ евангелія) являются нѣсколько болѣе позднимъ памятникомъ сравнительно съ Хиландарскими, съ Супр. и Сав. книгой. Изданы Карскимъ со снимками въ 1904 году.

Примѣчаніе. «Памятники старо-славянскаго языка» I т., вып. 3; ранѣе были изданы Срезневскимъ въ «Древнихъ памятникахъ юсового письма» 1868 г. и Ягичемъ въ Specimina, 48—49; ср. Щепкина «Листки Ундольскаго» въ Сборникѣ статей, посвященныхъ Фортунатову, 1902 года. Среди старыхъ, въ общемъ, типовъ буквъ находимъ въ лист. Унд. новое ѧ съ инымъ положеніемъ основной черты и петли, нежели въ Хил., Савв. Супр., (старая форма). Буква ѕ—съ соединеніемъ частей. На мѣстѣ ꙁ и ь—одно ꙁ. Буква ѡ употребляется гораздо чаще, чѣмъ въ другихъ памятникахъ XI вѣка,—даже послѣ согласныхъ. Повидимому, листки Ундольскаго относятся къ концу XI вѣка. Хранятся въ Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ Музеѣ.

6. Македонскій листокъ, сохранившійся очень плохо, имѣетъ еще менѣе значенія, нежели Хиланд. л.л. или л.л. Ундольскаго для грамматики древне-церковно-словянскаго языка. Изданъ Ильинскимъ въ 1906 г.

Примѣчаніе. «Памятники старо-славянскаго языка» I т., 5 вып. Формы буквъ и ихъ употребленіе архаичны. Въ языкѣ болгарскія новшества,—вѣроятно, конца XI вѣка: ьр на мѣстѣ древняго ръ, рь. Находится въ Петербургѣ, въ библіотекѣ В. И. Срезневскаго.

7. Наконецъ, при перечнѣ источниковъ древне-церковно-словянской грамматики не можетъ быть опущено и Остромирово Евангеліе, писанное въ Новгородѣ въ 1056—1057 годахъ,—древнѣйшій памятникъ русской письменности.

Черты живого говора русскаго писца, безспорно, отразились въ памятникѣ, но онѣ могутъ безъ труда быть выдѣлены, и подъ ними вскроется болѣе древній церковно-словянскій языковой слой. Изданъ памятникъ Востоковымъ въ 1843 г. и фотолитографически на средства купца Савинкова въ 1889 году. Поправки къ изданію Востокова предложены Козловскимъ въ его изслѣдованіи: О языкѣ Остромирова Ев. Ср. также Щепкина и Шахматова: Особенности языка Остромирова Евангелія, Фортунатова «Составъ Остромирова Евангелія» 1908 г.

Примѣчаніе. Работа Козловскаго—въ «Изслѣдованіяхъ по русскому языку» I т., 1885 г. Статья Щепкина и Шахматова помѣщена, какъ дополненіе, въ русскомъ переводѣ грамматики Лескина 1890 года. Статья Фортунатова—въ Сборникѣ въ честь Ламанскаго. Главный выводъ Фортунатова: первые 23 листа рукописи списаны діакономъ Григоріемъ съ русскаго оригинала, остальные—съ церковно-словянскаго. Остромирову Ев., какъ памятнику древне-русскаго языка, посвящена статья Каринскаго въ Ж. М. Н. Пр. 1903 г., № 5.

Въ меньшей мѣрѣ могутъ служить источниками для грамматики древне-церковно-словянскаго языка болѣе поздніе списки съ древнихъ церковно-словянскихъ оригиналовъ, возникшіе на болгарской, сербской и русской почвѣ, какъ-то: средне-болгарскіе тексты,—Добромирово Ев., Охридскій апостолъ, Болонская Пс. и др. или сербскіе тексты: Мирославово Ев., Волканово Ев.; русскіе: Сборникъ Святослава 1073 года, Сборникъ 1076 года, Служебная Минея 1095—1097 года и т. д. Эти памятники въ большей мѣрѣ относятся къ исторической грамматикѣ болгарскаго, сербскаго и русскаго языковъ.

IX. Въ заключеніе настоящаго введенія необходимо указать на существующія пособія къ изученію древне-церковно-словянскаго языка. Таковыми, помимо изслѣдованій отдѣльныхъ памятниковъ и ихъ изданій, уже указанныхъ выше, помимо отдѣльныхъ статей и работъ по вопросамъ спеціальнаго характера,—являются труды общаго характера, грамматики, характеризующія какъ звуки, такъ и формы древне-церковно-словянскаго языка.

Важнѣйшими грамматиками являются изъ старыхъ: Шлейхера, Востокова, Миклошича, изъ болѣе новыхъ: Лескина, Соболевскаго (ученіе о звукахъ), Вондрака. Пособіемъ при ознакомленіи съ памятниками могутъ служить хрестоматіи Бернекера, Каринскаго, Вондрака. Словарь—Миклошича.

Примѣчаніе. Schleicher, Formenlehre der kirchenslavischen Sprache 1852; Востоковъ, Грамматика церковно-славянскаго языка 1863 г.; Miklosich, Altslovenische Formenlehre in Paradigmen 1874—съ обоснованіемъ во введеніи теоріи паннонскаго происхожденія церковно-словянскаго языка; его же Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen 1879.

Новая эпоха въ изученіи церковно-словянскаго языка начата была 2-мъ изданіемъ грамматики Лескина, которое существенно отличалось отъ перваго (1871 г.): Leskien, Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache 1886. Weimar. Въ 1890 г. вышелъ русскій переводъ этого изданія, съ дополненіями изъ Остромирова Евангелія, принадлежащими Шахматову и Щепкину. Въ настоящее время Handbuch Лескина на нѣмецкомъ языкѣ вышло уже 5-мъ изданіемъ (1910 г. Weimar, съ текстами и словарчикомъ къ нимъ). Въ 1909 г. появилась новая редакція труда Лескина: Grammatik der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. (Heidelberg), какъ 1 выпускъ «Sammlung Slavischer Lehr-und Handbücher», съ обширнымъ историческимъ введеніемъ (о народности ц.-сл. языка, азбукахъ и т. д.), но безъ текстовъ и словаря. Эта послѣдняя редакція грамматики Лескина—едва ли не самая удачная.

Соболевскій, Древній церковно-славянскій языкъ. Фонетика. 1891 г. Москва.

Вондракъ, Altkirchenslavische Grammatik, Berlin 1900. Ср. также его Vergleichende Slavische Grammatik 1906—1908, I—II. Въ 1912 г. вышло 2-е изданіе «Altkirchenslavische Grammatik», значительно расширенное и измѣненное по характеру.

Морфологіи посвящена работа Пастрнека: Prof. Fr. Pastrnek, Tvarosloví jazyka staroslověnského s úvodem a ukázkami, 1909.

На русскомъ языкѣ существуютъ еще Лекціи по древне-церковно-славянскому языку Грунскаго (Записки Юрьевскаго университета) 1907 г., къ сожалѣнію, малоудовлетворительныя: ср. Р. Ф. В. 1910 г. 150 сл., 381 и сл., 1911 г. 239 с., 457 и сл.

Specimina Ягича, уже цитированныя выше (30 с.), въ настоящее время—рѣдкость. До недавняго времени приходилось пользоваться или хрестоматіей Бернекера (Slavische Chrestomathie 1902 г.), или хрестоматіей Каринскаго (Хрестоматія по древне-церковно-славянскому и русскому языкамъ 1904 г.). Въ 1910 г. вышла «Kirchenslavische Chrestomathie» Вондрака; въ 1911 г.—2-е изданіе хрестоматіи Каринскаго и небольшая хрестоматія автора настоящей книги.

Miklosich'a Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum 1862—1865 г. въ настоящее время нуждается въ пополненіи; этимологическій словарь словянскихъ языковъ Миклошича въ настоящее время можетъ быть замѣненъ словаремъ Бернекера: Berneker, Slavisches Etymologisches Wörterbuch, пока 1—9 выпуски.

Объ историческомъ развитіи изученія церковно-словянскаго языка ср. въ статьѣ Кульбакина: Историческое развитіе и современное состояніе словянскаго языкознанія, Ж. М. Н. Пр. 1906 г., № 5.

ФОНЕТИКА.

§ 1. Какъ каждый изъ словянскихъ языковъ, древне-церковно-словянскій языкъ получилъ изъ прасловянскаго извѣстную систему звуковъ и формъ, которая опредѣляется помощью сопоставленія фактовъ отдѣльныхъ словянскихъ языковъ, — по возможности въ древнѣйшей стадіи ихъ развитія.

Примѣчаніе. Возстановляемые такимъ методомъ звуки, конечно, не могутъ быть опредѣлены въ своей артикуляціи такъ точно, какъ звуки живой рѣчи. Мы можемъ опредѣлить эти прасловянскіе звуки, какъ звуковые типы, лишь въ болѣе или менѣе общихъ чертахъ. Эти звуковые типы въ отдѣльныхъ прасловянскихъ говорахъ являлись не вполнѣ одинакими, такъ-какъ діалектическія различія были всегда и въ прасловянскомъ языкѣ, какъ во всякомъ языкѣ.

Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ мы не имѣемъ возможности съ увѣренностью опредѣлить прасловянскій звукъ, къ которому восходятъ звуки отдѣльныхъ словянскихъ языковъ въ тожественныхъ этимологически словахъ,—даже какъ звуковой типъ; или же мы можемъ иногда охарактеризовать такой прасловянскій звукъ лишь съ одной стороны; въ такихъ случаяхъ наша формула есть лишь условный знакъ, имѣющій значеніе: «тотъ прасловянскій звукъ, къ которому восходятъ такіе-то звуки отдѣльныхъ словянскихъ языковъ».

Такимъ образомъ, русское *а* въ *трава, каша, скала* и т. п., польское *а* въ литературныхъ формахъ trawa, kasza, skała, чешское *а* въ словахъ tráva, skála, kaše, сербское *а* въ словахъ tráva, kȁša, skȁla—даютъ право предположить прасловянскій звуковой типъ *а*, который въ отдѣльныхъ прасловянскихъ говорахъ произносился, быть можетъ, не вполнѣ одинаково, но болѣе или менѣе сходно, какъ и въ настоящее время въ отдѣльныхъ словянскихъ языкахъ: такъ, Томсонъ, Общ. языков., 2 изд. 165, опредѣляетъ русское *а*, какъ звукъ низкій, задненёбный (low-back), а Розвадовскій, Mat. i. pr. I, 100 с., опредѣляетъ польское *а* образованныхъ классовъ Галиціи, какъ звукъ низкій, средненёбный (low-mixed).

Буквѣ ѣ нашего историческаго правописанія въ большинствѣ великорусскихъ говоровъ и въ литературномъ русскомъ языкѣ соотвѣтствуетъ *е* (*е* съ предшествующею мягкостью), въ малорусскомъ литературномъ языкѣ—і, въ польскомъ ′е и ′а, въ болгарскомъ діалектически различно: е, ′а, ä; въ сербскомъ также съ діалектическими различіями е, і, је, іје. Прасловянскій звукъ, къ которому восходятъ эти разнообразные звуковые рефлексы отдѣльныхъ словянскихъ языковъ, можетъ быть опредѣленъ даже какъ звуковой типъ не вполнѣ

увѣренно; съ полной увѣренностью можно опредѣлить его лишь со стороны количественной,—какъ звукъ долгій, но и то лишь по отношенію къ древнѣйшей эпохѣ жизни прасл. языка.

Тотъ звукъ, который выражается въ др.-ц.-сл. памятникахъ знакомъ ъ, также имѣетъ такія разнообразныя соотвѣтствія въ живыхъ словянскихъ языкахъ, что праслов. ъ, къ которому мы эти соотвѣтствія возводимъ, является въ значительной мѣрѣ условнымъ знакомъ; вполнѣ опредѣленное значеніе этому праслов. ъ мы можемъ придавать лишь съ одной,—а именно количественной стороны.

При обозначеніи прасловянскихъ звуковъ пользуемся латинской азбукой, причемъ буква у обозначаетъ прасл. ы, буква ě—прасл. ѣ, буквы ǫ и ę—прасл. носовые о и э, č—праслов. ч, ž—праслов. ж, š—праслов. ш, d͡z—слитное дз, ǧ—слитное дж, r′, l′, t′ и т. п. обозначаютъ смягченные r, l, t и т. д.; церк.-слов. буквы ъ, ь обозначаютъ прасл. рефлексы индо-европейскихъ ŭ, ĭ.

Древне-церковно-словянскій языкъ въ общемъ ближе всѣхъ другихъ подходитъ къ тому состоянію прасловянскаго языка, которое можно предполагать въ эпоху, непосредственно предшествовавшую его распаденію на отдѣльные языки.

Изученіе его памятниковъ позволяетъ предполагать въ немъ слѣдующую звуковую систему.

A. Гласные. 1. *Полнаго образованія.*
- a) твердые (велярные): а, о, ѫ, оу, ꙑ,
- b) мягкіе (палатальные): е, ѣ, и, ѧ.

2. *Неполнаго образованія* (редуцированные въ количественномъ отношеніи):
- a) твердый ъ,
- b) мягкій ь.

B. Сонорные: 1. *Плавные* р, л (слоговые и неслоговые);
2. *Носовые* н, м.

C. Шумные согласные. 1. *Взрывные*:
- a) губные б, п,
- b) зубные т, д,
- c) задне-небные к, г.

2. *Длительные*:
- a) губной в,
- b) зубные с, з,
- c) язычно-небные ш, ж, (j?)
- d) задне-небный х.

3. *Аффрикаты*: ц, ѕ, ч.

Въ этой звуковой системѣ можно отмѣтить весьма немногія отступленія отъ прасловянскихъ звуковыхъ типовъ.

Отношеніе звуковъ древне-церковно-словянскаго языка къ прасловянскимъ.

§ 2. Гласный а др.-ц.-сл. языка, вообще говоря, соотвѣтствуетъ прасловянскому *a*: др.-ц.-сл. трава изъ прасл. *trava (русск.—трава, чеш. tráva, серб. tráva, пол. trawa и т. д.), др.-ц.-сл. мати изъ прасл. *mati (русск. мать, чеш. mati и т. д.).

Точно такъ-же древне-церк.-словянскіе о, оу, е, и, ꙑ соотвѣтствуютъ такимъ-же звуковымъ типамъ прасловянскаго языка: o, u, e, i, y, т. е. тѣмъ звуковымъ типамъ, которые имѣются въ русскихъ о, у, э, и, ы; должно при этомъ замѣтить, что двойное написаніе оу для звука u не заключаетъ въ себѣ никакихъ указаній на природу этого гласнаго: это двойное написаніе механически перенесено изъ греческаго письма (*ου*). Ср. др.-ц.-сл. нога изъ прасл. *noga (русс. *нога*, пол. noga, чеш. noha, серб. nòga); др.-церк. оухо изъ прасл. *ucho (рус. *ухо*, пол. ucho, чеш. ucho и т. д.); др.-церк.-сл. берѫ изъ прасл. *berǫ (рус. *беру*, чеш. beru и т. д.); др.-ц.-сл. видѣти изъ прасл. *viděti (р. *видѣть*, пол. widzieć, чеш. viděti и т. д.); др.-ц.-сл. бꙑти изъ прасл. *byti (р. *быть*, пол. być). По отношенію къ др.-ц.-сл. ꙑ и и слѣдуетъ замѣтить, что эти звуки являлись въ др.-ц.-сл. языкѣ также на мѣстѣ первоначальныхъ прасловянскихъ ъ и ь въ положеніи предъ j (i̯): др.-ц.-слов. мꙑѭ изъ первоначальнаго *mъjǫ (ср —р. *мóю*), др.-ц.-сл. виѭ изъ первоначальнаго праслов. *vьjǫ (р. *вью*), др.-ц.-сл. шиꙗ изъ прасл. *šьja (р. *шéя*); однако не исключена возможность, что измѣненіе сочетаній -ъj-, -ьj- въ -yj-, -ij- относится къ прасловянской эпохѣ (ср. ниже, § 22).

Гласные др.-ц.-слов. языка, скрывавшіеся подъ знаками ѫ, ѧ,—глаголич. ⱁ€, Ⱁ€,—несомнѣнно, были носовыми гласными *o* и *e* (ср. ниже, § 23) и соотвѣтствовали прасловянскимъ носовымъ *o* и *e*—ǫ, ę. Большая часть словянскихъ языковъ потеряла носовой характеръ этихъ гласныхъ, но и сохраненіе ихъ въ качествѣ носовыхъ гласныхъ польскимъ и кашубскимъ и слѣды ихъ въ говорахъ словинскаго и болгарскаго языковъ являются достаточнымъ доказательствомъ существованія ихъ въ прасловянскомъ, такъ-какъ другіе индо-европейскіе языки въ соотвѣтствіи др.-ц.-словянскимъ ѫ, ѧ, польскимъ ǫ, ę и т. д. имѣютъ сочетанія гласнаго съ носовымъ согласнымъ; ср. лит. rankà и др.-ц.-сл. рѫка, пол. ręka, рус. *рукà*,—праслов. *rǫkà, лит. penkì, греч. *πέντε* и др.-ц.-слов. пѧть, пол. pięć, рус. *пять*,—прасл. *pętь.

Примѣчаніе. Фортунатовъ предполагаетъ въ прасловянскомъ кромѣ ǫ и ę носовое ě въ формахъ, соотвѣтствующихъ церк.-словянскимъ конѭ вин. мн., землѭ род. ед., им.-вин. мн. ч. Ср. ниже, § 44.

Гласный, обозначавшійся буквой ѣ, соотвѣтствуетъ тому праславянскому звуку, который мы условно обозначаемъ буквой ě, и который врядъ ли можетъ быть опредѣленъ по характеру артикуляціи вполнѣ увѣренно. Въ настоящее время наиболѣе вѣроятной можно признать мысль Фортунатова, что праслов. ě эпохи, непосредственно предшествовавшей распаденію словянскаго праязыка, было дифтонгическимъ сочетаніемъ ie одного слога. Рефлексы этого звука въ отдѣльныхъ словянскихъ языкахъ весьма разнообразны: ср. др.-ц.-сл. лѣто изъ прасл. *lěto и рус. *лѣто*, малор. літо, пол. lato, чеш. leto, серб. восточное lȅto, южное ljȅto и западное lìto. Др.-церк.-слов. ѣ во всякомъ случаѣ уже отличалось по артикуляціи отъ того праслов. ě, къ которому мы возводимъ рефлексы отдѣльныхъ словянскихъ языковъ.

Примѣчаніе. О праславянскомъ ě ср. Ляпунова въ Р. Ф. В. LV т. (1906 г.), 6 и сл. и въ Arch. XXXIII т. (1912 г.), 515 и сл., у Вондрака Vergl. Sl. Gr. I, 54 и сл.

Гласные ъ и ь соотвѣтствуютъ праславянскимъ гласнымъ, которые мы обозначаемъ условно тѣми же знаками ъ и ь, и которые также не могутъ быть точно опредѣлены по характеру артикуляціи; несомнѣнно, что они отличались отъ остальныхъ гласныхъ въ отношеніи количественномъ: какъ доказываетъ ихъ судьба въ отдѣльныхъ словянскихъ языкахъ, они были короче нормально-краткихъ гласныхъ, т. е. количественно редуцированными. Съ этимъ, вѣроятно, была связана меньшая опредѣленность въ акустическомъ отношеніи, чѣмъ и объясняется разнообразіе рефлексовъ этого праславянскаго звука въ отдѣльныхъ словянскихъ языкахъ: ср. др.-ц.-сл. сънъ, русск. *сонъ*, пол. sen, чеш. sen, серб. sân; др.-ц.-сл. дьнь, рус. *день*, пол. dzień, чеш. den, серб. dân.

Трудно сказать, былъ ли др.-ц.-слов. языку извѣстенъ неслоговой i въ соотвѣтствіи праславянскому длительному согласному j; этотъ i̯, или же j, выражается первой частью такъ-называемыхъ йотованныхъ начертаній гласныхъ: ꙗ, ѥ, ю (изъ юу), ѩ, ѫ; ср. ниже, § 26.

§ 3. Др.-ц.-сл. сонорные ꙛ, л, м, н соотвѣтствуютъ праславянскимъ r, l, m, n; при этомъ др.-ц.-словянскому языку, какъ и праславянскому, r, l были извѣстны какъ въ слоговомъ, такъ и въ неслоговомъ употребленіи, сонорные же м, н только въ неслоговомъ: ср. уже приведенныя выше—др.-церк.-слов. трава, лѣто, сънъ, млѣко изъ прасл. *trava, *lěto, *sъnъ, *melko.

Слоговыми были др.-ц.-сл. ꙛ, л въ соотвѣтствіи прасл. сочетаніямъ ьr̥, ьl̥ (ъr̥, ъl̥),—ср. ниже, § 6).

Примѣчаніе. Знаки r̥, l̥ означаютъ слоговые r, l. Въ соотвѣтствіи др.-ц.-сл. грьло, блъкъ въ русскомъ находимъ *горло, волкъ*, въ серб. gr̄lo со слого-

вымъ r и въ сербскомъ-чакавскомъ vlk со слоговымъ l, въ чешскомъ hrdlo и vlk со слоговыми r, l. Всѣ эти формы возводятся обычно къ праслов. формамъ съ r̥, l̥: *gъr̥lo, *vьl̥kъ, гдѣ ъ и ь являются неслоговыми и играютъ роль звуковой окраски по отношенію къ r̥, l̥.

Какъ въ прасловянскомъ, сонорные r, l, n могли быть въ др.-церк.-словянскомъ не только твердыми, но и смягченными: др.-ц.-слов. морѥ изъ прасл. *moŕe (болѣе раннее *morje); др.-ц.-сл. полѥ изъ прасл. *pol´e (раньше *polje), др.-ц.-сл. съ-н҃имь изъ прасл. *sъ-ńimь (раньше *sъn-jimь).

Кромѣ того, въ др.-церк.-словянскомъ существовало смягченное l въ сочетаніяхъ бл, пл, вл, мл на мѣстѣ праслов. b+j, p+j, v+j, m+j; др.-ц.-сл. землꙗ изъ прасл. *zemja (русс. *земля*, пол. ziemia, чеш. země, серб. zèmla), др.-ц.-сл. люблѭ изъ прасл. *ljubjǫ (рус. *люблю*, пол. lubię) и т. п.; ср. ниже, § 28.

Др.-ц.-сл. взрывные п, б, д, т, к, г соотвѣтствуютъ прасл. p, b, d, t, k, g: ср. вышеприведенные примѣры полѥ, берѫ, видѣти, брѣгъ, мѫка. Въ иностранныхъ (греческихъ) словахъ, какъ анг҃елъ, еванг҃елиѥ, параск҃евг҃иꙗ и т. п. въ церк.-слов. памятникахъ находимъ к҃, г҃, т. е. к, г со знакомъ мягкости; для г҃, какъ мы видѣли при ознакомленіи съ глаголической азбукой (Введеніе, стр. 16), въ глаголицѣ имѣлся особый знакъ: ⰳ. Трудно сказать, какіе именно звуки (повидимому, палатальные) скрывались подъ этими к҃, г҃, ⰳ.

Зубные т, д могли быть твердыми и смягченными, а именно смягченными они были въ сочетаніяхъ шт, жд, получившихся въ древне-церк.-словянскомъ языкѣ изъ праслов. t´, d´ (d´ изъ dj, t´ изъ tj и kt) нѫжда, свѣшта, ношть изъ прасл. *nǫdja, *světja, *noktь, ср. ниже, § 31).

Длительный губной в (ц.-слов.) соотвѣтствуетъ прасловянскому v: ср приведенное выше др.-ц.-сл. виѭ. Соотвѣтствующій глухой ф (f) также былъ извѣстенъ др.-цер.-словянскому языку, но лишь въ чужихъ (греческихъ) словахъ: фарисеи, филиппъ и т. п.

Длительные зубные с, з соотвѣтствуютъ прасловянскимъ s, z: ср. приведенныя выше сънъ, землꙗ. Зубной с въ др.-ц.-сл. является также на мѣстѣ прасл. ch въ группѣ chv- предъ i и ě изъ дифтонга oi̯ (ai̯): др.-ц.-сл. влъсви—nom pl. отъ влъхвъ; ср. объ этомъ явленіи ниже, въ § 34).

Язычнонебные ш, ж восходятъ къ прасл. š, ž: ср. нашь, пишѫ, лижѫ изъ прасл. *našь, *pišǫ, *ližǫ; жена изъ прасл. *žena (гдѣ ž изъ болѣе древняго ǧ, т. е. слитное dž—дж): ср. руск. *нашъ*, *пишу*, *лижу*, *жена*, пол. nasz, piszę, liżę, żona и т. д.

Длительный задненебный х соотвѣтствуетъ прасловянскому ch: ср. вышеприведенное оухо. Въ чужихъ (греческихъ) словахъ, какъ архиереи, архисѵнагогъ находимъ въ церк.-слов. памятникахъ х въ положеніи предъ

передненебнымъ гласнымъ. Аффрикаты ч, ц, ѕ восходятъ къ прасл. č c, d͡z (т. е. ч, ц, дз): оучити изъ прасл. *učiti (рус. *учить*, пол. uczyć, чеш. učiti и т. д.): окьца изъ прасл. *ovьca (рус. *овца*, пол. owca, чеш. ovce и т. д.); носѣ nom. dual. изъ прасл. *nodzě (ср. др.-пол. nodze). Аффрикаты ц, ѕ являются въ др.-ц.-сл. языкѣ также на мѣстѣ первоначальныхъ к, г въ группѣ kv, gv предъ палатальными гласными: ср. ниже, § 34.

Такимъ образомъ, звуковая система др.-церк.-слов. языка довольно вѣрно отражаетъ систему звуковъ прасловянскаго языка, поскольку мы можемъ себѣ ее представить на основаніи сопоставленія отдѣльныхъ словянскихъ языковъ.

Отличія др.-цер.-слов. языка въ этомъ отношеніи сводятся къ слѣдующему.

1) Въ положеніи предъ согласнымъ праслов. группы or, ol, er, el, которыя возстановляются въ виду литовскихъ ar, al, er, el, дали въ др.-ц.-словянскомъ съ удлиненіемъ гласнаго и перестановкой—ра, ла, рѣ, лѣ, (*о* при удлиненіи давало а, *е*—ѣ): др.-цер.-слов. брада изъ прасл. *borda (рус. *борода*, пол. broda, чеш. brada, серб. bráda); глава изъ прасл. *golva (рус. *голова*, чеш. hlava, пол. głowa, серб. glâva); ср. лит. barzdà, galvà; др.-ц.-сл. брѣгъ изъ прасл. *bergъ (русс. *берегъ*, чеш. břeh, пол. brzég, серб. brêg); др.-ц.-сл. млѣко изъ прасл. *melko (серб. mléko, чеш. mléko, пол. mleko, рус. *молоко*—вслѣдствіе измѣненія на русской почвѣ el въ ol, затѣмъ въ ol, откуда *оло*); подробнѣе объ этомъ см. ниже, въ § 25.

2) Прасловянскія группы pj, bj, vj, mj дали въ др.-ц.-сл. сочетанія пл, бл, кл, мл.

3) На мѣстѣ первоначальныхъ прасловянскихъ t′, d′ изъ tj, kt, dj въ др.-ц.-словянскомъ находимъ группы шт, жд.

4) На мѣстѣ первоначальныхъ прасловянскихъ сочетаній kv, gv, chv въ положеніи предъ палатальнымъ гласнымъ въ др.-ц.-словянскомъ явились сочетанія цк, зк, гк.

Что касается др.-ц.-слов. ѫ и ѧ въ положеніи предъ j на мѣстѣ первоначальныхъ прасловянскихъ ъ, ь, то, какъ было уже замѣчено, не исключена возможность прасловянскаго происхожденія этого звукоизмѣненія.

Примѣчаніе. Др.-ц.-слов. языкъ, какъ и другіе словянскіе языки, получилъ изъ прасловянскаго различіе долгихъ и краткихъ гласныхъ и, кромѣ того, въ долгихъ гласныхъ различіе качества долготы, т. е. различіе слогоударенія (о слоговомъ удареніи ср. Томсона, Общее языковѣдѣніе², 226 с. или Поржезинскаго, Введеніе въ языковѣдѣніе², 94 с.). О количествѣ и слогоударенія въ др.-церк.-словянскомъ языкѣ мы не имѣемъ данныхъ.

Отношеніе древне-церковно-словянскихъ и прасловянскихъ звуковъ къ индо-европейскимъ.

Довольно вѣрно отражая прасловянскую звуковую систему, др.-ц.-слов. языкъ даетъ наиболѣе цѣнный матеріалъ для выясненія отношеній въ области звуковъ словянской языковой вѣтви къ инымъ вѣтвямъ индо-европейскаго праязыка. Помощью его данныхъ, въ связи съ указаніями иныхъ словянскихъ языковъ, можно установить болѣе древнія эпохи въ жизни прасловянскаго языка,—можно выяснить, какія измѣненія звукового характера пережила словянская вѣтвь, съ момента своего выдѣленія изъ индо-европейскаго цѣлаго до того момента, когда она сама стала распадаться на рядъ самостоятельныхъ словянскихъ языковъ. Въ то-же время выясненіе отношеній др.-ц.-слов. звуковой системы къ прасловянской и этой послѣдней къ индо-европейской необходимо для полнаго пониманія самихъ др.-ц.-словянскихъ фактовъ.

§ 4. Сопоставленіе праслов. звуковъ, возстановляемыхъ сравненіемъ отдѣльныхъ словянскихъ языковъ со звуками другихъ индо-европейск. языковъ въ словахъ, этимологически тожественныхъ, выясняетъ слѣдующее отношеніе первыхъ къ послѣднимъ *).

Праслов. *о* восходитъ къ индо-европ. a и o. 1) Прасл. о изъ индо-евр. a: прасл. *osь (др.-ц.-сл. ось, р. ось), ср. лит. ašìs; греч. ἄξων, лат. axis, прасл. *vonja (др.-ц.-сл. коня, р. вонь), ср. греч. ἄνεμος (*вѣтеръ*), лат. animus (*душа*); 2) прасл. о изъ и.-евр. o: прасл. *oko (др.-ц.-слов. око, р. око), ср. лат. oculus (*глазъ*), греч. ὄσσε (дв. ч. *очи*).

Примѣчаніе. По вопросу о совпаденіи *a* и *o* въ одномъ звукѣ въ словянскомъ и балтійскихъ языкахъ ср. Kretschmer въ Arch. XXVII, 228 с., Фасмеръ въ K. Z. XLI, 157 с., Эндзелинъ, Слав.-балт. этюды, 106—107 с. Тамъ же указана иная литература вопроса.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ прасловянскому *о* въ др.-инд. и др.-ир. соотвѣтствуетъ не *a*, какъ въ 1) и 2): ось—древ.-инд. ákša-s,—но i: ср. прасл. *stojǫ—*stojati и др.-инд. sthitá-s (стоящій), лат. status, греч. στατός, или прасл. *sprogъ (др.-ц.-сл. спорꙑ, р. спóрый, спóро — одного корня съ *спѣть*, *спѣлый*) и др.-инд. sphirá-s (богатый, большой).

Въ этихъ случаяхъ предполагаютъ и.-евр. гласный *ə*, какъ полушопотный гласный (Murmelvocal), являвшійся ослабленіемъ гласныхъ ē, ō, ā.

Примѣчаніе. Ср. о полушопотныхъ гласныхъ у Томсона, Общ. языков. 2 изд. 167 с.

---

*) Въ древне-инд. формахъ по условіямъ типографскаго характера палатальное Š обозначено знакомъ Ś, церебральное Š простымъ Š (безъ точки подъ буквой).

Наконецъ, гласный о является въ праслов. на мѣстѣ болѣе древняго е въ сочетаніи eu предъ гласными, ср. ниже. Соотвѣтствуя и.-евр. *a*, слов. *о* передаетъ также *a* другихъ языковъ въ заимствованныхъ словахъ: такъ, др.-ц.-сл. олътарь передаетъ лат. altare, др.-ц.-слов. попъ—др.-в.-н. pfaffo; др.-ц.-слов. поганинъ—лат. paganus; др.-ц.-слов. оброкъ—лат. avarus, греч. ἄβαρ (названіе народа); ср. также др.-ц.-слов. оцьтъ, пол. и чеш. ocet—лат. acetum. Очевидно изъ этихъ сопоставленій, что словянское *о* искони было звукомъ открытымъ, близкимъ къ латинскому *a*, тогда какъ иноязычное *о* было сравнительно со словянскимъ *о*—звукомъ болѣе закрытымъ.

Праслов. *a* восходитъ къ и.-евр. ā и ō. 1) Прасл. *a* изъ и.-евр. ā: прасл. *mati (др.-ц.-сл. мати, р. мать); ср. латыш. māte, др.-и. mātár—греч. (дорич.) μάτηρ, лат. māter, слѣд. индо-евр. *māter-; прасл. *bajǫ (др.-ц.-сл. баѭ—баяти, рус. баю, баять), ср. греч. (дор.) φαμί (говорю), лат. fāma (*молва*), fāri (*говорить*); прасл. *stā—(др.-ц.-слов. стати, станъ, рус. стать, станъ), ср. др.-и. sthāna-m (*стоянка*), лат. stāre (*стоять*). 2) Прасл. *a* изъ индо-евр. ō: прасл. *dati (др.-ц.-слов. дати, рус. дать), ср. греч. δί-δωμι, лат. dōnum (*даръ*), лит. dúti.

Примѣчаніе. Относительно гипотезы двухъ и.-евр. о (о и å) ср. Pedersen K. Z. 36 т. 86 и сл., 101 и сл., Meillet M. S. L. 8, 153 и сл., Brugmann K. V. Gr. 74 с. § 103 прим., 76 с. § 109 прим.

Кромѣ того, гласный *a* является на словянской почвѣ, какъ удлиненіе гласнаго *о*: праслов. *obnavjati при *obnoviti, и послѣ j, č, š, ž изъ первоначальнаго ē: *stojati, др.-ц.-сл. стоꙗти, изъ *stojēti, *slyšati, др.-ц.-сл. слꙑшати,—изъ *slychēti и т. д.

§ 5. Прасл. *e* соотвѣтствуетъ индо-евр. e: прасл. *berǫ (др.-ц.-сл. берѫ, р. беру), ср. греч. φέρω (*несу*), лат. fero (*несу*), прасл. *vezǫ (др.-ц.-сл. везѫ, р. везу), ср. лат. veho, лит. vežù; прасл. e получилось изъ о послѣ мягкихъ неслоговыхъ: ср. прасл. *je-go, др.-ц.-сл. іего и др.-инд. yá-s, греч. ὅ-ς, лит. jõ; им. ед. ч. *polje (полѥ) и *selo (сѣло).

Праслов. ě соотвѣтствуетъ индо-евр. ē съ одной стороны и и.-евр. дифтонгамъ ai, oi съ другой стороны (одинаково,—съ ā, ō или съ a, o). 1) Прасл. ě изъ и.-евр. ē: прасл. *sěmę (др.-ц.-сл. сѣмꙗ, р. сѣмя), ср. лат. sēmen, лит. sẽmens (plur.); прасл. *spěti (др.-ц.-сл. спѣти, р. спѣть), ср. лат. spēs (*надежда*), лит. spė̃ti (со значеніемъ нашего — *поспѣть куда-нибудь, быть проворнымъ*). 2) Прасл. ě изъ дифтонга: прасл. *sněgъ (др.-ц.-сл. снѣгъ, р. снѣгъ), ср. лит. snaigýti infin. (нѣм. schneien), гот. snaiws (*снѣгъ*); прасл. *věd—(др.-ц.-сл. вѣдѣ), ср. гр. οἶδα (*знаю*); прасл. *lěvъ (др.-ц.-сл. лѣвъ, р. лѣвый), ср. греч. λαι(Ϝ)ός, лат. laevus.

§ 6. Прасл. ь обычно соотвѣтствуетъ и.-евр. i: прасл. *čь-to, др.-ц.-сл. чьто—лат. quis (*кто*); прасл. *mьzda, др.-ц.-сл. мьзда—греч. *μισθός* (*плата*); прасл. *vьdova, др.-ц.-сл. вьдока—латин. vidua. Прасл. ь являлось также изъ первоначальнаго e въ положеніи предъ i̯ (j): прасл. *vьjǫ, др.-ц.-сл. виѫ (также вьѫ) изъ *vejǫ, — ср. лит. veju̇̀; въ конечномъ слогѣ ь получалось изъ -in: *gostь вин. ед., др.-ц.-слов. гость изъ *gostin (ср. ниже, § 43). Кромѣ того ь предполагаютъ въ сочетаніи съ r, l, m, n въ соотвѣтствіи индо-европейскимъ слоговымъ r, l, m, n, причемъ такое ь было неслоговымъ въ сочетаніяхъ ьr, ьl+согласный и, наоборотъ, слоговымъ въ положеніи предъ гласнымъ.

Сопоставляя др.-ц.-сл. влькъ, рус. *волкъ*, сербское-чакавское vlk со слоговымъ l, пол. wilk, чеш. vlk со слоговымъ l (литовское viĨkas)—предполагаютъ, что различныя формы словянскихъ языковъ восходятъ къ праслов. *vьl̥kъ; такъ-же др.-ц.-сл. чрьнъ, русс. *чернъ*, серб. сȋн возводятъ къ прасл. *čьr̥nъ. Эти сочетанія ьr̥, ьl̥ возводятъ къ индо-европейскимъ r̥, l̥,—ср. др.-индійское vr̥kas, kr̥šnás—со слоговымъ r. Иначе r̥, l̥ обозначаютъ въ видѣ ar̥, al̥, т. е. какъ сочетаніе слогового r̥, l̥ съ неслоговымъ гласнымъ, неопредѣленнымъ по качеству.

Примѣромъ слогового употребленія ь въ сочетаніи съ r, l можетъ служить прасл. *mьrǫ (др.-ц.-сл. мрѫ, р. *мру*) при *sъ-mьr̥-tь (др.-ц.-сл. съмрьть, р. *смерть*): ср. др.-инд. mr̥ti-š.

Въ сочетаніи съ m, n—ь можетъ быть лишь слоговымъ, т. е. въ положеніи ьm, ьn предъ гласнымъ, такъ-какъ предъ согласнымъ такія сочетанія измѣнились въ носовой гласный (ср. ниже, § 9): *žьmǫ—др.-ц.-сл. жмѫ, р. *жму*, *pьnǫ—др.-ц.-сл. пьнѫ, р. *пну*. На прасловянской почвѣ ь являлся изъ ъ послѣ j: прасл. *konjь (др.-ц.-слов. коньь)—изъ *konjъs, какъ *bogъ изъ *bogъs (ср. ниже, § 7).

Праслов. *i* соотвѣтствуетъ съ одной стороны индо-евр. ī, а съ другой—и.-евр. дифтонгамъ: oi (ai, ōi, āi), ei (ēi). 1) Прасл. i изъ и.-евр. ī: прасл. *gīvъ (др.-ц.-сл. живъ, р. живъ), ср. лит. gývas, др.-и. jīvás, лат. vīvus изъ болѣе древняго vīvos; прасл. *viti (др.-ц.-сл. вити, рус. вить), ср. лит. výti (*плести*), лат. vītis (*вьющееся растеніе*). 2) Прасл. i изъ и.-евр. ei: прасл. *vidъ (др.-ц.-сл. видъ, р. видъ), ср. лит. véidas (*лицо*); прасл. *iti (др.-ц.-сл. ити, русс. идти), ср. греч. εἶμι (*пойду*), лит. eĩti. 3) Прасл. i изъ дифтонга oi: прасл. *beri (др.-ц.-сл. бери, р. бери—повел. н.), ср. греч. φέροις; прасл. *stoli n. pl. отъ *stolъ (др.-ц.-сл. столи—им. мн. ч.), ср. лит. stalaĩ и оконч. oi въ греч. ἄνθρωποι. 4) Прасл. i изъ дифтонга oi послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ: ср. прасл. *volji дат. ед. ч. отъ *volja,—др.-ц.-сл. коли (при дат. ед. ч. водѣ, гдѣ словянскому ѣ соотвѣтствуетъ дифтонгъ въ греч. θεᾷ изъ θεᾱι).

Примѣчаніе. Дифтонгъ ai давалъ въ словянскомъ oi въ силу измѣненія a въ o (ср. выше, § 4); дифтонги āi, ōi дали въ словянскомъ то-же, что и ai, т. е. oi: вѣроятно, въ дифтонгахъ первая—слоговая часть вообще сокращалась въ прасловянскомъ. Въ формѣ *volj-ai, откуда—*voljoi, o послѣ j давало e (ср. § 5): voljei, a ei давало i.

Кромѣ того прасл. i находимъ 5) въ соотвѣтствіи и.-евр. ū послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ, параллельно прасл. *y* изъ ū послѣ твердыхъ согласныхъ: прасл. *šiti, др.-ц.-сл. шити—лит. siúti; 6) въ началѣ слова изъ *jь и jъ: ср. прасл. *igo, др.-ц.-сл. иго изъ *jьgo, а это изъ *jъgo,—лат. jugum, др.-инд. yugam; такъ-же *jьmǫ съ новымъ j (i̯),—ср. лит. imù,—дало *imǫ, др.-ц.-сл. имѫ; 7) въ конечномъ слогѣ въ соотвѣтствіи -ins: *gosti, др.-ц.-слов. гости изъ *gostins; ср. § 44; 8) какъ удлиненіе i, т. е. ь на словянской почвѣ: *čitati, ср. *čьtǫ 1 s. praes.

Примѣчаніе. Въ прасл. формахъ, соотвѣтствующихъ др.-ц.-слов. мати, дъшти, i соотвѣтствуетъ первоначальному -ē (ср. лит. motẽ); ср. объ этихъ формахъ ниже, § 39.

§ 7. Праслов. ъ представляетъ рефлексъ и.-евр. u: прасл. *blъcha, др.-ц.-сл. блъха, рус. *блоха*—лит. blusà; прасл. *dъkti, др.-ц.-сл. дъшти, р. *дочь*—лит. duktẽ, др.-инд. duhitár-; прасл. *snъcha, др.-ц.-сл. снъха—греч. *νυός*, др.-и. snušā, др.-в.-н. snur, лат. nurus. Прасл. ъ изъ и.-евр. o получилось въ конечномъ закрытомъ слогѣ предъ -s и -n: ср. греч. *λύχος* им. ед., *λύχον* вин. ед. и праслов. *vьl̥kъ, др.-ц.-сл. влькъ им.-вин. ед.; ср. § 39, 43. Прасл. ъ изъ конечнаго -un—въ формѣ сынъ вин. ед. изъ *sūnun,—ср. § 43. Слов. ъ находимъ также на мѣстѣ иноязычнаго u въ заимствованныхъ словахъ: kъnędzь—др.-в.-н. kuning; слов. istъba, р. изба—др.-в.-н. stuba. Кромѣ того, ъ находимъ рядомъ съ ь въ сочетаніяхъ съ r, l, n, m въ соотвѣтствіи индо-европейскимъ r̥, l̥, n̥, m̥: прасл. *gъr̥lo, др.-ц.-сл. грло, р. *горло*—лит. gurklỹs, праслов. *dъmǫ, др.-ц.-сл. дъмѫ,—лит. dumiù—dùmti.

Праслов. *y* обычно является въ соотвѣтствіи индо-евр. ū: праслов. *byti (др.-ц.-сл. бꙑти, р. *быть*)—лит. búti, греч. *ἔφυ* (*онъ росъ*); прасл. *dymъ (др.-ц.-сл. дꙑмъ, р. *дымъ*)—лит. dúmai, др.-и. dhūmás, греч. *θυμός* (*духъ*), лат. fūmus (дымъ); праслов. *myšь—греч. *μῦς*, лат. mūs. Точно такъ-же гласный *y* находимъ въ словянскихъ языкахъ на мѣстѣ ū иныхъ языковъ въ древнѣйшихъ словянскихъ заимствованіяхъ; такъ, чешское pytel (мѣшокъ), польское pytel—род. п. pytla (сито, рѣшето) заимствовано изъ ст.-нѣм.: pûtil (ср. соврем. нѣм. Beutel), и гласный *y* передаетъ нѣм. û; др.-ц.-сл. хꙑжа, тꙑнъ взяты также изъ нѣм.: гот. hūs (новонѣм. Haus), др.-норд. tūn, др.-в.-нѣм. zūn (совр. нѣм. Zaun).

Кромѣ того, праслов. *y* является удлиненнымъ ъ: *posylati, др.-ц.-сл. посылати, ср. *sъlati, др.-ц.-сл. слати и т. п. Въ конечныхъ слогахъ находимъ прасл. u въ соотвѣтствіи и.-евр. -ons: ср. вин. п. мн. ч. *vьlku, др.-ц.-слов. влькы и греч. *Λύκους* (критское); ср. ниже, § 44; объ -u въ *kamu ср. ниже, § 39.

§ 8. Прасл. u всегда восходитъ къ и.-европ. дифтонгу ou, au, eu. При этомъ въ соотвѣтствіи ou, au является u; въ соотвѣтствіи же eu—ju: прасл. *suchъ—лит. saũsas, греч. *αὖος* изъ **σαυσος*, прасл. *ucho—лит. ausìs, лат. auris; прасл. *bljudǫ—греч. *πεύθομαι*, прасл. *ljubъ—гот. liuþs изъ *leubhos.

Примѣчаніе. Ср. по этому вопросу Joh. Schmidt K. Z. XXIII, 352 и сл.; Berneker I. F. X. 145 и сл.; Zupitza Die germanischen gutturale 145 с.; K. Z. 40, 250 и сл.; Ильинскій Arch. XXIX, 481 с.; Vondrák V. Sl. Gr. I, 15, 97—100; Leskien Gr. d. altb. Spr. 13—14; Микола Roczn. Sl. I, 9 с.; ср. § 39, 52.

Монофтонгъ u (ju) получился въ прасл. изъ дифтонга предъ согласнымъ и въ концѣ слова, предъ гласнымъ же, какъ изъ ou, au, такъ обычно и изъ eu получилось сочетаніе ov: ср. праслов. *novъ—греч. *νέος* (*νεϝος*) изъ и.-евр. *neuos; прасл. *plovǫ—греч. *πλέω* изъ *πλεϝω*, прасл. *slovo—греч. *κλέος* (*вѣсть, слухъ*) изъ *κλέϝος*. Предъ палатальнымъ гласнымъ, быть можетъ, сохранялось ev: ср. прасл. *devętь, др.-ц.-слов. девѧть, рус. *девять*; ср. Meillet Genitif-accusatif, 84 и сл.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ соотвѣтствіи и.-евр. eu въ слов. находимъ u, а не ju, оно объясняется нефонетически: прасл. *pluti,—ср. греч. *πλεϝω*,—могло явиться подъ вліяніемъ *plovǫ (praes.), такъ-же *sluti подъ вліяніемъ *slovǫ. И, наоборотъ, вмѣсто закономѣрнаго,—въ силу измѣненія «eu+гласный» въ «ou+гласный»,—*rovǫ при *rúti и подъ его вліяніемъ явилось *revǫ; ср. Meillet M. S. L. XIV, 354—355 с.с., Leskien Gr. d. altb. Spr. 14 с.

Что касается дифтонговъ съ долготой перваго элемента, т. е. āu, ōu, ēu, то они въ словянскомъ, повидимому, очень рано сократили свою первую часть и совпали съ au, ou, eu; Brugmann KVGr. § 146. Ср. др.-и. áśrāušam и др.-ц.-сл. послоухъ,—аористъ отъ корня klеu—. Не совпало только ēu съ eu въ положеніи предъ гласнымъ, такъ какъ не переходило въ ou и давало ĕv: ср. прасл. *sĕv-erъ и лит. šiau-rỹs.

Въ заимствованныхъ словахъ u являлось на мѣстѣ ō другихъ языковъ: ср. готское bōka—др.-ц.-сл. боукы—боукъве род. п.

§ 9. Праслов. ǫ, ę имѣютъ своимъ соотвѣтствіемъ и.-евр. сочетанія *гласный+носовой* или же слоговой носовой m̥, n̥, причемъ носовой гласный получался изъ сочетанія «гласный+n, m» въ концѣ слова и предъ согласнымъ. Образованіе носового гласнаго не могло имѣть мѣсто предъ j,

такъ-какъ n+j давало раньше смягченное n: ср. др.-ц.-слов. коня, т. е. vońa изъ *vonja.

Такъ, прасловянскому ǫ отвѣчаютъ и.-евр. сочетанія on, om, an, am предъ согласнымъ и и.-евр. ām въ конечномъ слогѣ слова: ср. праслов. *rǫka (др.-ц.-сл. рѫка, р. *рука*) и лит. rankà, прасл. *zǫbъ (др.-ц.-слов. зѫбъ, рус. *зубъ*)—ср. греч. *γόμφος* (*болтъ, гвоздь*); прасл. *berǫtь (др.-ц.-сл. берѫтъ, др.-рус. *берутъ*), ср. греч. (дор.) *φέροντι* (*несутъ*); прасл. *ǫglъ (др.-ц.-сл. ѫглъ, р. *уголъ—угла*),—лат. angulus; прасл. окончаніе acc. s. f. ā—основъ: ǫ—изъ и.-евр. ām,—ср. прасл. *rǫkǫ, *vodǫ, *ženǫ и т. д. (др.-ц.-сл. рѫкѫ, водѫ, женѫ,—р. *руку, воду, жену*)—лат. aquam, греч. *χώραν*. Въ словахъ, заимствованныхъ словянскимъ изъ другихъ языковъ, находимъ ǫ на мѣстѣ иноязычнаго an, am: ср. др.-церк.-слов. хѫдогъ—гот. handugs (мудрый), а также на мѣстѣ un: др.-церк.-словян. вѫгринъ—ungarus.

Вопросъ о праслов. ǫ изъ слоговыхъ m̥, n̥, а также изъ сочетаній um, un является спорнымъ.

Прасл. ę восходитъ 1) къ и.-евр. сочетаніямъ em, en; 2) къ и.-евр. ēm, ēn; 3) къ слоговымъ m̥, n̥ (или am̥, an̥). Такъ 1) праслов. *pęťь, (др.-ц.-сл. пѧть, р. *пять*), ср. съ лит. penki, греч. *πέντε*; прасл. *svętъ (др.-ц.-сл. сѧтъ, рус. *святъ*), ср. лит. šventas; прасл. *jętro (др.-ц.-сл. ѩтро—печень), ср. съ греч. *ἔντερα* (*внутренности*). 2). Праслов. *mę, *tę, *sę (др.-ц.-сл. мѧ, тѧ, сѧ, р. мя, тя,—ся), ср. съ др.-инд. mām изъ *mēm и tvā́m. 3) Прасл. *desętь (др.-ц.-сл. десѧть, рус. *десять*), ср. съ лит. dešimtas, греч. *δέκατος*, гот. taihunda; прасл. *pa-męťь (др.-ц.-слов. памѧть, р. *память*), ср. съ лит. at-mintis изъ и.-евр. *mn̥tis. Прасл. ę получалось также изъ -jon-: ср. им. п. ед. ч. м. р. причастія *znaję,—др.-ц.-сл. знаѩ,—изъ *znajont-s. Въ заимствованныхъ словахъ ę соотвѣтствуетъ нерѣдко иноязычному—in: ср. прасл *kъnędzь, др.-ц.-слов. кънѧзь и др.-в.-н. kuning, др.-ц.-сл. цѧта и готское kintus.

Что касается вопроса о прасл. ę изъ и.-евр. сочетаній im, in, то онъ является спорнымъ.

Примѣчаніе. По вопросу объ ǫ изъ m̥, n̥ и um, un и по вопросу объ ę изъ m̥, n̥, im, in—ср. Vondrák въ B. B. XXIX, 201 и 207 с. и Vergl. Gr .I, 115 с., 336 и сл., Pedersen въ K. Z. XXXVIII, 323, 386 и сл., 395 и сл., Meillet въ M. S. L. X, 140 с., XIV, 196 с., 366, 371 с.с., Brugmann K. V. Gr. 116, 130 с.. Lorentz Arch. XVII, 86 и сл., Mikkola R. Sl. I, 15 с., Pedersen Mat. i pr. I, 167 с.

§ 10. Прасл. сонорные r, l, которые были извѣстны прасл. языку какъ въ слоговомъ, такъ и въ неслоговомъ употребленіи (ср. выше, § 6), восходятъ къ и.-евр. r, l: ср. др.-и. bhárāmi, греч. *φέρω*, лат. fero, прасл.

*berǫ (др.-ц.-сл. беръ, р. беру); др.-и. srávati (*онъ течетъ*), др.-в.-нѣм. stroum, лит. stravėti ср. съ др.-ц.-слов. остроκъ; греч. λείπω, лат. linquo, лит. lėkù (*оставляю*), прасл. *lěk-: ср. др.ц.-слов. отъ-лѣкъ (*остатокъ*); гр. ὀμίχλη, лит. miglà, прасл. *mьgla: ср. др.-ц.-сл. мьгла, р. *мгла*.

Примѣчаніе. Въ виду литовскихъ ir, ur, соотвѣтствующихъ словянскимъ ьr̥, ьl̥ (ъr̥, ъl̥) въ положеніи предъ согласнымъ, можно думать, что и въ праславянскомъ изъ r̥, l̥ (ar̥, al̥) индоевропейскихъ первоначально были ьr, ьl (ъr, ъl) со слоговымъ ь (ъ) и неслоговымъ r, l; ср. Шахматова «Къ исторіи звуковъ» 4 с.

Сонорные m, n праслов. языка восходятъ къ и.-евр. m, n: прасл. *merti (др.-ц.-сл. мрѣти, р. *мереть*), ср. съ лит. miřti, др.-инд. mr̥ti-š (смерть), лат. morior; прасл. *zima (др.-ц.-сл. зима, рус. *зима*), ср. съ лит. žėmà (зима), др.-инд. hémaṇ (зимой), греч. χεῖμα (буря); праслов. *nagъ (др.-ц.-сл. нагъ, р. *нагъ*), ср. съ лит. nů́gas, лат. nūdus; праслов. *ognь (др.-ц.-сл. огнь, р. *огонь*), ср. съ лит. ugnis, др.-и. agniš, лат. īgnis.

Въ извѣстныхъ случаяхъ праслов. m, n (неслоговое) восходятъ къ и.-евр. m̥, n̥, а именно въ сочетаніяхъ ьm, ьn, получившихся изъ и.-евр. m̥, n̥ (am̥, an̥) — въ положеніи предъ гласными. Въ положеніи предъ согласными неслоговые n, m исчезли, слившись съ предшествовавшими гласными въ одинъ носовой гласный (ср. выше, §§ 6 и 9).

§ 11. Губные взрывные p, b являются въ прасл. на мѣстѣ и.-евр. 1) p, 2) b, 3) ph, 4) bh, т. е. въ словянскихъ взрывныхъ губныхъ p, b совпали и.-евр. взрывные губные и взрывные губные придыхательные (аспирація сохранена въ др.-инд. языкѣ и въ греч., гдѣ ph, bh>φ): ср. 1) прасл. *plovǫ (др.-ц.-сл. плокъ, р. *плыву*) и др.-и. plávatē (онъ плыветъ), греч. πλέω, лат. pluit, лит. pláuju (мою); 2) прасл. *dobrъ (др.-ц.-сл. добръ, р. *добръ*), лат. faber, др.-в.-н. tarfar; 3) др.-ц.-слов. полица (*шестъ, жердь*)—др.-инд. phálaka-m (доска), греч. σφέλας (скамейка для ногъ) Brugmann K. V. Gr. 152 с.; 4) прасл. *bojati-sę (др.-церк.-слов. боꙗти ꙗ, р. *бояться*)—др.инд. bháya-tē (онъ боится); прасл. *byti (др.-ц.-сл. бꙑти, р. быть), лит. búti, др.-инд. bhū-.

Зубные взрывные t, d, подобно губнымъ p, b—представляютъ рефлексы какъ и.-евр. 1) t, 2) d, такъ и и.-евр. придыхательныхъ зубныхъ 3) th, 4) dh (аспирація сохранена др.-и. языкомъ и греч., гдѣ индо-евр. dh>θ): 1) прасл. *tesati (др.-ц.-сл. тесати, р. *тесать*)—лит. tašýti (*обтесывать, обрубать*), др.-и. tákša-ti, греч. τέκτων (*плотникъ*), лат. texo; прасл. *pamętь (др.-ц.-сл. память, р. *память*)—лит. at-mintìs (память), др.-и. matiš (мысль), лат. mentem acc. s. (умъ); 2) прасл. *dъva (др.-ц.-сл. дъва, рус. *два*)—лит. dù (изъ *dvů́), др.-и. dvāú, греч. δύω, лат. duo; прасл. *voda (др.-ц.-сл. вода, р. вода)—лит. vandů́, др.-инд. udán-,

греч. *ὕδωρ*, лат. unda; 3) прасл. *mętǫ (др.-ц.-сл. матѫ, р. мятý)—лит. mentùrė, др.-инд. mánthа-ti (трогаетъ); 4) прасл. *dojǫ (др.-ц.-сл. доѭ, рус. *дою*)—лит. dėlė̃ (піявка), др.-и. dhа́ya-ti (онъ сосетъ); греч. *θῆσατο* (онъ сосалъ), лат. fēlo.

Взрывные задне-небные k, g праслов. языка соотвѣтствуютъ различнымъ оттѣнкамъ индо-евр. велярныхъ взрывныхъ: въ нихъ (k, g) совпали предполагаемые индо-евр. велярные: 1) k, g и придыхательное gh, 2) лабіализованные k^u, g^u и придыхательное g^uh. И.-евр. k, g являются въ словянскомъ въ слѣдующихъ примѣрахъ: праслов. *kopati (др.-ц.-сл. копати, р. *копать*)—лит. karóti (бить)—греч. *κόπτω* (бью); прасл. *pro-kъ (остальной), др.-ц.-сл. прокъ (остальной), р. *прокъ*, *в-прокъ*—греч. *πρόκα* (тотчасъ), лат. reciprocus; праслов. *golgolati (др.-ц.-слов. глаголати)—лат. gallus; прасл. *igo (др.-ц.-сл. иго, рус. *иго*) изъ *jъgo—лат. jugum, греч. *ζυγόν*.

И.-евр. gh является въ греческомъ въ видѣ *χ*, въ лат. въ видѣ h, въ словянскомъ же на его мѣстѣ находимъ g: прасл. *mьgla (др.-ц.-сл. мьгла, р. *мгла*)—греч. *ὀ-μίχλη*, др.-и. meghas (облако), лит. miglà.

И.-евр. лабіализованные k^u, g^u,g^uh являются въ греческомъ въ видѣ *π* (*τ*), *β* (*δ*), *φ* (*θ*), въ латинскомъ—въ видѣ qu (c), gu (v, g), f (gv, g, v), въ слов.—k, g: ср. прасл. *otъ-lękъ (др.-ц.-сл. отъ-лѣкъ), и лит. at-lėkas, греч. *λείπω* (оставляю), *λοιπός* (послѣдній); прасл. *govędo—латыш. gûws (корова), греч. *βοῦς*; прасл. *gon-: ср. др.-ц.-слов. изъгонъ, (изгнаніе)—греч. *φόνος*; прасл. *snĕgъ (др.-ц.-сл. снѣгъ, р. снѣгъ)—греч. *νίφα*.

§ 12. Губной v прасловянскаго языка соотвѣтствуетъ и.-евр. u̯: прасл. *vědě (др.-ц.-сл. вѣдѣ, ср. р. *вьд-а-ть*)—др.-и. véda, греч. (ϝ)*οἶδα*, лат. video, гот. wait (и.-евр. корень *u̯eid—*u̯oid); прасл. *novъ (др.-ц.-слов. новъ, р. *новъ*)—др.-и. návas, греч. *νέ(ϝ)ος*, лат. novus (и.-евр. *neu̯os).

Кромѣ того v изъ u̯ въ нѣкоторыхъ случаяхъ являлось на словянской почвѣ, напр. въ др.-ц.-сл. конѧ, р. *конь*, пол. wąchać при др.-ц.-сл. мѫхати, вѣроятно также въ *by̆vati-, др.-ц.-сл. бꙑкати, изъ *bū-a-ti.

Зубной спирантъ s прасловянскаго языка—различнаго происхожденія; онъ восходитъ: 1) къ индо-европ. s: прасл. *sedmь (др.-ц.-сл. седмь, р. *семь*)—др.-и. saptá, лат. septem, лит. septynì, гот. sibun; прасл. *sestra (др.-ц.-сл. сестра, р. сестра)—др.-и. svásar-, гот. swistar, прасл. *sěmę (др.-ц.-сл. сѣмѧ)—лат. sēmen; 2) къ и.-ев. палатальному k (k̂); ср. прасл. *desętь (др.-ц.-сл. десѧть, р. *десять*)—др.-и. dáśa, лат. decem, греч. *δέκα*, лит. dẽšimtis; прасл. *vьsь (др.-ц.-сл. вьсь—деревня)—лат. vīcus, греч. *οἶκος*; и.-евр. k̂s также давало s: прасл. *desnъ или *desьnъ (др.-ц.-сл. десьнъ)—лит. dešinė̃, греч. *δέξιος*, лат. dexter (и.-евр. *dek̂sno-, *dek̂so-); 3) s являлось въ прасловянскомъ, какъ результатъ измѣненія ch̆ въ по-

ложеніи предъ палатальными гласными (i, ě), получившимися изъ болѣе древнихъ дифтонговъ oi, ai: n. s. *duchъ—loc. s. *dusě, n. pl. *dusi (др.-ц.-сл. доухъ-доусѣ, доуси), также подъ вліяніемъ предыдущаго палатальнаго гласнаго: такъ, *vьchъ (лит. vìsas) измѣнилось въ *vьsь (др.-ц.-сл. кысь),—ср. о формѣ *vьchъ ниже.

Праслов. z восходитъ или къ индо-евр. z, или же къ индо-евр. палатальному g, gh: 1) праслов. *mьzda (др.-ц.-сл. мьзда, рус. *мзда*)—гот. mizdō, греч. *μισθός*; праслов. *mozgъ (др.-ц.-сл. мозгъ, р. *мозгъ*)—авест. mazga-; 2) и.-евр. палатальное g является въ др.-инд. въ видѣ j и въ греч. въ видѣ *γ*, тогда какъ индо-европ. gh (придыхательное палатальное g) въ др.-инд. дало h, въ греч. *χ*; въ словянскомъ на мѣстѣ того и другого имѣемъ z: ср. прасл. *znati (др.-ц.-сл. знати, р. *знать*) — греч. *γιγνώσκω*, др.-и. jānāti, лит. žinóti, лат. gnosco; прасл. *vozъ (др.-ц.сл. возъ, р. *возъ*)—греч. (*F*)*όχος*; прасл. *vezǫ (др.-ц.-сл. везѫ, рус. *везу*)—лат. veho, др.-и. váhati (*онъ везетъ*).

Праслов. ch представляетъ собою звукъ, явившійся на словянской почвѣ на мѣстѣ индо-евр. s въ извѣстныхъ условіяхъ (послѣ u, i, краткихъ, долгихъ или неслоговыхъ, и послѣ k, r).

Прасл. š и ž явилось на словянской почвѣ: š на мѣстѣ болѣе древняго s въ положеніи предъ j, а также на мѣстѣ болѣе древняго ch въ положеніи предъ палатальными гласными и j; ž явился на мѣстѣ болѣе древняго z въ положеніи предъ j.

Примѣры: 1) ch изъ и.-евр. s: праслов. *duchъ (др.-ц.-слов. доухъ, р. *духъ*)—лит. daũsos plur. (*воздухъ*); прасл. *bl̥ъcha (др.-ц.-слов. блъха, р. *блоха*)—лит. blusà; прасл. *mucha (др.-ц.-сл. моуха, р. *муха*)—лит. musẽ, лат. mus-ca; прасл. *vьchъ,—лит. vìsas,—измѣнившееся затѣмъ въ *vьsь (др.-ц.-сл. кысь); 2) š изъ sj: прасл. *pišeťь 3 s. praes. (др.-ц.-сл. пишетъ, др.-р. пишеть изъ *pisjeťь ср. *pisati, *pьsati (др.-ц.-сл. пьсати, писати); 3) š изъ ch въ положеніи предъ j и палатальными гласными: прасл. *duša (съ первоначально палатальнымъ š) изъ *duchja (др.-ц.-сл. доуша, р. *душа*); прасл. *duše voc. s. отъ *duchъ (др.-ц.-сл. доуше)—изъ *duch+e; прасл. *dušiti (др.-ц.-сл. доушити, р. *душить*) изъ *duch-i-ti; прасл. *slyšeti изъ *slychēti, затѣмъ измѣнившееся въ *slyšati (др.-ц.-сл. слышати, р. *слышать*); прасл. *šьdъ изъ *chьdъ (др.-ц.-сл. шьдъ—шьдъши, р. *шедши*): ср. *chodъ; 4) ž изъ z+j: прасл. *vęžǫ (др.-ц.-слов. вѧжѫ, р. *вяжу*) изъ *vęz-jǫ: ср. *vęzati (др.-ц.-сл. вѧзати, р. *вязать*).

Прасл. ž являлось также изъ болѣе древняго ǧ, о которомъ ср. § 13.

Прасл. j восходитъ къ и.-евр. j или i̯: прасл. *junъ (др.-ц.-слов. юнъ, р. *юнъ*)—лит. jáunas, лат. juvenis.

Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ случаяхъ развивался i̯, переходившій въ j, на словянской почвѣ: ср. *jablъko, др.-ц.-слов. ꙗблъко, и латыш. âbûlis, лит. óbůlas, др.-в.-н. apful; *jagnьcь, др.-ц.-сл. агньць, и латин. agnus; новое j-, вѣроятно, также въ *bijati, др.-ц.-сл. бити изъ *bī-a-ti.

§ 13. Слитные c, dz, č, ǧ (dž̂), первоначально смягченные, явились на словянской почвѣ на мѣстѣ болѣе древнихъ задне-небныхъ k, g въ положеніи ихъ предъ j или палатальными гласными; слитный ǧ измѣнился затѣмъ въ ž. Въ положеніи предъ палатальными гласными e, ē (ě), ę, i изъ ī и изъ ei, ь, а также предъ j задненебные k, g измѣнились въ прасловянскомъ въ č, ž. Такъ: voc. s. *bog+e измѣнилось въ *boǧe, а затѣмъ *bože (ср. др.-ц.-сл. боже, р. *боже*, серб. bȍže и т. д.); voc. s. *vьi̯k+e измѣнилось въ *vьi̯če (др.-ц.-слов. кльче). Такъ-же получились: прасл. *otročę (др.-ц.-слов. отрочѧ, р. *отроча*) изъ *otrok-ę: ср. *otrokъ (др.-ц.-сл. отрокъ, р. *отрокъ*); прасл. *mьi̯čēti изъ *mьi̯kēti, потомъ измѣнившееся въ *mьi̯čati (др.-ц.-сл. мльчати, р. *молчать*): ср. *mьi̯knǫti (др.-ц.-сл. млъкнѫти, р. *умолкнуть*); прасл. *počiti изъ *pokeiti (др.-ц.-сл. почити, р. *почить*): ср. *pokojь (др.-ц.-сл. покои, русс. *покой*); праслов. *mǫčьnъ изъ *mǫkьnъ отъ *mǫka (др.-ц.-сл. мѫка, мѫчьнъ, русс. *мука, мучной*); прасл. *pri-tъča изъ *pritъkja (др.-ц.-сл. притъча, р. *притча*); ср. *pri-tъk-nǫ-ti (др.-ц.-сл. притъкнѫти, р. *приткнуть*); праслов. *žęti изъ *gemti (др.-ц.-сл. жати, русс. *жать—жму*): ср. греч. *γέμω*; прасл. *bě̌žēti изъ *bě̌gēti, затѣмъ измѣнившееся въ *bě̌žati (др.-ц.-сл. бѣжати, р. *бѣжать*): ср. *bě̌gъ (др.-ц.-сл. бѣгъ, р. *бѣгъ*); прасл. *bě̌žiši изъ *bě̌giši (др.-ц.-сл. бѣжиши, рус. *бѣжишь*): ср. *bě̌gǫ 1 s. praes. (др.-ц.-сл. бѣгѫ, р. *бѣгу*); прасл. *božьskъ изъ *bogьskъ (др.-ц.-сл. божьскъ, р. *божескій*): ср. *bogъ; прасл. *lъža изъ *lъgja (др.-ц.-сл. лъжа, серб. lȁža): ср. *lъgǫ (др.-ц.-сл. лъгѫ, р. *лгу*).

Примѣчаніе. Что g предъ палатальными гласными и j давало первоначально ǧ, показываетъ судьба группы zg : zž изъ zg дало бы žž; между тѣмъ изъ прасловянскаго *iz-givenьje (ср. прасл. *živъ и лит. gývas), получилось въ церк.-слов. иждивеніе, что можно объяснить лишь изъ первоначальнаго *iz-ǧivenьje (zǧ т. е. zdž̂>ždž>žd); ср. также изможденъ изъ *iz-mozgenъ (др.-ц.-сл. мозгъ), иждень (при женѫ) изъ *iz-genǫ (ср. гънати).

Задненебные k и g, находившіеся въ положеніи предъ дифтонгами oi, ai (ōi, āi), когда эти oi, ai дали новые палатальные гласные ě, i,— измѣнились въ палатальные c, dz. Такъ, дат. ед. ч. *rǫk+ě измѣнился въ *rǫc-ě (др.-ц.-сл. рѫцѣ): ср. греч. *χώρᾳ* изъ *χώραι*; им. п. мн. ч. *vьi̯k-i измѣнилось въ *vьi̯c-i (др.-ц.-сл. кльци, клъци): ср. греч. *Λύκοι*; ср. также прасл. *cěna (др.-ц.-сл. цѣна, р. *цѣна*, пол. cena) и лит. kainà, греч. *ποινή*; прасл. *cělъ (др.-ц.-сл. цѣлъ, р. *цѣлъ*, пол. cały) и прусск.

kailūstiskan (*здоровье*), гот. hails; dat. s. *nodzĕ изъ *nogĕ (др.-ц.-слов. носѣ): ср. выше *rǫcĕ; imperat. *žьdzi изъ *žьgi (др.-ц.-сл. жьзи).

Кромѣ того, k и g измѣнились въ c и d͡z подъ вліяніемъ предшествующихъ палатальныхъ гласныхъ: ср. прасл. *otьcь, *otьca (др.-ц.-сл. отьць—отьца, р. *отецъ, отца*; *ovьca (др.-ц.-сл. овьца, р. *овца*); *sьrdьce (др.-ц.-сл. срьдьце, р. *сердце*); *dĕvica (др.-ц.-слов. дѣвица, рус. *дѣвица*); *jędza (др.-ц.-сл. ѩза); *zajęcь (др.-ц.-сл. заѧць, рус. *заяцъ*); *lice (др.-ц.-сл. лице, р. *лицо*); *stьdza (др.-ц.-сл. стьза, р. *стезя*); *kъnędzь (др.-ц.-сл. кънязь, рус. *князь*): ср. др.-в.-н. kuning; *pĕnędzь (др.-церк.-слов. пѣнязь, пол. pieniądze n. pl.): ср. герм. penninga; *dvidzati (др.-ц.-слов. подвизати: ср. двигнѫти, р.-лит. *подвизаться*); *ricati (др.-ц.-сл. нарицати, р.-лит. *нарицать*); *sędzati (др.-ц.-сл. осязати, р. *осязать*).

Примѣчаніе. По вопросу объ измѣненіи задненебныхъ въ палатальные ср. Бодуэнъ де-Куртенэ I. F. IV, 45 и сл., Шахматовъ Изв. I (1896) 4 кн., 703 с., Миккола Roczn. Slaw. I, 7 и сл., Ягичъ Arch. XXIII, 127 с. Zubatý, Sb. Fil. I, 147 и сл.; Lehr., R. Sl. IV, 141 и сл. О формѣ кысь ср. у Ляпунова Изслѣд., 73 с. и у Lorentza K. Z. XXXVII, 264—267 с.

Формы чередованія гласныхъ въ др.-ц.-словянскомъ языкѣ.

§ 14. Прасловянскій языкъ унаслѣдовалъ отъ индо-европейскаго извѣстныя формы чередованія гласныхъ, причины котораго не могутъ быть въ настоящее время вполнѣ выяснены. Эти формы прасловянскаго чередованія въ большинствѣ случаевъ сохранялись безъ измѣненія и въ древне-церк.-словянскомъ языкѣ; немногія отступленія объясняются указанными выше звукоизмѣненіями, происшедшими въ древне-церк.-слов. сравнительно съ прасловянскимъ.

Основной типъ и.-европ. чередованія—e:o (ē:ō), причемъ на ступени редукціи (сокращенія) являлся редуцированный (по Фортунатову ирраціональный) гласный (*α*) или же звуковой нуль; этотъ типъ чередованія въ прасловянскомъ отражался въ видѣ чередованія e:o:ь (или нуль), въ положеніи предъ согласнымъ, и въ такомъ же видѣ являлся въ др.-церк.-слов. языкѣ: ср. др.-церк.-сл. бредѫ: бродити: непрѣбрьдомъ; р. *бреду*; *бродить*, др.-чеш. břdu, brdu.

Болѣе сложный рядъ чередованій: ē:ō:e:o:*α* (или нуль) являлся въ прасл., вслѣдствіе измѣненія ō въ ā и ē въ ĕ, *α* въ ь, въ видѣ ряда: ĕ:a:e:o:ь, причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ та или другая изъ этихъ ступеней могла не быть представленной. Такъ, въ прасл. *gnetǫ: *u-gnĕt-a-ti, др.-ц.-сл. гнетѫ—оугнѣтати, имѣемъ ступени e и ē; въ прасл. *pletǫ: *plotъ: *sъplĕtati, др.-ц.-слов. плетѫ—плотъ, о-плотъ—съплѣтати отражаются ступени e, ē и o; въ прасл. *rekǫ: *rĕchъ (аористъ): *rokъ:

*rьci, др.-ц.-сл. рекѫ—рѣхъ—рокъ (про-рокъ)—рьци (повел. накл.) имѣемъ ступени e, ē, o, *α*; въ прасл. *bodǫ: *basъ aor., др.-ц.-сл. бодѫ—басъ,—ступени o и ō; въ отношеніи прасл. *jesmь, *jesi, *jestь и т. д. и *sǫtь 3 л. мн. ч., др.-ц.-сл. ѥсмь, ѥси, ѥстъ—сѫтъ ступень *e* чередуется со ступенью редукціи съ полнымъ исчезновеніемъ гласнаго; въ отношеніи прасл. *sěděti: *sadъ, др.-ц.-сл. сѣдѣти—садъ, пол. siedzieć—sad,—ступень ē чередуется со ступенью ō; ступень *e* Meillet видитъ въ формѣ въседлисѧ Пражскихъ листковъ, M. S. L. XIV, 337 c.

§ 15. Сочетанія er:or:ьr (изъ и.-евр. r̥—ступень редукціи), также el:ol:ьl въ положеніи предъ гласнымъ оставались безъ измѣненія въ праслов. и въ др.-ц.-словянскомъ, но предъ согласнымъ r, l въ сочетатаніи ьr, ьl уже въ прасловянскомъ стали слоговыми, а въ сочетаніяхъ or, er, ol, el—долгими (діалектически, можетъ быть слоговыми); въ церк.-словянскомъ-же, какъ мы видѣли выше (§ 3), сочетанія or, er, ol, el измѣнились въ такомъ положеніи въ ра, ла, рѣ, лѣ, а въ соотвѣтствіи прасл. ьr̥, ьl̥ (ъr̥, ъl̥) въ церк.-слов. памятникахъ находимъ рь, ль (ръ, лъ). Что касается сочетаній ōr, ēr, ōl, ēl, то они уже въ прасл. сократили свою слоговую часть въ положеніи предъ согласнымъ и дали то-же ,что и or, er, ol, el.

Примѣры: *berǫ: *borъ: *bьrati, др.-ц.-сл. берѫ—(съ)боръ, бьрати; ступень er предъ согласнымъ—въ *bermę, др.-ц.-сл. брѣмѧ, то-же—въ *tьrǫ: *terti: *torъ, др.-ц.-сл. тьрѫ, р. тереть, др.-ц.-сл. проторъ; *mьrǫ: *merti: *morъ, др.-ц.-сл. мьрѫ, мрѣти—рус. *мереть*, моръ; ступень ьr̥—также въ *sъ-mьr̥tь, др.-ц.-сл. съмрьть, р. смерть; *vьr̥chǫ: *verchti: *vorchъ. др.-ц.-сл. врьхѫ—врѣшти—врахъ, р. вóрохъ; *vьr̥t-ě-ti: *verteno: *vort-i-ti, др.-ц.-сл. врьтѣти,—р. *веретено*—др.-ц.-сл. вратити, р. воротить; ступень *er* также—въ *vertmę, др.-ц.-сл. врѣмѧ, др.-р. *веремя*, ступень *ьr*—въ *vьr̥sta, др.-ц.-слов. врьста, ср. русс. *с-верст-никъ* съ -ер- изъ -ьr; *dьl̥bǫ: *delbto: *dolbto, др.-ц.-сл. длъбѫ, серб. dlijèto съ ije изъ ě, а -лѣ изъ el, р. *долото* съ *-оло* изъ ol; *do-vьl-ěti: *vel-ěti: *volja, др.-ц.-сл. довьлѣти: велѣти: волꙗ.

Въ положеніи предъ сонорными m, n старая форма чередованія сохранилась лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда за сонорными m, n слѣдовалъ гласный; предъ согласными сочетанія on, en (om, em) давали носовые гласные ǫ, ę, а ступень редукціи большею частью являлась также въ видѣ ę. Такимъ образомъ, двѣ различныя первоначально ступени корня: e и *α* въ положеніи предъ m, n совпали въ одной. Сочетанія ēm, ēn, ōm, ōn въ положеніи предъ согласнымъ совпали въ прасл. съ em, en, om, on и дали тѣ-же носовые гласные ǫ, ę; вѣроятно, различіе сводилось къ различію интонаціи.

И.-евр. m̥̄, n̥̄ (αm̥̄, αn̥̄) такъ-же, совпали (оставляя въ сторонѣ интонацію) съ рефлексомъ и.-евр. m̥, n̥ (αm̥, αn̥).

Такимъ образомъ, въ соотвѣтствіи и.-европ. сочетаніемъ en:ēn:on:ōn:n̥:n̥̄ и em:ēm:om:ōm:m̥:m̥̄ въ положеніи предъ согласнымъ, въ праслов. обычно имѣли мѣсто ę и ǫ.

Примѣры: *ženǫ:*gъnati:*goniti, др.-ц.-слов. женѫ—гънати—гонити, гоньць; *na-čьnǫ:*na-čęti изъ *na-čen-ti:*kon-ьсь, др.-ц.-слов. начьнѫ—начѧти—коньць; *vъz-ьmǫ:*vъz-ęti, др.-ц.-слов. възьмѫ—възѧти; *pьnǫ:*pona, др.-ц.-слов. пропьнѫ—пропѧти—опона; ступень о (предъ согласнымъ)—также въ *pǫto, др.-ц.-сл. пѫто; *grьměti—*gromъ, др.-ц.-слов. грьмѣти—громъ; *zvьněti:*zvonъ, др.-ц.-слов. звьнѣти—звонъ; *blędǫ, *blęsti—*blǫdъ, др.-ц.-слов. блѧдѫ, блѧсти—блѫдъ; *tręsǫ, *tręsti:*trǫsъ; др.-ц.-слов. трѧсѫ, трѧсти—трѫсъ; *mętǫ, *męsti:*mǫtiti sę, др.-ц.-слов. мѧтѫ, мѧсти—мѫтитисѧ.

Сочетанія oi̯, ei̯ въ положеніи предъ согласнымъ дали въ прасловянскомъ ě, i, въ др.-ц.-сл. ѣ, и; на ступени редукціи явилось ĭ, т. е. ь; предъ гласнымъ сохранились ei̯, oi̯, причемъ ei̯ уже въ прасловянскомъ измѣнилось въ ĭi̯, т. е. ьi̯ (ьj), которое затѣмъ въ ц.-слов. является въ видѣ и+неслоговое i или j. Сочетанія ēi̯, ōi̯ предъ согласнымъ дали ei̯, oi̯ уже въ прасловянскомъ.

Изъ и.-евр. ei̯ə въ результатѣ редукціи являлось i (ī), ц.-сл. и.

Примѣры: *biti:*bьjǫ:*bojь—ср. др.-ц.-сл. бити—биѭ—бои; *počiti:*počьjǫ:*po-kojǫ:po-kaja-ti, др.-ц.-слов. почити : почиѭ : покоѭ—покаꙗти; *gniti:*gnьjǫ:*gnojь, др.-ц.-слов. гнити : гниѭ : гнои; *viti:*vьjǫ:*po-vojь:*vějǫ:*věnъkъ, др.-ц.-сл. вити—виѭ—вѣньць; *dojǫ:*dětę, др.-ц.-слов. доѭ—дѣтѧ, гдѣ ě можетъ восходить или къ ē или къ oi̯ предъ согласнымъ; *cvьtǫ:*cvisti:*cvětъ, др.-ц.-сл. цвьтѫ—цвисти—цвѣтъ; *pri-lьpěti:*pri-lipati:*pri-lěpiti, др.-ц.-сл. прильпѣти—прилипати—прилѣпити; *svьtěti:*svitati:*světъ, др.-ц.-сл. свьтѣти—свитати—свѣтъ.

Сочетанія eu̯, ou̯ въ положеніи предъ согласнымъ дали въ прасл. ju, u, въ др.-ц.-сл. ю, оу; на ступени редукціи являлось ŭ, т. е. ъ; предъ гласнымъ eu̯ давало ov, ц.-слов. ов, по крайней мѣрѣ предъ твердымъ слогомъ.

Ступень редукціи ъ при удлиненіи давала у—цер.-сл. ꙑ.

Сочетанія ēu̯, ōu̯ предъ согласнымъ давали eu̯, ou̯, откуда—ю, оу; предъ гласнымъ—ēu̯ давало—ѣв,—ōu̯—ав. Сочетаніе—eu̯ə давало въ результатѣ редукціи—ū, т. е. у, церк.-сл. ꙑ.

Примѣры: *kovati:*kujǫ:*kyjь:*kъznь, др.-ц.-сл. ковати, ковѫ, рус. *кую*, древне-церк.-слов. кꙑи, къзнь, рус. *кóзни*; *pluti:*plovǫ:*plavь, *plaviti:*plъtь, др.-ц.-сл. плоути—пловѫ—плавити—плъть; *slovǫ:**sluti:*slyti:*slava, др.-ц.-слов. словѫ—слоути, (рус. слыть, пол. słynąć), слава;

ср. также *sluchъ : *slyš-a-ti, др.-ц.-слов. слоухъ, слышати; *truti : *trovǫ : *trava, др.-ц.-сл. трути : тровѫ : трава; *zovǫ : *zъvati ; *sъ-zyvati, др.-ц.-сл. зовѫ—звати—съзывати; *bljujǫ : *blьvati, др.-ц.-сл. блюю—бльвати; *pljujǫ : *plьvati, др.-ц.-сл. плюю—плъвати; *kryjǫ : *kryti : *krъvenъ : *krovъ, др.-ц.-сл. крыти, крыю—съкрывенъ—кровъ; *u-nyjǫ : *u-nyti : *u-naviti, др.-ц.-сл. оуныю—оуныти—чеш. unaviti=*утомлять*; *bljudǫ : *bljusti : *buditi : *bъděti, др.-ц.-сл. блюдѫ, блюсти—боудити—бъдѣти; *dъchnǫti : *dychati : *duchъ, др.-ц.-сл. дъхнѫти—дыхати—доухъ; *krušiti : *krъcha, др.-ц.-сл. съ-кроушити : кръха; *rušiti : *rychlъ, др.-ц.-сл. роушити—р. *рыхлый*; *stydъ : *studъ, др.-ц.-сл. стыдьнъ, (р. стыдъ)—стоудъ.

§ 16. Въ результатѣ редукціи долгихъ гласныхъ являлось въ индоевропейскомъ *ə*: ср. выше, § 4. Такимъ образомъ, и.-евр. чередованію ē : ō : *ə* въ прасл. должно было соотвѣтствовать чередованіе ě : a : o. Чередованіе ě : a, можетъ быть, представлено примѣрами: *lězǫ : *laziti, др.-ц.-сл. лѣзѫ—лазити; *rězati : *raziti, др.-ц.-сл. рѣзати—разити; *čadъ : *kaditi, čadъ изъ čēdъ, а это изъ kēdъ; др.-ц.-слов. чадъ—кадити. Ступень *ə* въ чередованіи съ ē трудно установить на примѣрѣ; быть можетъ, она сохранилась въ *sprogъ, др.-ц.-сл. спорх, р. *спорый*, спориться при *spěti, др.-ц.-сл. спѣти. Чередованіе ā : *ə* отражается въ *stāti : *stojǫ, др.-ц.-сл. стати—стоѭ. Слогъ цā или цō на ступени редукціи давалъ ū; такого происхожденія ū, т. е. *y*, является, повидимому, въ прасл. *chytiti, др.-ц.-сл. хытити:—ср. *chvatati, др.-ц.-сл. хватати,—и въ прасл. *kys-nǫti, др.-ц.-сл. кыснѫти: ср. *kvasъ, др.-ц.-слов. квасх.

Замѣчанія объ отдѣльныхъ звукахъ и звуковыхъ сочетаніяхъ др.-ц.-словянскаго языка.

§ 17. Гласный ѧ, судя по показаніямъ дошедшихъ до насъ памятниковъ древне-церковно-слов. языка, существовалъ въ этомъ языкѣ не только послѣ согласныхъ, но и въ началѣ слова и послѣ гласныхъ, т. е. безъ предшествующаго j или i неслогового.

Въ глаголическихъ памятникахъ, какъ извѣстно, нѣтъ особаго знака для сочетанія ja или i̯a, которое выражается въ кирилловскомъ алфавитѣ знакомъ ꙗ; на мѣстѣ этимологическаго ja (или i̯a) въ глаголическихъ памятникахъ находимъ знакъ ⱑ, который въ то-же время соотвѣтствуетъ кирилловскому ѣ.

И вотъ въ то время, какъ одни слова пишутся въ глаголическихъ памятникахъ всегда съ начальнымъ ⱑ, а въ кирилловскихъ—всегда съ начальнымъ ꙗ,—въ другихъ словахъ находимъ колеблющееся правописаніе какъ въ глаголическихъ, такъ и въ кирилловскихъ памятникахъ: въ первыхъ ⱑ и ѧ, во вторыхъ ꙗ и ѧ. Кромѣ того въ кирилловскихъ

памятникахъ, какъ различающихъ ѣ и ꙗ, можно установить еще третій разрядъ словъ: съ колебаніемъ начальнаго ѣ и ꙗ.

Наличность этихъ трехъ разрядовъ фактовъ въ церковно-словянскихъ памятникахъ объясняется различнымъ происхожденіемъ др.-церк.-словянскаго а. 1. Въ однихъ случаяхъ начальное ꙗ восходитъ къ праслов. ja изъ индо-европ. jē, jō или jā съ индо-евр. j или i̯ (ср. § 4); таково напр. др.-ц.-сл. ꙗкъ изъ прасл. *jakъ,—ср. лит. joks; повидимому, такое же старое j индо-европейскаго происхожденія содержатъ въ себѣ др.-ц.-сл. ꙗма и ꙗръ, ꙗрость (ср. греч. ζωρός). Въ такихъ словахъ находимъ всегда въ глаголическихъ памятникахъ ѧ, въ кирилловскихъ—ꙗ.

Въ иныхъ случаяхъ ꙗ восходитъ къ праслов. ō или ā, предъ которыми развилось i̯ или j на словянской почвѣ; таковы др.-церк.-слов. ꙗблъко—ср. латыш. ábele, лит. ábůlis, др.-ц.-сл. ꙗгода,—ср. лит. ūga, др.-ц.-сл. ꙗгнѧ,—ср. лат. agnus, др.-ц.-сл. ꙗвити, ꙗвѣ,—ср. др.-инд āvíš (*очевидно*); сюда же относится др.-ц.-слов. ꙗвиѥ при авиѥ и ꙗзъ—азъ.

Въ этихъ случаяхъ находимъ колебаніе между начальнымъ а и ꙗ.

Примѣчаніе. Наиболѣе вѣроятнымъ является предположеніе, что слов. *azъ восходитъ не къ формѣ съ начальнымъ *e*, какъ лат. ego, греч. ἐγω, а къ формѣ съ о, измѣнившимся въ ō>a, какъ думаетъ Ляпуновъ въ Arch. XXXIII, 524 с. Допускаемъ однако другую причину удлиненія *o*: вліяніе формы *tū.

3. Третій рядъ представляютъ слова, въ которыхъ начальное ꙗ восходитъ къ болѣе древнему ĕ (различнаго происхожденія), предъ которымъ на словянской почвѣ развилось новое i̯ или j. Въ такихъ словахъ находимъ въ кирилловскихъ памятникахъ колебаніе между ꙗ и ѣ; таковы ꙗсти при ѣмь, ѣсти,—ср. лит. ĕdu (ĕmi, ĕdmi), ĕsti; ꙗдъ,—ср. греч. οἶδος (опухоль), ꙗзва,—ср. лит. aižýti (вылущивать).

Условіемъ сохраненія старыхъ начальныхъ а и ѣ, вѣроятно, было положеніе послѣ паузы (ср. ниже, § 26); но въ памятникахъ находимъ иногда а также внутри слова: повидимому, первоначальныя условія уже не имѣли въ эпоху этихъ памятниковъ значенія: нѣкоторыя слова обобщились въ формѣ съ а, которая стала употребляться во всѣхъ положеніяхъ.

Въ Кіевскомъ Миссалѣ встрѣчаемъ два раза а (союзъ) послѣ паузы (V 5, 16). Въ Маріинскомъ Ев. начальное а находимъ въ словахъ авие—при ѣвие (1 разъ), авити, авление, авѣ—рядомъ съ ѣвити, ѣвление, ѣвѣ, азъ рядомъ съ ѣзъ (1 разъ) аште,—рядомъ съ ѣште, агода, аице, али (союзъ); слова ꙗко, ꙗкъ, ꙗма, ꙗможе, ꙗрость, ꙗръ, ꙗрьмьничь встрѣчаются только съ ѧ, какъ и различныя образованія отъ корня ꙗд- (изъ ĕd-). При этомъ формы глагола ꙗвити находимъ (съ а) не только послѣ паузы,

но и въ срединѣ фразы: ѣко плъть и крвъ (sic) не ави тебѣ (Мар. Ев. 56, 13) и т. п.

Въ Зографскомъ Ев. также находимъ ѣвити и авити, а (союзъ), аште, абие, аіца, акъі, но ѣко.

Въ Glag. Cloz. пишется а (союзъ), а не, аште, ашютъ, абие, азъ, агньць—рядомъ съ ѣгньць, но ѣвити, ѣвлѣти, ѣвѣ, ѣдъ, ѣдро, ѣсли, ѣсти, ѣзва, ѣко, ѣрость.

Въ Ассем. Ев. ави, авити—обычны,—при рѣдкомъ ѣви, азъ, агньць, аица.

Въ Саввиной книгѣ находимъ исключительно абиѥ, агньць, агода, азъ, аще, али (союзъ), аще; при этомъ а является не только послѣ паузы, но и внутри фразы: и абие, речетъ емоу абие (64ᵇ), и аще что... (56ᵇ), и азъ вамъ... (67) и т. п.; съ другой стороны, въ Саввиной книгѣ употребляется исключительно глаголъ ꙗвити въ различныхъ формахъ, исключительно ꙗко и ꙗкоже, ꙗзва, ꙗможе, ꙗрьмьникъ, ꙗсли, ꙗсти (ꙗмь, ꙗстъ, ꙗдите, ꙗдѧтъ и т. д.)—при ѣдь, ѣмъ, ѣдѣхѫ, ѣшѧ, ѣдъшихъ (Щепкинъ Савв. книга, указатель). Въ Остромировомъ Ев. всегда пишется а, абиѥ, азъ, аица, аще, но ꙗвити, ꙗможе, ꙗцѣмьже, въ Хиландарскихъ Листкахъ находимъ а послѣ паузы (II, 13б 12), аще въ сочетаніи: да аще (Аа 5—6); въ Супрасльской рук.—ꙗште и, подобно Савв. и Остром., ѣд-. Въ Листкахъ Ундольскаго нѣсколько разъ встрѣчается а послѣ паузы: абие и азъ, ꙗ выражается знакомъ ѣ: ѣко, ѣвисѧ.

Конечно, греческія слова съ начальнымъ *α* сохраняютъ свою форму какъ въ глаголическихъ, такъ и въ кирилловскихъ памятникахъ: анг҃елъ, апостолъ и т. п.

Примѣчаніе. По вопросу о начальномъ а—ꙗ ср. Ягича Arch. VI, 76 с., Фортунатова въ «Отчетѣ о 26 присужденіи наградъ гр. Уварова» 1884 г., 17 с., Соболевскаго въ Сборникѣ въ честь Ягича, 204—205 сс., Ляпунова въ Arch. XXXIII, 520 и сл.

Внутри слова въ др.-ц.-сл. памятникахъ находимъ а безъ предшествующаго j или i̯ послѣ гласнаго, въ силу его вторичнаго исчезновенія,—въ формахъ g. s. m.—n. прилагательныхъ опредѣленныхъ, какъ добрааго изъ *dobrai̯ego, въ глагольныхъ формахъ бъіваатъ, събираатъ 3 л. ед. ч. наст. вр. и т. п. (Мар. Ев.), а также въ такихъ формахъ, какъ сѣание Мар., Савв. Остр., дѣание Glag. Cloz., дѣати Мар., любодѣание Мар. Остр., чаание Мар. Остр. Савв.; а безъ предшествующаго i̯ или j находимъ также въ формахъ имперфекта, происхожденіе которыхъ, вообще говоря, неясно: несѣахъ, бьраахъ, видѣахъ и т. п. Отнести всѣ эти факты, касающіеся положенія а внутри слова, къ первоначальнымъ чер-

тамъ др.-ц.-слов. языка, т. е. къ языку Кирилла и Меѳодія, врядъ ли можно съ полной увѣренностью.

§ 18. Древне-церк.-словянское ѣ не можетъ быть опредѣлено, какъ звукъ, болѣе или менѣе точно. Въ глаголической азбукѣ для обозначенія ѣ находимъ знакъ ⱑ, который въ то-же время служитъ для выраженія сочетанія ja (i̯a); если предположить, что это единство знака для двухъ различныхъ по происхожденію звуковыхъ величинъ отражаетъ лишь неточность слухового воспріятія составителя глаголицы, то фактъ этотъ во всякомъ случаѣ указываетъ на значительную близость въ говорѣ составителя глаголицы между ѣ и ꙗ (послѣ согласныхъ ⱑ съ предшествующей мягкостью); различіе между ними, несомнѣнно, было, такъ какъ предъ ⱑ въ значеніи кирилловскаго ꙗ въ глаголическихъ источникахъ согласный снабженъ иногда значкомъ мягкости (конѣ, колѣ и т. п.), тогда-какъ предъ ⱑ въ значеніи ѣ этотъ знакъ мягкости на предшествующемъ согласномъ не ставится (нѣмъ и т. п.); возможно, что это различіе было лишь въ томъ, что предшествующій гласному ѣ (изъ прасл. ě) согласный не былъ въ такой мѣрѣ смягченнымъ, какъ въ слогахъ -лꙗ, -рꙗ, нꙗ; быть можетъ, напримѣръ, др.-ц.-сл. ѣ представляло сочетаніе неслогового *е* и слогового *а* или же неслогового ъ и слогового *а*. Возможно также, что слоговая часть ѣ была не тожественнымъ гласному а, но близкимъ ему акустически широкимъ ä. Въ кирилловскихъ памятникахъ для звука ě существуетъ особый знакъ ѣ, отличный отъ ꙗ, но это не противорѣчитъ тѣмъ выводамъ, которые можно сдѣлать на основаніи глаголической графики. Въ кирилловскихъ памятникахъ находимъ, напр., на мѣстѣ этимологическаго ꙗ послѣ смягченныхъ согласныхъ р, л—ѣ. Такъ, въ Савв. книгѣ: морѣ g. s., ткорѣше, особенно же послѣ л,—колѣ n. s., землѣ, тьлѣ и т. д.; въ Хиланд. л.л. погоублѣ(ѭщи), разарѣетѫ. Отражаетъ ли этотъ фактъ измѣненіе согласныхъ р, л изъ смягченныхъ въ полумягкіе, вслѣдствіе чего слогъ лꙗ, рꙗ совпалъ со слогомъ рѣ, лѣ, или же здѣсь отражается измѣненіе послѣ данныхъ согласныхъ *а* въ направленіи къ ѣ, но приведенные факты, повидимому, также указываютъ на близость др.-ц.-словянскаго ѣ и ꙗ.

Примѣчаніе. Ср. Лескинъ въ Arch. XXVII, 2, 165 e.; Щепкинъ, Разсужденіе, 275 с.; Фортунатовъ, Составъ Остромирова Евангелія 3 с. (Сборникъ статей въ честь Ламанскаго). Фортунатовъ понимаетъ написанія лѣ на мѣстѣ лꙗ въ томъ смыслѣ, что «буква ѣ выражала ⱑ съ предшествовавшей ему переходною мягкою гласною е или ь неслоговое, развивавшеюся при переходѣ смягченной согласной къ а».

§ 19. Гласный ѥ, подобно гласному ⱑ, существовалъ въ др.-ц.-словянскомъ языкѣ безъ предшествующаго j или i̯ не только послѣ согласнаго, но и въ началѣ слова. Въ глаголической азбукѣ ѥ безъ предше-

ствующаго j (i̯) и съ таковымъ вообще не различаются: ихъ выражаетъ одинъ и тотъ-же знакъ. Отчасти ту-же черту находимъ и въ кирилловскихъ памятникахъ: въ Хиланд. листкахъ ѥ обычно замѣнено знакомъ ꙗ и въ началѣ, и внутри слова; въ Листкахъ Ундольскаго ꙗ имѣетъ значеніе ꙗ и ѥ; въ Савв. книгѣ ѥ употребляется сравнительно рѣдко. Но въ Супрасльской рукописи, гдѣ въ началѣ слова и внутри слова послѣ гласнаго обычно употребляется ѥ, въ извѣстныхъ случаяхъ находимъ ꙗ въ началѣ слова: въ словѣ ꙗꙗꙗ въ началѣ слова при ѥꙗꙗ внутри слова. Повидимому, колебаніе между начальнымъ ꙗ и ѥ имѣло мѣсто въ случаяхъ, гдѣ начальное i̯ (j) было не стараго, а новаго происхожденія, т. е. возникло на словянской почвѣ во избѣжаніе зіянія, когда слово съ начальнымъ ꙗ находилось внутри фразы. Послѣ паузы, въ началѣ фразы такія слова первоначально не должны были имѣть ѥ, но затѣмъ первоначальныя отношенія могли быть нарушены, и слова съ новымъ i̯ могли обобщиться въ томъ или другомъ видѣ, т. е. съ ꙗ или съ ѥ: ср. Meillet въ «Сборникѣ статей по славяновѣдѣнію» II в. (1906 г.), 388 стр. Несомнѣнно, въ такихъ случаяхъ, какъ ꙗꙗꙗ Супр. рукописи, въ живомъ произношеніи, дѣйствительно, слышалось *е* безъ предшествующаго i̯ или j (ꙗ въ ꙗꙗꙗ ср. съ *э* въ р. *э-тотъ* и *е* въ греч. *ἐ-κεῖ*, лат. e-quidem). Въ Остромировомъ Ев., также отличающемъ ꙗ отъ ѥ, находимъ ꙗ въ началѣ слова въ слѣдующихъ примѣрахъ: ꙗда (ср. др.-инд ádha?) ꙗдѫка, ꙗгда, ꙗи, ꙗзѣро (ср. лит. ẽžeras), ꙗлꙑма, ꙗтѣрѫ, ꙗщѥ (ср. др.-и. áti, греч. *ἔτι* или же лат. ad, гот. at) при ѥщѥ. Относительно Остромирова Ев. трудно, конечно, сказать, отражаютъ ли приведенные примѣры черту языка писца, или же произношеніе оригинала. Слова ꙗда, ꙗи, несомнѣнно, относятся къ числу такихъ, которыя обычно употребляются въ началѣ фразы. Слова ꙗтѣрѫ, ꙗзѣро, по правильному замѣчанію Мелье (loc. cit.), были чуждыми живому языку русскаго писца, который зналъ на ихъ мѣстѣ нѣкꙑи, озѣро.

Примѣчаніе. Трудно согласиться съ Мелье, по мнѣнію котораго глаголическая графика (Э = ꙗ и ѥ) предполагаетъ произношеніе *е* послѣ согласныхъ такое, какъ въ русскомъ (*небо*) и польскомъ (nieḃo); предположеніе такого южно-слов. говора IX вѣка врядъ ли можно обосновать (Götting. gelehrt. Anzeig. 1910 № 5, 367—368 с.с.).

§ 20. Гласные ъ, ь опредѣлены выше (§ 2), какъ редуцированные въ количественномъ отношеніи, т. е. болѣе краткіе въ сравненіи съ краткими гласными.

Примѣчаніе. Въ этомъ же смыслѣ Фортунатовъ и изслѣдователи его школы употребляютъ терминъ «ирраціональные» гласные; по вопросу о терминологіи

ср. Ягича въ Arch. XXII, 553 с., Ляпунова въ Ж. М. Н. Пр. 1900, № 6, 390 и сл. Въ старой научной литературѣ по отношенію къ др.-церк.-слов, ъ, ь употреблялись термины «глухой», и «полугласный» («dumpf», «Halbvocal»),—конечно, далеко не отличающіеся точностью; въ болѣе новой литературѣ употребляются кромѣ термина «ирраціональный» и «редуцированный» также термины «überkurz», «schwach», «слабый», «полукраткій». Ни одинъ изъ указанныхъ терминовъ, конечно, не можетъ быть признанъ идеальнымъ, т. е. вполнѣ точно опредѣляющимъ природу звуковъ ъ, ь; да и врядъ-ли можно съ полной увѣренностью опредѣлить эту природу. Однако, принимая во вниманіе нѣкоторыя явленія, связанныя со звуками ъ и ь въ отдѣльныхъ словянскихъ языкахъ (исчезновеніе ъ, ь въ извѣстныхъ условіяхъ; измѣненіе въ малорусскомъ сънъ въ сон при пōп,—затѣмъ піп,—изъ попъ), наиболѣе вѣроятнымъ должно признать, что главное отличіе ъ и ь отъ иныхъ гласныхъ лежало въ количественной сторонѣ, а не въ сторонѣ экспираторной и не въ качественномъ моментѣ, изъ котораго склоненъ исходить Ягичъ въ Arch. XXII, 559 с. Терминъ «редуцированный» считаю болѣе подходящимъ, такъ какъ терминъ «редукція» принятъ въ фонетикѣ, тогда какъ терминъ «ирраціональный» взятъ изъ области математики. Что касается качественной стороны ъ и ь въ др.-ц.-слов., то Томсонъ (Р. Ф. В. 1905 № 2, 247 с.) опредѣляетъ первый изъ нихъ, т. е. ъ, какъ «очень передній мягконебный, нѣсколько опущенный высокій, сопровождаемый умѣренной лабіализаціей (lowered high back round)», хотя участіе губъ въ современномъ болгарскомъ ъ сомнительно, ср. Arch. 20, 589—590 с.с.

I. Редуцированные ъ и ь, полученные изъ прасловянскаго тѣмъ говоромъ, который легъ въ основу др.-церк.-словянскаго языка,—можно думать,—*сохранялись въ немъ, какъ особые звуки* ъ *и* ь, *во всѣхъ положеніяхъ въ ту эпоху, когда изготовлялся словянскій переводъ богослужебныхъ книгъ.*

Древнѣйшій по языку памятникъ древне-церковно-словянской письменности,—Кіевскій Миссалъ, еще сохраняетъ въ общемъ это старое состояніе словянскихъ языковъ, которое съ увѣренностью можно предполагать для IX вѣка: въ немъ всюду правильно находимъ ъ и ь тамъ, гдѣ ихъ можно ожидать въ соотвѣтствіи прасловянскимъ ъ и ь,—напр. на мѣстѣ i и u другихъ индо-европейскихъ языковъ; ни разу на протяженіи всего памятника, состоящаго изъ 7 листовъ (14 страницъ) ъ и ь не пропущены на письмѣ, ни разу не замѣнены эти знаки какими-либо другими. Такъ въ Кіевскомъ Миссалѣ читаемъ: чьстьѭ, чьсть, чьстімъ, чьстьнаго и т. п.,—отъ корня чьт- (русское *чту*), въ которомъ ь соотвѣтствуетъ гласному i въ авест. čistiš=мысль; далѣе,—въ Кіев. М. находимъ: вьсѣхъ, вьсего, вьсѣ, вьсе(могъі) и т. д.—всегда съ сохраненіемъ ь, которое соотвѣтствуетъ правильно литовскому i въ vìsas (*весь*); отьми, (въ)ньмемъ, въ которомъ ь соотвѣтствуетъ i въ литовскомъ imù—im̃ti; такимъ же образомъ правильно сохраняетъ Кіев. М. старые ъ, ь и въ другихъ случаяхъ: кръве, въплътити, оупъвание, любъвь, мьшѣ (лат. missa),

зълоба, дьни и т. д. И между собой ъ и ь, обыкновенно, не смѣшиваются,—ъ находимъ тамъ, гдѣ въ родственныхъ и.-европ. языкахъ слышится u (кръве ср. съ лит. krùvinas—*кровавый*), а ь стоитъ въ соотвѣтствіи съ і этихъ языковъ; только въ двухъ примѣрахъ въ Кіев. М. находимъ ъ на мѣстѣ болѣе стараго ь: въсѣхъ на 7 л. (2 раза)—вм. вьсѣхъ (лит. vìsas). Въ надписи 993 г. находимъ: ѡтьца, оусъпъш(ихъ), сътво(рениѣ).

Примѣчаніе. Шахматовъ въ Arch. XXXI (493, 499 с.с.) полагаетъ, что ъ и ь въ Кіевскомъ М. уже не сохранялись безъ измѣненія, ссылаясь на написанія чьстьѭ, милостьѭ, помоцьѭ и подась; правильное употребленіе ъ, ь въ Кіев. М. онъ объясняетъ точной передачей оригинала или искусственнымъ церковнымъ произношеніемъ. Трудно съ такимъ пониманіемъ фактовъ согласиться: отсутствіе случаевъ выпаденія ъ, ь и ихъ вокализаціи при 170 приблизительно примѣрахъ употребленія ъ, ь гармонируетъ архаичности памятника въ палеографическомъ отношеніи; непонятно столь безупречное соблюденіе искусственнаго церковнаго произношенія въ этомъ пунктѣ (ъ, ь) при систематической замѣнѣ церковныхъ шт, жд живыми ц, з; не видимъ въ формахъ твор. пад. на -ьѭ несомнѣннаго указанія на паденіе въ открытомъ слогѣ «напряженнаго ь» (т. е. і изъ ь въ положеніи предъ j)—ср. слѣдующій §; во всякомъ случаѣ написанія эти допускаютъ иное толкованіе; точно такъ-же форма подась намъ представляется скорѣе всего контаминаціей формъ подаси и подаждь.

II. Не то, однако, видимъ въ другихъ древнѣйшихъ памятникахъ др.-церк.-слов. языка: въ нихъ уже находимъ рядъ измѣненій въ области ъ и ь, изъ которыхъ важнѣйшія встрѣчаемъ и въ другихъ словянскихъ языкахъ.

Эти измѣненія, наблюдаемыя въ др.-цер.-словянскихъ памятникахъ, суть слѣдующія.

1. На мѣстѣ болѣе древняго ъ находимъ ь и, наоборотъ,—на мѣстѣ болѣе древняго ь—ъ: вмѣсто тьма—тъма и вмѣсто зълѣ—зьлѣ.

2. Въ извѣстныхъ условіяхъ знаки ъ и ь пропускаются на письмѣ вовсе, что обозначаетъ исчезновеніе звуковъ ъ и ь въ этихъ условіяхъ въ произношеніи: вмѣсто вьсего, зълоба, вѣрьно, тьмьно пишется всего, злоба, вѣрно, тьмно.

Примѣчаніе. Къ числу этихъ случаевъ не относятся такіе факты др.-ц.-слов. памятниковъ, какъ тѣснъ, опрѣснъкъ, гдѣ между с и н, повидимому, никогда не было ь; таковы же—формы словъ деснъ, приснъ, ложесна, желѣзнъ, бѣство: ср. Фортунатова «Составъ Остромирова Евангелія» 10 и сл.

3. Въ иныхъ условіяхъ знаки ъ и ь замѣняются знаками о и е, что обозначаетъ измѣненіе въ этихъ условіяхъ звуковъ ъ и ь въ звуки *о* и *е* въ живомъ произношеніи: вмѣсто вьсь пишется весь, вмѣсто любъвь—любовь.

Примѣчаніе. Слова когда, тогда при кѫгда, тѫгда не представляютъ примѣровъ измѣненія ъ въ о: это особыя образованія отъ основъ ко-, то-.

То-же исчезновеніе ъ и ь въ извѣстныхъ условіяхъ и измѣненіе ихъ въ гласные полнаго образованія произошло, какъ извѣстно, и въ русскомъ, а также въ другихъ словянскихъ языкахъ: ср. русс. *все* изъ прасл. *vьse, *весь* изъ прасл. *vьsь, *зло* изъ прасл. *zъlo и *золъ* изъ прасл. *zъlъ.

Звуковыя явленія, которыя отражаются въ указанныхъ выше фактахъ пропуска ъ и ь и замѣны ихъ знаками о и е въ др.-ц.-слов. памятникахъ, конечно, не относятся уже къ кирилло-меѳодіевскимъ оригиналамъ и не характеризуютъ др.-ц.-слов. языкъ Кирилла и Меѳодія; въ этихъ фактахъ большинства др.-ц.-слов. памятниковъ отражаются болѣе поздніе явленія X—XI вѣковъ, имѣвшія мѣсто въ различныхъ болгарскихъ говорахъ.

III. *Условія, въ которыхъ имѣли мѣсто эти звуковыя явленія, могутъ быть точно опредѣлены:*

1. ъ и ь (звуки) исчезали въ тѣхъ случаяхъ, когда за ними слѣдовалъ слогъ съ гласнымъ полнаго образованія (т. е. не съ ъ или ь), при условіи неударяемости этихъ ъ и ь; такимъ образомъ кѫсе́, кѫсма́, кѫто́, зѫло́, оупѫка́ніе, сѫла́ти, сѫказа́ти и т. п. измѣнились въ кое, кома, кто, зло, оупканіе, слати, сказати и т. д.

2. ъ и ь не могли исчезать, а измѣнялись въ *о*, *е* (или ъ сохранялось, какъ ъ) въ тѣхъ случаяхъ, а) когда за ними слѣдовалъ слогъ опять таки съ ъ или ь или же съ і и ў (б) изъ ь, ъ (предъ j); b) когда ъ или ь были ударяемыми, причемъ обыкновенно первое и второе условіе совпадали. Такимъ образомъ кѫсь, дѫнь, зѫлх, сѫлх съ удареніемъ на первомъ слогѣ измѣнились въ кес(ь), ден(ь), зол(ъ), сол(ъ), какъ въ силу положенія перваго ъ, ь предъ слогомъ съ ъ, ь, такъ и въ силу ударяемости. Точно такъ-же дѫниѥ измѣнилось въ деніе, ибо и во второмъ слогѣ получилось изъ ь въ положеніи предъ j (*dьnje) и въ количественномъ отношеніи было такимъ же, какъ и ъ, ь (ср. ниже, § 21). Указанныя условія, очевидно, нужно понимать въ томъ смыслѣ, что измѣненіе ъ, ь въ о, е было обусловлено потерей въ послѣдующемъ слогѣ: превращеніе ъ, ь или и въ неслоговые звуки или же ихъ исчезновеніе вызывало измѣненіе предшествующаго ъ, ь въ о, е. Отсюда ясно, что выше сдѣланное опредѣленіе условія перехода ъ, ь въ о, е должно быть болѣе точно формулировано слѣдующимъ образомъ: ъ, ь переходитъ въ о, е предъ слогомъ съ ъ, ь (или и изъ ь), если за этимъ слогомъ не слѣдуетъ опять таки слогъ съ ъ, ь; въ самомъ дѣлѣ, въ формѣ прабьдьна—ь во второмъ

отъ конца слогѣ, находясь предъ слогомъ съ полнымъ гласнымъ (а) становился неслоговымъ и исчезалъ; а потому предшествующее ь переходило въ ѥ—пракед(ь)на; но въ формѣ пракьдьнъ,—раньше всего ослабились конечные ъ, ь,—второе отъ конца ь усилилось въ силу звуковой потери въ конечномъ слогѣ, а потому третье отъ конца ь не могло уже усилиться: оно находилось уже предъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія; слѣдовательно, форма пракьдьнъ должна была дать—пракден(ъ); такимъ же образомъ форма дьнии (изъ *dьпьjь) должна была дать—днии (съ конечнымъ и неслоговымъ) ибо конечное и изъ jь стало неслоговымъ, предшествующее и (изъ ь предъ j) усилилось, а потому ь находилось предъ слогомъ полнаго образованія и должно было исчезнуть. Въ формѣ рѫкѫтъ среднее ъ должно было дать о въ силу положенія предъ слогомъ съ ъ, первое же въ силу ударяемости.

Примѣчаніе. Возможно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ препятствіемъ къ исчезновенію ъ и ь могла быть природа сосѣднихъ согласныхъ, составлявшихъ съ ъ (ь) звуковую группу.

IV. Звуковое явленіе, указанное подъ 1, объясняетъ между прочимъ то обстоятельство, что въ др.-ц.-слов. памятникахъ ъ и ь смѣшиваются на письмѣ; это происходило α) отчасти въ силу дѣйствительныхъ измѣненій въ произношеніи этихъ звуковъ, отчасти же β) въ силу причинъ графическаго характера.

α) Дѣйствительныя измѣненія въ произношеніи ъ и ь можно предполагать, напр., въ тѣхъ случаяхъ, когда ъ замѣняется чрезъ ь предъ мягкимъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія, а ь замѣняется чрезъ ъ предъ твердымъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія; такимъ образомъ, вмѣсто стараго вѫдѣти, вѫнѣ, зълѣ находимъ вьдѣти, вънѣ, зьлѣ, а вмѣсто стараго пракьда—пракъда. Въ этихъ случаяхъ ъ и ь, находясь предъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія,—могли подвергаться вліянію послѣдующаго слога еще прежде, чѣмъ стали исчезать: твердое ъ предъ мягкимъ слогомъ измѣнялось въ мягкое ь, а мягкое ь предъ твердымъ слогомъ—въ твердое ъ.

Примѣчаніе. О вънѣ ср. Zubatý Сборн. Ягича, 306 с.

β) Графически ъ и ь могли смѣшиваться въ такомъ же положеніи (предъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія) въ силу того, что въ произношеніи писца они уже не существовали, т. е. исчезали, и писецъ не имѣлъ живого критерія для правильной постановки этихъ традиціонныхъ знаковъ. Болѣе правильной является постановка ъ и ь въ концѣ слова, чѣмъ внутри,—отчасти потому, что конечное ъ или ь опредѣляло

цѣлую грамматическую категорію, отчасти же потому, что критеріемъ иногда служило различіе мягкости конечнаго согласнаго (предъ старымъ ь, затѣмъ исчезнувшимъ) и твердости его (предъ ъ, затѣмъ исчезнувшимъ); мягкость же конечнаго согласнаго поддерживалась аналогіей: кость(ь), гость(ь), соль(ь), сохранили мягкость конечнаго согласнаго въ виду того, что она поддерживалась формами кости, гости, соли (gen. dat. loc. s.), гдѣ конечные согласные были мягки предъ и.

По отношенію къ смѣшенію ъ и ь слѣдуетъ добавить, что данныя нѣкоторыхъ памятниковъ позволяютъ предположить измѣненіе ь въ ъ подъ вліяніемъ предшествующихъ согласныхъ (ш, ж).

V. Такимъ образомъ мы видимъ, что исчезновеніе ъ и ь, а также ихъ взаимная мѣна, съ одной стороны, и измѣненіе въ гласные полнаго образованія (о, е) съ другой—зависятъ отъ причинъ фонетическаго характера, опредѣляются извѣстными звуковыми условіями. Однако и въ данномъ случаѣ, какъ и вообще съ языкѣ, дѣло не обошлось безъ вмѣшательства психологическаго фактора въ видѣ такъ называемой аналогіи.

Согласно выше установленнымъ условіямъ исчезновенія и вокализаціи (т. е. перехода въ о, е) ъ и ь, форма прабѣдьнх должна была дать прабденх, форма же прабѣдьнхіи—форму прабеднхіи; взаимодѣйствіе этихъ формъ создало форму прабеденх (Мар. Ев. 3, 2) или, иначе говоря, подъ вліяніемъ формы прабеднхіи явилось прабеденх вмѣсто фонетической прабденх. Форма сѣньмх должна была фонетически дать снемх, но рядомъ съ этой формой (сѣнемх Мар. Ев. 176, 27) находимъ и форму сѣнмь (Мар. Ев. 302, 9); эта форма могла явиться подъ вліяніемъ формъ сѣнма, сѣнмоу, гдѣ ь правильно выпалъ предъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія; форма дьньтх должна была дать днетх, однако подъ вліяніемъ день явилось денетх (Ассем. Ев.).

VI. Описанныя выше явленія, связанныя съ судьбой ъ и ь, какъ уже было отмѣчено, относятся къ древне-болгарскимъ говорамъ болѣе поздняго времени. Однако явленія эти содержатъ въ себѣ нѣкоторыя указанія относительно др.-церк.-словянскихъ ъ, ь болѣе ранней эпохи: различная судьба, которую имѣли ъ, ь въ зависимости отъ того, слѣдовалъ ли за ними слогъ съ ъ (ь) или съ гласнымъ полнаго образованія,—позволяетъ думать, что ъ и ь въ этихъ различныхъ положеніяхъ не были вполнѣ одинаковы и въ эпоху, болѣе древнюю. Возможно, что уже въ болѣе древнюю эпоху ъ и ь въ конечномъ слогѣ ослабѣли въ количественномъ отношеніи, а предшествующіе имъ ъ и ь усилились: конечное ъ въ формѣ прабѣдьнх, быть можетъ, уже въ кирилло-меѳодіевскую эпоху было неодинаковымъ въ количественномъ отношеніи съ ь предшествующаго слога.

Примѣчаніе. Фортунатовъ предполагаетъ, что «изъ общеславянскаго языка перешли въ отдѣльные славянскіе языки ирраціональныя гласныя ъ и ь двухъ видовъ по количеству: бо́льшаго или меньшаго количества». Изв. (1908) XIII, кн. 2, 5 с. прим.; ъ и ь бо́льшаго количества Фортунатовъ предполагаетъ въ положеніи предъ слогомъ съ ъ или ь (или і изъ ь предъ j).

VII. Указанныя въ предыдущемъ изложеніи явленія взаимной мѣны ъ и ь, ихъ полнаго исчезновенія и перехода въ о, е,—вмѣстѣ или порознь—замѣчаются во всѣхъ дошедшихъ до насъ древнѣйшихъ церк.-слов. памятникахъ, за исключеніемъ Кіев. Миссала, который, какъ мы видѣли, отступаетъ отъ правильной постановки ъ и ь лишь въ двухъ случаяхъ замѣны ь черезъ ъ.

1. *Взаимная мѣна* ъ и ь лишь въ немногихъ памятникахъ болѣе или менѣе ясно отражаетъ въ себѣ извѣстные фонетическіе процессы болѣе ранней эпохи.

Яснѣе всего законъ измѣненія ъ въ ь предъ мягкимъ слогомъ и ь въ ъ предъ твердымъ, установленный впервые Ягичемъ,—проведенъ въ Зографскомъ Евангеліи. Такъ, здѣсь находимъ вꙑрати, дꙑрати, пꙑрати, зꙑдати, вꙑдока, вꙑдокица, тꙑма и т. д. вмѣсто первоначальныхъ вьрати, дьрати, пьрати, зьдати, вьдока, тьма и т. д. Съ другой стороны въ Зогр. Ев. находимъ вьдѣти, зьлѣ, зьли, дькѣ, дькѣма и т. п. вмѣсто вꙑдѣти, зꙑли, дꙑкѣ и т. д. *Такимъ образомъ, мягкій слогъ, слѣдовавшій за* ъ, *измѣнялъ его въ* ь, *а твердый слогъ, слѣдовавшій за* ь, *мѣнялъ это* ь *въ* ъ.

При этомъ необходимо принять во вниманіе два обстоятельства: а) ъ и ь оставались безъ измѣненія, если за ними слѣдовалъ слогъ опять таки съ ъ или ь: вѣрьнꙑ не измѣнилось въ вѣрꙑнꙑ; дьнꙑ не измѣнилось въ дꙑнꙑ; b) законъ измѣненія ь въ ъ предъ твердымъ слогомъ, а ъ въ ь предъ мягкимъ слогомъ не проведенъ въ Зографскомъ Ев. вполнѣ послѣдовательно: такъ, суффиксъ -ьск- не мѣняетъ своего ь предъ твердымъ гласнымъ, формы дꙑшти, вꙑзпити, вꙑде, вꙑнязь и др. не мѣняютъ своего ъ на ь.

Первое изъ указанныхъ обстоятельствъ, повидимому, нужно понимать въ томъ смыслѣ, что ассимилирующему вліянію послѣдующаго слога подвергались лишь ъ, ь слабые, т. е. находившіеся предъ слогомъ съ полнымъ гласнымъ, которые впослѣдствіи исчезали; ъ и ь въ слогѣ предъ ъ, ь достигали нормальной краткости и не подвергались вліянію послѣдующаго слога.

Второе обстоятельство показываетъ, что измѣненіе ъ и ь и наоборотъ, въ зависимости отъ послѣдующаго слога, не относится къ эпохѣ писца Зографскаго Ев.; это звукоизмѣненіе, вѣроятно, болѣе послѣдовательно отражалось въ графикѣ оригинала Зографскаго Ев., а подъ пе-

ромъ писца первоначальная правильность сильно пострадала, ибо для него ъ и ь въ этихъ случаяхъ уже не были звуками живыми,—онъ произносилъ брати, вдова, зли, двѣ и т. д.

Законъ измѣненія ъ въ ь и ь въ ъ въ зависимости отъ качества слѣдующаго слога, дѣйствовавшій въ эпоху, болѣе раннюю сравнительно съ дошедшими до насъ др.-ц.-слов. оригиналами, отражается также въ Мар. Ев., въ Glag. Cloz., въ Син. Молитв., а изъ кирилловскихъ памятниковъ въ Савв. книгѣ и Супрасльской рукописи. Во всѣхъ этихъ памятникахъ рядомъ со значительнымъ количествомъ примѣровъ, подтверждающихъ правило, можно указать немалое число отступленій, причемъ полнаго согласія въ характерѣ отступленій между отдѣльными памятниками нѣтъ. Но это еще разъ подтверждаетъ мысль, что въ фактахъ Зогр., Мар., Клоц., Син. Мол., Савв., Супр. отражаются дѣйствительные факты языка *болѣе ранней эпохи.* Подробная характеристика фактовъ отдѣльныхъ памятниковъ дана Лескиномъ въ Arch. XXVII, 1, 3, 4 вып., 1—41, 321—350, 481—513 с.с.

Другого рода мѣна ъ и ь, отражающая дѣйствительно фонетическіе процессы болѣе ранней эпохи, это—замѣна ь черезъ ъ послѣ согласныхъ ш, ж, ч, жд, щ: шъдъ, длъжъникъ, вышъни҇хъ, начънѫтъ, виждъ, тъщъно и т. п. вмѣсто шьдъ, длъжьникъ, вышьни҇хъ, начьнѫтъ, виждь, тьщьно. Это измѣненіе не зависитъ отъ характера слѣдующаго слога и вызвано было, повидимому, самымъ характеромъ предшествующаго согласнаго, т. е. способомъ его артикуляціи.

Явленіе это документируется Саввиной книгой: ср. Щепкина Разсужденіе 150 и сл., Лескина въ Arch. XXVII, 15 и сл. То-же отражается и въ графикѣ Маріинскаго Евангелія и Glag. Cloz.; въ Мар. Евангеліи: брачъними, вънѣштънее, грѣшънѣемь, длъжъникъ, хождъшоу и т. п.; ср. Arch. XXVII 336 с.; въ Glag. Cloz.: чъто (всегда), нашъ, мѫжъ, сѫштъ,раждъ. Въ Синайскомъ Молитвенникѣ то-же наблюдается послѣ ж и ш, но послѣ ч, шт, жд старое ь сохраняется: ср. Arch. XXVII, 31—32 с.с. Въ Супр. ъ послѣ ш обычно, послѣ ж, ч—нерѣдко. Въ Остром. также случаи съ ъ послѣ шипящихъ далеко не рѣдкость: ср. Козловскій 38—39 с.с.

Иные памятники смѣшиваютъ ъ и ь и внѣ указанныхъ выше условій, т. е. независимо отъ характера слѣдующаго слога или предшествующаго согласнаго: таковы изъ глаголическихъ памятниковъ Ассеманіево Ев. и Синайская псалтырь; изъ кирилловскихъ—небольшіе Хиландарскіе отрывки сохраняютъ большею частью и старое ъ, и старое ь: кънигамъ, тъщеѭ, чьтение, вьсего, благодатьное и т. п., но въ нѣсколькихъ случаяхъ замѣняютъ старое ь черезъ ъ: тъмоѭ, непъщевавше, грѣховъное, равъно

и т. п.; Въ листкахъ Ундольскаго эта замѣна ь черезъ ъ является обычной: кѣсѧ, полѣѕа, пѣшеницѧ, коупѣно, глѣнѣце и т. п.; Македонскій листокъ употребляетъ на мѣстѣ ъ и ь исключительно ь.

2. Исчезновеніе ъ и ь какъ въ концѣ слова, такъ и внутри—предъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія замѣчается за исключеніемъ Кіевскаго Миссала во всѣхъ др.-церк.-словянскихъ памятникахъ. Такъ, уже въ Зограф. Ев. находимъ: многѫ, мнѣ, пѣати, кто и т. п. (вмѣсто мѣногѫ, мѣнѣ, пѣѣати, кѣто). То-же наблюдается въ Мар. Ев., Glag. Cloz., Ассем. Ев., Синайск. Пс., Син. Молитв., Савв. кн., Супрасл. рук., Листкахъ Ундольскаго, Македонскомъ листкѣ. Очень рѣдко пропускается ъ, ь въ Остр. Ев., особенно во 2-й части, для которой можно предполагать непосредственно др.-ц.-слов. оригиналъ (съ 24 л.): всего 6 случаевъ въ евангельскомъ текстѣ, почему можно думать, что др.-ц.-слов. оригиналъ Остромирова Ев. не зналъ вовсе пропуска ъ, ь (ср. Фортунатова «О составѣ Остромирова Ев.» 6—20 сс.). Въ Хиландарскихъ листкахъ пропускъ ъ, ь всегда обозначается надстрочнымъ знакомъ: прадѣжѫ, пшеницѫ и др. Такая постановка надстрочнаго знака на мѣстѣ пропущеннаго ъ или ь наблюдается и въ другихъ др.-ц.-слов. памятникахъ.

Пропускъ ъ и ь въ концѣ слова замѣчается сравнительно съ пропускомъ ихъ въ срединѣ гораздо рѣже; очень часто пропускаетъ конечные ъ, ь писецъ Ассеманіева Евангелія; встрѣчаются также случаи такого пропуска въ Супрасл. рукописи; наоборотъ, писецъ Саввиной книги (также Остромирова Ев.) не пропускаетъ ихъ вовсе. Изъ этого однако нельзя сдѣлать заключенія, что въ языкѣ писца Саввиной книги конечные ъ и ь еще существовали. (Иначе—Щепкинъ, Разсужденіе 224 с.). Постановка этихъ знаковъ въ концѣ словъ въ др.-ц.-слов. памятникахъ, внѣ сомнѣнія, была своего рода грамотностью.

3. Постановку ѣ и ѳ на мѣстѣ болѣе древнихъ ъ и ь въ извѣстныхъ условіяхъ находимъ въ большинствѣ памятниковъ. Различіе между отдѣльными памятниками въ данномъ случаѣ заключается главнымъ образомъ въ томъ, что въ однихъ—на лицо какъ замѣна ь/е, такъ и замѣна ъ/о, въ иныхъ же имѣется лишь первая; однако есть и такіе памятники, которымъ неизвѣстна ни та, ни другая замѣна. Различія эти отражаютъ діалектическія различія въ древне-болгарскомъ языкѣ, которыя наблюдаются и въ языкѣ современномъ: въ однихъ говорахъ ъ, въ извѣстномъ положеніи достигавшій нормальной краткости,—сохранялся, какъ ъ, въ другихъ говорахъ — переходилъ въ о; въ третьихъ, болѣе архаическихъ, не было и перехода ь въ е.

Въ Зографскомъ Ев. находимъ вѣсѣнѣ, шедѣ, темницѫ —изъ вѣсьнѣ, шьдѣ, тьмьницѫ и такъ-же: любовь, црькобь, народо-сь, рабо-тѣ изъ любѣвь,

црькъвь, народъ-сь, рабъ-тъ; впрочемъ, и то, и другое (ь/е и ъ/о) — очень рѣдко.

Въ примѣрахъ народо-сь, рабо-тъ—ъ, формально конечное,—въ живой рѣчи являлось срединнымъ, такъ-какъ мѣстоименная форма (тъ, сь) тѣсно примыкала къ предыдущему слову, составляла съ нимъ одно цѣлое.

Въ Маріинскомъ Ев. замѣна ь/е и ъ/о представлена болѣе частыми примѣрами; и та, и другая замѣна встрѣчается также въ Glag. Cloz., Ассем., Син. Молитв., Син. Пс. Въ параллель вышеуказаннымъ примѣрамъ Зографскаго Ев. можно поставить встрѣчающуюся въ нѣкоторыхъ изъ этихъ памятниковъ вокализацію конечнаго ъ предлоговъ, которые въ живой рѣчи также составляли одно цѣлое со слѣдующей именной формой: во мнѣ изъ въ-мънѣ. Въ противоположность глаголическимъ памятникамъ, которые, оставляя въ сторонѣ Кіевскій Миссалъ, всѣ знаютъ замѣну ъ/о рядомъ съ замѣной ь/е,—кирилловскіе памятники представляютъ иную картину: въ Савв. книгѣ замѣны ъ/о нѣтъ вовсе, замѣна ь/е также не представлена несомнѣнными примѣрами (е въ формѣ именемь, людехъ, людемъ—можетъ быть, морфологическаго происхожденія); въ Супр. рук. замѣны ъ/о почти не находимъ (на всю рукопись можно указать лишь: любовънъіи, смоковьнааго, крѣпокъ), а замѣну ь/е находимъ лишь въ первой части памятника; въ Хиландарскихъ листкахъ и листкахъ Ундольскаго находимъ лишь переходъ ь/е; впрочемъ, стараго ъ въ положеніи, допускающемъ переходъ въ *о*, въ этихъ отрывкахъ (Хиланд. и Унд.) не находимъ; въ Македонскомъ листкѣ замѣны ъ/о и ь/е не наблюдается; и древ.-церк.-слов. оригиналъ Остромирова Ев., повидимому, не зналъ перехода ъ/о и ь/е, такъ-какъ первый сказывается въ Остромировомъ Ев. лишь въ 3 случаяхъ формы смоковьница, а вѣрныхъ примѣровъ второго нѣтъ.

Примѣчаніе. По вопросу объ ъ, ь ср. Ягича Studien über das Zographos-evangelium Arch. I—II, его-же Die irrationalen Vocale въ Arch. XXII (1900), Щепкина, Разсужденіе о языкѣ Саввиной книги 1899 г., Лескина Noch einmal ъ und ь in den altkirchenslavischen Denkmälern въ Arch. XXVII, 1—40 cc. Die Vocale ъ und ь in den Codices Zographensis und Marianus ibid. 321—350 cc., Die Vocale ъ und ь im Cod. Suprasliensis ibid. 481—513.

Въ послѣдней работѣ въ Arch. XXVII Лескинъ предложилъ новое объясненіе явленіямъ взаимной мѣны ъ и ь въ зависимости отъ твердости или мягкости послѣдующаго слога. По мнѣнію Лескина (345 с.), означенная мѣна знаковъ ъ и ь на письмѣ относится къ той эпохѣ, когда уже ъ и ь не произносились вовсе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они писались, и это графическое явленіе обозначаетъ скорѣе *извѣстное измѣненіе согласныхъ*: вѣрьна и вѣрьни дали věŕna и věŕni со смягченнымъ r; подъ вліяніемъ слѣдующаго твердаго слога ŕ отвердѣло, что и выражалось написаніемъ вѣръна; такимъ же образомъ написаніе зьлѣ выражало źlě, въ которомъ z смягчилось уже послѣ выпаденія ъ

подъ вліяніемъ слѣдующаго мягкаго слога; при этомъ нѣкоторые согласные не подвергались такому смягченію подъ вліяніемъ слѣдующаго слога, почему и находимъ, напримѣръ, въ Зографскомъ Ев., ь на мѣстѣ ъ предъ мягкимъ слогомъ болѣе или менѣе послѣдовательно лишь послѣ извѣстныхъ согласныхъ (б, к, з, д). Хотя пониманіе Лескина и соблазняетъ своей простотой и тѣмъ, что объясняетъ непослѣдовательность въ проведеніи замѣны ъ черезъ ь послѣ нѣкоторыхъ согласныхъ, однако оно врядъ ли вѣрно: 1) всей непослѣдовательности, какую находимъ въ Зогр. и другихъ памятникахъ по отношенію къ взаимной мѣнѣ ъ и ь, гипотеза Лескина все равно не объясняетъ; почему напр. правилу замѣны ь черезъ ъ предъ твердымъ слогомъ не подчиняются въ Зогр. формы съ суффиксомъ -ьскъ?—объясненіе всякаго рода отступленій отъ основного правила кроется, по всей вѣроятности, въ томъ, что фонетическій законъ, о коемъ идетъ рѣчь, относится не къ эпохѣ писцовъ Зогр., Мар., Савв., Супр., а къ болѣе ранней. 2) Если такъ, то гипотеза Лескина маловѣроятна, такъ-какъ трудно относить выпаденіе ъ и ь въ кѣрына, зълѣ и т. п. къ эпохѣ, болѣе ранней,—къ оригиналамъ Зогр. или Мар. Ев. Наконецъ 3) Лескинъ упускаетъ изъ виду факты, которые объяснимы лишь съ точки зрѣнія дѣйствительнаго измѣненія ъ въ ь и ь въ ъ въ зависимости отъ характера слѣдующаго слога: есть данныя, указывающія, что ь изъ ъ предъ мягкимъ слогомъ или наоборотъ (ъ изъ ь предъ твердымъ) переносилось въ положеніе, въ коемъ оно не могло исчезнуть. Такъ, въ Савв. книгѣ находимъ кьпль вмѣсто кѫпль, которому соотвѣтствуетъ средне-болгарское кѣпль, и которое, очевидно, получилось подъ вліяніемъ кьпля, кьплю и т. д. Такимъ же образомъ объясняются средне-болг. гждобѫ, крьтопѫ вмѣсто ожидаемыхъ гждебѫ, крьтепѫ (изъ гждьбѫ, крьтьпѫ) подъ вліяніемъ гждѫ, крьтѫпа (ъ изъ ь предъ твердымъ слогомъ); сюда же относится ново-болг. *везми* изъ кьзьми (вмѣсто кѫзьми). Въ русскомъ языкѣ такое толкованіе могутъ получить *тонкій* (изъ тѫнѫкъіи подъ вліяніемъ тѫнѫкъ изъ тьнѫкъ), *деберъ* (изъ дьбьрь, а это изъ дѫбьрь, что въ свою очередь изъ дѫбрь: ср. городъ *Добрянескъ* нашихъ лѣтописей). Подробнѣе объ этомъ см. Щепкина Разсужденіе 209 с. и Фортунатова въ Изв XIII т. 2 кн. 4 и сл. Что касается бездѣніе Супр. рукописи и Син. Псалтыри, на которое указываетъ Вондракъ въ Altk. Gr.², 248 с., то ѣ здѣсь оправдывается послѣдовательнымъ написаніемъ бездьна въ Савв., Ассем. и Остром. Объ этомъ словѣ ср. у Козловскаго 45 с. и Щепкина Савв. кн., 136 с.: Щепкинъ предполагаетъ, что слово бездѣна въ старословянскихъ говорахъ утратило въ сознаніи говорящихъ этимологическую связь съ дѣно и подверглось вліянію словъ съ суффиксомъ -ьн-.

§ 21. Звуки, получившіеся въ прасловянскомъ языкѣ изъ и.-европ. ū и ī, eį̄ (также изъ oi,—ср. выше, § 6), т. е. праслов. у, і, первоначально долгіе, обозначались въ др.-ц.-слов. памятникахъ буквами ꙋ и и. Можно думать, что звуки эти въ др.-ц.-слов. языкѣ представляли тѣ-же звуковые типы, что и русскія ы, и или польскія у, і, т. е. были простыми гласными (монофтонгами); должно однако замѣтить, что нѣкоторые изслѣдователи, какъ, напр., Томсонъ, Ляпуновъ, видятъ въ прасловянскомъ и др.-церк.-слов. у (ꙋ) дифтонгъ.

Примѣчаніе. Томсонъ въ Р. Ф. В. 1905 г., 45 и сл.; 1911 г., 148 и сл.; I. F. XXIV, 3 и сл.; Ж. М. Н. Пр. 1910 г. № 1, 196 и сл.; Ляпуновъ въ работѣ «А. А. Кочубинскій и его труды по словянской филологіи» Одесса, 1909 г., 21—23 сс. и Arch. XXXIII, 533 с.; такъ-же—Цоневъ въ Сборн. за нар. ум. XVIII, 385 с. Томсонъ полагаетъ, что ꙑ былъ дифтонгомъ уже въ праславянскомъ, откуда перешелъ въ качествѣ дифтонга въ отдѣльные языки, въ томъ числѣ и въ русскій. Полагаемъ, что передача ꙑ чрезъ ui во Фрейзингенскихъ отрывкахъ не доказываетъ дифтонгической природы ꙑ, такъ-какъ этотъ своеобразный звукъ невозможно было выразить одной латинской буквой; двойное начертаніе самой буквы ꙑ, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что слов. у обозначалось комбинаціей двухъ греческихъ буквъ еще въ то время, когда словяне, по Храбру, **нѫждаахѫсѧ римьскꙑими и грьчьскыми письмены**, и эта традиціонная манера перешла и въ словянскія азбуки. Иные факты, приводимые Томсономъ, также допускаютъ иное толкованіе. О русскомъ *ы* ср. у Богородицкаго «Опытъ физіологіи общерусскаго произношенія....» 1909 г., 13 стр., Брока «Опытъ физіологіи славянской рѣчи», 127 с., Щербы «Русскіе гласные въ качественномъ и количественномъ отношеніи», 1912 г., 69 с.

§ 22. Кромѣ рефлексовъ праславянскихъ первоначально-долгихъ у, і, буквы ꙑ, и др.-ц.-слов. памятниковъ обозначали также *особые звуки,* которые нельзя отожествить со звуками указаннаго происхожденія. Звуковое значеніе буквъ ꙑ, и въ такихъ примѣрахъ, какъ бити, бꙑти, не можетъ быть то-же, что и въ биѭ, бии, крꙑѭ, крꙑи. Это видно, во-первыхъ, изъ того, что въ самыхъ др.-церк.-слов. памятникахъ находимъ рядомъ биѭ и бьѭ, чьстиѭ и чьстьѭ, дьние и дьнье, братиꙗ и братьꙗ, а во-вторыхъ, въ соотвѣтствіи др.-ц.-сл. бити, крꙑти—находимъ въ русскомъ *бить, крыть,* а въ соотвѣтствіи биѭ, бии, крꙑѭ, крꙑи — *бью, бей, крою, крой.*

Въ другихъ словянскихъ языкахъ на мѣстѣ такихъ др.-церк.-слов. ꙑ, и находимъ или ы, и (у, і), или звуковой нуль, какъ въ русскомъ *бью* (=b'ju).

I. Прежде всего возникаетъ вопросъ о происхожденіи этихъ особыхъ ꙑ, и.

Такіе случаи, какъ, напр., добрꙑи изъ *dobrъ+jь, синии изъ *sinь+jь, дѣлаютъ это происхожденіе яснымъ: ꙑ, и въ данныхъ примѣрахъ получились изъ первоначальныхъ праслов. ъ, ь (изъ ŭ, ĭ)—въ положеніи предъ j.

Примѣчаніе. Формы прилагательныхъ опредѣленныя, какъ извѣстно, образовывались прибавленіемъ къ краткой (именной) формѣ соотвѣтствующей падежной формы мѣстоименія *jь, *ja, *je (др.-ц.-слов. и(же), ꙗ, ѥ).

Такимъ же образомъ и формы род. мн. ч. *dobrъ+jichъ, *sinь+jichъ дали добрꙑихъ, синиихъ; форма имен. мн. ч. именъ м. р. основъ на -і *gostьje дала гостиѥ, форма род. мн. тѣхъ же именъ *gostьjь дала гостии;

форма именъ ср. р. *izbavjenьje и т. п. дала избавл҃ениѥ; формы им. ед. *bratrьja, *sǫdьji, *mlъnьji дали—братриꙗ, сѫдии, млънии; форма твор. пад. *kostьjǫ измѣнилась въ костиѭ; въ глагольныхъ формахъ примѣрами могутъ служить биѭ изъ *bьjǫ, мъıѭ изъ *mъjǫ (ср. рус. бью, мóю).

Примѣчаніе. Въ формѣ bьjǫ—ь въ положеніи предъ j (i̯), въ свою очередь, получилось изъ болѣе древняго е, измѣнившагося въ ĭ, откуда—ь, подъ вліяніемъ слѣдующаго j (i̯): ср. др.-ц.-сл. биѭ и лит. vejù, такъ-же биѭ изъ *bejǫ.

Въ дошедшихъ до насъ др.-ц.-слов. памятникахъ указанные примѣры съ ъı, и изъ ъ, ь, какъ уже было отчасти указано, являются также въ нѣсколько иномъ видѣ: рядомъ съ биѥши, костиѭ, братриꙗ или братиꙗ можно встрѣтить бьѥши, костьѭ, братрьꙗ; рядомъ со свѧтъıи, бол҃ии и т. п. встрѣчаемъ свѧтъи, бол҃ьи, а также свѧтои, бол҃еи.

Въ тѣсномъ сочетаніи прѣдамь—и (изъ *perdamь—jь) ь первой формы также находилось предъ j и, слѣдовательно, также измѣнялось въ и; но рядомъ съ сочетаніемъ прѣдами—и мы находимъ также прѣдаме—и.

Какъ же должно понимать эти факты?

Въ такихъ написаніяхъ, какъ бол҃ии изъ *boljь-jь, син҃ии изъ *sinjьjь, костиѭ изъ *kostьjǫ, биѭ изъ *bьjǫ и т. п., очевидно, отражается фонетическое измѣненіе, которое, вѣроятно, было извѣстно и др.-церк.-словянскимъ оригиналамъ. Это звукоизмѣненіе можно формулировать, какъ *переходъ редуцированнаго* ь *въ положеніи предъ* i̯ *или* j *въ гласный* i, переходъ, являющійся результатомъ ассимиляціи звука ь послѣдующему i̯ (j). Въ результатѣ такой же ассимиляціи ъ послѣдующему i̯ (j) получилось ъı. Однако это измѣненіе заключалось, повидимому, только въ измѣненіи ъ, ь въ звуки, болѣе закрытые, и не касалось количественной стороны звуковъ ъ, ь: они оставались редуцированными; такъ можно думать въ виду того, что въ живыхъ словянскихъ языкахъ, знающихъ то-же измѣненіе ъ, ь въ *у*, *і* предъ i̯ (j), эти у, і въ извѣстныхъ условіяхъ исчезли вовсе: ср. русскія *бью*, *костью*, *ученье*, *братья* и т. п. (=b'ju, kost'ju и т. д.). На то же указываютъ и факты самого др.-ц.-слов. языка: въ Мар. Ев., напримѣръ, находимъ брениѥ на мѣстѣ первоначальнаго брьниѥ; въ Glag. Cloz.—кровиѭ на мѣстѣ кръвиѭ, т. е. предъ слогомъ съ и изъ ь—ъ и ь трактуются такъ-же, какъ и предъ слогомъ съ редуцированными ъ, ь.

Примѣчаніе. Возможно, что измѣненіе ъ, ь предъ i̯ (j) въ редуцированные ъ, ь, какъ принимаютъ нѣкоторые изслѣдователи (Фортунатовъ, Шахматовъ, Ляпуновъ, Щепкинъ) произошло уже въ прасловянскую эпоху: эти звуки тамъ, гдѣ они не исчезли, дали почти во всѣхъ слов. языкахъ одни и тѣ-же рефлексы (у, і); только въ великорусскомъ находимъ о, е.

Редуцированные ѫ и ѭ, подобно редуцированнымъ ъ и ь, въ зависимости отъ положенія, могли быть сильными и слабыми. Сильными они были подъ ударéніемъ или въ слогѣ предъ гласными редуцированными; въ такомъ положеніи они достигали полной краткости.

Такимъ образомъ, ъı изъ ъ въ первомъ слогѣ словъ крѫжь, мѫжь, повидимому, было сильнымъ подъ ударéніемъ и достигало полной краткости; такими же были ѫ и ѭ въ формахъ добрѫи, синѭи изъ *doъrъ-jь, *sinjьjь въ виду того, что конечное и изъ jь стало неслоговымъ; то-же нужно признать относительно gen. pl. запокѣдии, костии, гостии и т. п.

Однако въ др.-ц.-слов. памятникахъ, какъ ясно изъ предыдущаго, встрѣчаемъ и формы типа добрѫи, больи, запокѣдьи, гостьи; такъ какъ мы не встрѣчаемъ формъ крѫжь, мѫжь, а исключительно крѫжь, мѫжь, то врядъ ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что формы эти,—гостьи, добрѫи и т. п.,—нефонетическаго происхожденія: подъ вліяніемъ формъ гостьмъ, гостьхъ могла возникнуть форма гостьи, подъ вліяніемъ запокѣдьмъ, запокѣдьхъ—форма запокѣдьи и подъ вліяніемъ краткихъ формъ прилагательныхъ добръ, синь могли возникнуть формы добрѫи, синѭи, съ нефонетическими ъ, ь. Эти формы затѣмъ давали добрѫи, синѭи, гостьи, запокѣдьи.

Такого же нефонетическаго происхожденія приведенная выше форма прѣдамѣ-и (Маріин. Ев.) при фонетической прѣдами-ı (Glag. Cloz.): здѣсь ь, затѣмъ перешедшее въ ѣ, возстановлялось подъ вліяніемъ формы прѣдамь, употреблявшейся внѣ данныхъ условій.

Въ иныхъ положеніяхъ, т. е. 1) не подъ ударéніемъ, 2) не предъ слогомъ съ ъ, ь — можно предполагать *слабые* редуцированные ѫ и ѭ: напр. въ формахъ гостиѭ им. мн. ч., братриѭ, чьстиѭ, крѫкиѭ, брьниѭ, плътиѭ.

Для слабаго ѫ нельзя указать въ древне-церковно-словянскихъ памятникахъ вѣрныхъ примѣровъ.

Примѣчаніе. Въ напечатанномъ Срезневскимъ отрывкѣ Постной Тріоди русскаго извода находимъ: оумѫю два раза при шмѫѥши и т. п. (Извѣстія И. А. Н. X т., 446, 447 сс.). Но въ др.-церк.-словян. памятникахъ находимъ оумѫѭ, оумѫѥши, оумѫѭтъ и т. п. (ср. Мар. Ев. указатель—596 с.), Если редуцированное ъı было здѣсь первоначально въ положеніи слабаго (изъ *ŭmъješi), то оно могло быть вытѣснено нефонетически сильнымъ у (ѫı), проникшимъ изъ формъ мѫѭ, мѫѥши, или даже у долгимъ (изъ формъ мѫити, мѫıхъ и т. п.).

Слабое и редуцированное обозначается въ др.-ц.-слов. памятникахъ чрезъ и и чрезъ ь, причемъ значеніе этихъ и, ь въ отдѣльныхъ памятникахъ не одинаково.

Если предположить, что въ др.-ц.-слов. первооригиналахъ слабое и такъ-же, какъ и сильное, обозначалось буквой и, то не исключена возможность, что очень рано на мѣстѣ этого и въ нѣкоторыхъ случаяхъ могло являться ь.

Не говоря о томъ, что слабое и до своего исчезновенія, хотя-бы въ нѣкоторыхъ говорахъ, могло въ акустическомъ впечатлѣніи совпадать со слабымъ ь, формы костьѭ и т. п. могли явиться подъ вліяніемъ кость или костьми; подъ вліяніемъ формъ гостьи, гостьмъ, гостьхъ (въ первую форму ь проникало изъ послѣднихъ двухъ) могло явиться, по крайней мѣрѣ на письмѣ, гостьѥ. Наконецъ, встрѣчая въ своемъ оригиналѣ, отражавшемъ иной говоръ, гостьи, съ сильнымъ ь, и имѣя въ соотвѣтствіи этой формѣ въ своемъ говорѣ гостии съ сильнымъ и, писецъ могъ сбиваться и въ написаніи формы им. п. мн. ч. гостиѥ со слабымъ и и писать гостьѥ.

По отношенію къ положенію слабаго и предъ -і̯і должно замѣтить, что въ этомъ положеніи и слабое, повидимому, очень рано стягивалось съ послѣдующимъ і въ одно и вслѣдствіе выпаденія і̯: ср. въ др.-ц.-сл. памятникахъ такіе примѣры, какъ въ отечьстви (Асс.), вь цр҃стви бж҃и (Савв.), сѫди им. ед. (Савв.); на распѧтихъ (Савв.).

II. Обратимся къ отдѣльнымъ памятникамъ:

Въ *Кіевскомъ М.* слабое і выражается буквой и въ примѣрахъ: милостиѭ (5 разъ), вълитиѣ, избавлениѣ, издрѣшениѣ, мариѭ, марии, мѫчениѣ, мѫчении, неприѣзнинъ, обѣцѣниѣ, очишчение, очишчениѣ, прѣставлениѣ, прѣфациѣ (5 разъ), раздрѣшение, рованиѭ, съдравие, съпасение (2 раза), оупъвание.

При этомъ преобладающемъ -и- находимъ однако ь: милостьѭ (4 раза), помоцьѭ, чьстьѭ (2 раза). Такъ какъ К. М. не знаетъ ни одного случая пропуска ъ, ь слабыхъ (ср. выше, § 20), то не должно видѣть въ этихъ послѣднихъ примѣрахъ указанія на исчезновеніе въ языкѣ писца К. Миссала слабаго ь; формы чьстьѭ и т. п. могли явиться подъ вліяніемъ чьсть, чьстьми или же подъ вліяніемъ отношеній гость: гостьмь: гостьми, параллельныхъ отношеніямъ чьсть: чьстьѭ: чьстьми.

Сильное і въ Кіев. М. выражается то буквой и, то буквой ь: зълии, скврьностии, людии и сьи, заповѣдьи.

Примѣчаніе.. Глаголическое [illegible], обыкновенно, передаютъ кирилловскимъ и, глаголическое [illegible] —кирилловскимъ ı, а глаголическое [illegible] —знакомъ ι, вмѣсто котораго мы будемъ употреблять знакъ і.

Въ послѣднихъ примѣрахъ сильное і редуцированное вытѣснено сильнымъ ь подъ вліяніемъ аналогіи (сь, заповѣдьмъ—заповѣдьхъ).

Сильное ꙑ редуцированное также вытѣснялось благодаря вліянію аналогіи сильнымъ ъ: въ Кіевскомъ М. находимъ формы: бьсемогꙑи и милостивꙑ, бьсемогꙑ, вѣчьнꙑ; въ послѣднихъ 3 формахъ ꙑ, несомнѣнно, обозначаетъ сочетаніе ъ+и (ъ+ji), такъ какъ одинъ звукъ ꙑ (лат. буква у) обозначается въ этомъ памятникѣ написаніемъ ꙑи (напр. нꙑи, тꙑи, бꙑити).

Въ *Зографскомъ Ев.* относительно обозначенія і слабаго (редуцированнаго) замѣчаемъ колебаніе: въ Ев. Матѳея и Іоанна ь наблюдается лишь въ единичныхъ случаяхъ, въ Ев. Марка и Луки, наоборотъ, предпочтеніе отдается ь, хотя нерѣдко наблюдается и и: каменье, знаменье и т. п., но и зъдание, сънѧтиѣ и т. п. При этомъ почти не встрѣчается написаніе -ьи на мѣстѣ ии, быть можетъ потому, что въ языкѣ -i̯i стянулось въ і (ср. Шахматовъ, Arch. XXXI, 490 с.): ср. о оучени, по въскръсновени и т. п.

Такъ какъ въ Зогр. Ев. находимъ очень много примѣровъ выпаденія слабыхъ ъ, ь (кто, что, много и т. д.), то написанія знаменье, каменье и т. п. можно читать, какъ znameni̯e, kameni̯e; характерны такіе примѣры, какъ волиѣ 3 л. ед. ч. аор.=вълиꙗ (вълити); измѣненіе въ въ во указываетъ на утрату въ слѣдующемъ слогѣ, т. е. на то, что буква и, какъ и буква ь, не обозначала какого-либо звука въ говорѣ писца.

Сильное и (редуцир.) въ Зографскомъ Ев. отчасти сохраняется въ видѣ и и иногда стягивается съ послѣдующимъ и въ одно и, отчасти вытѣсняется благодаря аналогіи сильнымъ ь, которое измѣняется затѣмъ въ е: бо̑ли, вели и вели, трети, бо̑льи и крѣпл̑еи. Такіе же варіанты находимъ и относительно ꙑ сильнаго; очень часто—добрꙑ, зълꙑ и т. п. при болѣе рѣдкомъ богатꙑ, благꙑ; однажды встрѣчаемъ истинънꙑи; повидимому, ꙑ должно читать, какъ ъ+и (ъ+ji), и изъ такихъ формъ получились и встрѣчающіяся въ Зограф. Ев. формы на -ои: свѧтои; между тѣмъ формы богатꙑ, благꙑ, очевидно, представляютъ въ своемъ ꙑ— одинъ звукъ ꙑ (лат. буква у), получившійся чрезъ стяженіе ꙑи; написанія ꙑ встрѣчаются и въ формахъ косвенныхъ падежей: живꙑмь, мрътвꙑхъ и т. п.

Примѣчаніе. Нѣтъ основанія видѣть въ ꙑ послѣднихъ формъ сокращенное написаніе ꙑі, какъ думаетъ Лескинъ Handbuch[5], 109 с. въ виду того, что въ основахъ -jo послѣдовательно пишется ии: вѣдь и въ nom. s. написаніе -ьи очень рѣдко, тогда какъ ꙑ очень часто.

Въ *Маріинскомъ Ев.* и слабое чаще выражается буквой и, рѣже буквой ь: бьенъ, дьнье, змьѭ, абье и т. п. при болѣе частыхъ знамение, лиѣти, абие и т. п. Написанія брение, денье, лестьѭ, восиѣвъшю, цесарестьье показываютъ, что и буква и, и буква ь, въ языкѣ писца,

вѣроятно, уже не имѣли звукового значенія: на это указываетъ вокализація ь, ъ въ предыдущемъ слогѣ (брьние, дьние, лѣстиѫ и т. д.).

Примѣчаніе. Иначе пришлось бы видѣть въ такихъ формахъ искусственную комбинацію народнаго и церковнаго произношенія: съ е, о въ первомъ слогѣ изъ народнаго говора и редуцированнымъ и въ слѣдующемъ слогѣ изъ церковнаго произношенія.

Какъ и въ Зогр. Ев., сочетаніе ьи съ конечнымъ і полнаго образованія не встрѣчается, -ии стягивается въ и: къ рождении и къ трѣпѣни и т. п. Сильное и замѣняется нефонетически сильнымъ ь, которое однако всегда переходитъ въ е: болии и болеи, людии и людеи, бѣжии и божеи. Что касается сильнаго ꙑ, то Маріинское Ев., въ противоположность Зографскому Ев., обычно употребляетъ формы типа доброꙑи и доброꙑ,—въ послѣдней формѣ ъі представляетъ, очевидно, результатъ стяженія ꙑи; однако, встрѣчаются въ Мар. Ев. и формы типа сватои, гдѣ -ои получилось изъ ъі. Интересные примѣры измѣненія ъ въ ъі Мар. Ев. даетъ по отношенію къ конечному ъ, когда оно находилось въ тѣсномъ сочетаніи съ послѣдующимъ ji: кꙑи-истинѣ изъ *vъ-jistině, поставитꙑи-и изъ *postavitъ+jь и т. п. Если послѣдняя форма параллельна по образованію формѣ сватꙑи изъ *svętъ-jь, то формѣ болеи изъ *bolьjь+jь параллельно сочетаніе прѣдаме-и Маріинскаго Ев.—изъ *perdamь+jь: ср. Glag. Cloz. прѣдамі-и.

Въ *Сборникъ Клоца* въ обозначеніи и слабаго преобладаетъ ь, иногда на его мѣстѣ—ъ: аббе, порожденью, паданьемъ, повелѣньемъ, некꙑтхе, ноштꙑѫ; однако встрѣчаются формы съ и: божиѣ, божию, цѣрѣткие и т. п. Стяженныя формы съ и изъ іі̯і—рядомъ съ полными: испꙑтанимь, блисцанимь, но—къ смѣрении, къ имѣни, встрѣчается и -ьи: о прѣданьи, пианьимъ; вмѣстѣ съ Шахматовымъ (Arch. XXXI, 491 с.) можно разсматривать эти послѣдніе примѣры (-ьи), какъ новообразованія, явившіяся подъ вліяніемъ -ье, -ьм, -ью. Относительно и, ꙑ сильныхъ находимъ такіе же варіанты, какъ и въ Зогр., Мар.: лоучіи, болии, лоучи, оукрашеи, лоучꙑи съ ъ на мѣстѣ ь, непракедьнꙑи, блаженꙑи со стяженіемъ и т. п.

Примѣры: прѣдамі-и, памѧти-имъ (вм. памѧть-имъ), кꙑи-испрабленью, кꙑи-исплꙑнити, повидимому, перенесены писцомъ изъ оригинала; въ послѣднихъ трехъ примѣрахъ и, ꙑ изъ ь, ъ были, вѣроятно, слабыми.

Ассем. Ев. отличается отъ другихъ глаголическихъ памятниковъ послѣдовательнымъ употребленіемъ и для обозначенія и слабаго: братиѣ, оучение, пиете, пиѫ, оубиеши и т. д.

При оцѣнкѣ звукового значенія этихъ написаній слѣдуетъ однако принимать во вниманіе такіе примѣры, какъ дение им. мн. вм. дьние,

лестиѭ вм. льстиѭ, шествие вм. шьствие и т. п.,—ср. выше по поводу аналогичныхъ формъ Мар. Евангелія.

На стяженіе группы -i̯i̯i въ и указываютъ не только такіе примѣры, какъ велихъ=велиихъ, но и случаи постановки ии на мѣстѣ стараго и: при корении, въ ср҃дциихъ=въ ср҃дцихъ. Сильное и: болии, людии и болеи, дѣтеи. Сильное ꙑ: формъ на -ои не находимъ, а лишь формы на -ꙑ, -ꙑи при болѣе рѣдкомъ -ꙑи; первые два вида написаній, -ꙑ, -ꙑи можетъ быть выражали стяженное ꙑ, такъ какъ звукъ ъı (у) въ Ассем Ев. можетъ обозначаться какъ написаніемъ ꙑ, такъ и написаніемъ ꙑи; тутъ же находимъ, какъ и въ Мар. Ев., примѣры: ꙑи изъ ъ+jь въ тѣсномъ сочетаніи словъ: оубиѭтꙑи-і, възѧлꙑ-и.

Въ *Синайской Пс.* въ обозначеніи и слабаго находимъ колебаніе между и и ь, послѣднее, какъ въ Glag. Cloz., можетъ замѣняться чрезъ ъ: достоѣнъе, зьванъе и т. п. Сочетаніе -i̯i̯i можетъ являться въ видѣ -ьи: въ хвалены. Сильное и: жрѣбии, жрѣбьи, дьньи gen. pl., вельи, велеи, людеи gen. pl. и т. п. Сильное ꙑ: живꙑи, крівꙑ (стяженіе) и благои, лѫкавои, изведои и т. п.

Синайскій Молитвенникъ послѣдовательно употребляетъ написанія -ие, -иѣ, -иѩ, -иѭ, но въ то-же время -ьи, -ью; сочетанія -ьѣ, -ьѩ встрѣчаются, какъ рѣдкія исключенія, сочетаніе -ии также—рѣдко. Разница въ обычномъ обозначеніи рефлекса слабаго и предъ -i̯i и предъ -i̯u, съ одной стороны, и предъ -i̯e, -i̯a, -i̯ǫ—съ другой объясняется, по мнѣнію Шахматова (Arch. XXXI, 494 с.), тѣмъ, что въ говорѣ писца предъ -i и ü, которое скрывалось (взглядъ Фортунатова) подъ ю, i̯ исчезло, а предъ иными гласными сохранялось, т. е. написанію братиꙗ въ говорѣ писца соотвѣтствовало brati̯a, а написаніямъ братьи, распѧтью—brati, raspętü. Что подъ написаніями -иꙗ, -ие, -иѩ и т. д. скрывались уже сочетанія -i̯a, -i̯e, -i̯ǫ, показываютъ примѣры: любовиѭ изъ любъвиѭ, бездениѣ изъ бездьниѣ и т. п. Сильное и: формы съ -ии рѣдки, какъ и формы съ -ьи; обыкновенно находимъ -еи; сильное ꙑ: при рѣдкихъ формахъ на ꙑи довольно часты формы на -ꙑи и еще чаще на ꙑ (стяженіе); -ои Вондракъ Altk. Gr.², 238 с. отмѣчаетъ всего въ двухъ примѣрахъ: присной, свѧтои.

Супрасльская рукопись въ обозначеніи и слабаго распадается на двѣ части: въ первой, бо́льшей по объему, ь употребляется рѣдко, главнымъ образомъ послѣ слога съ ъ или ь (напр. тъчьѭ), обычно-же -и (ср. Arch. XXXI, 491 с.); во второй части чаще употребляется ь, иногда оно замѣняется чрезъ ',—аб'ѥ, исправьѥн'ꙗ. Очевидно, что и пришествиѥ изъ пришьствиѥ, цѣсарествиѥ изъ цѣсарьствиѥ должно по отношенію къ говору писца читать, какъ prišestvi̯e, cěsarestvi̯e, и здѣсь обязано сво-

имъ существованіемъ графической традиціи. Сильное и, ꙑ: воліі, третіі, бж҃ии, ст҃ꙑи, прѣвꙑи, благꙑи, славьнꙑи, встрѣчаются и формы съ ꙑ, т. е. стяженныя.

Саввина книга въ обозначеніи и слабаго очень послѣдовательно проводитъ одинъ пріемъ -и. Примѣры—вьлия, вьпиетъ, вьпиꙗше, вьпиꙗхъ, отмѣчаемые Щепкинымъ, Разсужд., 239 с. не указываютъ на слабое ъ въ слогѣ въ (ср. выше, § 20) и слѣдовательно на сильное (редуцированное) и, такъ какъ вь- могло въ этихъ примѣрахъ явиться подъ вліяніемъ вьлити, вьпити (изъ вълити, въпити). Сильное и является въ видѣ и и въ видѣ ь: мьнии, свинии и вольи, искрьньи, дьньи gen. pl.; сильное ꙑ- обычно въ видѣ ꙑ (изъ стяженія).

Въ *Остромировомъ Ев.* правиломъ является на мѣстѣ слабаго и—и; исключенія единичны: црквьѭ 215, обьемлють 231. (Ср. Шахматовъ, Arch. XXXI, 487 с.). Сильное и, ꙑ: бж҃ии, истиньнꙑи, чловѣчии и видѣвꙑи, сѫшьдꙑи, чл҃вчьи.

Хиландарскіе листки въ обозначеніи слабаго и предпочитаютъ и, но изрѣдка имѣютъ ь: зиданьꙗ, дьꙗвола, навꙑченьѥ и др. при оученьꙗ, кръщение, подобию и т. п. Сильное и, ꙑ: дѣании gen. pl., оучении, благочестьнꙑихъ gen. pl., морьскꙑи nom. s.

Листки Ундольскаго употребляютъ -и на мѣстѣ и слабаго.

Примѣчаніе. По вопросу объ редуцированныхъ ꙑ, и ср. въ Разсужденіи Щепкина, 235 и сл., Изслѣдованіи Ляпунова, 119 и сл., у Шахматова, «Къ вопросу о различеніи іота и неслогового і» въ Р. Ф. В. за 1903 г. и въ его же статьѣ Die Gespannten (engen) Vocale $\hat{ъ}$ und $\hat{ь}$ im Urslavischen, Arch. XXXI, 481 и сл. Подробно разсмотрѣнъ вопросъ также у Вондрака Altkirchensl. Gr.², 222 и слѣд.

Въ послѣдней по времени статьѣ своей въ Archiv'ѣ Шахматовъ предполагаетъ, что подъ ꙑ и и въ разсмотрѣнныхъ выше случаяхъ скрывались «напряженные ъ, ь» (которые онъ обозначаетъ знаками $\hat{ъ}$, $\hat{ь}$)—что вполнѣ возможно. Напряженное ь Шахматовъ предполагаетъ также въ слѣдующихъ случаяхъ: 1. въ такихъ примѣрахъ какъ достоинъ изъ *dosto-i̯ьnъ,—ср. бѣдьнъ, т. е. изъ ь въ положеніи послѣ i̯ (j);

2. въ такихъ примѣрахъ какъ даи, знаи (русс. *дай, знай*), тои (русс. *той*), т. е. на мѣстѣ первоначальнаго конечнаго неударяемаго -ī: даи получилось изъ *dai̯ī, а это изъ *dai̯oi (чрезъ посредство *dai̯ei), ср. бери изъ *bheroi (греч. φέροι); тои получилось изъ *toi̯ī, а это изъ *toi̯oi,—ср. воли изъ *voli̯oi (ср. греч. χῶραι). Такое напряженное ь изъ конечнаго неударяемаго ī Шахматовъ предполагаетъ и въ положеніи послѣ другихъ согласныхъ, не послѣ j (i̯); въ imper. вѫди, въ infin. видѣти, дати и т. п. и въ иныхъ грамматическихъ категоріяхъ, гдѣ такое напряженное ь не было вытѣснено звукомъ і подъ вліяніемъ аналогіи (напр. фонетическое напряженное ь въ *kostь было вытѣснено гласнымъ і, который былъ въ *rъžі).

3. Наконецъ, напряженные ꙑ, ь, по мнѣнію Шахматова, получались изъ всякаго долгаго y, ī въ положеніи передъ j, т. е. въ 1 л. ед. ч. *kryjǫ, *myjǫ изъ *kryjǫ, *myjǫ съ y долгимъ (ср. русс. *кро́ю, мо́ю*).

Со вторымъ и третьимъ предположеніемъ Ш. трудно согласиться. Процессъ измѣненія toi̯ī, dai̯ī въ тои, даи можно представить себѣ иначе: toi̯ī>toī>toi̯.

Предположить напряженное ь въ бѫди, видѣти, несеши и т. п. затрудняемся: въ Ассем. Еван., гдѣ конечные ъ, ь очень часто опускаются (свобод, ден, днес, родо̑с и т. п.), не находимъ ни одного случая пропуска конечнаго и, также ни одного случая замѣны и чрезъ ь, что было бы совершенно непонятно, если бы въ конечномъ неударяемомъ слогѣ было получено напряженное ь (изъ i); оно, конечно, должно было исчезнуть въ живомъ языкѣ. Въ срединѣ слова и обозначало, вѣроятно, i̯. Въ Супр. рук. находимъ не только пропускъ конечнаго редуцированнаго, но и пропускъ ь предъ i̯ внутри слова: аб'ѥ; однако конечное и не опускается и не замѣняется буквой ь. Во всякомъ случаѣ факты, приводимые Шахматовымъ въ доказательство его положенія, допускаютъ иное объясненіе.

Что касается формъ крꙑжѫ, мꙑжѫ, то здѣсь ꙑ редуцированное, или иначе напряженное ъ, могло получиться изъ ъ, т. е. изъ ŭ: ср. чередованіе ū въ infinit. и ŭ въ praes. въ латышскихъ формахъ krūtēs, mūtēs infin. при krujuôs, mujuôs praes. Конечно, исходя изъ *mъjǫ можно было бы ожидать въ русскомъ *м'ю*, но глаголы этого типа были ассоціированы съ такими, какъ *знаю, сѣю, грѣю, вѣю* и т. д. и подъ вліяніемъ ихъ могли получить удареніе корня: р. *мою, вою. крою* (первоначальное *mъjǫ̀ можно ожидать въ виду того закона, что съ краткаго гласнаго удареніе переносилось всегда на конечный восходяще-долгій: ср. несу, везу, плету, веду, мочу, бью, пью и т. д.).

По отношенію къ напряженному ь Ш. различаетъ среди др.-ц.-слов. памятниковъ двѣ группы (какъ и Щепкинъ, Разсужд. 239 с.): къ первой относятся Савв. книга и Остромирово Ев., не измѣняющіе ъ, ь въ сильной позиціи въ чистое о, е; ко второй—остальные; въ первой группѣ ь напряженное слабое выражается буквой и, во второй находимъ уже ь на мѣстѣ ь напряженнаго слабаго, что Ш. ставитъ въ связь съ исчезновеніемъ въ языкѣ писцовъ какъ ь, такъ и ь напряж. въ слабомъ положеніи.

Однако мы видѣли, что Асс. Ев., относящееся ко второй группѣ, послѣдовательно употребляетъ и на мѣстѣ ь напряж. слабаго. Съ другой стороны, въ Савв. книгѣ пропускъ ъ, ь слабыхъ—такое обычное явленіе, что нельзя сомнѣваться въ исчезновеніи ихъ въ говорѣ писца, а слѣдовательно трудно думать, чтобы въ говорѣ его еще сохранялось слабое ь напр.; повидимому, и въ Савв. книгѣ въ брьние и т. п. обозначало то-же, что и въ Ассем. Ев.,—i̯.

§ 23. Праслов. ǫ, ę сохранялись въ др.-ц.-слов. языкѣ, какъ носовые о, е; это ясно изъ анализа глаголическихъ начертаній для носовыхъ звуковъ: первую часть глаголическаго ѫ (ǫ) составляетъ буква о, первую же часть глаголическаго ѧ (ę)—буква ѥ. Вторая часть этихъ знаковъ—Є первоначально, повидимому, обозначала носовой характеръ гласнаго, и знакъ ЭЄ одинаково обозначалъ ѧ и ѩ, (какъ Э обозначало ѥ и ѭ):

въ древнѣйшемъ церк.-слов. памятникѣ — Кіевскомъ М. находимъ именно такое употребленіе этого знака; въ другихъ памятникахъ онъ употребляется лишь для обозначенія ѩ, а вторая часть его—для обозначенія ѧ. Ту-же, болѣе древнюю, стадію развитія глаголической графики, что и Кіевскій Миссалъ, отражаютъ Синайская Псалтырь, Охридское Ев., Пражскіе Отрывки.

Въ дошедшихъ до насъ памятникахъ др.-ц.-слов. языка находимъ факты, указывающіе на измѣненія въ первоначальномъ употребленіи носовыхъ ǫ и ę. Однако факты эти не характеризуютъ языка первоначальныхъ кирилло-меѳодіевскихъ переводовъ; они отражаютъ явленія болѣе поздней эпохи, относящіяся къ говорамъ писцовъ.

Уже въ Кіевскомъ М. находимъ форму небесьскоуѭ твор. п. ед. ч., однако здѣсь врядъ ли можно видѣть замѣну ѫ чрезъ оу—въ виду того, что вообще говоря носовые въ Кіевскомъ М. употребляются вполнѣ правильно; скорѣе здѣсь оу является опиской вмѣсто о, т. е. небесьскоѭ: ср. вѣчьноѭ въ томъ же памятникѣ (Грунскій «Памятники и вопросы» III, 28 с.).

Въ другихъ памятникахъ замѣчаемъ или случаи замѣны ѫ чрезъ оу и о, ѧ—чрезъ е, или же случаи смѣшенія ѧ и ѫ.

Въ Зографскомъ Евангеліи, кромѣ обыкновенныхъ знаковъ для носовыхъ, встрѣчается еще особый знакъ носового Ѧ, который употребляется въ одной опредѣленной категоріи случаевъ, а именно въ формѣ им. ед. м. р. прич. наст. вр., оканчивающихся обыкновенно на ꙑ: вмѣсто грѧдꙑи, живꙑи, сꙑи, ѣдꙑи, несꙑи находимъ формы съ указаннымъ знакомъ, замѣняющимъ обычное ꙑ. Тотъ-же знакъ и въ такихъ же формахъ находимъ въ Маріинскомъ Ев., причемъ въ послѣднемъ памятникѣ встрѣчаются и формы сѫи, живѫи, а также грѧдѧи съ обыкновеннымъ знакомъ ѧ; въ Клоц. Сб. находимъ въ соотвѣтствіи этимъ формамъ грѧдѧи, въ Син. Молитв. живѧи и сѫи, въ Син. Пс. грѧдѫи, въ Савв. кн. живѧи, сѧи, въ Супр. жꙑрѧ, вѣдѧ.

Врядъ ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что въ данныхъ формахъ старое ꙑ было вытѣснено дѣйствительно носовымъ гласнымъ подъ вліяніемъ формъ видѧ, глѧголѭ и т. п.

Однако трудно рѣшить вопросъ, какого именно характера носовой гласный здѣсь произносился.

Ягичъ,—Зографск. Ев. XXIV,—склоненъ предполагать въ этихъ формахъ глухой звукъ, какой имѣемъ на мѣстѣ ѫ въ современномъ болгарскомъ языкѣ. Лескинъ—Handbuch[5] 91 с.,—полагаетъ, что указанныя формы Зогр. и Мар. Ев. возникли въ ту эпоху, когда на мѣстѣ ѫ

явился гласный съ характеромъ ъ. Щепкинъ—Разсужденіе 89 с.,—видитъ въ особомъ знакѣ Зографскаго и Маріинскаго Ев. ę безъ предшествующей мягкости. Предположеніе Лескина о столь раннемъ измѣненіи ѧ въ гласный съ характеромъ ъ, во всякомъ случаѣ, не обосновано и невѣроятно.

Примѣчаніе. Въ Зографскомъ Ев. Ягичъ—Зографск. Ев. XX с.,—отмѣчаетъ слѣдующіе примѣры неправильнаго употребленія ѫ и ѧ: 1) оужасише (вм. -шѧ), 2) етъ (вм. ѩтъ), 3) отѧмл҃ѭштааго (вм. оте-), 4) бѧштьдьнъ (вм. бе-), 5) во врѣмѧ своѧ (вм. свое), 6) что бѣашѧ ѣже гл҃ашѧ (вм. бѣаше), 7) крьстѧштѧ nom. pl. masc. gen. вм. крьстѧште, 8) оучѧштѧ—такая же форма, 9) бꙑвъшѧ—та же форма. 10) сн҃ове вашѧ вм. ваши, 11) ми вм. мѧ, 12) си вм. сѧ, 13) чисти вм. чѧсти, 14) придѫтъ вм. прѧдѫтъ, 15) вѧдѧ вм. видѧ, 16) осѫдѧтъ вм. осѫдитъ, 17) скврънѧтъ вм. скврънитъ, 18) сълазѧтъ вм. сълазитъ, 19) оузьритъ вм. оузьрѧтъ, 20) водꙑ въслѣплѫштѫѭ вм. -штѧѩ, 21) вьземл҃ѫ part. praes. act. (вм. -ѩ), 22) июдеѭ вм. июдеѩ, 23) грѧдоуштю вм. грѧдѫштю, 24) іноудоу вм. інѫдоу, 25) отъ тоудоу вм. отътѫдоу, 26) ан҃дрѣоу вм. ан҃дрѣѫ. Грунскій,—Сборн. 83 № 3. 25 с.,—прибавляетъ: 27) приѩше вм. -шѧ, 28) ї обь...мъ е...възлагаѩ рѫцѣ на н҃е, 29) въ лъже кльнеши, 30) мѫдънаа при моудитъ въ иномъ мѣстѣ, 31) сѣди при сѧди. Со своей стороны, мы замѣтили при свѣркѣ 1 гл. Марка съ рукописью 2 случая ѫ вм. ѩ: въ ближьн҃ѧѫ вси 37 ст. и падаѫ вм. падаѩ 40 ст. Изъ этихъ примѣровъ многіе должны быть исключены: 5, 6, 7, 8, 13, 15—описки; въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вѣроятно, имѣетъ мѣсто неправильное пониманіе писцомъ текста; такъ, въ 28) писецъ могъ написать е, н҃е въ виду предшествующаго ...ѣко отрочѧ; сомнительно значеніе тѣхъ случаевъ, гдѣ на мѣстѣ ѧ является и или наоборотъ; опиской является, быть можетъ, и 29; если писецъ списывалъ строка въ строку, то -же вм. жѫ могло явиться въ виду же въ концѣ сосѣдней строки. Случаи 30) и 31) должны быть исключены, такъ какъ въ формѣ сѣди имѣется смѣшеніе основъ сѣд- и сѧд-, а корень мѫд- имѣетъ параллель съ оу- моуд-. Въ Маріин. Ев. довольно часто встрѣчается смѣшеніе ѫ и оу, ѭ и ю: мѫжѭ вм. мѫжю, къ немѫ, грѣшьнѫ дат. ед. ч. м. р., вѣрѫѭште, вм. вѣроу-, лѭбъве, въ коупѣли, люблю, вьметаемоу вин. ед. ч. ж. р. и т. п.; см. Ягича Маріин. Е. 423 с. Нѣсколько случаевъ замѣны ѫ чрезъ о въ Маріин. Ев., вѣроятно,—описки: начертанія ѫ и о въ глаголицѣ близки. Случаи смѣшенія ѣ и ѧ въ Мар. Ев.—съвѣзавъше (вм. съвѧзавъше) и вѣсѧ, сѣдѣштемъ (вм. сѣдѧштемъ),—повидимому,—описки, а иные случаи, указанные Ягичемъ, имѣютъ иное значеніе: ср. Фортунатова «О составѣ Остромирова Ев.» 57 с. Единичное (и ѩсѧ и) юношѧ вм. юношѫ Марк. XIV, 51, вѣроятно,—описка. Въ Ассем. Ев находимъ нѣсколько примѣровъ ѧ на мѣстѣ ѫ и наоборотъ: плачѧшти, лъжѧште, приѥмлѧтъ, въсплачѧтъсѧ, помажѧтъ и, съ другой стороны,—творѭштѫѭ (вм. творѧштѫѭ), отъстоѭштѫѭ (вм. отъстоѩштѫѭ). Въ

Синайской Псалтыри о на мѣстѣ ѫ встрѣчается настолько часто, что возможно предполагать въ этомъ отраженіе діалектическаго произношенія ѫ, какъ о, которое наблюдается въ извѣстной части говоровъ современнаго болгарскаго языка. Въ Синайск. Молитв. встрѣчаемъ иногда о, оу вм. ѫ: отробѫ вм. ѫтробѫ, лоуцѣ вм. лѫцѣ; ѧ на мѣстѣ ѣ—въ приматалѧх. Въ Glag. Cloz. наблюдается смѣшеніе ѫ и оу: моукѫ, моуцѣ, моука, разлючаете и др.,—ср. изданіе Вондрака 5 с. Въ Савв. кн. достовѣрными можно признать лишь два случая смѣшенія ѫ и ѧ: стоѭщѧ вм. стоѭщѫ и ѭ вм. ѭ acc pl.,—ср. Разсужденіе Щепкина, 72 и сл. Въ Супрасл. рукоп. встрѣчаются случаи оу вм. ѫ, какъ кажоуштоу, миноукѫшоу, дрѧзноукѫ, имоуштоуоумоу и, наоборотъ,—ѩштѫ вм. ѩштоу; впрочемъ, большая часть этихъ случаевъ похожа на описки; е вм. ѭ въ езыкѫ, обадише (вм. шѧ) и единичные случаи ѧ вм. ѣ, ѭ вм. ѭ—скорѣе всего описки; ср. Лескина Handbuch[5], 42 с.

Фортунатовъ предполагаетъ случаи смѣшенія оу и ѫ въ др.-церк.-слов. оригиналѣ Остромирова Ев.: «О составѣ Остромирова Ев.» 52 и сл.

При анализѣ примѣровъ смѣшенія носовыхъ гласныхъ съ чистыми должно исключить случаи, въ которыхъ имѣло мѣсто чередованіе ǫ и ѫ, ę и ѣ̆ въ корнѣ еще въ прасловянскомъ: таковы нѫжда и ноужда, гнѫшати и гноушати, сѫмьнѣти и соумьнѣти, мѫд- и моуд-, помѧнѫти и помѣнѫти. Точно такъ-же нѣтъ смѣшенія ѫ и ѧ въ тысѫшта при тысѧшта: ср. серб. tîsuća, но р. *тысяча*.

§ 24. Въ соотвѣтствіи праслов. сочетаніямъ ьр̥, ьl̥, ър̥, ъl̥ (со *слоговыми* r, l и неслоговыми ъ, ь,—ср. § 3, 6), которыя имѣли мѣсто между согласными, въ др.-цер.-слов. памятникахъ находимъ сочетанія рь, рѫ, ль, лѫ. Въ русскомъ языкѣ, въ соотвѣтствіи тѣмъ же праслов. сочетаніямъ, находимъ сочетанія съ прасловянскимъ порядкомъ звуковъ и съ *е*, *о* на мѣстѣ прасл. ь, ъ.

Такимъ образомъ, др.-ц.-словянскому сѫмрьть, тврьдѫ соотвѣтствуетъ р. *смерть*, *твердъ*; др.-ц.-сл. скрѫбь—р. *скорбь*; др.-ц.-сл. влькѫ—р. *волкъ;* въ соотвѣтствіи др.-ц.-слов. длъгѫ—русск. *долгъ*.

Примѣчаніе. Въ Зогр. Ев. пишется влькѫ, такъ-же въ Савв., что древнѣе, чѣмъ влъкѫ Маріинскаго Ев.: ср. польское wilk.

Предъ нами является вопросъ: что именно скрывалось подъ др.-ц. словянскими написаніями въ указанныхъ случаяхъ?

Тѣ-же написанія рь, рѫ, ль, лѫ находимъ въ др.-ц-сл. памятникахъ и въ тѣхъ сочетаніяхъ, кои соотвѣтствуютъ прасловянскимъ—гь, гъ, lь, lъ и русскимъ *ре*, *ро*, *ле*, *ло*. Такъ, др.-ц.-сл. крѫвь, въс-крьсѣ, плъть, глъза соотвѣтствуетъ русскимъ *кровь*, *воскресъ*, *плоть*, *слеза*.

Однако написанія рѫ, рь, лѫ, ль въ случаяхъ первой категоріи (сѫмрьть—р. *смерть* и т. п.) и въ случаяхъ второй категоріи (крѫвь—

русск. *кровь* и т. п.) имѣли неодинаковое значеніе. На это указываютъ данныя самихъ древне-церк.-слов. памятниковъ.

Въ Кіевскомъ Миссалѣ еще нельзя подмѣтить никакого различія между примѣрами первой и второй категоріи; ъ и ь не подвергаются въ этомъ памятникѣ никакимъ измѣненіямъ и не смѣшиваются между собою ни въ такихъ случаяхъ, какъ крькъ—крькы, ни въ такихъ, какъ съмрьть—съмрьти; пишется правильно крькы, кълатити (ср. русск. *крови, воплотить*), а также: скрьности (ср. р. *скверность*), оутрьди (ср. р. *утвердить*), срьдьцѣ (рус. *сердце*), дрьжимъ (р. *держимъ*), скрьбьны (р. *скорбный*). Въ словѣ напльнени—ь Кіевскаго Миссала является болѣе старымъ, чѣмъ о изъ ъ въ русскомъ *полный*: ср. лит. pĩlnas.

Обращаясь къ Зографскому Ев., замѣчаемъ уже нѣкоторое различіе между тѣми группами рх, рь, лх, ль между согласными, которымъ соотвѣтствуютъ русскія сочетанія *ор, ол, ер, ел*, и тѣми, кои имѣютъ своимъ соотвѣтствіемъ русскія *ро, ло, ре, ле*.

1. Въ группахъ рх, лх, рь, ль изъ праславянскихъ *гъ, *lъ, *гь, *lь (русск. *ро, ло, ре, ле*), если въ слѣдующемъ слогѣ стоятъ опять таки ъ, ь,—ъ и ь всегда строго различаются, никогда не смѣшиваются между собою: пишется крькы (рус. *бровь*), крькы (рус. *кровь*), плъть (рус. *плоть*), брьние, дрьколь (р. *дреколье*), скрьжьтъ (р. *скрежетъ*), трьхъ (р. *трехъ*); это различіе бо́льшею частью сохранено и въ тѣхъ случаяхъ, когда сочетаніе рх(рь, лх, ль) стоитъ предъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія, хотя въ этихъ случаяхъ изрѣдка находимъ уже смѣшеніе ъ и ь: правильно пишется въ заимствованномъ изъ греческаго языка словѣ крьстъ -ь и такъ-же пишется съ ь глаголъ крьстити, правильно пишется блъштати (ср. р. *блестѣть*), клънѫ (р. *клену* старше, чѣмъ *кляну*), трьми (ср. р. *тремя*), плькати (русс. *плевать*); однако находимъ и къскрѣснѫти вмѣсто ожидаемаго къс-крьснѫти.

Значеніе этихъ фактовъ понятно: въ разсматриваемыхъ группахъ ъ и ь имѣли ту-же судьбу, что и послѣ иныхъ согласныхъ (ср. § 20); въ положеніи предъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія они были слабыми, и потому ь предъ твердымъ слогомъ могло измѣняться въ ъ; но въ положеніи предъ слогомъ съ ъ, ь—ъ и ь въ указанныхъ сочетаніяхъ рх, рь, лх, ль были сильными и потому смѣшиваться не могли.

2. Если бы написанія рх, рь, лх, ль въ словахъ второй категоріи (прасл. ъ̯, ь̯, ъ̯, ь̯, рус. *ор, ол, ер, ел*) означали въ древне-церк.-славянскихъ памятникахъ то-же самое, что и въ словахъ первой (см. 1) категоріи, то ожидали бы столь же строгаго различенія между ъ и ь и тутъ,—въ томъ положеніи, когда далѣе слѣдуетъ ъ, ь. Однако этого какъ разъ и не находимъ: въ Зогр. Ев. пишется прькы и прькы,—правильно,

конечно, второе (ср. русс. *первый*), срьдьце и срьдьце (ср. русс. *сердце*), съмрьть вмѣсто болѣе правильнаго съмрьть (р. *смерть*), прьстъ (вм. прьстъ, р. *перстъ*). Такія же формы найдемъ и въ другихъ др.-ц.-сл. памятникахъ: Мар. срьдьце, срьдце, съмрьть; въ Остром. Ев.: мрътвъ, мрътвъıхъ, мрътвъıихъ, отвръзошѧсѧ, четврътъкъ, оумрьла, жрънъвахъ, жрътвами (ср. Дополненія къ грамм. Лескина 1890 г.); Glag. Cloz. срьдьце, срьдца, съмрьть; Син. Мол. срьдьце; наоборотъ, въ Савв. кн. находимъ скрьбь вм. скрьбь. Такое же неразличеніе ъ и ь найдемъ, конечно, въ этихъ сочетаніяхъ и предъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія, т. е. съмрьти, жрътва, дръжати,—какъ въ Зогр. Ев., такъ и въ другихъ памятникахъ.

Ясно, что въ случаяхъ второй категоріи написанія ръ, рь, лъ, ль обозначали не то, что въ случаяхъ первой категоріи. Выводъ этотъ подтверждается еще однимъ обстоятельствомъ: въ случаяхъ первой категоріи ъ и ь въ положеніи предъ слогомъ съ ъ и ь (или i+j) могутъ измѣняться въ др.-ц.-сл. памятникахъ въ о, е, какъ и послѣ иныхъ согласныхъ: въ Мар. Ев. находимъ брение изъ *brьnьje, въскресъ изъ болѣе древняго въскрьсъ, въ Glag. Cloz. находимъ крестъ изъ крьстъ, кровиѭ изъ прасл. *krъvьjǫ, въскресъшюмоу изъ въскрьсъшюмоу, въ Асс. Ев.—въскресъ, въ Син. Пс. брение, слезъ (изъ сльзъ), вьскресъ, кровь, плъть (изъ плъть), поскрежьштетъ изъ поскрьжьштетъ, въ Син. Мол. брение, слезъ.

Между тѣмъ ни въ одномъ изъ указанныхъ памятниковъ, несмотря на ихъ значительный объемъ, нельзя указать положительно ни одного примѣра, гдѣ бы такому измѣненію въ такомъ же положеніи подвергся ъ или ь въ сочетаніяхъ ръ, рь, лъ, ль второй категоріи, т. е. изъ прасл. *ьr̥ и т. д. (р. *ор* и т. д.); невозможно какое-нибудь *скробь*, *чревь* изъ скръбь, чрьвь. Изъ этого ясно, что въ написаніяхъ скръбь, чрьвь, пльнъ, тврьдъ, съмрьть и т. п. ъ и ь не обозначали слоговыхъ звуковъ, которые въ силу ослабленія конечныхъ ъ, ь могли усилиться и измѣниться въ гласные полнаго образованія.

Слогъ образовали въ этомъ сочетаніи р, л, т. е. ръ, лъ, рь, ль, въ такихъ словахъ (русск. ор, ол, ер) обозначали слоговые р, л, сопровождавшіеся слабымъ гласнымъ элементомъ, переходнымъ неслоговымъ звукомъ, который обозначался буквами ъ и ь. Вѣроятно, полумягкій слоговой r̥ (l̥), сопровождавшійся мягкимъ переходнымъ гласнымъ, обозначался написаніемъ рь (ль), а твердый слоговой r̥ (l̥) + твердый переходный гласный—написаніемъ ръ (лъ). Ср. 1) Фортунатовъ «О составѣ Остромирова Ев.» 22 с. 2) Meillet въ Gött. g. An. 1910 г., № 5, 370 с. Итакъ, на основаніи анализа фактовъ др.-ц.-сл. памятниковъ можно думать, что праслов. сочетанія ъr̥, ьr̥, ъl̥, ьl̥ (съ неслоговымъ ъ, ь) въ др.-ц.-сл. языкѣ являлись съ перестановкой въ видѣ r̥ъ, r̥ь, l̥ъ, l̥ь—так-

же со слоговыми r, l и неслоговыми ъ, ь. Эти сочетанія (r̥ъ и т. д.) въ словахъ *skr̥ъbь и т. п. не были вполнѣ тожественными съ сочетаніями rъ и т. д. въ *krъvь, *krъvi, но тѣ и другія были въ извѣстной степени сходными на слухъ, чѣмъ и объясняется одинаковое изображеніе ихъ въ др.-церк.-словянской письменности.

Примѣчаніе. Относительно болѣе поздней эпохи въ др.-церк.-слов. письменности можно предположить отожествленіе сочетаній r̥ъ и сочетаній rъ въ живомъ произношеніи писцовъ, какъ основаніе одинаковаго правописанія.

Въ текстахъ XI вѣка—въ Маріинскомъ Ев., Клоц. Сб., Ассем. Ев., Синайск. Пс., Синайск. Мол., Супр., Савв.—первоначальное различіе между ъ и ь въ формѣ типа кръви, крьста, плъти утрачено. Въ Мар. пишется кръстишѧ, кръштъше, слъзами, дръкольми—съ ъ вм. ь (ср. соотвѣтствующія русскія формы), въ Glag. Cloz.—кръстѣ (и подъ вліяніемъ такихъ формъ—кръстъ), въ Ассем. кръстити, въскръснѫти, въ Син. Псалт. воскръснѫти, въскръсні и, наоборотъ,—крьви вм. кръви; въ Хил. л.л. кръщение, кръстивъсѧ; въ Савв. книгѣ—крьве, крьви при кръви, кръво-, пльть при плъть и слъзами при сльзами; въ Супр. рук. скръжетъ, кръштениꙗ и пльть; и даже въ Надписи 993 г. читаемъ на кръстѣхъ. Съ нѣкоторой вѣроятностью можно предполагать, что въ этихъ фактахъ отражается измѣненіе первоначальныхъ группъ ръ и т. д. съ неслоговыми r, l — въ группы со слоговыми r̥, l̥ и неслоговыми ъ, ь и позже въ слоговые r̥, l̥. Такое предположеніе поддерживается и нѣкоторыми иными фактами: 1. Въ памятникахъ XI вѣка встрѣчаемъ, правда, небольшое количество случаевъ пропуска ъ, ь въ разсматриваемыхъ группахъ на письмѣ; такъ, въ Мар. Ев. Ягичъ отмѣчаетъ,—крвъ, крстителѣ, оутрни; то-же—въ группахъ ръ, рь и т. д. изъ прасл. ъr̥, ьr̥ и т. д.: милосрдоуѭ, милосрдовавъ, скврнѧштаа, о црквн Мар. Ев. 433 с. Въ Glag. Cloz. находимъ крстъ (2 раза), крста (2 раза), крстѣ; въ группахъ ръ, рь изъ прасл. ъr̥, ьr̥—то-же: цр҃квь, въ цркві.

2. Сами по себѣ приведенные случаи настолько немногочисленны, что могли бы быть приняты за описки, если бы на измѣненіе группъ ръ, рь и т. п. въ слоговое r̥ не указывалъ также Македонскій листокъ,—памятникъ, по палеографическимъ примѣтамъ, XI вѣка: въ немъ находимъ написанія вьрхь, пьлти, дьрзостиѫ, дьрзь, гьрдь, дьльжаѥ; въ формахъ 1, 3, 4, 5, 6 написанія ьр, ьль обозначаютъ r̥, l̥, явившіяся изъ старыхъ сочетаній ръ, лъ съ искони слоговыми r̥, l̥, (ср. русск. верхъ, дерзкій, гордый, долгъ); форма пьлти показываетъ, что такое-же l̥ явилось и на мѣстѣ стараго лъ съ неслоговымъ l.

Для XII—XIII вѣка r̥, l̥ на мѣстѣ прасл. rъ, lъ, rь, lь въ болгарской письменности уже не подлежитъ сомнѣнію. Явившись первоначально предъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія, эти слоговые r̥, l̥ затѣмъ проникли и въ тѣ положенія, гдѣ фонетически получилось ро, ре, ло, ле, т. е. подъ вліяніемъ крви, крста со слоговымъ р явилось и крвь, крстъ, вытѣснивъ фонетическое кровь (или кръвь со слоговымъ нормальной краткости ъ), крестъ.

Отражаетъ ли крѫстъ Сборника Клоца живое krst, или же ѫ представляетъ лишь графическую аналогію, рѣшить трудно.

По отношенію къ Савв. книгѣ, изъ которой выше было приведено скрьбь, должно замѣтить, что написаніе рь въ этомъ памятникѣ вообще сильно преобладаетъ надъ рꙑ, какъ въ примѣрахъ типа крꙑкн, такъ и въ примѣрахъ типа скрꙑкн, что Щепкинъ объясняетъ особой природой слогового р, получившагося въ тѣхъ и другихъ сочетаніяхъ.—Разсужденіе, 219 с.

Ср. по данному вопросу — о сочетаніяхъ плавныхъ съ ъ, ь — Ляпунова: Изслѣдованіе 245 и сл., Шахматова: Къ исторіи звуковъ русскаго языка. О полногласіи, 1 и сл., 137 и сл., 178 с., Лескина: Handbuch[5] 34—39 сс. и Grammatik 64 с.

§ 25. Изъ прасл. сочетаній or, ol, er, el между согласными въ др.-ц.-сл. языкѣ получились сочетанія ра, ла, рѣ, лѣ между согласными, т. е. въ этихъ сочетаніяхъ произошло удлиненіе гласнаго о, е и перестановка. То-же находимъ въ современномъ болгарскомъ языкѣ, въ языкахъ сербскомъ, словинскомъ и чешскомъ:

Такъ: др.-ц.-сл. брада, серб. bráda, слов. bráda, чеш. brada (прасл. *borda);
др.-ц.-сл. градъ, серб. grâd, слов. grâd, чеш. hrad (прасл. *gordъ);
др.-ц.-сл. брѣгъ, серб. brêg, слов. brêg, чеш. břeh (прасл. *bergъ);
др.-ц.-сл. глава, серб. gláva, слов. gláva, чеш. hlava (прасл. *golva);
др.-ц.-сл. млѣко, серб. mléko, слов. mléko, чеш. mléko (прасл. *melko).

Въ чешскомъ языкѣ старое ě въ сочетаніяхъ rě, lě дало e. Въ польскомъ языкѣ изъ прасл. or, ol получились сочетанія rō, lō, а изъ сочетаній er, el—rē, lē, откуда затѣмъ ro, lo, re, le,—съ сокращеніемъ долготы, или же ró, ló, ré, lé, гдѣ ´ означаетъ закрытый характеръ гласныхъ о, е,—съ сохраненіемъ долготы, слѣдомъ которой является въ настоящее время закрытое произношеніе; ср. Кульбакина въ Сборн. Отд. русск. яз. и сл. 73 т. 48 стр. Сходную судьбу имѣли данныя сочетанія и въ лужицкихъ языкахъ: ср. луж. brjóh (изъ *breg), hroch, broda, hlos, mloko изъ mleko.

Въ русскомъ языкѣ въ соотвѣтствіи приведеннымъ формамъ, какъ извѣстно, имѣемъ *полногласныя* формы: *борода*, *городъ*, *берегъ*, *молоко*.

Не ту судьбу имѣли прасл. сочетанія or, ol, er, el въ началѣ слова. Здѣсь, говоря вообще, во всѣхъ языкахъ имѣла мѣсто перестановка. Въ серб. языкѣ изъ начальнаго or, ol—получилось ra, la: rásti, lâkat (прасл. *orsti, *olkъtь), то-же—въ словинскомъ; въ русскомъ находимъ *ра*, *ла* и *ро*, *ло*: ср. великор. *робить*, *робкій*, *робѣть*, *ростъ*, *ровный*, *локоть*, *лодка* и,—съ другой стороны,—*рало*, *ратай*, *лакомый*, *лань*. Ту-же двойственность обнаруживаютъ и зап.-слов. языки: чеш. rob, пол. rob, верхнелуж. robota; чеш. role, пол. rola, луж. rola; чеш. rovný, пол. równy, нижне-

луж. rowny; чеш. loket, пол. łokieć, в.-луж. łokć, а съ другой стороны— чеш. rádlo, пол. и луж. radło; чеш., пол. и н.-луж. rataj, чеш. lákati, пол. łakomy, в.-луж. łačny.

Эту двойственность ra/ro, la/lo въ русскомъ и зап.-слов. языкахъ объясняютъ различно: ср. Tore Torbiörnsson, Die Gemeinslavische Liquidametathese I (1901); Эндзелинъ, Сборникъ статей, посвященныхъ Ф. Ѳ. Фортунатову, 560 и слѣд.

Для начальныхъ сочетаній er, el несомнѣнныхъ примѣровъ указать нельзя.

Др.-ц.-сл. языкъ въ судьбѣ начальныхъ праслов. сочетаній *or, *ol примыкалъ къ другимъ южно-слов. языкамъ, т. е. имѣлъ на ихъ мѣстѣ ра, ла, каковое находимъ обычно въ др.-ц.-сл. памятникахъ: рабъ, ралиꙗ, расти—растѫ, растъ, ладии, лакъть, рало, ратаи, лакати—лачьнъ—лакота, ланита.

При этомъ, однако, встрѣчаемъ въ единичныхъ случаяхъ группу ал-: въ Зогр. въ ал҆диі Марк. I, 19 при—въ ладиі Марк. I, 20; въ Марк. алчѫща, алчѫштеи, алчѫштѧѩ (Ягичъ, Мар. Ев. 478 с.), Остром. възал҆кахъ 121а, 121г, 151б, 122а, възал҆ка 127б, 261б, възалка 93в, ал҆чѧ 239б, ал҆чѫща 121б, 122а, 161в, 152в; възалъкати 20а,—ср. възлака Зограф.; въ Супр. ал҆ченъ, алчъба, ал҆ьчьба (Leskien, Handbuch[4] 32 с.); въ Син. Эвхол. алък-, алъч- 69б, 90а, 103б, 104а, Савв. алчѫща, алъчѫщеи (Щепкинъ, Савв. кн. 153 с.); въ иныхъ памятникахъ ц.-слов. письменности встрѣчается также алънии при лании (или алъньи, ланьи). Условія возникновенія этихъ формъ безъ перестановки не выяснены; нужно думать, что первоначальными среди варіантовъ съ алъ-, ал҆-, ал-—являются варіанты съ ъ, который отражалъ неполнаго образованія звукъ, развившійся между л и слѣдующимъ согласнымъ и обусловившій отсутствіе перестановки. Кромѣ указанныхъ отступленій отъ обычныхъ др.-ц.-сл. ра, ла изъ начальныхъ or, ol должно отмѣтить примѣры съ ро: въ Супр. находимъ робъ, робота, роз-, розвѣ, ровьнъ (при рабъ, развѣ, равьнъ: ср. Leskien, Handbuch[5], 34 с.). По отношенію къ Супрасл. рукописи можно допустить въ данномъ случаѣ вліяніе словянскихъ говоровъ, относящихся къ западнымъ или восточнымъ вѣтвямъ: ср. Вондракъ въ Sitzungsber. 122 т., Облакъ въ Arch. XV, 338 и сл.

Примѣчаніе. То обстоятельство, что прасл. or, er при перестановкѣ получило удлиненіе *о* въ *а* и *е* въ ē=ě, указываетъ на глубокую древность этого измѣненія праслов. сочетаній; обыкновенно, считаютъ южно-слов. и чешское ra, la, rě, lě діалектическимъ явленіемъ прасловянской эпохи. При этомъ въ наукѣ существуетъ теорія, что различные рефлексы праслов. сочетаній or, ol, er, el въ отдѣльныхъ слов. языкахъ, т. е. южно-слов. ра, ла, пол. ro, lo,

русск. *оро*, *оло*, кашубское ar,—всѣ прошли чрезъ посредствующую ступень r̥o, l̥o со слоговыми r, l; по этой теоріи, слѣдовательно, и др.-ц.-слов. ра, ла получилось непосредственно изъ r̥o, l̥o; Torbiörnsson Die gemeinslav. liquida—metathese I—II (1901, 1903 гг.). Теорію эту, однако, не считаемъ доказанной; ср. по этому вопросу Tore Torbiörnsson'а въ B. B. XXX (1906 г.), 62—99 сс., гдѣ указана и вся предшествующая литература; также Brückner'а въ K. Z. XLII (1908 г.) 39—52 сс. и Torbiörnsson въ Mat. i prace IV т. (1909 г.) 25 и сл. Объ алъкати ср. K. Z. XXXVIII, 314 с., Фортунатовъ «О составѣ Остром. Ев.» 21 с. Относительно жладѫ, встрѣчающагося въ Супр. при жлѣдѫ (изъ *želdǫ)—ср. Meillet въ Götting. gelehrt. Anz. 1910, № 5, 372 с.: предполагается измѣненіе el послѣ смягченныхъ č, ž, š въ öl, откуда затѣмъ ol и, наконецъ, la. Относительно др.-цер.-слов. чловѣкъ ср. Leskien'а Gramm. 62 с., Шахматова Къ исторіи звуковъ, 1903 г. 58 с. Русск. *человѣкъ*, пол. człowiek, в.-луж. čłowjek предполагаютъ прасл. *čelvěkъ; въ соотвѣтствіи этой прасл. формѣ ожидали бы въ др.-ц.-сл., болг., серб., словин., чешскомъ группу čla-, однако въ др.-церк.-слов. находимъ чловѣкъ, въ серб. čòvek, въ словен. člòvẹk, въ чешск. člověk. Лескинъ выводитъ др.-ц.-сл. чловѣкъ изъ *čьlověkъ. Но др.-ц.сл. памятники говорятъ противъ этой гипотезы: они не знаютъ вовсе формы съ ь. Шахматовъ предполагаетъ прасл. *čelvěkъ въ двухъ варіантахъ: съ сокращеніемъ l въ силу положенія предъ долгимъ ударяемымъ слогомъ и съ долгимъ l подъ вліяніемъ формы зват. пад. *čel̄věče; форма čel̄věkъ, сохраняя долготу подъ вліяніемъ čel̄věče,—измѣнялась въ čel̄věkъ съ краткимъ удареніемъ ě; изъ формы čel̄věkъ Шахматовъ ведетъ русскую полногласную форму, а изъ формы čelvěkъ—др.-ц.-сл. и южно-слов., чеш. člo-: предполагается, что группа ra, la фонетически получалась лишь изъ or̄, ol̄, изъ or, ol должно было получиться ro, lo и въ южно-словянскихъ языкахъ, и въ чешскомъ. Предполагается также, что законъ сокращенія долготы подъ удареніемъ въ третьемъ отъ конца слогѣ (*čel̥věče) дѣйствовалъ позже закона сокращенія предъ ударяемымъ долгимъ слогомъ. Объясненіе страдаетъ искусственностью.

§ 26. Вопросъ, что именно имѣлось въ древне-церк.-словянскомъ языкѣ—j или же i неслоговое, не можетъ быть рѣшенъ ни въ ту, ни въ другую сторону: анализъ графики древне-церковно-словянскихъ памятниковъ не даетъ для этого никакихъ опредѣленныхъ указаній. Въ глаголицѣ йотація при гласныхъ е, а, и, ь не обозначается вовсе: ѥ выражается простымъ е, ꙗ- знакомъ ѣ, первоначально не знала глаголица особаго знака и для ѩ (ср. выше); знаки глаголицы, соотвѣтствующіе кирилловскимъ ю и ѭ, неясны. Въ кириллицѣ находимъ йотацію выраженной при а (ꙗ), е (ѥ), оу (ю), ѧ (ѩ), и ѫ (ѭ); при этомъ ясно, что j или i̯ въ этихъ сложныхъ знакахъ выраженъ знакомъ і, который въ отдѣльномъ употребленіи выражалъ i слоговое. Отсутствіе въ глаголицѣ и кириллицѣ особаго знака для j, на которое указываетъ Meillet, объясняется естественнѣе всего отсутствіемъ такого знака въ греческомъ алфавитѣ, и дѣлать изъ этого отсутствія какія-либо заклю-

ченія о природѣ др.-ц.-сл. рефлекса прасловянскаго j (i̯) было бы рисковано. Наличность въ др.-церк.-словянскихъ памятникахъ такихъ формъ, какъ сѣание, чаание; добрааго, доброуоумоу, добраго, доброумоу, получившихся изъ *dobra-jego, *dobru-jemu, или формъ: подобаатъ, вѣроуоуте, бꙑваатъ изъ *podobajetъ, *věrujete, *byvajetъ,—повидимому, показываетъ, что др.-ц.-сл. языкъ получилъ изъ прасловянскаго *въ извѣстныхъ условіяхъ* не j, а i неслоговое; это i неслоговое затѣмъ исчезало, слѣдствіемъ чего была ассимиляція гласныхъ: ае измѣнялось въ аа, оуе—въ оуоу, откуда затѣмъ а, оу. Тамъ-же, гдѣ это j или i̯ не исчезало, въ немъ слѣдуетъ различать по происхожденію два звука: j или i̯, полученное изъ индоевропейскаго, и j или i̯, развившееся впервые на словянской почвѣ (ср. выше, § 12).

Примѣчаніе. Ср. по данному вопросу у Фортунатова Arch. XII, 96 и сл., Педерсена K. Z. 38 т., 311 и сл. и Meillet во II вып. «Статей по славяновѣдѣнію» (1906 г.) 390 с.; по мнѣнію Meillet'а, колебанія, которыя замѣчаются по отношенію къ j (i̯) новаго происхожденія, указываютъ, что это j возникло внутри фразы во избѣжаніе зіянія между концомъ (гласнымъ) одного слова и началомъ другого; въ началѣ фразы такое i̯, u̯ не возникало, и въ языкѣ рядомъ могли существовать формы съ i̯ предъ начальнымъ гласнымъ и безъ него; затѣмъ могло произойти обобщеніе. Слова, которыя обычно употреблялись въ началѣ фразы, сохранились безъ такого i̯: таковы др.-ц.-сл. есе, а (союзъ), русскіе *экой, это* и т. п. Тѣ-же условія имѣли значеніе по отношенію къ u̯ новаго происхожденія (ср. § 12).

§ 27. Праслов. r′, l′, n′, получившіеся изъ rj, lj, nj, повидимому, были и въ древ.-церк.-словян. языкѣ смягченными. Въ глаголическихъ памятникахъ эта мягкость выражается надстрочнымъ знакомъ надъ указанными согласными или тѣмъ, что послѣ нихъ ставится знакъ йотованнаго гласнаго: послѣднее имѣетъ мѣсто предъ а, оу, ѫ и ѧ въ тѣхъ памятникахъ, которые различаютъ ѧ и ѭ. Такимъ образомъ, въ Зогр. Ев. находимъ мор̑е, сочетаніе ŕа выражается написаніемъ рѣ (форма к̑есара предполагаетъ им. ед. к̑есаръ); слогъ ŕu выражается обычно написаніемъ рю, слогъ ŕǫ—написаніемъ рѭ; иногда находимъ и надстрочный знакъ, и йотованный гласный. Такъ-же въ Мар. Ев. находимъ написанія р̑ѣ, рю, рѭ; въ Ассем. р̑ѣ (к̑есара, лазара предполагаютъ к̑есаръ, лазаръ), рѭ, рю—при рѣдкомъ роу.

Въ кирилловскихъ памятникахъ—тѣ же два пріема обозначенія мягкости указанныхъ согласныхъ: надстрочный знакъ и соединеніе съ йотованнымн гласными. Въ Савв. книгѣ обычно являются написанія рѣ, лѣ, нꙗ; въ Супр. рук. при обычномъ рѣ находимъ однако столь же обычное роу и преобладающее рѫ. Въ Остр. Ев. случаи необозначенія

мягкости при л, н весьма рѣдки, но при рѣ нерѣдко встрѣчается ра, обычно роу (рѣдко рю), преобладаетъ рж; для выраженія смягченнаго л въ 4 случаяхъ употребляется особое л съ приставнымъ значкомъ мягкости:—ср. у Козловскаго, 20 с. Приставной значекъ мягкости при л, написанія рѣ, лѣ, нѣ—находимъ въ Хиланд. Отр. Судя по этимъ даннымъ, можно предполагать, что исконная мягкость р, л, н (изъ rj, lj, nj) не въ одинаковой мѣрѣ сохранялась въ говорахъ, отразившихся въ нашихъ памятникахъ: нѣкоторое отвердѣніе р, повидимому, относится къ весьма древней эпохѣ въ жизни болгарскихъ говоровъ.

§ 28. Прасл. сочетанія губной (b, p, v, m) +j имѣли не вполнѣ одинаковую судьбу въ отдѣльныхъ словянскихъ языкахъ. Въ начальномъ слогѣ слова группа *губной* +j во всѣхъ словянскихъ языкахъ измѣнилась въ сочетаніе *губной* +l смягченное: ср. готск. biuds. и русск. *блюдо*, серб. bl'udo, пол. bludo, или лит. spiáuju—spiáuti и русск. *плюю*, серб. pl'ujem, пол. pluję и т. д. Но внутри слова между отдѣльными словянскими языками замѣчается различіе: въ зап.-слов. языкахъ (пол., чеш., луж., кашуб.) не находимъ измѣненія группы *губной* +j въ группу *губной* +l: пол. lubję, ziemia, чеш. země, луж. zemja; въ языкахъ же восточной и южной вѣтви находимъ то-же, что и въ начальномъ слогѣ слова: русск. *земля*, *люблю*, *капля* и т. п., серб. zeml'a, словен. zemlja. Большинство говоровъ современнаго болгарскаго языка сближается въ этомъ пунктѣ не съ сербскимъ, словинскимъ и русскимъ, какъ можно было ожидать, а съ зап.-словянскимъ (сочетанія *губной* +l' встрѣчаются въ зап.-болгарскихъ говорахъ).

Древне-церковно-словянскіе памятники въ этомъ отношеніи представляютъ слѣдующій матеріалъ.

Въ Кіевскомъ М. находимъ исключительно сочетанія *губной* +л предъ гласными и, ь, е, ѣ: пріемлемѣ, пріемлі, избавленіѣ, пріемлѣще, земльскаѣ; послѣдняя форма, повидимому, имѣла независимый варіантъ: земьскѣ,—ср. русск. *земскій*. Показанія Кіевскаго Миссала наводятъ на мысль, что говоръ, легшій въ основу кирилло-меѳодіевскаго перевода, и внутри словъ измѣнилъ праслов. сочетанія *губной* +j въ сочетанія *губной* +л. На то-же указываетъ Остромирово Ев., въ которомъ выдержанное употребленіе группъ *губной* +л врядъ-ли можетъ быть объяснено русскимъ происхожденіемъ писца; въ Остр. Ев. находимъ 1 разъ земьскаꙗ, но такія образованія извѣстны и другимъ др.-церк.-словян. памятникамъ, основа корабиц—(3 раза) также представляетъ образованіе не отъ основы *korabjo-, а отъ основы *korabi-.

Сдѣланное предположеніе поддерживается данными Зографскаго и Маріинскаго Евангелій. Въ Зографскомъ Евангеліи въ положеніи предъ

е, ѣ (=ꙗ), ѩ, ѭ, ю сочетаніе *губной* +л̂ является почти безъ исключеній: 1 разъ лишь находимъ пристав'енье; форма благословенъ, вѣроятно,—нефонетическаго происхожденія (иначе Вондракъ, Altk. Gr.², 324 с.).

И въ положеніи предъ и, ь нерѣдко находимъ еще л̂: вьзлюбль, авраамл̂ь, въпль, древльнихъ, корабл̂ь, земл̂и, корабл̂и, крѣпл̂ии и т. п., но рядомъ находимъ уже и сочетанія бь, вь, пь, мь, би, ви и т. д.: авьша сѧ, корабь, оставьши, земи и т. п. И Маріинское Ев. еще сохраняетъ очень часто группу *губной* +л̂ во всѣхъ положеніяхъ и обнаруживаетъ, пропускъ л̂ лишь въ положеніи предъ и, ь. Такова же картина употребленія л̂ въ сочетаніи съ губными въ Сборникѣ Клоца и въ Син. Требникѣ; въ послѣднемъ находимъ одинъ разъ древье и нѣсколько разъ благословен-.

Судя по этимъ даннымъ, можно полагать, что л̂ въ сочетаніяхъ съ губными исчезало въ болгарскихъ говорахъ первоначально лишь въ положеніи предъ и и ь. Хиландарскіе л.л. имѣютъ сочетанія *губной* +л̂ (но корабь). Другіе церк.-слов. памятники датируютъ слѣдующую стадію въ судьбѣ группъ губной +л̂: эти группы теряютъ л̂ и въ положеніи предъ иными гласными.

Въ Ассем. Ев. находимъ не только оставъше, прѣломь, земи, но и вьзлюбенъ, ослабеномоу, любѣаше, земѧ, вьзлюбѫ и т. п. На этой же ступени стоятъ и Син. Псалтырь и Саввина книга. Въ Син. Псалтыри рядомъ съ прославѣѭи, иѣковѭ, оуглъбѭ находимъ и примѣры иного рода: земъѭ, избавъѭ, земъѣ, земьѭ, глоумъениѣ. И въ Савв. книгѣ рядомъ съ вьзлюбенъ, прославенъ, ꙗвение находимъ земьѧ, земьѭ. Въ Супрасльской рукописи примѣры перваго рода (оуловение, оставенъ и т. п.)—единичны, а правило составляютъ написанія, въ которыхъ губной отдѣленъ отъ слѣдующаго гласнаго буквой ь или ъ: приставьѥнъ, кръмъꙗ, капьꙗ, корабью и т. д. Написанія эти совершенно аналогичны такимъ, какъ оученьѥ, и врядъ ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что писецъ Супр. рукописи произносилъ: kap-i̯a, korab-i̯u и т. п.; также писецъ Савв. книги, быть можетъ, произносилъ zem-i̯ę, zem-i̯ǫ, на это указываетъ особенно ясно, что форму безоумью онъ изобразилъ однажды съ л̂: безоумьлю; очевидно, старыя группы -mьi̯a и т. п. и -ml'a и т. п. въ его говорѣ совпали въ одномъ -m-i̯a, и онъ, встрѣчая въ оригиналѣ -млю въ соотвѣтствіи своему -mi̯u изъ -ml'u, могъ написать -млю или -мьлю и въ соотвѣтствіи живому -mi̯u изъ -mьi̯u. Форма же Савв. кн. прославенъ и т. п. могли возникнуть въ силу вліянія формъ прославити, прославихъ, прославитъ, прославиши и т. п. Вообще исчезновеніе л̂ въ группѣ *губной* +л̂ (чрезъ посредство *губной* +i̯ или безъ этого посредства) въ положеніи предъ е, а, оу, ѧ, ѫ могло быть результатомъ вліянія ана-

логіи со стороны иныхъ формъ того же слова безъ такого л̂ (или l̂); ср. Вондракъ Altk. Gr.² 339 с.

Примѣчаніе. Фактическій матеріалъ изъ древне-церк.-слов. памятниковъ собранъ въ статьѣ Орѣшкова «Отношенията на старобългарскитѣ паметници къмъ епентетично л» въ Извѣстия на семинара по славянска филология при университета въ София, кн. II 1907 г., 1—65 с.с. Тамъ же указана литература вопроса.

§ 29. Согласные ш, ж, по своему происхожденію мягкіе (ср. § 12), можно считать таковыми и по отношенію къ древнѣйшей эпохѣ въ жизни др.-ц.-слов. языка. Древнѣйшій по языку памятникъ, Кіев. М.. имѣетъ въ большинствѣ случаевъ написанія шѣ: мьшѣ (7 разъ), нашѣ (4 раза), доушѣми, но при этомъ ѣзгрѣшати (2 раза) и папежа.

Написанія шѣ, жѣ можно встрѣтить и въ другихъ памятникахъ, глаголическихъ и кирилловскихъ, но уже рѣдко: обычными являются написанія жа, ша; напр. Зогр. Ев. оужасише, мъножаиша, каша, Мар. Ев. каша, доуша, ѣзышати, оужасѫ, Cloz. доуша, послоушаи, оужасесѧ, Савв. каша, ѣзыша-, оужасаитесѧ, Хиланд. притѫжание, дша, (ста)жакъ, ѣзышати и т. п.

Эти написанія, повидимому, указываютъ на отвердѣніе въ говорахъ, отразившихся въ этихъ памятникахъ, — согласныхъ ш и ж. При этомъ въ тѣхъ же памятникахъ, въ которыхъ преобладаютъ написанія ша, жа, а также обычны шѧ, жѧ, шѫ, жѫ,—обыкновенно пишется послѣ ш, ж—ю, а не оу: Зогр. мѫжю, Мар. шюмъ, жюпелъ, Савв. шюма, шюіца, рекъшю, къпадъшю.

Этотъ фактъ графики др.-церк.-слов. памятниковъ объясняется или тѣмъ, что предъ и согласные ш, ж дольше сохраняли мягкость, чѣмъ предъ иными гласными, или же тѣмъ, что буква ю въ этихъ написаніяхъ выражала гласный, качественно отличный отъ оу,—а именно извѣстнаго рода ü (объясненіе Фортунатова, ср. Щепкина Разсужденіе, 291 с.). Это предположеніе не относится къ Супрасл. рук. и оригиналу Остромирова Ев.: въ этихъ памятникахъ находимъ обычно жоу, шоу (въ Остр. Козловскій отмѣчаетъ лишь къздакъшю). Въ Ассем. находимъ мѫжоу, о шоуѫ и шюма, о шюѫ (нѣсколько разъ).

§ 30. На-ряду съ ш, ж, получившимися еще въ праславянскую эпоху изъ s+j, z+j или изъ ch, g въ положеніи предъ j и палатальными гласными, въ др.-ц.-сл. языкѣ находимъ ш, ж новаго происхожденія: они получаются изъ ѕ, ʒ въ положеніи предъ смягченными согласными. Такъ, въ Кіев. М. находимъ къжлюблени V b, 5 изъ къзлюблени, беж-їего же VI, 15 изъ без- їего же; въ Зогр. Ев. иж-їего, Марк. I, 26,

кѫжлюблѫ Ioa. XIV, 21; въ Мар. Ев. беж- ѥго 314, 4 (по изд. Ягича): иж-ѥѥѫ 184, 7, иж-ѥго 118$_{10}$, 209$_{7}$, помꙑшлѣніе, помꙑшлѣти — всегда, ср. мꙑсль, мꙑслити; послѣднія формы (мꙑсль, мꙑслити) показываютъ, что такое измѣненіе согласныхъ ꙁ, ʒ въ ш, ж имѣло мѣсто лишь предъ сильно смягченными согласными л̂, н̂ (изъ lj, nj).

§ 31. Др.-церк.-слов. группы шт, жд—различнаго происхожденія.

1. Онѣ получились изъ прасл. сочетаній tj, dj, а шт, кромѣ того, изъ группы kt въ положеніи предъ палатальнымъ гласнымъ. Одинаковая судьба въ др.-ц.-сл. и въ другихъ слов. языкахъ группъ tj и kt въ указанномъ положеніи даетъ указаніе на процессъ измѣненія данныхъ группъ въ праслов. языкѣ: и группа kt въ положеніи предъ палатальнымъ гласнымъ, и сочетаніе tj, въ силу взаимной ассимиляціи, дали t′ (смягченное) долгое. Такъ-же dj дало d′ (смягченное) долгое. Долгіе смягченные t′ d′ имѣли неодинаковую судьбу въ говорахъ праслов. языка; общее условіе ихъ измѣненія заключалось въ томъ, что при условіи долготы зубного палатальнаго взрыва онъ сопровождался суженіемъ въ томъ же мѣстѣ, въ силу чего въ однихъ говорахъ изъ t′, d′ получилось t′s′, d′z′, въ другихъ t′š′, d′ž′. Изъ t′s′, d′z′ получились западно-словянскіе c′, dz′, затѣмъ отвердѣвшіе: ср. пол. swieca, miedza изъ *světja, *medja; въ чешскомъ яз. dź кромѣ отвердѣнія упростилось въ z: meze. Изъ t′š′, d′ž′ получились русскіе *ч*, *ж*. Изъ t′š′, d′ž′ должно вести и др.-ц.-сл. шт, жд: эти сочетанія получились или путемъ перестановки, или же чрезъ посредство š′t′š′, ž′d′ž′.

Примѣчаніе. Посредствующую ступень š′t′š′, ž′d′ž′ предполагаютъ: Вондракъ, Vergl. Gr. 276 с. и Лескинъ, Gramm. 39 с. Перестановку Лескинъ считаетъ невозможной въ виду того, что č (=tš), dž изъ kj, gj не подвергались такой перестановкѣ; однако č изъ kj и d͡ž изъ gj могли быть отличными по артикуляціи отъ группъ t′š′, d′ž′, что признаетъ и самъ Лескинъ; поэтому возникновеніе шт, жд путемъ перестановки вполнѣ возможно.

2. Др.-ц.-сл. группы шт, жд получились изъ сочетанія sk, zg въ положеніи предъ j или палатальными гласными не изъ дифтонга oi (ai). Такъ какъ согласный k въ такомъ положеніи измѣнялся въ прасловянскомъ въ č, то изъ sk+j (или палатальный гласный) получилось sč и затѣмъ въ силу ассимиляціи s слѣдующему č—šč. Эта группа šč сохранилась, напримѣръ, въ малорусскомъ и польскомъ языкахъ: ср. малорусс. щирый, пол. szczery изъ прасл. *skirъ: ср. гот. skeirs. Въ др.-ц.-сл. языкѣ эта группа šč упростилась въ št′ (ибо č=tš, слѣд. šč=št′š): штирꙑ (цирꙑ), иштѫ (ищѫ). Прасл. *dъsk-ica давало въ др.-ц.-слов. дъштица;

прасл. *bьskēti—кльштати. Аналогично этому процессу группа zg+j (или палатальный согласный) давала группу zǧ, т. е. zdž, и затѣмъ žǧ; группа žǧ (ždž) упрощалась въ др.-ц.-сл. въ жд: рождиѥ изъ *rozgьje: ср. розга, можданъ изъ *mozgēnъ; иждивениѥ изъ *iz-givenьje.

3. Сочетанія шт, жд получались въ др.-ц.-слов. также изъ группъ st+j, zd+j въ силу того, что tj, dj давали t′, d′ и затѣмъ t′š′, d′ž′, слѣдовательно, stj измѣнилось въ st′š′ и затѣмъ š′t′š, а zdj—въ zd′ž′ и затѣмъ въ ž′d′ž; эти группы š′t′š, ž′d′ž′ упрощались въ š′t′, ž′d′. Такъ получились др.-ц.-сл. пригкожденъ,—форма причастія отъ глагола пригкоздити, получившаяся изъ prigvozdjenъ, и крьщение изъ *krьstjenьje.

4. Наконецъ, сочетанія шт, жд получаются въ др.-цер.-словянскомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда согласные т, д или группа ст, зд подвергаются вліянію послѣдующихъ сильно смягченныхъ согласныхъ: 1 л. ед. ч. наст. вр. отъ глагола острити—ощрѭ (т. е. оштрѭ)—изъ *ostrjǫ, та же форма отъ пьстрити—пѣщрѭ—изъ *pьstrjǫ, отъ съмотрити—съмощрѭ—изъ *sъmotrjǫ, отъ хытрити—хыщрѭ—изъ *chytrjǫ, отъ мждрити—мждрѭ—изъ *mǫdrjǫ, отъ бздрити—бждрѭ—изъ *bъdrjǫ.

Группы шт, жд въ др.-ц.-слов. языкѣ первоначально были такъ-же смягченными, какъ и согласные ш, ж. Однако въ памятникахъ находимъ очень часто написанія шта, жда: въ Зогр. ѿпоуштаемъ, ѿкѣштакъ, отемлаштаго, раждаетъ Іоа. XVI, 21 и т. п.; въ Мар.—ѿкѣшта—(всегда), ѿпоушта—(всегда), раждаетъ, раждаатъ (см. указатель Ягича). Но при этомъ въ тѣхъ-же памятникахъ обычны написанія штю (щю), ждю; такъ, напримѣръ, въ Мар. и Савв. находимъ всегда междю, въ Мар. ощютиша, съньмиштю, ѿпоуштю, биѭштюмоу, имѭштю и т. д., въ Савв. книгѣ ницюмоу, глѭщю и т. п. Въ Супр. и Остром. -штоу, -ждоу.

Къ этому различію въ обозначеніи первоначально смягченныхъ шт, жд предъ гласнымъ а и предъ гласнымъ оу—приложимо то-же объясненіе, какое дано относительно написаній шю, жю при ша, жа (§ 29).

Особое положеніе среди древне-церк.-слов. памятниковъ занимаетъ Кіевскій М., въ которомъ на мѣстѣ шт, жд изъ tj (kt), dj находимъ ц, з (подазь, отъдазь, помоцьѭ и т. п.),—а на мѣстѣ шт изъ sk, st предъ j (или,—при sk,—предъ палатальнымъ гласнымъ)—шч: зашчити, очишчение.

§ 32. Первоначально смягченными были въ древне-церк.-словян. языкѣ и согласные ц, s, ч. По отношенію къ ц, ч наблюдается въ др.-церк.-слов. памятникахъ то-же явленіе, что и относительно согласныхъ ш, ж, шт, жд: частое употребленіе написаній цю, чю при обычныхъ

ца, ча. Такъ, въ Мар. Ев. находимъ притъча, притъчами, притъчахъ, чаание; чаати, часъ, чаша и т. п., но чюдо, чюдитисѧ, чюти, чюхъ, чюете, и т. д. при рѣдкомъ чоу (чоудити); такъ-же—отьца, отъца, отца очень часто, окъцамъ, окъцахъ, но отьцю, отъцю, отцю (18 примѣровъ) при отъцоу, отцоу (4 примѣра). То-же, напримѣръ,—въ Савв. книгѣ. Въ Остром. всегда -цоу, цю лишь въ одномъ случаѣ: глъньцю, также одинъ разъ чюдо-, обычно чоу-. Объясненіе этого явленія—то-же, что и выше, въ § 26. Въ Кіев. М. два раза находимъ цѣ: срьдьцѣ II b, 15, VII b, 12. Сочетанія sa, soy или sѣ, sю—сравнительно рѣдки. Въ Зогр. Ев. встрѣчается одинъ разъ sa, въ Мар. 4 раза—sa, 3 раза soy и 1 разъ sю, въ Асс. 4 раза soy и 2 раза sa, въ Син. Пс. часто находимъ sѣ: стьsѣхъ, стьsѣмъ и т. п., въ Савв. кн. s замѣнено чрезъ з, при этомъ 2 раза находимъ—за (къназа, пѣназа): ср. Разсужденіе Щепкина 290 с. Въ Остромиров. Ев. къназа, пѣназа, польза, ѫза, къназоу, пѣназоу (ср. Козловскаго Изслѣд., 31 с.). По отношенію къ мягкому ѣ замѣчаемъ разницу между памятниками въ правописаніи мѣстоименной формы кьсѣ (им. ед. ж. р., им.-вин. мн. ср. р.) и мѣстоименной основы кьсѣк- и нарѣчія кьждѣ: въ глаголическихъ памятникахъ находимъ кьсѣ, кьсѣк-, въ Савв. и Супр. -кьса, кьсак-, въ Остромир. преобладаетъ кьса, кьсак-, но нерѣдко и кьсѣ, кьсѣк- (ср. Козловскаго, Изслѣд. 31 с.).

Звукъ s, получившійся изъ прасл. dz, сохранялся въ др.-церк.-слов. языкѣ, т. е. въ языкѣ Кирилла и Меѳодія, какъ особый звукъ, какъ видно изъ того, что въ глаголической азбукѣ имѣется для него особый знакъ, отличный отъ з. Въ нѣкоторыхъ древнѣйшихъ кирилловскихъ памятникахъ (напр. въ Хиланд. лл.) звукъ этотъ означается особымъ знакомъ: ꙁ. Однако въ отдѣльныхъ болгарскихъ говорахъ звукъ этотъ (dz) измѣнился въ з, и это измѣненіе отражается уже въ древне-церк.-слов. памятникахъ.

Изъ глаголическихъ памятниковъ правильнымъ употребленіемъ знака s отличается Ассеманіево Ев., Син. Пс. и поздняя часть Зографскаго Ев., въ нихъ s употребляется правильно въ такихъ словахъ, какъ sкѣздa (ср. пол. gwiazda), sѣло, кънаsь, стьsа, и въ формахъ loc. s., nom. pl. мъnosѣ, мъnosи, крasѣ, крasи, nom. dual. nosѣ и т. п.

Наоборотъ, древнѣйшая часть Зогр. Ев., Мар. Ев. употребляютъ нерѣдко вмѣсто ѕ—з: Зогр. мнози, польза, къназь, Мар. пѣназь, пѣназю, нозѣ. Клоц. обозначаетъ всегда почти звукъ dz тѣмъ-же знакомъ, что и звукъ z. Синайскій Требникъ знака s въ буквенномъ значеніи не употребляетъ. Въ крупныхъ кирилловскихъ памятникахъ: Савв. и Супр. также звукъ s обозначается знакомъ з, что указываетъ на упро-

щеніе въ говорѣ писцовъ dz въ z; Остромирово Ев. знаетъ знакъ ѕ только въ числовомъ значеніи; повидимому, и древне-болгарскій говоръ, отразившійся въ оригиналѣ этого памятника, не зналъ звука ѕ=dz.

Въ Хиланд. листкахъ звукъ этотъ въ двухъ случаяхъ правильно обозначается знакомъ ꙁ (мъноꙁи, б҃ꙁѣ); этотъ же знакъ извѣстенъ и Листкамъ Ундольскаго и Македонскому листку.

Изъ этихъ данныхъ ясно, что сохраненіе dz и совпаденіе его съ z было въ древне-болгарскомъ языкѣ діалектическимъ явленіемъ: одни говоры потеряли различіе между ѕ и ꙁ (dz и z) очень рано, другіе сохраняли его позже, нѣкоторые сохранили до сихъ поръ. При этомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ развилось новое ѕ (dz) на мѣстѣ прасл. z: такое фонетическое значеніе имѣетъ, очевидно, проѕѧбе въ Ассем. Ев. (Матѳ. 13, 26) и въ лл. Ундольскаго, такъ какъ проѕѧбнѫти находимъ и въ нѣкоторыхъ средне-болгарскихъ памятникахъ, вообще различающихъ z и dz, напримѣръ, въ Болонской Псалтыри (Щепкинъ, Болонская Псалтырь 209).

Что касается Кіевскаго Миссала и Пражскихъ листковъ, то въ послѣднихъ, какъ чешской копіи съ др.-ц.-слов. оригинала, естественно не находимъ ѕ,—оно замѣнено черезъ ꙁ, а въ Кіевскомъ Миссалѣ нѣтъ вовсе формъ съ прасловянскимъ dz.

§ 33. Группа sk въ положеніи предъ ě, i изъ дифтонговъ oi, ai является въ древ.-церк.-слов. памятникахъ, дошедшихъ до насъ, въ видѣ сц или въ видѣ ст. Въ Кіевскомъ М. находимъ небесьсцѣи III b, 23; въ Зогр. Ев.,—въ древнѣйшей его части, находимъ преимущественно сц; но изрѣдка и ст; Мар. Ев. предпочитаетъ сц: земьсции, елеоньсцѣ, морьсцѣемь и т. п., но употребляется и ст: людьстии, архиереистии, фарисѣистии, морьстѣи и т. п. Иногда писецъ пишетъ стц: июдеистцѣи,—или же пишетъ ц надъ группой ст (Ягичъ. Мар. Ев. 435 с.). Въ Клоц. Сборникѣ, въ Савв. книгѣ, Син. Мол. послѣдовательно употребляется сц, наборотъ, въ Ассем. и Супр. всегда почти ст; въ Остромировомъ Ев.—ст (14 разъ) рядомъ съ сц (12 разъ). Сочетаніе ст является упрощеніемъ сц (=st͡s), которое аналогично упрощенію группы štš въ шт въ формѣ иштѫ, иштеши и т. п. (ср. выше, § 31); такъ какъ k предъ палатальными гласными изъ дифтонговъ измѣнялось въ ц, то изъ группы sk въ такомъ положеніи получилось sc: форма мѣстн. п. ед. ч. отъ людьскъ давала людьсцѣ, форма им. мн.—людьсци. Судя по показаніямъ Кіев. М., Зогр. Ев., первоначальные др.-церк.-слов. оригиналы знали группу сц; нѣкоторые древне-болгарскіе говоры сохраняли эту группу и въ XI в., другіе упростили ее въ ст.

Параллельно группѣ sk, группа zg въ положеніи предъ палатальными гласными изъ дифтонговъ давала zdz, такъ какъ g измѣнялось въ такомъ положеніи въ dz (ср. § 13). Группа эта упрощалась въ др.-церк.-слов. языкѣ въ zd такъ-же, какъ группа ždž—въ žd (ср. выше § 31). Въ этомъ отношеніи въ др.-ц.-сл. памятникахъ нѣтъ колебаній: мѣстн. ед. ч. отъ дрѧзга—дрѧздѣ (Супр.).

Примѣчаніе. Написаніе ⁖тц и ⁖т съ ц надъ т Ягичъ, Мар. Ев. 435 с., понимаетъ въ смыслѣ исправленія писцомъ ⁖т своего оригинала на ⁖ц своего говора, что весьма сомнительно: скорѣе писецъ выправлялъ проскользнувшую черту своего говора въ угоду оригиналу.

§ 34. Задненебные согласные k, g, если они отдѣлены отъ послѣдующихъ палатальныхъ гласныхъ согласнымъ v, имѣли различную судьбу въ отдѣльныхъ словянскихъ языкахъ; въ западно-словянскихъ группы kv, gv оставались безъ измѣненія: ср. пол. gwiazda, kwiat, чеш. hvězda, květ; въ русскомъ языкѣ и въ южно-словянскихъ группы эти измѣнялись въ группы цк, зк, т. е. k, g подвергались вліянію послѣдующаго палатальнаго слога, несмотря на отдѣлявшее ихъ отъ этого слога v: ср. русск. *цвѣтъ*, *звѣзда*,—во второмъ примѣрѣ имѣемъ упрощеніе dz въ z; то-же наблюдается въ болгарскомъ и сербскомъ, и то-же находимъ и въ древне-церк.-словянскомъ ѕкѣзда, цкѣтъ. Такимъ же образомъ др.-церк.-слов. цкилѣти, ѕкиздати соотвѣтствуетъ чешскимъ kvíliti, hvízdati.

Группа chv имѣла ту-же судьбу въ древне.-церк.-словянскомъ: им. мн. ч. отъ кѧхъкъ—кѧсѣки, причемъ встрѣчается форма зват. п. кѧшке (Супр. рук.).

Примѣчаніе. Такъ-какъ рядомъ съ цкѣтъ, въ которомъ ѣ происходитъ изъ дифтонга, стоитъ др.-ц.-сл. цвѣтѫ—цвѣсти, гдѣ ѣ изъ i, а и изъ ī,—то можно предполагать, что измѣненіе группъ kv, gv, chv въ cv, dzv, sv имѣло мѣсто въ южныхъ и восточныхъ вѣтвяхъ словянскаго языка предъ всякимъ палатальнымъ гласнымъ въ эпоху, сравнительно позднюю. На то-же указываетъ ѕкиздати (звиздати) изъ *gvizd-a-ti (ср. Etym. Wörterb. Бернекера 365 с.). Форму кѧшке, въ такомъ случаѣ, пришлось бы считать нефонетической (кѧшке при кѧхъкъ, кѧсѣки по аналогіи отношеній доуше—доухъ—доуси?).

§ 35. Предлоги безъ, кѫзъ, разъ-, изъ въ древнѣйшихъ церк.-слов. памятникахъ пишутся всегда безъ ъ въ концѣ, т. е. являются въ видѣ без, кѫз, раз, из: ср. напримѣръ въ Мар. Ев. без отца 32_{14} (изд. Ягича), без народа 297_6, из нем 2_{19}, из облака 237_8, кѫзведе 58_1, кѫзврати 102_{8-9},

възгласи 73_{3-4}, раздѣлитъ сѧ 125_{24-25}, разврaштенъ 237_{27} и т. п. Въ Кіевскомъ Миссалѣ, который въ иныхъ словахъ не знаетъ ни одного случая пропуска ъ или ь,—находимъ: издрѣшениѣ II 10, V 69, изволи II b 12, въздрастетъ III 15, ізбаві III 23, възможемъ III b 12, V 7, V 23, VI 16, възѭли III b 20, избавлениѣ IV 10, избави IV 24, раздрѣшение V 15, въздвігні V 20, избаві V b 14, възвеселілъ VII 12; ср. съ этими примѣрами: отъдазь VI b 10, надъ оплатъмь III 24 и др., блізъ насъ II b 19, отъ грѣхъ I b 14, въ чьсти и т. п.

Эти факты дѣлаютъ несомнѣннымъ, что предлоги без, из, въз, раз, были получены др.-ц.-сл. языкомъ изъ прасловянскаго безъ конечнаго ъ, съ окончаніемъ на согласный. Согласный этотъ не отпалъ по общему закону отпаденія конечныхъ согласныхъ въ виду того, что фактически онъ никогда въ живой рѣчи не былъ конечнымъ: предлоги примыкали къ слѣдующей именной формѣ и составляли съ ней одно цѣлое: из-водъі, без-рѫкъі.

Такимъ образомъ, др.-ц.-сл. языкъ получилъ различные группы согласныхъ, состоявшихъ изъ конечнаго з предлоговъ без, раз, въз, из и начальнаго согласнаго именной или глагольной формы. Въ этихъ группахъ затѣмъ происходили различныя измѣненія: ассимиляціи, упрощенія, или же развитіе новаго гласнаго. Нѣкоторыя изъ этихъ измѣненій уже были отмѣчены.

Такимъ образомъ, изъ соединеній из-н̂его, без-н̂его, възлюбл̂енъ получились сочетанія иж-н̂его, беж-н̂его, въжлюбл̂енъ.

Соединенія z+g еще въ прасл. давали z+ǧ (dž), откуда затѣмъ въ др.-церк.-словянск. жд (чрезъ посредство ždž): ижденѫ, въжделение, раждегѫ, иждити—иждивѫ (ср. женѫ—гънати, желати, жегѫ, жити—живѫ). Соединенія z+č давали въ др.-ц.-слов. s+č, затѣмъ š+č и наконецъ št (чрезъ посредство štš): иштистити, бештисльнъ, иштезнѫти, иштѧдиѥ (ср. чистити, числьнъ, чезнѫти, чѧдо).

Въ положеніи предъ согласнымъ глухимъ з измѣняется въ с: искоусити, испльнити, исповѣдати, истешти, въскрѣсити, въскѫѭ, въспитѣти, расточити, расхъітити, ис-кораблѣ, бес-плода и т. п.

Если послѣдующее за предлогами слово начинается согласнымъ з или с, то конечное з предлога исчезаетъ вовсе: безаконие изъ беззаконие, расъіпати, расѣꙗние, расѫждати изъ раз-съіпати, раз-сѣꙗние, раз-сѫждати; бе-страха, бе-зълобъі изъ без-страха, без-зълобъі, и-съньмишта (Мар. 118_{17}).

То-же происходитъ, если начальнымъ согласнымъ слѣдующаго за предлогомъ слова является ш: раширѣти изъ раз-ширѣти (з+ш, с+ш, ш+ш, ш) ишьдъ—ишьдьше изъ изшьдъ—изшьдьше.

Изъ сочетанія з+ц получается въ силу ассимиляціи с+ц: исцѣлити изъ из-цѣлити. Въ говорахъ, въ которыхъ сц упрощалось вообще говоря въ ст, исцѣлити давало истѣлити (Супрасл. рук.). При исцѣлити, исцѣлѣти находимъ однако ицѣлѣ (Мар. Ев. 276$_{16}$); форма эта получилась, вѣроятно, при простомъ цѣлѣти подъ вліяніемъ отношеній ишьдъ при шьдъ. Такъ-же нефонетически явились формы бечьсти (Мар. 135$_{6}$), ичистити (Ассем.), и-чрѣва (Мар. 66$_{25}$), бечисльнъ изъ из-чистити, без-чьсти, из-чрѣва, без-числьнъ.

Фонетически, какъ мы видѣли, группа z+č давала шт, и рядомъ съ указанными формами находимъ иштистити, бештьсти, иштрѣва, бештисльнъ. Форма и-чрѣва и т. п. получились, быть можетъ, подъ вліяніемъ формъ ишьдъ, и-съньмишта и т. п., форма бечисльнъ подъ вліяніемъ безълобы и т. п.

Наконецъ, въ сочетаніи конечнаго з предлога съ начальнымъ р слѣдующаго слова развивалось новое д: при переходѣ отъ зубного суженія (з) къ слѣдующему р образовался зубной взрывъ (д); такъ получились формы др.-цер.-слов. памятниковъ: издрѣшениѣ Кіевск. Мис., въздрастетъ Кіев. М., без-д-разоума Мар. Ев., въздрастъ Мар. Е., въздрадоватисѧ Мар. Ев., въздрыдати Мар. Ев. и т. п.

При объ (обь), быть можетъ еще въ праслов., было об-, почему въ др.-ц.-сл. памятникахъ находимъ обетъшати изъ *ob-vetъšati: ср. об-ити-обидѫ. Рядомъ съ отъ существовало, быть можетъ, от-, въ силу чего находимъ оходити, ошьдъ изъ отходити, отшьдъ; окръвениѥ, остѫпаѭть (Остром. Ев.).

§ 36. Предлоги въ, съ, къ первоначально оканчивались согласнымъ носовымъ n: прасл. *vъn, *sъn, *kъn,—ср. греч. ἐν, лат. in; др.-и. sám; др.-и. kám.

Въ положеніи предъ гласнымъ конечное n этихъ предлоговъ сохранялось, и такимъ образомъ въ др.-церк.-слов. памятникахъ находимъ правильно вънити, сънити, которыя слѣдуетъ понимать, какъ вън-ити, сън-ити. Сохранялось n и въ положеніи предъ j+гласный, измѣняясь въ ń (смягченное n): въ̂немь, съ̂нимь, къ̂немоу, которыя получились изъ *vъn-jemь, *sъn-jimь, *kъn-jemu.

Въ положеніи предъ иными согласными (не предъ j) n сливалось съ предшествующимъ ъ въ носовое ъ (u), которое теряло носовой резонансъ и давало ъ; такъ получились сочетанія въ боѕѣ, въ селѣ, сътворити, къ доброу и т. п. изъ *vъn-bodzě, *vъn-selě, *sъntvoriti, *kъn-dobru.

Въ виду такихъ сочетаній, какъ въ боѕѣ, въ селѣ и т. п.—н въ сочетаніяхъ въ̂немь, съ̂нимь, къ-̂немоу въ сознаніи говорящихъ отно-

силось къ послѣдующему слову, т. е. сочетанія эти дѣлились въ сознаніи говорящихъ на части такимъ образомъ: въ-н҃емь, съ-н҃имь, къ-н҃емоу. Этимъ объясняется появленіе н въ такихъ сочетаніяхъ, какъ прѣдъ-н҃имь отъ н҃его, дон҃елѣже, дон҃ьдеже при болѣе старой доидеже изъ (*do-jь-de-že). Такое-же отнесеніе н, принадлежавшаго предлогамъ вън, сън, кън, находимъ въ русскомъ *нѣдра,* серб. njȅdra, чеш. ńádra; послѣдняя форма (чешская) представляетъ контаминацію формъ jadra и nědra. Форма nědra отвлечена изъ сочетанія vъn-ědra, существовавшаго при jadra.

Примѣчаніе. Ср. Meillet въ Götting. gelehrt. Anz. 1910 г. № 5, 373 с.

МОРФОЛОГІЯ.

§ 37. Древне-церковно-словянскій языкъ, наряду съ другими словянскими языками, получилъ свою систему формъ изъ прасловянскаго языка, который въ свою очередь унаслѣдовалъ эту систему изъ индо-европейскаго языка.

Въ области формъ такъ-же, какъ и въ области звуковъ, др.-церк.-слов. языкъ очень близко,—въ силу своей древности,—подходитъ къ тому состоянію, какое мы можемъ предполагать по отношенію къ прасловянскому языку эпохи, непосредственно предшествовавшей его распаденію на отдѣльные языки. Въ силу этой близости др.-ц.-слов. языкъ почти всегда можетъ замѣнить прасловянскій при сопоставленіи съ системой формъ другихъ индо-европейскихъ языковъ.

Въ немъ мы находимъ ту-же систему чиселъ и падежныхъ формъ, какую можемъ предполагать въ прасловянскомъ, тѣ-же основные типы именного склоненія, тѣ-же формы мѣстоименнаго и сложнаго склоненія, ту-же систему глагольныхъ формъ, тѣ-же глагольныя основы и тѣ-же въ общемъ личныя окончанія.

Разумѣется, въ памятникахъ, дошедшихъ до насъ, мы находимъ иногда и факты, представляющіе отступленія отъ прасловянской старины, но факты эти, обыкновенно, отражаютъ явленія болгарскихъ говоровъ XI вѣка и не могутъ быть приписаны языку Кирилла и Меѳодія. Въ нѣкоторыхъ, весьма немногихъ, случаяхъ, факты др.-церк.-словянскаго языка не могутъ быть названы явленіями первоначальными съ точки зрѣнія сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ, однако возникновеніе ихъ можетъ быть все же отнесено къ прасловянской эпохѣ въ качествѣ факта діалектическаго.

Формы прасловянскаго и др.-церк.-слов. языка сравнительно съ индо-европейскими.

Въ системѣ формъ, какую находимъ въ древне-церк.-слов. языкѣ, замѣчаются довольно значительныя измѣненія и передвиженія сравнительно съ той системой формъ, какую можно предполагать въ языкѣ

индо-европейскомъ, и какую, слѣдовательно, унаслѣдовала изъ эпохи индо-европейскаго единства словянская языковая вѣтвь. Эти измѣненія восходятъ, однако, къ эпохѣ прасловянскаго единства и касаются какъ области именныхъ, такъ и области глагольныхъ формъ.

Именныя формы.

§ 38. Прасловянскій языкъ получилъ изъ индо-европейскаго нѣсколько типовъ именного склоненія, и эти типы можно еще вполнѣ ясно различить въ дошедшихъ до насъ др.-церк.-словянскихъ памятникахъ. Эти типы—слѣдующіе:

1) Склоненіе именъ съ основой на -ā (-i̯ā), какъ жена, слоуга, земла; 2) склоненіе именъ съ основой на -ū, какъ свекръı (изъ *svekrū), 3) склоненіе именъ съ основой на -o (-i̯o), какъ богъ, конь (изъ *bogo-s, *konjo-s), село, поле (изъ *selo-m, *poljo-m); 4) склоненіе именъ съ основой на -i, какъ гость, кость (изъ *gosti-s, *kosti-s); 5) склоненіе именъ съ основой на -ŭ, какъ сынъ (изъ *sūnu-s); рядомъ существовали, вѣроятно, тѣ-же основы на -u послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ (-i̯u), но такія имена не сохранились въ словянскихъ языкахъ; 6) наконецъ, склоненіе именъ съ основой на согласный, какъ камы—камене, има—имене, тела—телате, слово—словесе, мати—матере (основа kamen-, imen-, telęt-, sloves-, mater-).

Изъ индо-европейскаго прасловянскимъ языкомъ было получено различіе въ формахъ склоненія чиселъ единственнаго, множественнаго и двойственнаго и падежей: именительнаго, родительнаго, дательнаго, винительнаго, творительнаго и мѣстнаго, а также особая звательная форма.

Эту систему чиселъ и падежей мы находимъ и въ древне-церковнословянскомъ языкѣ. Особая форма *отложительнаго* падежа, существовавшая въ индо-европейскомъ, была утрачена уже въ прасловянскомъ.

Полученныя изъ индо-европейскаго праязыка окончанія отдѣльныхъ падежей претерпѣли значительныя измѣненія и замѣны отчасти въ силу причинъ фонетическихъ, отчасти же въ силу вліянія психологическаго фактора—аналогіи.

Примѣчаніе. О словянскомъ именномъ склоненіи ср. Ляпунова «Формы склоненія въ старословянскомъ языкѣ», 1905. Одесса и Hujer'a «Slovanská deklinace jmenná» 1910 г. Praha.

§ 39. Форма *им. п. ед. ч.* въ основахъ на ā (-i̯ā) не имѣла особаго окончанія, но что касается -i̯ā, то этотъ суффиксъ на ступени редукціи (ср. § 16,—i̯ā : ū) являлся въ видѣ ī: ср. богыни, алдии при кола, жена.

Форма им. п. ед. ч. основъ на i, -u, -ū и основъ на -o муж. р. имѣла окончаніе -s: *gosti-s, *sūnu-s, *svekrū-s, *bogo-s (ср. греч. λύκος и т. п.), *konjo-s. Въ формѣ *bogo-s—o въ конечномъ закрытомъ слогѣ измѣнилось, повидимому, фонетически въ u, т. е. изъ *bogo-s получилось *bogu-s. Затѣмъ конечное -s по общему закону отпаденія конечныхъ согласныхъ отпало, т. е. получились: *gostь, (ь=ĭ), synъ (y=ū, ъ=ŭ), *svekry, *bogъ,—др.-церк.-слов. гость, сынъ, свекрꙋ, богъ.

Примѣчаніе. О формѣ богъ—иначе Leskien въ I. F. XXI, 335 и сл.; ср. по этому вопросу у меня въ R. Sl. V т., 105 и сл.

Въ формѣ konjo-s изъ -i̯os получилось ь: др.-ц.-сл. конь,—которое можно понимать различно; если jo>je раньше, чѣмъ -os>-us, то въ формѣ *konjes явилось -jъs вмѣсто -jes нефонетически подъ вліяніемъ именъ типа *bogŭs (изъ *bogos) или же подъ вліяніемъ именъ на -i̯us, которыя слились съ именами на -i̯os, оставивъ свой слѣдъ въ формѣ зват. падежа ед. ч. (*učitelju—др.-ц.-сл. оучителю, какъ *synu—др.ц.-сл. сыноу: ср. *orbe—др.-ц.-слов. рабе). Если же предполагать, что законъ измѣненія -os въ -us древнѣе, чѣмъ переходъ jo въ je, то форма конь является фонетической: *konjъs>*konjьs>*konjь (ср. Ляпуновъ Arch. XXXIII, 531, 534 с.); ср. ниже поле.

Имена средняго рода съ основой на -o въ им. и вин. п. ед. ч. имѣли окончаніе -m (n), которое отпало: иго (ср. греч. ζυγόν, лат. jugum); однако иныя формы (вин. п. ед. ч. кльк҃ъ—греч. λύκον) показываютъ, что -om измѣнялось въ -um еще до отпаденія -m, а изъ -u должно было получиться -ъ. Можно думать, что форма *igъ, неудобная въ виду совпаденія окончанія съ окончаніемъ им. ед. м. р., была замѣнена формой *igo подъ вліяніемъ мѣстоименной формы *to (изъ *tod съ очень раннимъ отпаденіемъ d). Иначе Leskien, I. F. XXI, 335 и сл.; ср. R. Sl. V, 105 и сл. Имена ср. р. съ основой на -jo оканчивались на -je изъ -jom: поле.

Основы ср. рода на -os (чередующееся съ -es) въ им.-вин. ед. ч. не имѣли окончанія; изъ -os ожидали бы -ъ (ср. кльк҃ъ изъ *vьl̥ko-s), но находимъ слово съ нефонетическимъ o, вѣроятно, подъ вліяніемъ то (*to).

Основы средняго рода на -n оканчивались въ праслов. на -ѧ: ср. др.-ц.-слов. сѣмѧ; это ѧ скорѣе всего получилось изъ -ēn (ср. лат. nōmen); иначе—Pedersen K. Z. 38 т. 323 с., Вондракъ B. B. 29 т., 215 с.; ср. также Миккола въ B. B. 22 т. 253 с. и Hujer Slov. Dekl. § 47.

То-же окончаніе ѧ было въ им. ед. числа основъ на -nt: тѣлѧ; это ѧ, вѣроятно, того-же происхожденія, что и въ имѧ, т. е. изъ ēn

(возможно измѣненіе *telent въ *telēnt, затѣмъ *telēn и, наконецъ, *telę); подробнѣе объ этой формѣ—у Гуйера Slov. Dekl. § 48.

Основы муж. р. на -n оканчивались въ праслов. на -y: ср. др.-ц.-слов. камꙑ при род. п. камене, причемъ происхожденіе этого -y не вполнѣ ясно; словянскія формы на -y можно сопоставлять съ греческими на -ōn (*ἄκμων*) или же съ греческими на -ō, какъ *ἀηδώ* (ср. лит. akmů, лат. homo, гот. guma).

Примѣчаніе. Ср. по этому вопросу у Hujer'a Slov. Dekl. §§ 33—38. Наиболѣе вѣроятнымъ считаю, что прасл. *kamōn получило нефонетически -s (ср. *sūnus, *gostis, *orbos); *kamōns дало *kamūns > *kamų > *kamū > *kamy. Иные изслѣдователи связываютъ переходъ ōn въ ūn съ извѣстнымъ видомъ долготы ō.

Основы жен. рода на -r оканчивались въ прасл. въ им. ед. на i: ср. др.-ц.-слов. мати, дъшти (при род. п. матере, дъштере), чеш. dci, máti. болг. діал. *мати*, *дъшти*, серб. màti, kćî, словин. máti, hćî. Эти формы, безъ конечнаго -r, соотвѣтствуютъ литовскимъ motẽ, duktẽ и др.-инд. mātā', duhitā'; но происхожденіе -i въ словянскомъ этими соотвѣтствіями не выясняется: предполагаютъ, что конечное ē, на которое указываетъ литовскій, измѣнилось въ словянскомъ въ ī въ силу извѣстнаго характера долготы (нисходящая интонація), однако другихъ фактовъ, указывающихъ на измѣненіе въ праслов. ē при нисходящей интонаціи въ -i, нѣтъ. По мнѣнію Соболевскаго, -i явилось въ этихъ двухъ именахъ подъ вліяніемъ иныхъ формъ женскаго рода на -i, какъ *bogyni, *vedǫtji прич. наст. вр.—ц.-сл. ведѫшти и т. п. (Древній церк.-слав. языкъ 105 с.). Ср. по этому вопросу у Hujer'a Slov. Dekl. § 53.

Именит. п. мн. ч.

§ 40. Въ *им. п. мн. ч.* въ большинствѣ основъ праслов. языкомъ была получена флексія -es: ср. греч. *πόλεις*, крит. *τρεες*, лат. hostēs, др.-инд. máṭayas, tráyas. Конечное -s въ этой флексіи отпало; такъ получилось -e въ др.-ц.-сл. камене изъ *kamenes; свекръве изъ *svekrъves. Такимъ же образомъ объясняются формы им. п. мн. ч. основъ на -i, -u: др.-ц.-сл. пѫтиѥ изъ *pǫteie̯s (ср. выше, § 6, 22) и *synove (др.-ц.-сл. сꙑнове) изъ *sūneu̯es подъ вліяніемъ род. п. мн. ч.

Примѣчаніе. Гласные -i, -u въ формахъ им. п. ед. ч. *gost-i-s, *sūn-u-s представляютъ гласный основы на ступени редукціи, и этотъ гласный можетъ являться въ полномъ видѣ -ei̯, -eu̯. Въ формѣ род. п. *sūneu̯-ōm -eu̯ въ положеніи предъ слогомъ твердымъ должно было дать -ou̯.

Въ основахъ на -o въ праслов. и др.-ц.-слов. находимъ флексію i: др.-ц.-сл. раби; эту флексію нельзя сближать съ и.-европ. -ōs (ср. др.-инд.

vьkās, готск. wulfōs), а необходимо вести изъ мѣстоименнаго окончанія -oi (ср. греч. τοί, лат. istī, древне-прусс. stai), затѣмъ перешедшаго въ именное склоненіе (лит. vilkaĩ, греч. θεοί, лат. lupi). Условія, въ силу которыхъ -oi дало въ словянскомъ -i, не могутъ быть съ увѣренностью опредѣлены; ср. по этому вопросу у Hujer'a Slov. Dekl., § 60—67, Эндзелина Слав.-балт. этюды, 147—152 с.с. и у меня въ R. Sl. V т., 105 и сл. Им. п. мн. ч. основъ на -ā оканчивался въ праслов. на -y: др.-ц.-сл. жены. Послѣ мягкихъ неслоговыхъ тѣ же -ā основы имѣли окончаніе -ę: др.-ц.-сл. землѧ, но др.-русскій и зап.-слов. языки имѣли окончаніе -ѣ, -ě. Между тѣмъ иные и.-европ. языки указываютъ на окончаніе -ās: др.-инд. áśvās, гот. gibōs, лит. meĩgos. Большинство изслѣдователей видятъ въ окончаніяхъ -y, -ę, -ě им. падежа мн. ч. собственно окончаніе вин. п. мн. ч., перенесенное сюда въ силу совпаденія между им. п. ед. ч. *ženā и им. п. мн. ч. *ženā съ ā изъ -ās, быть можетъ, также подъ вліяніемъ -i основъ, гдѣ им. п. мн. ч. и вин. п. мн. ч. имѣлъ одно окончаніе (*kosti): ср. Hujer Slov. Dekl. § 68. О происхожденіи -y, -ę, -ě въ вин. п. мн. ч. ср. ниже, § 44.

Им. п. мн. ч. именъ средняго рода во всѣхъ основахъ имѣлъ въ праслов. окончаніе -a: ср. др.-ц.-сл. мѣста, имена, слова, телѧта. Это-же окончаніе (ā) находимъ и въ иныхъ индо-европейскихъ языкахъ, но не во всѣхъ основахъ: въ основахъ на согласный въ арійской вѣтви имѣлось окончаніе -i, или же удлиненіе исходнаго гласнаго основы безъ всякаго окончанія (др.-инд. bhárantі, авест. manå съ долгимъ -å изъ -ās). Окончаніе -ā обобщилось не только въ словянскомъ, но также въ латинскомъ и греческомъ: лат. verba, genera, nomina, (a изъ ā). Окончаніе им. п. мн. ч. ср. р. -ā считаютъ по происхожденію тожественнымъ съ -ā въ им. п. ед. ч. именъ женскаго рода съ основой на -ā: первоначально им. п. мн. ч. на -ā средняго рода представлялъ им. п. ед. ч. ж. р. со значеніемъ *собирательнаго*; въ силу такого значенія и выработались формы остальныхъ падежей съ окончаніями множ. числа; ср. J. Schmidt, Pluralbildungen der idg. Neutra.

Имен. п. двойств. числа.

§ 41. Форма им.-вин. п. дв. числа въ основахъ на -o муж. рода имѣла въ прасловянскомъ окончаніе -a: ср. др.-ц.-сл. раба, дъва. Это -a естественнѣе всего возвести къ индо-европ. -ō, на которое указываютъ греческія формы λύκω, τώ, лат. duo, ambo, ведійскія формы на -ā и литовскія на -u (vilkù).

Та-же форма въ основахъ на -o средняго рода имѣетъ окончаніе -ě: др.-ц.-слов. лѣтѣ, и то-же окончаніе находимъ и въ основахъ на -ā:

др.-ц.-слов. рыбѣ. Это тожество окончанія въ -о-основахъ ср. р. и -ā-основахъ наблюдается также въ арійскихъ языкахъ: др.-инд. yugē′, авест. χšaθre и áśvē. Словянское -ѣ въ данныхъ формахъ восходитъ къ дифтонгу, къ какому именно, oi или ai—неясно, такъ-какъ oi и ai въ словянскомъ совпали; на дифтонгъ указываетъ измѣненіе к въ ц: рѫцѣ; ср. по данному вопросу у Гуйера Slov. Dekl., § 77.

Форма им. п. дв. ч. -і основъ оканчивалась на -i, въ -u-основахъ на -у: ср. др.-ц.-сл. гости, гости, сынъı. Эти окончанія обычно объясняютъ, какъ возникшія по аналогіи отношеній им.-вин. п. ед. ч. и им.-вин. п. мн. ч. основъ на -о: по аналогіи отношеній *orьos : *orьom : *orьō явилось *sūnū, *gostī при *sūnus, *gostis и *sūnum, *gostim: ср. Meillet, Introduction², 263 с.

Въ основахъ на согласный мужескаго и женскаго рода окончаніемъ им. п. дв. ч. является -і: ср. др.-ц.-сл. камени, матери. Пра-индо-европейская флексія не можетъ быть съ увѣренностью установлена (ср. др.-инд. pādā, греч. *πόδε, κίνε*, авест. pāδa), но во всякомъ случаѣ иные индо-европейскіе языки не даютъ права предполагать первоначальную флексію -i, а потому словян. формы *kameni, *materi разсматриваются, какъ результатъ вліянія -i основъ, сказавшагося и въ другихъ падежахъ (ср. instr. s., dat. pl., loc. pl.). Основы на согласный средняго рода имѣютъ окончаніе -і: ср. др.-ц.-сл. имени, тѣлеси, отрочѧти,—въ согласіи съ иными индо-европейскими языками: ср. др.-инд. nāmanī, авест. vī-saiti, лат. viginti. Формы им. п. дв. ч. на -ѣ: др.-ц.-сл. именѣ, тѣлесѣ должно считать поэтому новообразованіями (подъ вліяніемъ п. dual. -о-основъ ср. р.: ср. др.-ц.-слов. мѣстѣ).

Звательная форма.

§ 42. Особая звательная форма, не совпадающая съ формой им. п., существуетъ лишь для единственнаго числа. Эта форма въ основахъ на -о муж. рода оканчивалась въ праслов. на -е: др.-ц.-сл. рабе; гласный -е представляетъ однако не окончаніе, а иной видъ тематическаго гласнаго: въ данныхъ основахъ -о чередовалось съ -е. Словянская форма вполнѣ соотвѣтствуетъ греч. *λύκε*, лат. lupe, др.-инд. vṛ′ka, лит. dėvė.

Основы на -i̯o имѣли, повидимому уже въ прасловянскомъ, звательную форму на -i̯u: др.-ц.-сл. коню; это окончаніе основы на -jo, очевидно, получили отъ основъ на -i̯u, которыя потеряли свое самостоятельное склоненіе, слившись съ основами на -i̯o въ одну группу: ср. Leskien Bildung der Nomina 328, Berneker K. Z. XXXVII, 382 с.; иначе Meillet Recherches, 52 и Фортунатовъ,—ср. Ляпуновъ, Формы склоненія, 32 с.

Звательная форма основъ на -a представляетъ основу съ конечнымъ гласнымъ -o, т. е. съ гласнымъ основы въ ослабленномъ видѣ: др.-ц.-сл. женo,—ср. греч. *νύμφα*; слов. -o можетъ восходить къ прасловянскому ă или же къ ə.

Звательная форма основъ на -i оканчивается на -i, которое, повидимому, восходитъ къ -ei: др.-ц.-сл. гости изъ *gostei; такимъ же образомъ зват. форма основъ на -u: др.-ц.-сл. сынoу—представляетъ старую основу *sūnęu или *sūnou (лит. sūnaũ); ср. Vondrák Vrgl. Gr. II, 5, Leskien Gramm 111.

Въ именахъ ср. рода основъ на -o и основахъ на согласный и ū звательная форма не отличается отъ формы им. падежа.

Вин. пад. ед. ч.

§ 43. Вин. п. ед. ч. основъ на -i, u имѣетъ окончанія -ь, -ъ, восходящія къ -im, -um: др.-ц.-сл. гость, сынъ,—ср. лит. ãkį, súnų, лат. turrim, portum, греч. *πόλιν, γλυκύν*, др.-инд. agním, sūnúm; -m послѣ краткихъ i, u отпало въ прасловянскомъ.

Вин. п. ед. ч. основъ муж. рода на -o оканчивался на -ъ, восходящее къ -om: др.-ц.-сл. богъ изъ *bogon,—греч. *ἵππον*, лат. equum изъ equom, лит. tãką; о измѣнилось въ ŭ до отпаденія конечнаго m.

Въ тѣхъ же основахъ послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ имѣлось окончаніе -jь вм. ожидаемаго -je изъ -jon,—подъ вліяніемъ *bogun или основъ на -i̯u-, ср. выше, § 39.

Въ основахъ на -ā имѣлось окончаніе -ǫ: др.-ц.-сл. женѫ,—восходящее къ и.-евр. -ām (ср. лат. terram, лит. gaĩką, греч. *χώραν*). То-же -ǫ имѣлось послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ: др.-ц.-слов. колѭ изъ *voljām.

Вин. п. ед. ч. муж. и жен. рода основъ на согласный въ праслов. оканчивается на -ь: ср. др.-ц.-слов. камень, матерь; это -ь, повидимому, восходитъ чрезъ посредство -im къ индо-европ. -m̥, на которое указываютъ лат. matrem, hominem, греч. *μητέρα, ἄκμονα*, др.-инд. mātáram, áśmānam, лит. móterį, ãkmenį.

То-же окончаніе -ь изъ -m̥ имѣлось въ основахъ на -ū: др.-ц.-сл. кръвь: ср. др.-инд. tanúvam, śvaśrúvam (ср. у Hujer'a Slov. Dekl., § 90).

Вин. п. мн. ч.

§ 44. Формы основъ на -i и -u: др.-ц.-сл. гости, сынъı, повидимому, восходятъ къ *gostins, *sununs.

Примѣчаніе. Процессъ измѣненія конечнаго сочетанія -ins, -uns въ ī, ū (y) представляютъ различно: -ins, -uns, ī (Streitberg I. F. I, 288 c.);

ins-īs-ī, uns-ūs-ū (Vondrák B. B. XXIX, 220 c.); ins-įs-īs-ī, uns-ųs-ūs-ū (Фортунатовъ—Ляпуновъ Формы склон. 43 с.); ins-īns-įs-īs-ī, uns-ūns-ųs-ūs-ū (Leskien Gram. 51).

Въ основахъ на -o муж. р. послѣ твердыхъ неслоговыхъ звуковъ имѣлось окончаніе -y, послѣ мягкихъ -ę: др.-ц.-сл. богъ, конѣ. Однако языки русскій и польскій указываютъ на параллельное -ę окончаніе въ -i̯o-основахъ -ě: др.-русс. *конь*, пол. koniе.

Тѣ-же окончанія -y въ твердыхъ основахъ, -ę и -ě въ мягкихъ имѣлись въ -ā основахъ: др.-ц.-слов. рыбы, душа, др.-русс. *земль*, пол. ziemie.

Словянское окончаніе -y въ основахъ на -o, будучи сопоставлено съ -ę мягкихъ основъ, очевидно, указываетъ на болѣе раннее -ōns и соотвѣтствуетъ окончаніямъ греч. діалект. (критск.) *λύκονς*, лат. lupōs изъ lupons, готск. wulfans, др.-прусс. deiwans. Окончаніе -ę въ конѣ, очевидно, получилось изъ -jons (> -jens).

То-же окончаніе -y, а послѣ мягкаго неслогового -ę въ основахъ на -a представляетъ уже нѣкоторыя затрудненія для своего объясненія. Др.-инд. áśvās, гот. gibōs, лит. -ās (вост.-лит. -as), латыш. -as указываютъ на индо-европ. окончаніе -ās.

Въ словянскомъ вм. -ās, повидимому, подъ вліяніемъ иныхъ основъ, имѣвшихъ въ вин. мн. ч. -ns, получилось -āns: ср. греч. діалек. (критск.) *τιμάνς*, др.-прусс. rankans: на это указываетъ параллельное окончанію -y твердыхъ основъ окончаніе мягкихъ основъ -ę. Это -āns, повидимому, нефонетически замѣнилось окончаніемъ -ons подъ вліяніемъ основъ на -o, откуда -y. (Иначе—Вондракъ, Vergl. Gr. I, 53 с., Hujer Slov. Dekl., § 94; ср. у меня въ R. Sl., V т. 114 стр.). Что касается флексіи -ě въ др.-русс. *конь*, *земль* и т. п., то ея отношеніе къ др.-ц.-слов. -ѧ въ конѣ, землѣ остается неяснымъ. Фортунатовъ предполагаетъ, что *konjons дало *konjųs съ долгимъ ų, затѣмъ *konjǫs съ долгимъ носовымъ ǫ и, наконецъ, *konjęs съ закрытымъ носовымъ ę, которое въ др.-ц.-сл. дало ѧ, а въ русскомъ (и зап.-слов.) -ě. Другихъ случаевъ, гдѣ бы наблюдались такія звукоизмѣненія, указать нельзя (ср. Ляпунова, Формы склон., 35 с., Arch. XXXIII, 527 с.).

Вин. п. мн. ч. основъ на согласный муж. и жен. р. оканчивался въ праслов., судя по показаніямъ др.-церк.-слов. языка, на -i: др.-ц.-сл. камени, матери; это -i соотвѣтствуетъ индо-европейскому -ņs, (греч. *πατέρας*, *ἄκμονας*, *μητέρας*, лат. patrēs, podēs, лит. šunìs, ākmenis, móteris, готск. fadruns, fōtuns); -ņs, являвшееся на словянской почвѣ въ видѣ -ĭns, должно было дать то-же, что и -ĭns въ формѣ *gostĭns, т. е. ī (иначе Ляпуновъ, Формы склоненія 62 с., Vondrák Vgl. Gram. II, 9 с.).

Родит. п. ед. ч.

§ 45. Окончаніемъ род. п. ед. ч. въ именномъ склоненіи, судя по показаніямъ иныхъ индо-европейскихъ языковъ, было -es или -s. Окончаніе -es, повидимому, имѣемъ въ словянской формѣ род. п. ед. ч. основъ на согласный: др.-церк.-сл. камене, матере, имене, телѧте изъ *kamen-es, *mater-es и т. д. въ силу отпаденія конечнаго -s; ср. лит. akmeñs—изъ болѣе древняго akmenes, встрѣчающагося въ древнѣйшихъ памятникахъ литовскаго языка.

Окончаніе -s отражается въ основахъ на -i и -u, причемъ тематическій гласный этихъ основъ является въ сильномъ видѣ, т. е. въ видѣ дифтонга: др.-ц.-сл. кости восходитъ къ *kostei-s или *kostoi-s, если -ois при извѣстномъ видѣ долготы давало -i (ср. форму повел. наклон.: бери изъ *berois): готск. -ais въ этой формѣ восходитъ къ -ois, а лит: -ës скорѣе къ -eis (ср. Эндзелинъ Слав.-балт. эт. 149 с.). Прасл. *synu (др.-ц.-сл. сꙑноу) восходитъ, повидимому, къ *sūnou̯s: ср. лит. sūnaũs, гот. sunaus.

Менѣе ясны по происхожденію формы род. п. ед. ч. отъ основъ на -ā и основъ на -o.

Въ основахъ на -ā ожидали бы окончанія -a изъ болѣе древняго -ās: ср. греч. *χώρας*, *μιᾶς*, лат. familias, лит. rañkos, др.-инд. bṛhatjās; имѣемъ же окончанія -y, а въ мягкихъ основахъ -ę при діалектическомъ (др.-русскомъ и польскомъ) -ě: др.-церк.-слов. водꙑ, женꙑ, землѩ, др.-р. *землѣ*, пол. ziemie. Старое окончаніе -ās въ данныхъ формахъ было, повидимому, вытѣснено новообразованіемъ -ons, изъ котораго въ твердыхъ основахъ получилось -y, въ мягкихъ -ę (-i̯ons, -i̯ens-i̯ę); причиной вытѣсненія старой формы (на -a изъ -ās) было, вѣроятно, ея неудобство въ силу совпаденія съ формой им. п. ед. ч. По вопросу о происхожденіи новообразованія -ons въ данной формѣ ср. у Ляпунова, Формы склон., 36 с., Hujer'a Slov. Dekl. § 109.

Род. п. ед. ч. основъ на -o, оканчивался на -a: др.-ц.-слов. бога. Словянская форма не соотвѣтствуетъ ни др.-индійской vṛkasja—съ окончаніемъ -si̯o, перенесеннымъ изъ мѣстоименнаго склоненія, ни латинской—lupī, но вполнѣ соотвѣтствуетъ литовской—vil̃ko и объясняется различно; одними—изъ предполагаемой индо-европейской формы на -i̯o (*vьl̥ko-i̯o>*vьl̥ko-o>*vьl̥kō=блька,—Фортунатовъ), другими—изъ утраченной въ словянскомъ формы отложительнаго на -ōd. Ср. по этому вопросу у Hujer'a Slov. Dekl. § 113, Эндзелина Слав.-балт. этюды, 132 и сл.

Род.-мѣстн. п. двойственнаго числа.

§ 46. Форма род.-мѣстн. п. дв. ч. во всѣхъ основахъ оканчивалась на -u: ср. др.-ц.-сл. богоу, рѫкоу, каменоу, костию, сѫпокоу. Словянское -u, очевидно, восходитъ къ дифтонгу -oų,—ср. др.-инд. -ōs и авест. окончаніе мѣстн. дв. ч. -ō (изъ дифтонга).

Примѣчаніе. Ср. по этому вопросу Meringer K. Z. XXVIII, 233 с., B. B. XVI, 227 с., Brugmann Grundriss II², 2, 207 с., Zubatý I. F., VIII, 215 с.

Род. п. мн. ч.

§ 47. Форма род. п. мн. ч. во всѣхъ основахъ оканчивалась на -ъ, а послѣ j на -ь (-jь изъ -jъ): др.-ц.-сл. богъ, конь, рѫкъ, доушь, костии, гостии (изъ *gostьjь), сѫпокъ, каменъ, матеръ. Эта флексія -ъ восходитъ къ первоначальной индо-европейской -ōm съ нисходящей интонаціей, какъ показываетъ греческое *θεῶν, ποδῶν* и т. п.; греческимъ формамъ на -*ῶν* соотвѣтствуютъ латинскія на -um: deum, pedum и т. д. и литовскія на -ũ: vilkũ, mergũ (діалектически на -ų, -un). Въ словянскомъ -ъ получилось въ силу сокращенія -ōn (изъ -ōm) при нисходящей интонаціи въ -on, откуда -un и затѣмъ u, т. е. ъ. Форма *kostьjь получилась изъ *kosteį̯-ōm (>*kostiį̯-om>*kostьį̯ъ>*kostьjь); форма *synovъ—изъ *sūneų̯-ōm (ср. § 40). Иначе—Фортунатовъ и Ляпуновъ (Формы склон. 20 с.); ср. по этому вопросу у Гуйера Slov. Dekl. § 120.

Дат. п. ед. ч.

§ 48. Окончаніемъ дат. п. ед. ч. въ основахъ на согласный, основахъ на -i и на -u являлось -i: др.-цер.-слов. камени, гости, сѫпоки, причемъ происхожденіе этого -i неясно.

Въ -i основъ на согласный (*kameni) и основъ на -u (*synovi) видятъ рефлексъ индоевропейскаго -ai: ср. древне-инд. šunē, mātrḗ, sūnávē, лат. homin-ī, mātrī, manuī; однако въ лит. формахъ герундія léidžanti-s, sùkanti-s (=dat. s.), сохраненіе -i предъ -si (форма возвратнаго залога) указываетъ на происхожденіе его изъ -ĭ, а не изъ дифтонга.

Параллельно *sūneų̯-ai ожидается въ словянскомъ *gosteį̯-ai, изъ котораго невозможно получить (какъ думалъ Вондракъ I. F. X, 113 и сл.) форму *gosti (ср. Leskien, I. F. X, 259 и сл.). Вѣроятнѣе, что форма *gosti, *kosti—нефонетическаго происхожденія: -i перенесено изъ формы основъ на согласный (ср. Zubatý, Roczn. Slaw. II, 2 с.), или же форма *gosti представляетъ собственно мѣстный падежъ, получившій также функцію дат. п. подъ вліяніемъ основъ на -a, гдѣ въ дательномъ и мѣстномъ падежахъ имѣлась одинаковая форма: *vodě (Hujer Slov.

Dekl. § 127). Если вѣрно второе предположеніе, то форму основъ на согласный *kamen-i, *materi можно считать результатомъ вліянія основъ на -i, какъ допускаетъ Brugmann (K. V. Gr. § 465).

Примѣчаніе. Ср. Brugmann K. V. Gr. 383—384 сс., Ляпуновъ Формы склоненія, 50 и сл., Hujer Slov. Dekl. 124 и сл.

Основы на -ā имѣли въ праслов. окончаніе -ě: др.-цер.-слов. кодѣ: ср. греч. χώρᾳ, θεᾷ, лат. terrae, готск. gibai, лит. gaĩkai; ě получилось изъ -āi (а это изъ -ā основы+окончаніе -ai): -āi>aį>oi>ě.

Въ тѣхъ же основахъ на -ā послѣ смягченныхъ согласныхъ закономѣрно имѣется -i: др.-цер.-слов. коли; *voljoi>*voljei>*volji.

Примѣчаніе. Какъ показываетъ греческій языкъ, ā въ формѣ дат. п. и въ формѣ вин. п. ед. ч. имѣло различное слогоударе́ніе; ср. θεᾷ и θεάν. Повидимому, при слогоударе́ніи, соотвѣтствующемъ греческому ~, долгота гласнаго предъ į, и очень рано сократилась въ праславянскомъ (Brugmann, K. V. Gr., 279 с.), т. е. *voljāį>*voljaį=*voljoį (ср. § 4); *voljoi>*voljei (ср. § 5), оттуда коли. Но *voljām давало *voljǫ, ибо въ эпоху, когда jo> je, здѣсь еще не было сокращенія ā въ a=o. Позже въ вин. п. ударе́ніе, соотвѣтствующее греческому ', замѣнилось ударе́ніемъ иного типа (греч. ~).

Въ дат. п. ед. ч. основъ на -o въ праслов. имѣлось окончаніе -u: др.-цер.-сл. рабоу. Въ греч. имѣемъ θεῷ, гдѣ ῷ—изъ и.-евр. -ōi (съ ō), въ др.-лат.—populoi, въ др.-прусскомъ—wirdai, въ литовскомъ—vilkui изъ -ūi, а это—изъ ōi; ōį съ извѣстнымъ видомъ долготы (слогоударе́нія) получилось изъ тематическаго o+ai. Словянское -u, обычно, получается изъ oų (ср. § 8). Отношеніе къ и.-евр. -ōi остается неяснымъ.

По Фортунатову и Ляпунову -ōi измѣнилось въ ōü, затѣмъ въ -ōų, oų, откуда -u.

Иные изслѣдователи ищутъ морфологическаго объясненія формы *orbu, видя въ формѣ дат. п. ед. ч. -orbu первоначальную форму мѣстн. пад. ед. ч. основъ на -o: эта форма на -oų существовала рядомъ съ формой на -oį, и такъ-какъ форма дат. п. на -ōį совпала съ формой мѣстн. п. на -oį, то неудобство этого совпаденія было устранено перенесеніемъ формы мѣстн. п. на -oų въ форму дат. п. Hujer, Slov. Dekl. § 132 и сл.; нѣсколько иначе—Эндзелинъ, Слав.-балт. этюды, 160 с.).

Дат.-твор. п. двойств. ч.

§ 49. Формы дат. и творит. пад. двойств. числа имѣли одно и то же окончаніе -ma во всѣхъ именахъ: др.-цер.-слов: рѫкама, рабома, гостьма, сынъма, каменьма. Въ литовскомъ имѣется окончаніе -m,—послѣ -m отпалъ гласный (иначе -m измѣнилось бы въ -n); въ авестійскомъ находимъ -bja, въ др.-ин. -bhyām. Общую форму, такимъ образомъ, нельзя установить.

Въ словянскихъ формахъ основъ на согласный (*kamenьta) сказалось вліяніе -i основъ (-ьta), въ формахъ основъ на -o др.-инд. указываетъ на долгій гласный въ исходѣ основы (vr̥kābhyām), почему видятъ въ словянскомъ -o-ma результатъ вліянія формы дат. п. мн. ч. (*vьl̥komъ); подробнѣе см. у Hujer'a § 153—154.

Дат. п. мн. ч.

§ 50. Окончаніемъ дат. п. мн. ч. во всѣхъ основахъ было -mъ: др.-церк.-слов. рабомъ, рыбамъ, гостьмъ, сынъмъ, каменьмъ. Форма основъ на согласный, очевидно, подверглась вліянію -i-основъ; впрочемъ, въ отдѣльныхъ языкахъ сохранились, повидимому, слѣды старой формы основъ на согласный: на -n+mъ: таковы древне-сербскія формы граѣамъ, доубровьчамъ—изъ *gradjan-mъ, *dubrovьčan-mъ (въ грамотѣ 1189 г.), словинское gorîčam изъ *gorîčan-mъ, содомлямъ въ Арханг. Ев.—изъ *sodomljan-mъ.

Примѣчаніе. Ср. Даничича Историја облика, 95, 118, 135; Соболевскаго Лингвист. и археологич. замѣтки, 63 с., Ягича Arch. VI, 295 с., Brugmann'a Grundr. II¹, 340, 367, 404, 703.

Окончаніе -mъ одни изслѣдователи (Фортунатовъ, Ляпуновъ) возводятъ къ прасл. *-mos, которое сопоставляютъ съ окончаніями балтійскихъ языковъ -ms, -mas, др.-инд. -bhyas, лат. -bos, -bus, кельтск. -βo; другіе (Гуйеръ) предполагаютъ болѣе древнюю флексію -mom, которую сопоставляютъ съ др.-инд. -bhyam въ мѣстоименномъ склоненіи (túbhyam, yušmábhyam); третьи отожествляютъ словянское -mъ съ литовскимъ -mus (Эндзелинъ). Подробнѣе см. у Hujer'a Slov. Dekl. § 155, Эндзелина, Слав.-балт. этюды, 158 и сл. и у меня въ Roczn. Slaw. V, 108 с.

Твор. п. ед. ч.

§ 51. Въ большинствѣ основъ окончаніемъ твор. п. ед. ч. является -mь: др.-ц.-слов. пѫтьмь, каменьмь, сынъмь, рабомь. Только въ основахъ женскаго рода на -a, -i, на согласный и ū, находимъ иныя формы: др.-ц.-сл. костиѭ (изъ *kostьjǫ), рыбоѭ, материѭ, скверкыѭ. Окончаніе -mь вполнѣ соотвѣтствуетъ литовскому -mi въ формахъ твор. п. naktimì, sūnumì, akmenimì) и, въ извѣстной степени, греч. -οφι въ θεόφι (греческое φ—изъ bh). Окончаніе это непервоначально въ основахъ на -o (*orbomь): ср. ведійск. vr̥kā, авест. vəhrka, гот. wulfa, лит. vilkù. Очевидно, основы на -o получили -mь въ словянскомъ подъ вліяніемъ -i и -u-основъ,—въ силу параллелизма отношеній въ иныхъ падежныхъ формахъ (*synъ : *pǫtь : *orbъ=*synъ-mъ : *pǫtь-mъ : *orbo-mъ—дат. пад. мн. ч.=*synъ-mь : *potь-mь : *orbō; вм. послѣдней явилось *orbo-mь).

Относительно формы основъ на согласный (kamen-ь-mь) слѣдуетъ замѣтить, что форма эта подверглась вліянію основъ на -i, получивъ предъ окончаніемъ -mь тематическое -i. Ср. Hujer, Slov. Dekl. § 151.

Форма рыбоѭ не соотвѣтствуетъ формамъ ближайше родственныхъ языковъ: латыш. на -u (изъ -ām), лит.—на -à (rankà при діалект. на -ù). Въ виду этихъ показаній балтійскихъ языковъ приходится думать, что и въ праслов. окончаніемъ -ā основъ въ твор. п. ед. ч. было -ām, которое вытѣснено было въ прасловянскомъ-же окончаніемъ -ojǫ: форма *rybojǫ получилась при им. п. *ryba, вин. п. *rybǫ по аналогіи отношеній *ta, *tǫ, *tojǫ, др.-ц.-сл. та, тѫ, тоѭ. Точно также др.-инд. áśvayā объясняютъ вліяніемъ мѣстоименнаго tayā. Діалектическія др.-ц.-сл. формы типа рыбѫ, вѣроятно, имѣютъ ѫ изъ -ojǫ (стяженіе), какъ и пол. rybą, чеш. rybou. Подробнѣе—у Гуйера Slov. Dekl. § 159.

Подъ вліяніемъ формы *rybojǫ возникли и формы *kostьjǫ, *materьjǫ, *svekrъvьjǫ: др.-ц.-сл. костиѭ, материѭ, свекрꙋвиѭ; ср. лит. naktimì, moterimì.

Твор. п. мн. ч.

§ 52. За исключеніемъ основъ на -o, о которыхъ ср. ниже,—всѣ основы имѣли въ праслов. окончаніе -mi: др.-ц.-сл. рыбами, гостьми, сынъми, каменьми. Въ формѣ основъ на согласный -ь между основой и окончаніемъ, очевидно, перенесено изъ основъ на -i. Остатки старыхъ формъ безъ этого ь видятъ въ др.-р. формахъ вродѣ полѣми (=*poljan-mi), египтѣми (ср. Miklosich Vrgl. Gr. III², 16 с.). Слов. окончаніе -mi соотвѣтствуетъ литовскому -mis, которое также имѣетъ мѣсто во всѣхъ основахъ, кромѣ основъ на -o: rañkomis, sūnumìs, naktimìs, akmenimìs. Однако установить праиндоевропейское окончаніе, изъ котораго получилось слов. -mi, трудно. Обыкновенно предполагаютъ общее балтійско-словянское окончаніе -mīs: ср. латыш. формы на -mis. Съ балтійско-словянскимъ -mīs можно сопоставить авест. -bīš. Подробнѣе—у Гуйера Slov. Dekl. § 152.

Въ отличіе отъ всѣхъ иныхъ основъ, основы на -o (какъ мужескаго, такъ и средняго рода) имѣли въ праслов. окончаніе -y: др.-церк.-слов. рабы, села. Окончаніе это до сихъ поръ остается загадочнымъ по происхожденію. Въ литовскомъ языкѣ въ соотвѣтствующей формѣ имѣется окончаніе -ais (vilkaĩs), въ арійскихъ языкахъ -āis, въ латинскомъ -īs (lupīs), въ языкѣ осковъ -uis, въ греч. *-οις (θεοῖς)*. Изъ предполагаемой въ виду этихъ фактовъ индо-европ. флексіи -ōis ожидали бы въ словянскомъ или -ě, или -i, но не -y. Попытки вывести словян. -y изъ -ōis (Фортунатова, Meillet, Педерсена) нельзя признать успѣшными; скорѣе

слов. -у не имѣетъ непосредственной связи съ индо-европ. окончаніемъ и представляетъ словянское новообразованіе морфологическаго или же синтаксическаго происхожденія.

Примѣчаніе. Hujer, Slov. Dekl. 164 с. предполагаетъ, что форма *orby возникла при закономѣрной формѣ *konji мягкихъ основъ (i изъ -i̯oiS) по аналогіи отношеній: *orbъ — *konjь, *orbomь — *konjemь; Эндзелинъ Слав.-балт. этюды 164 с. строитъ объясненіе формы *orby на почвѣ синтаксическихъ отношеній, видя въ этой формѣ первоначальную форму вин. п. мн. ч.

Мѣстн. п. ед. ч.

§ 53. Сравненіе съ иными индо-европ. языками указываетъ, что въ формѣ мѣстнаго падежа ед. ч. имена имѣли окончаніе -i, или же представляли чистую основу.

Формы мѣстн. п., представлявшія чистую основу, сохранились въ ведійскомъ udán (въ водѣ), греч. *αἰέν* (всегда), *ἔν-δον* (внутри), лат. penes (у), греческихъ формахъ инфинитива — *δόμεν, τιθέμεν* и т. п. Окончаніе -i, присоединенное къ основѣ, первоначально представлявшей, вѣроятно, нарѣчіе, — отражается въ греч. *οἴκοι (οἰκο+ι).*

Въ словянскомъ формы мѣстн. п., представлявшія чистую основу, сохранились въ основахъ на -i и на -u; въ основахъ на -ĭ въ праслов. имѣлось окончаніе -i, въ основахъ -ŭ — окончаніе -u: др.-ц.-сл. кости, сꙑноу.

Въ формѣ *kosti -i можетъ восходить къ ēi̯ или ei̯, которое и представляетъ полный видъ тематическаго элемента (ср. выше, § 40).

Въ формѣ сꙑноу -u- можетъ одинаково восходить какъ къ -ēu̯, такъ и къ -ōu̯, или же къ -eu̯, -ou̯: ср. др.-инд. sūnāu и vástō, гот. sunau, лат. lacū и литовскія діалектическія Wilnuo, danguo-je (-uo изъ -ōu или изъ ō).

Примѣчаніе. Ср. Ляпуновъ, Формы склоненія, 49 с.; Hujer Slov. Dekl. § 140—142; Эндзелинъ, Слав.-балт. этюды, 179 с.

Возводя форму *synu къ *sūnēu, пришлось бы предполагать, что -u вм. ожидаемаго изъ -ēu -ju явилось подъ вліяніемъ остальныхъ падежей.

Формы мѣстн. п. ед. ч. съ окончаніемъ -i имѣлись въ основахъ на -o и на -ā. Основы на -o оканчивались, такимъ образомъ на -oi, откуда -ě: др.-ц.-сл. рабѣ, р. *рабѣ*; въ мягкихъ основахъ изъ -i̯oi правильно получилось -ei и затѣмъ -i: др.-ц.-сл. кони.

Точно такъ-же въ основахъ на -ā изъ -ā+i (*vodā-i) получилось -ě (др.-ц.-сл. водѣ), въ мягкихъ основахъ -i (др.-ц.-слов. воли). Подробнѣе ср. у Гуйера Slov. Dekl. § 135 и сл. и у меня, Roczn. Sl. V т. 113 с.

Основы на согласный и на -ū имѣли въ мѣстн. п. ед. ч. окончаніе -e: др.-ц.-сл. камене, небесе, телѧте, црькъве. Это окончаніе -e объясняютъ какъ частицу, присоединенную къ формамъ *kamen, *telęt и т. д., —

представлявшимъ чистую основу. Частицу эту сопоставляли съ предлогами: греч. ἐν, др.-прусс. en, лат. in, слов. *vъ (изъ болѣе древняго *on), съ др.-инд. постпозитивнымъ -ā́.

Примѣчаніе. Ср. J. Schmidt K. Z. XXVII, 307 с., Погодинъ Р. Ф. В. XXXV, 137 с.; Фортунатовъ—Ляпуновъ Формы склоненія 57 с.; Brugmann Grundr. II¹, 520, 598, 610, 618 и сл., 690 и сл., 710, 767; K. V. G. 385, 465; Grundr. II², 2, 178, 179, 185 сс.; Meillet Introd.² 260 с., Audouin 367 с., 384 с.; Vondrák Vgl. Gr. I, 34, II, 5 с. Иначе—Гуйеръ, Slov. Dekl. § 145.

Мѣстн. п. мн. ч.

§ 54. Въ формѣ мѣстн. п. мн. ч. во всѣхъ основахъ имѣлось окончаніе -chъ: др.-ц.-сл. рабѣхъ, водахъ, костьхъ, сынъхъ, каменьхъ.

При этомъ форма основъ на согласный получила свое -ь изъ основъ на -i, а форма -o-основъ явилась подъ вліяніемъ мѣстоименной формы на -oi-su (ср. *tĕchъ, др.-ц.-сл. тѣхъ; первоначальная форма была бы *orbo-sъ). Словянскому -chъ соотвѣтствуетъ -su иныхъ языковъ (др.-инд., авест., др.-литов.); изъ -su на словянской почвѣ получилось -chъ въ силу измѣненія s въ ch послѣ i, u, слѣд. въ основахъ на i, u и -o, получившихъ -oi-su вм. первоначальнаго -osu. Изъ этихъ основъ ch проникло и въ форму a-su основъ на -ā, гдѣ ожидали бы -a-sъ.

Старая форма окончанія сохранилась въ нѣкоторыхъ именахъ съ основой на согласный: ср. др.-чеш. Dol'as, изъ *Doljansъ, Vrbčas, Lužas и т. п. (Gebauer, Hist. Mluvn. III, 1, 77 с.), причемъ -ja вм. ожидаемаго -iǫ обязано своимъ происхожденіемъ вліянію иныхъ падежей (*poljamъ, *poljami).

Примѣчаніе. Ср. Zubatý Arch. XV, 498 с., L. Fil. XXIX, 327 с.; Ильинскій, О нѣкоторыхъ архаизмахъ и новообразованіяхъ, 1902 г., 32 и сл., Hujer Slov. Dekl. § 147.

Мѣстоименныя формы.

Среди словянскихъ мѣстоименій съ точки зрѣнія морфологической можно различить двѣ большихъ группы: мѣстоименія личныя и неличныя (указательныя, вопросительныя, притяжательныя).

Личныя мѣстоименія.

§ 55. Словянскія формы личныхъ мѣстоименій, какъ и соотвѣтствующія формы другихъ индо-европ. языковъ, отличаются одна отъ другой не столько окончаніями, сколько основой: ср. др.-ц.-сл. азъ, мене, мънѣ, мы, насъ, ты, тебѣ, вы, васъ.

Др.-ц.-сл. азъ, рѣже язъ (болг. азъ, русск. *я*, серб. jâ, словин. jaz, пол. ja, чеш. já, луж. ja) значительно отличается отъ лат. ego,

греч. ἐγώ, прусск. es, старолит. esz=ež: словянская форма предполагаетъ начальное ō съ развившимся предъ нимъ уже на словянской почвѣ i̯,— ср. выше, § 17.

Др.-ц.-сл. мене соотвѣтствуетъ авест. формѣ mana, но въ формахъ *tebe, *sebe согласный b, повидимому, явился на мѣстѣ болѣе первоначальнаго v: ср. др.-инд. и авест. tava, лит. діалектическое tavè; полагаютъ, что это -b проникло въ форму род. п. изъ формы дат. п.

Др.-ц.-сл. мнѣ вполнѣ точныхъ соотвѣтствій въ иныхъ индо-европ. языкахъ не имѣетъ: въ лат. находимъ mihi, въ гот. mis, въ лит. mán, въ латыш. man, въ прусскомъ mennei, жемайт. mùn и вост.-латыш. mun; послѣдняя форма поддерживаетъ ъ словянской формы. Ср. объ этой формѣ у Hujer'a I. F, XXX, 49 с.

Др.-ц.-сл. тебе, себѣ ближе подходятъ къ лат. tibī изъ *tebei, sibī изъ *sebei и къ прусскому tebbei, sebbei; объясненія требуетъ лишь конечное -ĕ, которое не можетъ восходить къ -ei и явилось въ формахъ *mьnĕ, *tebĕ, *sebĕ, повидимому, нефонетическимъ путемъ: быть можетъ, подъ вліяніемъ *ženĕ, въ виду параллельности отношеній *mъnojǫ *tobojǫ, *sobojǫ и *ženojǫ (ср. Vondrák, Vergl. Gr. II, 84 с., Leskien Gramm. 130 с.).

Др.-ц.-сл. ми, ти, си, употребляющіяся параллельно формамъ *mъnĕ, *tebĕ, *sebĕ въ дат. падежѣ, соотвѣтствуютъ греч. μοι, σοί, οἱ.

Формы вин. п. мѧ, тѧ, сѧ восходятъ къ *mēm, *tēm, *sēm: ср. санскр. mām, tvām; очевидно *tēm получилось изъ болѣе древняго *tu̯ēm; со словянскими формами тожественны и прусскія формы mien, tien, sien (=mīn, tīn, sīn), получившіяся изъ болѣе древнихъ *mēn, *tēn, *sēn; ср. Эндзелинъ, Слав.-балт. этюды, 181 с.

Формы твор. п. мнoю, тобoю, собoю не имѣютъ точныхъ соотвѣтствій и представляютъ словянскія новообразованія: въ окончаніи, повидимому, отразилось вліяніе формъ *ženojǫ и *tojǫ.

Формамъ мы, кы соотвѣтствуютъ въ литовскомъ mẽs, jūs, въ готскомъ weis, jūs. Словянское *vy могло бы быть возводимо къ *u̯ūs, которое отличается отъ литовскаго jūs и готскаго jūs лишь начальнымъ u̯ предъ ū. Въ формѣ *my,—ср. лит. mẽs, -y могло явиться или подъ вліяніемъ *vy изъ *u̯ūs или подъ вліяніемъ вин. п. *ny.

Примѣчаніе. Ср. Meillet, Recherches 95 с., Leskien Gramm. 130 с., Эндзелинъ, Слав.-балт. этюды, 184 с.

Форма вин. п. мн. ч. вы, кы не можетъ быть сопоставляема съ др.-инд. nas, vas и лат. nōs, vōs, такъ какъ фонетическимъ путемъ невозможно выводить -y изъ -ōs; правильнѣе видѣть въ формахъ *ny,

*vy словянское новообразованіе и возводить ихъ къ *nons, *vons: ср. прусское wans (ср. Эндзелинъ, Слав.-балт. этюды, 185 с.). Формы нзі, кзі употреблялись энклитически и въ функціи дат. падежа. Формы род. и мѣстн. п. мн. ч. нась, кась представляютъ соединеніе основы *nas-, *vas- съ окончаніемъ -съ (изъ -sōm и -su), которое находимъ въ тѣхъ же падежахъ въ склоненіи мѣстоименій неличныхъ — иѫхъ, сиѫхъ, тѣѫхъ (съ праслов. измѣненіемъ -s въ -ch). По аналогіи отношеній *toisъ—*toimъ—*toimi (тѣѫхъ—тѣмъ—тѣми), *jeisъ—*jeimъ—*jeimi (иѫхъ—имъ—ими) образовались далѣе формы *namъ, *nami, *vamъ, *vami.

Примѣчаніе. Ср. Эндзелинъ, Слав.-балт. этюды, 185 с.; иначе—Leskien Gramm., 131 с. и Vondrák Vrgl. Gr. II, 87 с.

Форма им. п. дв. ч. 1-го лица кѣ представляетъ, повидимому, словянское новообразованіе: ср. лит. vè-du, готск. wi-t, форма же вин. п. на соотвѣтствуетъ греческой формѣ им.-вин. п. дв. ч. *νώ* и въ извѣстной мѣрѣ др.-инд. nāu (вин., род. и дат. п. дв. ч.); форма на употребляется въ древне-церковно-словянскомъ также какъ энклитическая форма дат. падежа.

Примѣчаніе. Ср. Соболевскій, Лингвист. и археологич. замѣтки, 64—65 сс.

Форма им.-вин. дв. ч. 2-го лица ка также является новообразованіемъ: ср. др.-инд. yuvám, гот. ju-t, лит. jù(du); форма эта, какъ и форма 1-го лица на- *na, употребляется энклитически въ функціи дат. п. Остальныя формы образованы отъ основъ na-, va-: наю, каю; нама, кама.

Мѣстоименія указательныя, вопросительныя и притяжательныя.

§ 56. Всѣ остальныя мѣстоименія,—указательныя (A), вопросительныя (B) и притяжательныя (C),—могутъ быть разсматриваемы совмѣстно, такъ-какъ имѣютъ одинаковыя падежныя окончанія.

Сюда относятся слѣдующія мѣстоименныя основы.

A. 1. Основа *to- (и.-европ. *to-); ср. др.-инд. tám, греч. *τόν*, лат. istum вин. п. (*to-n); др.-ц.-сл. тъ им. п. ед. ч. м. р., то ср. р., та ж. р. Въ словянскомъ, какъ и въ балтійскихъ языкахъ, основа to- проникла въ им. п. изъ косвенныхъ падежей: ср. др.-инд. sá, sā. Форма тъ получилась изъ *to-s, та изъ *tā, то изъ *tod: ср. лат. is-tud.

2. Основа *ono- (и.-евр. *ono-); ср. лит. anàs, др.-инд. aná-, др.-ц.-слов. онъ, оно, она.

3. Основа *ovo-: ср. авест. ava, др.-инд. avŏš- род. п. дв. ч.; др.-ц.-сл. окъ, око, ока.

4. Основа *(i̯)i- (и.-евр. *i-): ср. др.-инд. im-ám вин. п., сред. р. id-ám, лат. is им. ед. м. р., готск. is, лит. jìs; сюда можетъ относиться им. ед. ч. м. р. и-же, хотя эта форма можетъ быть производима и отъ основы *i̯o-: *i̯o-s>*i̯us>*jъ>*jь>*i.

5. Основа *i̯o- (и.-евр. *i̯o-): ср. др.-инд. yás им. п. ед. ч. м. р., yad им. п. ед. ч. ср. р., греч. ὅς. Отъ основы *i̯o- образованы всѣ иныя падежныя формы мѣстоименія *(i̯)i: им. п. ж. р. ꙗ-же, сред. р. ѥже, род. пад. ѥго, дат. п. ѥмоу и т. д. Форма *i̯e (ѥже) изъ *i̯od: ср. др.-инд. yad.

6. Основа *sь- (ин.-евр. ki): ср. лит. šìs, лат. ci-tra (по сю сторону), др.-ц.-сл. сь, се, си. Форма ср. рода *se, повидимому, явилась при *sь по аналогіи *i̯e при *i̯ь (*i̯i). Форма женскаго рода *si—си (изъ *ḱī) соотвѣтствуетъ литовской šì изъ *šī́. Въ иныхъ падежныхъ формахъ этого мѣстоименія находимъ отчасти основу se-: др.-цер.-слов. сего, семоу, семь, сеѭ, сеѫ, сеи, сею, отчасти основу *sьjo-: др.-ц.-сл. сьѭ, сьѫ, сьꙗ или сиѭ, сиѫ, сиꙗ. Нужно думать, что формы, содержащія основу *se- такъ же, какъ и *se, возникли подъ вліяніемъ соотвѣтствующихъ формъ мѣстоименія *i̯ь—*i̯a—*i̯e; такое же объясненіе приложимо къ формамъ *simь твор. п. ед. ч.: *sichъ род.-мѣстн. мн. ч., *simъ дат. мн. ч., *simi твор. мн. ч., *sima дат.-твор. дв. ч. (др.-ц.-сл. симь, сихъ, симъ, сими, сима): ср, *i̯imь. *i̯ichъ, *i̯imъ, *i̯imi, *i̯ima.

Примѣчаніе. О мѣстоименіи *sь—ср. у Hujer'a въ Sborn. Fil. II т., 188 и сл. Не всѣ предположенія Гуйера пріемлемы.

B. 7. Основа *ko- (и.-евр. *qᵘo-): ср. др.-инд. ka-s; греч. нарѣчіе ποῦ (гдѣ), лат. quo-d, лит. kàs; прасл. *kъ,—въ др.-ц.-сл. кто,—изъ *ko-s.

Та-же основа содержится въ косвенныхъ падежахъ сложнаго мѣстоименія *kъjь: *kojego, *kojemu и т. д. (др.-церк.-слов. коѥго, коѥмоу и т. д.), им. п. ср. р. *koje (др.-цер.-слав. коѥ), ж. р. *kaja (др.-ц.-сл. кꙗ); однако нѣкоторыя формы этого мѣстоименія подверглись вліянію сложнаго склоненія прилагательныхъ (др.-ц.-сл. кѣмь, кѣихъ, кѣѫ, кѣмъ, кѣими).

8. Основа *čь (и.-евр. *qᵘi-): ср. др.-инд. ci-d *(-нибудь)*, авест. čiš (кто), греч. τις, лат. quis—quid; прасл. *čь изъ *čьd, содержащееся въ др.-ц.-сл. чьто. Косвенныя формы этого мѣстоименія образуются отъ основы *če- (изъ *qᵘe): *česo, *čemu и т. д. (др.-ц.-слов. чесо, чемоу и т. д.).

C. 9. Основы *moje-, *tvoje-, *svoje-: ср. прусс. mais, twais, swais изъ *majas, *twajas, *swajas, лат. meus, tuus, suus; др.-ц.-слов. мои, моꙗ, моѥ и т. д. Словянское *mojь является древнимъ (изъ *mojos), и

ему въ литовско-латышскомъ соотвѣтствуетъ новообразованіе manas, наоборотъ, словянскія *tvojь, *svojь (изъ *tvojos, *svojos) представляютъ словянскія новообразованія по образцу *mojos (то-же въ прусскомъ): ср. болѣе древнія литовско-латышскія tavas, savas.

10. Основы *naše-,*vaše-: др.-ц.-сл. нашь, наша, наше, вашь, ваша, ваше.

Притяжательныя основы *moje-, *tvoje-, *svoje- образованы, повидимому, отъ основы *moi̯-, *tu̯oi-, *su̯oi-; такимъ же образомъ *naše, *vaše получилось изъ *nas-, *vas- прибавленіемъ jo-.

11. Основа притяжательно-вопросительнаго мѣстоименія *čьje- (др.-ц.-сл. чии) образована, повидимому, отъ основы *q^{u}i—помощью суффикса -jo.

Примѣчаніе. Ср. Meillet, Études 377 с.; Ильинскій, Сложныя мѣстоименія 1905 г., 43 с., Vondrák Vergl. Gr. I, 404 с.; иначе Hujer L. Fil. XXXV, 217 с., Leskien Gramm. 139 с.

Основы *kotero-, *kotoro-, *jetero- склоняются по именному склоненію. По мѣстоименному склоненію измѣняются, кромѣ указанныхъ выше основъ,—*samo- (др.-ц.-сл. самъ, сама, само), *jedino- (др.-ц.-сл. єдинъ, єдино, єдина), *tako-, *kako-, *jako- *vьsako- (др.-ц.-сл. такъ, какъ, якъ, кьсакъ), и *vьso- (др.-ц.-сл. кьсь, кьсе, кьса и кьсѧ).

Основа *vьso- устанавливается сопоставленіемъ слов. *vьsь съ лит. visas: въ силу измѣненія -s послѣ -ь въ ch, vьso- должно было измѣниться въ *vьcho-; отъ этой основы правильно образованы формы твор. п. ед. ч. кьсѣмь, дат. п. мн. ч. кьсѣмъ, им. мн. ч. кьси, род.-мѣстн. кьсѣхъ, твор. п. мн. ч. кьсѣми изъ *vьcho-i-mь, *vьcho-i-mъ, *vьcho-i, *vьcho-i-sōm, *vьcho-i-su, *vьcho-i-mi,—въ силу измѣненія ch предъ i, ě изъ дифтонга въ. s (ср. § 12 и формы *těmь, *těmъ, *ti, *těchъ, *těmi,—см. ниже, § 57). Въ иныхъ формахъ ch перешло въ s подъ вліяніемъ предшествующаго палатальнаго ь (ср. § 12), причемъ съ этимъ переходомъ было связано и измѣненіе формъ *vьchogo, *vьchomu, *vьchoję и т. д. (ср. *togo, *tomu, *toję) въ формы *vьsego, *vьsemu, *vьseję и т. д. (др.-ц.-сл. кьсего, кьсемоу, кьсеѭ). Ср. K. Z. 37 т. 264 с. и M. S. L. XI, 8 с.

§ 57. Въ склоненіи мѣстоименій неличныхъ наблюдаются нѣкоторыя своеобразныя флексіи, отличныя отъ флексій именного склоненія.

Такъ, въ формѣ род. п. ед. ч. м. и ср. рода находимъ два окончанія: -go и -so,—ср. др.-ц.-сл. того, кого, єго, чєго и чьго; флексія -so сохранилась также въ польскомъ и чешскомъ со изъ *čьso. Окончаніе формы *česo представляетъ старую и.-евр. флексію *-so рядомъ съ *-si̯o (ср. др.-инд. tásya и прусс. stesse, гдѣ -sse, вѣроятно,=śe изъ *-si̯a). Что касается флексіи -go, то, повидимому, она представляетъ частицу, которая первоначально была присоединена къ формѣ отложительнаго падежа *ta (ср. лит. tõ, латыш. tà); форма *tago была замѣнена формой

*togo подъ вліяніемъ иныхъ формъ, гдѣ была основа to-, и вытѣснила старую форму род. п. *toso. Частицу эту находимъ также въ серб. njȅgo, др.-инд. gha и пр. an-ga. (Иначе—Фортунатовъ въ В. В. XX, 182 с.; ср. Эндзелинъ Слав.-балт. этюды, 186 с.; о česo—Бернекеръ, Сборникъ Фортун. 219 и сл.).

Форма дат. п. ед. ч. муж. и ср. рода имѣетъ окончаніе -mu—томоу; ср. лит. tãmui и латыш. tam, но—др.-инд. tasmāi (изъ *tosmōi); литовско-латыш. и слов. формы представляютъ утрату, нефонетическимъ путемъ, согласнаго s, и словянская, повидимому, также нефонетическую замѣну окончанія -ōi черезъ -oų, изъ котораго -u, какъ и въ склоненіи именъ съ основой на -o. Форма съ -s еще сохраняется въ прусскомъ: stesmu, kasmu. (Ср. В. В. XXII, 182 с., Grdr. Бругманна II², 362 с., Gramm. Leskien'a 133 с., Слав.-балт. этюды Эндзелина, 189 с.).

Въ формѣ мѣстн. ед. ч. м. и ср. р. наблюдается такая же утрата -s-, какъ и въ дат. п.: ср. др.-ц.-сл. томь и др.-инд. tásmin; насколько слов. ь въ томь соотвѣтствуетъ др.-индійскому -in въ tásmin, сказать трудно: ср. авест. aē-taĥmi.

Форма твор. п. ед. ч. м. и ср. р. *tĕmь (тѣмь) имѣетъ то-же окончаніе -mь, что и именное склоненіе (*orьo-mь, *gostь-mь, *synъ-mь), причемъ основа to- замѣнена основой toi-; полагаютъ, что это toi- вм. to- явилось первоначально въ формѣ твор. мн. ч. *toi-mi (откуда *tĕmi) вм. *to-mi,—подъ вліяніемъ формы им. п. мн. ч. *toi (откуда *ti); затѣмъ подъ вліяніемъ *toi-mi явилась и форма ед. ч. *toimь, откуда *tĕmь; ср. van-Helten, I. F. XXVI, 180 с.

Ту же основу toi- находимъ въ формахъ: a) род. п. мн. ч. *tĕchъ (тѣхъ) изъ *toi-sōm (ср. др.-инд. tēšām, греч. *-σων, лат. -rum изъ *-sōm, прусс. ste-i-son); b) дат. п. *tĕmъ (тѣмъ); c) мѣстн. п. *tĕchъ (тѣхъ) изъ *toi-su; d) дат.-твор. дв. ч. *tĕma (тѣма) изъ *toi-ma; e) въ род. мѣстн. дв. ч. *toi̯u (тою). Въ формахъ род. п. мн. ч. -ōm сократилось такъ же въ -om, откуда ъ, какъ и въ именномъ склоненіи (ср. § 47); о -ch вм. -s ср. § 54.

Форма вин. мн. ч. *ty (ты) восходитъ къ *tons. Формы женскаго рода ед. ч. *ta, *tǫ вин. п. (та, тѫ) параллельны именнымъ формамъ ā-основъ, такъ же какъ и иныя (род., дат., твор., мѣстн.), только эти послѣднія образованы отъ основы *toiā-. Въ дат. п. ед. ч. форма *toi̯ā̯i̯,—откуда *toi̯i (тои),—могла возникнуть вмѣсто старой *tosi̯ā̯i̯ (ср. др.-прусс. stesiai) при *toi̯ām твор. пад. по образцу отношенія *genāi̯ къ *genām. Въ силу тѣхъ же вліяній могло исчезнуть s въ формѣ род. п. ед. ч. жен. рода *tosi̯ās (*toi̯ās, откуда нефонетически *toi̯ę); ср. Эндзелинъ Слав.-балт. этюды, 189 с.

Формы мѣстоименія *i, *ja, *je вполнѣ соотвѣтствуютъ формамъ мѣстоименія *tъ, *ta, *to; должно имѣть лишь въ виду измѣненія, связанныя съ вліяніемъ j: jo- даетъ je, joi--jei—ji; jĭ въ им. п. ед. ч. м. р. является подъ удареніемъ въ видѣ i, въ винительномъ же падежѣ ед. ч. м. р. въ энклитическомъ положеніи въ видѣ -jь: ср. др.-ц.-сл. вънь изъ *vъn-jь.

Въ склоненіи мѣстоименія *kъ-(to) должно имѣть въ виду законъ измѣненія k предъ ě изъ дифтонга, почему въ твор. п. ед. ч. м. и ср. рода находимъ *cěmь (др.-ц.-сл. цѣмь) изъ *koi-mь.

Склоненіе прилагательныхъ.

Прилагательныя опредѣленныя.

§ 58. Особенностью словянскихъ и балтійскихъ языковъ является существующее рядомъ съ именнымъ склоненіемъ прилагательныхъ сложное склоненіе прилагательныхъ опредѣленныхъ. Если прилагательное относилось къ опредѣленному, извѣстному предмету, то къ его падежной формѣ присоединялась соотвѣтствующая форма мѣстоименія *i, *i̯a, *i̯e. Это мѣстоименіе по своей роли соотвѣтствуетъ члену нѣмецкаго языка (der, die, das). Именная форма прилагательнаго, безъ прибавленія мѣстоименной, соотвѣтствуетъ по употребленію нѣмецкой формѣ съ неопредѣленнымъ членомъ (ein).

Такимъ образомъ получаются формы им. п. ед. ч. *dobrъ-i̯i, *dobra-i̯a, *dobro-i̯e, которымъ соотвѣтствуютъ литовскія geràs-is, geró-ji.

Остальныя падежныя формы образуются по такому же принципу: род. п. м. и ср. рода *dobra-i̯ego, дат. п. *dobru-i̯emu, вин. п. муж. рода *dobrъ-i̯ь и т. д.

Въ формахъ род., дат., твор. и мѣстн. падежей ед. ч. ж. р. мѣстоименныя формы являются въ сокращенномъ видѣ: *i̯ę, *i̯i, *i̯ǫ, *i̯i вм. *i̯ei̯ę, *i̯ei̯i, *i̯ei̯ǫ и *i̯ei̯i: *dobry-i̯ę, *dobrě-i̯i, *dobroi̯ǫ-i̯ǫ, *dobrěi̯i (др.-ц.-сл. добрꙑѩ, добрѣи, доброѭ, добрѣи); то-же въ род. п. дв. ч. *dobrui̯u) др.-ц.-сл. доброую) вм. *dobru-i̯ei̯u. Отступленія отъ общаго принципа образованія формъ опредѣленнаго прилагательнаго находимъ въ твор. п. ед. ч. м. и ср. рода, дат. п. мн. ч., твор. п. мн. ч. ж. р., мѣстн. п. мн. ч., дат.-твор. п. дв. ч.

Вмѣсто твор. п. ед. ч. м. и ср. р. *dobromь-i̯imь находимъ *dobry-i̯imь—др.-ц.-сл. добрꙑимь, въ дат. мн. ч. вм. *dobromъ-i̯imъ—*dobry-i̯imъ—др.-ц.-сл. добрꙑимъ, въ твор. п. мн. ч. ж. р. вм. *dobrami-i̯imi—*dobryi̯imi—др.-ц.-сл. добрꙑими, какъ и въ формѣ муж. и ср. рода, въ

мѣстн. п. мн. ч. вм. *dobrěchъ-i̯ichъ—*dobryi̯ichъ—др.-ц.-слов. добрыихъ и въ дат.-твор. дв. ч. *dobryi̯ima—др.-ц.-сл. добрыима вм. *dobroma-i̯ima.

Можно полагать, что старая форма твор. п. мн. ч. муж. и ср. рода *dobry-i̯imi повліяла и на иныя формы множ. числа, которыя представляли неудобство повтореніемъ слоговъ -mъ, -mi, -chъ, -ma (Вондракъ).

По аналогіи мѣстоименнаго склоненія, гдѣ формы мн. ч. всѣхъ трехъ родовъ имѣютъ одинаковыя окончанія (*těmi, *i̯imi и т. п.) и форма женскаго рода *dobrami-i̯imi была вытѣснена формой *dobry-i̯imi.

Далѣе по аналогіи отношеній *těmi, *i̯imi : *těchъ, *i̯ichъ мѣстн. п.: *těmъ, *i̯imъ—могли возникнуть и формы *dobry-i̯ichъ мѣстн. п., *dobry-i̯imъ дат. п. при *dobry-i̯imi. Въ виду тожества мѣстн. п. и род. п. мн. ч. въ мѣстоименномъ склоненіи (*těchъ, *i̯ichъ) и форма *dobrъ-i̯ichъ могла быть замѣнена формой *dobry-i̯ichъ.

Наконецъ подъ вліяніемъ отношеній *těmь, *i̯imь твор. ед. ч. и *těmъ, *i̯imъ дат. мн. ч. могла явиться и вытѣснить старую, неудобную своей сложностью форму,—форма *dobryi̯imь въ твор. п. ед. ч.

Примѣчаніе. Ср. Vondrák, Zur Deklination des zusammengesetzten Adjectivums, Arch. XXII; иначе—Ильинскій, Къ исторіи сложнаго склоненія прилагательныхъ именъ,—въ Научно-литературномъ Сборникѣ т. II (1902 г.) кн. 2.

Если принять гипотезу о праслов. измѣненіи ъ+j (i̯) въ y+j (i̯), то можно исходить изъ род. п. мн. ч. *dobry-i̯ichъ, какъ дѣлаетъ Лескинъ Gramm. 145 и слѣд. Формы ц.-слов. памятниковъ добрыихъ, мрьтвыихъ род. п. мн. ч., на которыя указываетъ Ильинскій, являются результатомъ вліянія формъ прилагательныхъ неопредѣленныхъ добрыхъ, мрьтвыхъ род. мн., какъ и въ им. един. сватъі и т. п. Отсюда ъ вм. ы могло явиться и въ иныхъ формахъ.

Степени сравненія.

§ 59. Формы сравнительной степени прилагательныхъ образовывались въ словянскомъ помощью суффиксовъ -jьs или -ějьs, причемъ этотъ суффиксъ присоединялся къ корню, суффиксъ же (-ъkъ, -okъ, -ьkъ), имѣвшій мѣсто въ формахъ положительной степени, отбрасывался. Такимъ образомъ получалась основа сравнительной степени *chud-jьs при положительной *chudo-, *dorg-jьs при положительной *dorgo-, *sold-jьs- при положительной *soldъko-, *vys-jьs при положительной *vysoko-, *nov-ějьs- при *novo-.

Форма им. п. ед. ч. м. р. сравнит. степени оканчивалась въ прасл. на -jь: *bogatě-jь, *nově-jь, *mьnjьjь, *chudjьjь (др.-ц.-сл. богатѣи, новѣи, мьньии, хоужди). Суффиксъ сравнит. степ. -i̯os/-i̯es на ступени редукціи являлся въ видѣ -is; въ результатѣ контаминаціи -i̯os и -is,—изъ коихъ одно являлось въ однѣхъ падежныхъ формахъ, а другое въ другихъ,—

и получился словянскій суффиксъ сравн. степени -jis, который въ формѣ им. п. ед. ч. м. рода далъ -jь; при этомъ форма *chudjь (изъ *chudjьs) получила еще -jь подъ вліяніемъ формъ *novějь, *bogatějь; ср. Leskien Gramm. 125 с. Иначе—Вондракъ Vrgl. Gr. I, 495 с. Форма им. п. ср. р. первоначально оканчивалась на -i̯os (лат. majus изъ majos); изъ -jos въ слов. -je; но формы на -je получили значеніе нарѣчія: др.-церк.-слов. кѣше, хоужде; взамѣнъ ихъ явились новообразованія на -jьs-je при формахъ муж. р. на -jьs: *chudjьše, *novějьše—др.-ц.-сл. хоуждьше, покѣше.

Происхожденіе -ě въ основѣ *novějьs- остается неяснымъ.

Здѣсь слѣдуетъ лишь указать, что основа сравнительной степени муж. и сред. рода въ косвенныхъ падежахъ осложняется еще суффиксомъ -jo. Такимъ образомъ при формахъ им. п. ед. ч. м. р. *novějь изъ *novějьs и сред. р. *nověje, *novějьše имѣемъ род. п. ед. ч. м. и ср. рода—*novějьša изъ *novějьs-ja (ср. *konja), дат. п. *novějьšu изъ *novějьs-ju (ср. *konju) и т. д.; иными словами, формы муж. и сред. рода аналогичны по образованію формамъ отъ основъ на -jo (*konjo-). Только форма им. п. мн. ч. муж. рода, повидимому, сохраняла еще старую флексію -e и имѣла предъ нимъ то-же š, что и иныя формы: *novějьše изъ -jьse (-jьche), ср. др.-ц.-сл. покѣше; та-же форма сред. рода соотвѣтствовала формѣ отъ основъ на -jo средняго рода (*polja): др.-ц.-сл. покѣша.

Формы ж. р. сравнит. степени получили добавочный суффиксъ -i̯ā (въ им. п. ед. ч. ступень редукціи -i), и такимъ образомъ склоненіе ихъ было аналогично склоненію такихъ именъ на -i̯ā, какъ *pustyni: им. п. *novějьši, *mьnjьši изъ *novějьs-i, *mьnjьs-i- (-si>chi>-ši); род. п. *novějьšę, *mьnjьšę: др.-ц.-сл. покѣшѧ, мьньшѧ, дат. п. *novějьši, *mьnjьši: др.-церк.-слов. покѣши, мьньши и т. д.

Формы превосходной степени отличались отъ формъ сравнительной степени лишь приставнымъ *naji-: *najinovějь и т. п.

Что касается -ě въ суффиксѣ сравнительной степени -ějьs-, то происхожденіе его ясно лишь въ той мѣрѣ, что онъ несомнѣнно восходитъ къ ē, а не къ дифтонгу, какъ показываетъ -ča въ основѣ *mękъčajьs—(др.-ц.-сл. мѧкъчаѥ).

Глагольныя формы.

Прасловянскій языкъ получилъ въ наслѣдство отъ индо-европейской эпохи весьма сложную систему глагольныхъ формъ,—въ которой можно различить формы вида, формы залога, формы наклоненій, формы времени, лица и числа. Въ этой системѣ на словянской почвѣ произошелъ цѣлый рядъ передвиженій и измѣненій, нерѣдко утратъ, касающихся какъ глагольныхъ основъ, такъ и личныхъ окончаній.

Основы глагола.

§ 60. Сопоставленіе показаній др.-ц.-слов. языка и живыхъ словянскихъ языковъ позволяетъ предполагать въ праслов. языкѣ слѣдующіе типы глагольныхъ основъ.

1. Основа *настоящаго времени* безъ прибавленія суффиксальнаго элемента (или тематическаго гласнаго), — равная односложному корню. Такая основа сохранилась въ словянскомъ всего лишь въ нѣсколькихъ глаголахъ: а) основа *i̯es- изъ индо-европ. *es-: др.-ц.-сл. ѥсмь,—ср. др.-инд. ásmi, греч. ἐ͂μι; b) основа *ĕd-, *i̯ad- изъ индо-европ. *ēd-: др.-ц.-слов. ѣмь—ѣмь изъ *i̯ad-mь, а это изъ *i̯ēd-mь (ѣмъ); ср. др.-инд. ádmi, лит. ẽd-mi; с) основа *vĕd-: др.-ц.-сл. вѣмь изъ *vĕd-mь.

Къ этому типу примкнула въ словянскомъ первоначальная основа наст. времени *dedō-: ср. др.-инд. dádā-mi; въ формахъ множ. и дв. ч. эта основа являлась въ слабомъ видѣ: *ded- (др.-инд. dad-más, dat-tha, dádati); въ словянскомъ основа *ded- обобщилась во всѣхъ формахъ наст. времени, получивъ при этомъ *a* изъ иныхъ формъ, какъ аористъ *dachъ, инфинитивъ *dati; такимъ образомъ въ словянскомъ явилась основа наст. времени *dad-: др.-ц.-сл. дамь изъ *dad-mь; ср. то-же въ балтійскомъ: лит. dúmi.

2. Къ предыдущему типу примкнула въ словянскомъ также двухсложная *основа настоящаго* времени *ima-: др.-ц.-слов. имамь.

Примѣчаніе. Основы *i̯es-, *vĕd-, *ĕd-, *ima- были основами несовершеннаго вида, основа *dad- совершеннаго вида.

3. Основа *настоящаго времени* на тематическое e/o; этотъ типъ основъ представленъ въ словянскомъ довольно значительнымъ количествомъ примѣровъ. Сюда относятся такіе глаголы, какъ плетѫ—плетеши, ведѫ—ведеши, водѫ—водеши, жьрѫ—жьреши и т. д.,—отчасти совершеннаго, отчасти несовершеннаго вида.

4. Основа *настоящаго времени* съ суффиксомъ *no/ne: др.-ц.-слов. дбигнетъ, дрьзнетъ, доунетъ, коснетъ, плюнетъ (плинетъ), станетъ, тлъкнетъ и т. п.—бо́льшею частью совершеннаго вида.

5. А. Основа *настоящаго времени* съ суффиксомъ i- (изъ ī), въ которомъ, повидимому, отражается индо-европ. суффиксъ *-ēi̯-, чередующійся съ i (ī). Сюда относятся словянскія основы настоящаго времени, обозначающія состояніе: др.-ц.-слов. мьнитъ, смрьдитъ, бдитъ и т. п., ср. др.-инд. budh-yá-te—пробуждается, pū-ya-ti—воняетъ и лит. smìrdi (въ литовскомъ суффиксъ является въ видѣ -ĩ). Суффиксъ ēi̯ : ī : i сближаютъ съ ei : i основъ именныхъ. Въ формѣ 1 л. ед. ч. въ словянскомъ находимъ -jǫ (изъ i+ǫ) вм. -i-mь: *mьnjǫ; въ др.-инд. тематическая форма

(-ya-) въ бо́льшей части глаголовъ проникла во всѣ лица. Гласный корня въ этихъ основахъ чаще всего—на ступени редукціи: ср. кромѣ указанныхъ дрьжитъ, зьритъ, кънитъ, льститъсѧ, мльчитъ, свьтитъ, скрьбитъ, слышитъ, стыдитъсѧ и др. Видовое значеніе этихъ основъ—имперфективное (несовершенный видъ).

Примѣчаніе. Ср. объ этихъ глаголахъ Reichelt'a въ В. В. XXVII, 63 и сл., Vondrák въ Arch. XX, 406 с. и въ Сборникѣ Ламанскаго I, 190 и слѣд.

5. В. Ту-же основу наст. времени на -i представляютъ словянскіе глаголы, соотвѣтствующіе индо-европейскимъ основамъ наст. времени съ винословнымъ (каузативнымъ) или кратнымъ (итеративнымъ) значеніемъ, основамъ, заключавшимъ въ себѣ суффиксъ *-eje. Таковы напримѣръ—др.-инд. vartáyati—вращаетъ, svāpáyati—усыпляетъ, patáyati—летаетъ, греч. *φορέω*—ношу, *φοβέω*—пугаю, лат. moneo—увѣщеваю, noceo—врежу, spondeo—обѣщаю. Въ словянскомъ суффиксъ имѣетъ нетематическій видъ—ei̯-, чередующееся съ ī : i, тогда какъ въ др.-инд. и греч.—тематическій: ei̯-e; въ 1 л. ед. ч.—jǫ, какъ и въ 5 А.

Характерной чертой этихъ основъ является гласный o (ō) въ корнѣ, и эта черта сохранена въ извѣстной мѣрѣ и въ словянскомъ: ср. др.-ц.-слов. кратитъ изъ *vortitъ, коупитъ изъ *koupitъ, проситъ, родитъ, сѫдитъ, возитъ, носитъ, поитъ и др. Нѣкоторыя изъ основъ этого типа являются производными отъ именныхъ основъ, какъ хвалитъ, гоститъ, плънитъ (хвала, гость, плънъ). Видовое значеніе этихъ основъ—не однородное, отчасти совершеннаго, отчасти несовершеннаго.

Кратное (итеративное) значеніе сохранено основами *nosi-, *vodi-, *vozi-, винословное (каузативное)—основой *poji-: ср. др.-церк.-слов. носитъ, возитъ, водитъ, поитъ.

6. Основа *настоящаго времени* съ суффиксомъ -je изъ индо.-европ. *-je. Этотъ типъ основъ представленъ особенно большимъ количествомъ примѣровъ; между прочимъ, большинство производныхъ глаголовъ какъ отыменныхъ, такъ и отглагольныхъ относится именно къ этому типу.

Видовое значеніе основъ съ суффиксомъ -je вполнѣ опредѣленное: онѣ обычно—несовершеннаго вида: ср. др.-ц.-слов. грѣютъ, биютъ, пиютъ, мелютъ, дѣлаютъ и т. п. Основы съ долгимъ кореннымъ гласнымъ (*mětaje-, *gnětaje-) имѣютъ значеніе многократнаго вида.

Примѣчаніе. Въ др.-ц.-слов. памятникахъ нѣкоторые (немногіе) глаголы этого класса имѣютъ значеніе совершеннаго вида: доньдеже кончаатъ = ἕως τελησθῇ: лобьжѫ = φιλήσω; разоумѣѫ = συνήσω (Псалт.)

7. Иные виды основъ *настоящаго времени*, имѣвшіеся въ индо-европейскомъ праязыкѣ, исчезли въ словянскомъ, какъ особые типы, оста-

вивъ лишь спорадическіе слѣды своего былого существованія. Такъ, суффиксъ *-ske- имѣется въ словянскомъ въ основѣ *iske- (др.-ц.-слов. иштетъ, р. ищетъ): ср. др.-в.-нѣм. eiskōn (спрашивать) и др.-инд. icchâti. Основа, представлявшая удвоенный корень, осложнившаяся суффиксомъ -je, сохранилась въ слов. *golgolje- (др.-ц.-сл. глаголѥтъ 3 л. ед. ч. наст. вр.). Суффиксъ *dhe-, который можно предполагать въ виду греческихъ (дорич.) *ἔσ-θω*—ѣмъ, *πλή-θω*—я полонъ, *σχέ-θω* (сослагат. аориста)—удержу, *πελάθω*—приближаюсь и т. п.,—отражается, повидимому, въ слов. *volde- (др.-ц.-сл. владетъ): ср. лит. véldu, гот. walda.

§ 61. Рядомъ съ основами наст. времени находимъ въ словянскомъ глагольныя основы иного рода, которыя можно опредѣлить, какъ основы *инфинитива*; отъ этихъ основъ прибавленіемъ извѣстныхъ формальныхъ элементовъ образуется форма *аориста*.

8. При основѣ настоящаго времени на тематическое e/o—основа *инфинитива* представляетъ a) чистый корень или же b) корень, осложненный прибавленіемъ ā: a) основа инфинитива *ved- при основѣ наст. вр. *vede- (*vesti изъ *ved-ti); основа инфинитива *plu- (изъ *plou̯-) при основѣ наст. врем. *plove- (изъ *plou̯-e-): ср. др.-ц.-сл. плоути—пловетъ; b) основа инфинитива *bьra- при основѣ наст. вр. *bere-: ср. др.-ц.-сл. бьрати—берѫ. При этомъ основа инфинитива безъ -ā характеризуется гласнымъ корня *e* въ тѣхъ случаяхъ, когда въ основѣ наст. вр. коренной гласный находится на ступени редукціи: *ver- при *vьr-e-, *žer- при *žьr-e-, *mer- при *mьr-e-, *verg- при *vьr̥ž-e- (изъ *vьr̥g-e-) и т. п.: ср. др.-ц.-сл. врѣти, жрѣти, мрѣти, врѣшти, при вьретъ, жьретъ, мьретъ, врьжетъ 3 л. ед. ч.

Основа инфинитива съ -ā- характеризуется обычно, въ противоположность предыдущей, гласнымъ корня на ступени редукціи при основѣ наст. вр. съ гласнымъ корня *-e*: бьрати—беретъ, гънати—женетъ и т. п.

9. При основѣ *настоящаго времени* съ суффиксомъ *ne- основа *инфинитива* представляетъ тотъ же корень съ суффиксомъ *nǫ-: коснѫти—коснетъ, двигнѫти—двигнетъ и т. п.

10. При основѣ наст. времени съ суффиксомъ -i, отражающимъ индо-европ. суффиксъ -ei̯ : -i (см. 5 A.), основа инфинитива оканчивается на -ě (изъ -ē): др.-ц.-сл. мьнѣти—мьнитъ 3 л. ед. ч., бъдѣти—бъдитъ, видѣти—видитъ, рѣже—на -a, какъ съпати—съпитъ; первыя ср. съ лит. tek-ě-ti (бѣжать), лат. tacē-re (молчать) и т. п.

Основа наст. врем. съ такимъ же суффиксомъ i, характеризующаяся обычно гласнымъ корня *o* (см. 5 B.), является въ то-же время и основой инфинитива.

11. При основѣ настоящ. врем. съ суффиксомъ -je (см. 6) основа инфинитива представляетъ a) чистый корень или же b) основу на -ě изъ -ē или, наконецъ, c) основу на -a.

Основы, представлявшія чистый корень, могли оканчиваться гласнымъ или согласнымъ: *grě-ti при *grě-je- (др.-ц.-сл. грѣти—грѣжь); *mel-ti при *mel-je-,—др.-ц.-слов. млѣти—мелѣтъ, р. молóть—мéлетъ).

Основы на -ā въ однихъ случаяхъ цѣликомъ входили въ составъ основы настоящаго времени: *dě̄la-ti—*dě̄la-je-tъ,—въ другихъ существовали при основѣ настоящаго времени безъ -ā: *pьs-a-ti—*piše-tъ (изъ *pis-je-tъ), *lizati—*liže-tъ (изъ *liz-je-tъ), *klevet-a-ti—*klevet-je-tъ (др.-ц.-слов. клеветати—клевещетъ). Особый видъ основы инфинитива на -a при основѣ настоящ. времени на -aje- представляетъ основа съ долгимъ кореннымъ гласнымъ, означающая многократный видъ: *mě̄ta-ti, *gnětа-ti,—*mě̄taje-, *gnětaje-. Съ этими основами можно сравнить латыш. mētā-t—бросать и латин. cēlāre—скрывать. Глаголы, въ которыхъ основа наст. времени имѣетъ предъ суффиксомъ -je -u (изъ -oų), въ основѣ инфинитива имѣетъ -ova- (изъ -oų̆a-): *kupov-a-ti при *kupuje-. Основы инфинитива на -ě входили въ основу наст. вр. на -je: *želě-ti—*želě-je-, *imě-ti—*imě-je-.

Примѣчаніе. О глаголахъ этого класса ср. Rozwadowski «Zu den slavischen Iterativa» I. F. IV, 406—412; Sommer «Das slavische Iterativsuffix -vati» I. F. 1900, XI t.; Meillet «Sur les verbes en -ovati, -ujǫ Études» 147—149 c.; Meillet «Slav. želěti, pitěti» M. S. L. XI, 14—15 c.c.

Что касается глаголовъ, указанныхъ въ § 60 (1), коихъ основа наст. времени представляетъ чистый корень или двухсложную базу на -ā, то каждый изъ нихъ нуждается въ особомъ замѣчаніи: къ основѣ настоящ. времени *jes- инфинитивъ образованъ отъ иного корня (*by-ti); основа *ěd- является также основой инфинитива, при основѣ наст. врем. *věd- основа инфинитива *vědě- (*vědě-ti), при основѣ *dad- основа инфинитива *da- (*da-ti), при основѣ *ima- основа инфинитива—также *imě- (*imě-ti).

Личныя окончанія.

§ 62. Словянскій праязыкъ въ общемъ потерялъ особыя окончанія средняго залога, а также спеціальныя окончанія перфекта и повелительнаго наклоненія. Въ словянскомъ находимъ лишь окончанія дѣйствительнаго залога,—первичныя и вторичныя.

Первичныя окончанія, имѣвшія мѣсто въ формахъ настоящаго времени, были слѣдующія.

Въ 1 л. ед. ч. глаголовъ нетематическихъ, т. е. не имѣвшихъ предъ личнымъ окончаніемъ тематическаго гласнаго (o/e), окончаніемъ было -mь, изъ индо-европейскаго -mi: ср. др.-ц.-слов. ѥсмь съ древне-инд. ás-mi, греч. *εἰ-μι*.

Въ глаголахъ тематическихъ окончаніемъ было -o, въ которомъ нельзя отдѣлить собственно окончаніе отъ тематическаго гласнаго. Происхожденіе слов. -o не вполнѣ ясно: иные индо-европ. языки указываютъ на -ō: ср. греч. *φέρω*, лат. ferō, готск. baira, лит. vežù, (изъ *vežũ); вѣроятно, въ словянскомъ форма на -ō получила еще -m, перенесенное изъ прошедшихъ временъ, гдѣ это -m было окончаніемъ 1 л. ед. ч. (вторичное окончаніе); иначе—Лескинъ Gramm. 190 с.

Окончаніемъ 2 л. ед. ч. въ праслов. было въ нетематическихъ основахъ *-si, въ тематическихъ *-ši и *-šь: *jesi изъ *jes-si, *neseši и *nesešь (др.-ц.-сл. ѥси, несеши, р. несешь, чеш. neseš, пол. niesiesz, серб. nȅsēš и т. д.). Эти словянскія окончанія могутъ быть сопоставлены съ индо-европ. окончаніемъ *-si дѣйствительнаго залога (др.-инд. é-ši—идешь, греч. гомеровское *ἐσ-σι*—еси, др.-инд. bhára-si—несешь) и съ окончаніемъ *-sai средняго залога (греч. *τίθε-σαι*, др.-инд. bhára-se—несешь). Такъ какъ и.-евр. *-si должно было дать на словянской почвѣ *sь, то сопоставляютъ слов. -si въ *je-si съ и.-европ. окончаніемъ средняго залога *-sai (то-же—въ балтійскихъ языкахъ: ср. др.-прусс. assai 2 л. ед. ч. съ окончаніемъ средн. залога и т. п.,—ср. Trautmann Die altpr. Spr.-Denk. § 230 и слѣд.). Слов. *šь, которое сохранилось въ видѣ -š во всѣхъ живыхъ слов. языкахъ, могло получиться изъ и.-евр. *-si въ основахъ на -i,—въ силу измѣненія s послѣ i въ ch, а затѣмъ сочетанія -chь въ -šь; подъ вліяніемъ *jesi, *dasi, *vĕsi, *ĕsi при формѣ *rodišь, *mьnišь могла явиться форма *rodiši, *mьniši; изъ основъ на -i флексіи ši, šь могли проникнуть и въ иныя основы: *plete-, *stane-, *melje-, *dělaje- и т. д.

Окончаніемъ 3 л. ед. ч. въ прасловянскомъ языкѣ, повидимому, было *-tь и рядомъ *-tъ: окончаніе *-tь отражается въ древне-русскихъ формахъ на *ть*, тогда какъ др.-ц.-сл. памятники указываютъ на *-tъ формами несетъ, молитъ, дѣлаютъ и т. д.

Окончаніе *-tь является рефлексомъ индо-европейскаго окончанія 3 л. ед. ч. *-ti: ср. др.-инд. ás-ti, греч. *ἐστι*, др.-инд. váha-tí. Что касается окончанія *-tъ, устанавливаемаго др.-ц.-сл. языкомъ, то вопросъ о его происхожденіи вызвалъ цѣлый рядъ объясненій и предположеній.

Наиболѣе правдоподобнымъ должно признать взглядъ на происхожденіе *-tъ въ 3 л. ед. ч. Фортунатова: окончаніе -tъ получилось въ формѣ 3 л. ед. ч. наст. вр. подъ вліяніемъ формъ 3 л. ед. ч. аориста,

сохраненныхъ намъ въ древне-церк.-словянскихъ питъ, побитъ, клатъ, оумьрѣтъ и т. п.; окончаніе *-tъ въ этихъ послѣднихъ, аористныхъ, формахъ—одного происхожденія съ оконч. прусскихъ формъ 3 л. ед. ч. на -ts изъ tas (po-quoitēts, dinkowats, dinkauts и т. п.) и представляетъ не что иное, какъ мѣстоименіе *tъ (изъ *tos), усиливавшее форму 3 л. ед. ч. аориста, съ отпавшимъ фонетически вторичнымъ окончаніемъ -t; разсматриваемое явленіе въ формахъ аориста Фортунатовъ относитъ къ балтійско-словянской эпохѣ (Изв. XIII, кн. 2, 1—44 с.с.; иначе—Leskien Gramm. 190 с., Meillet, Études I, 134 с.).

§ 63. Окончаніемъ 1 л. мн. ч. было въ прасловянскомъ *-mъ: др.-ц.-слов. несмъ, несемъ, р. несемъ и рядомъ *-mo, *-me (ср. серб. и малор. формы на -mo, чеш., болг. діал. и среднеболг. формы на -me). Иные индо-европ. языки указываютъ на *-mos (лат. -mus), *-mes (гр.-дорическое -μες), *-men (греч. -μεν). Объясненіе этихъ окончаній находится въ зависимости отъ взгляда на судьбу сочетанія -os въ конечномъ закрытомъ слогѣ въ праслов. языкѣ; если принять законъ измѣненія -os въ -us, откуда ъ, то праслов. *-mъ можно сравнить съ латинскимъ -mus изъ -mos, тогда какъ *-me можно сопоставить съ греч. -μεν и -μες или лит. -me, въ окончаніи же *-mo пришлось бы въ такомъ случаѣ видѣть индо-европ. варіантъ *-mo, который можетъ скрываться столь-же, сколько и *-me, въ арійскомъ -ma. Иначе—Hujer Slov. Dekl. § 16; ср. R. Sl. V, 107 с.

Окончаніе 2 л. мн. ч. *-te: др.-цер.-сл. несете, соотвѣтствуетъ лит. -te, греч. -τε и др.-инд. -tha.

Въ 3 л. мн. ч. окончаніемъ, полученнымъ изъ индо-европейскаго, было *-nti, причемъ въ положеніи послѣ согласнаго,—въ формахъ отъ основъ нетематическихъ,—n было слоговымъ: *-n̥ti; однако рядомъ съ -tь и въ 3 л. мн. ч.,—повидимому уже въ праслов. языкѣ,—подъ вліяніемъ формы 3 л. ед. ч. получилось -tъ; такимъ образомъ, въ глаголахъ съ нетематической основой наст. вр. въ 3 л. мн. ч. имѣлись формы на *-ętь и *-ętъ, гдѣ ę получилось изъ n̥ (чрезъ посредство -ьn): *dadętь и *dadętъ (изъ *dad-n̥ti), *ědętь и *ědętъ (изъ *ēd-n̥ti); въ глаголахъ тематическихъ съ основой e/o получилось *-ǫtь и *-ǫtъ изъ *-o-nti: *nesǫtь и *nesǫtъ; такъ-же въ нетематическомъ глаголѣ съ основой *es-: *sǫtь и *sǫtъ изъ *s-o-nti (съ полной редукціей гласнаго корня, т. е. его исчезновеніемъ); въ глаголахъ съ основой на -i получилось *-ętь и *-ętъ: *chvalętь и *chvalętъ. Происхожденіе этого -ęt̨ь не вполнѣ ясно, такъ какъ вопросъ о томъ, что давало -in внутри слова, является спорнымъ: ср. выше, § 9. Если считать нормальнымъ рефлексомъ -in въ данномъ положеніи -i, то пришлось бы -ятъ объяснять нефонетически:

оно могло явиться изъ глаголовъ нетематическаго спряженія (ср. дадѧтъ, кѣдатъ, ꙗдатъ); глаголъ *viděti раньше иныхъ могъ получить такое окончаніе 3 л. мн. ч., т. е. схему—*vidjǫ—*vidiši, *viditъ и т. д.—*videtъ, ибо слѣдъ нетематическаго спряженія этого глагола сохранился еще въ др.-ц.-сл. видѧ (повел. накл.). Иначе—Hujer въ L. F. 39 т., 211 и сл.

Форма глаголовъ съ суффиксомъ -jo/-je—*znajontъ дала др.-ц-слов. знаіѫтъ (быть можетъ,—подъ вліяніемъ берѫтъ вм. *znajętъ).

§ 64. Для 1-го лица дв. ч. можно предположить въ праславянскомъ окончаніе: *-vě (др.-ц.-сл. -кѣ), для 2-го л. *-ta (др.-ц.-сл. -та); для 3-го л. др.-ц.-сл. памятники знаютъ -тє и -та; первое преимущественно предъ вторымъ употребляютъ глаголическіе памятники, кирилловскіе же памятники знаютъ второе.

Окончаніе 1 л. *-vě не имѣетъ соотвѣтствій въ иныхъ индо-европ. языкахъ: въ др.-инд. находимъ -vas (вторичное -vā), въ литовскомъ -va; возможно, что слов. окончаніе явилось подъ вліяніемъ формы личнаго мѣстоименія *vě (ср. Leskien Gramm. 192 с.).

Что касается окончанія 2 и 3 л., то окончаніе *-ta можетъ быть сопоставлено съ литовскимъ -ta (2 л.); въ др.-инд. окончаніемъ 2 лица первичнымъ было -thas, вторичнымъ -tam; окончаніемъ 3 л. первичнымъ -tas, вторичнымъ -tām. Долгота гласнаго въ словянскомъ *-ta заставляетъ сопоставлять его съ др.-инд. -tām и греч.-дорич. *ταν* (вторичное окончаніе 3 лица), причемъ отношеніе слов. *-ta къ др.-инд. *-tām таково, какъ и отношеніе слов. *-ma въ дат.-твор. дв. ч. и др.-инд. -bhyām. Словянское -te можетъ быть сопоставлено съ др.-инд. -thas и -tas и греческимъ *-τον* (второго лица первичное и вторичное и первичное 3 лица), т. е. можетъ восходить къ *-tes (ср. древне-инд. -thas, -tas) или же *-ten, въ которомъ гласный e находился въ чередованіи съ -o (греч. *-τον*).

Примѣчаніе. Ср. Meillet «Sur les désinences de 2-e et 3-e personnes du duel en Slave» (Zbornik u slavu Vatroslava Jagića, 1908 г., 201 с.).

§ 65. Вторичныя окончанія употреблялись въ формахъ прошедшаго времени (также въ формахъ желат. наклоненія).

Однако въ словянскомъ особыя вторичныя окончанія, отличныя отъ тѣхъ, кои употребляются въ формахъ наст. времени, имѣются лишь въ 1, 2 и 3 л. единствен. числа и въ формѣ 3 л. мн. ч.

Въ формахъ же 1 и 2 л. множ. ч. и въ формахъ двойств. числа словянскому языку извѣстны лишь тѣ окончанія, которыя разсмотрѣны были выше подъ именемъ первичныхъ, какъ употребляющіяся въ формахъ настоящаго времени.

Окончаніемъ 1 лица ед. ч. было полученное изъ индо-европ. эпохи *-m, затѣмъ отпавшее: слов. *vezъ 1 л. ед. ч. аориста (др.-церк.-слов. **везѫ**) изъ *vezo-m: ср. др.-инд. a-vaha-m, греч. *ἔ-φερο-ν*.

Окончаніе 2 л. *-s и 3 л. *-t также отпали по законамъ словянской фонетики: др.-ц.-сл. **може** 2 л. изъ *moge-s; также въ повелит. наклоненіи (по происхожденію желательномъ): др.-ц.-сл. **веди** изъ *vedoi-s; др.-ц.-сл. **може** изъ *moge-t: ср. др.-инд. ábhara-s—ты несъ; греч. *ἔφερε-ς*; греч. *φέροι-ς* 2 л. ед. ч. желат. накл.; др.-инд. ábhara-t—онъ несъ, греч. *ἔφερε* изъ **ἔφερε-τ*.

Въ 3 л. мн. ч. было получено изъ индо-европейскаго окончаніе *-nt, а послѣ неслогового звука -n̥t: др.-ц.-сл. **падѫ** 3 л. мн. ч. аориста изъ *pado-nt,—ср. греч. *ἔ-φορο-ν* (съ отпаденіемъ t), др.-церк.-слов. **молишѧ** изъ *moli-s-n̥t, откуда *moli-ch-ьnt, а затѣмъ *molišę.

Образованія формъ времени, наклоненія и залога.

§ 66. Формы настоящаго времени, какъ ясно изъ предыдущаго, представляли соединеніе основы настоящаго времени и первичныхъ окончаній. Однако всѣ словянскіе языки, и въ томъ числѣ др.-ц.-словянскій, даютъ указанія на то, что рядомъ съ такими формами наст. времени въ прасловянскомъ существовали также формы 3 л. ед. и мн. ч. со вторичными окончаніями: *neset, *moli-t и т. п., откуда др.-ц.-сл. **несе**, **моли** и т. п., *sont, откуда **сѫ** и т. п.; ср. ниже, § 100. Ср. Изв. XIII, кн. 2, 28 и слѣд.

Изъ формъ прошедшаго времени праслов. языкъ сохранилъ индоевропейскія образованія аориста (основы аориста обозначали дѣйствіе безъ оттѣнка длительности или однократное). Эти образованія двухъ типовъ: аористъ такъ называемый простой и аористъ сигматическій.

Аористъ простой образуется путемъ прибавленія къ основѣ тематическаго гласнаго o/e и вторичныхъ окончаній. Онъ имѣетъ мѣсто только въ тѣхъ глаголахъ, въ которыхъ основа инфинитива (аориста) оканчивается на согласный (ср. выше, § 61); такимъ образомъ, формы настоящаго времени этихъ глаголовъ отличались отъ формъ аориста простого главнымъ образомъ окончаніями, вѣроятно, также мѣстомъ ударенія. Отъ основы инфинитива-аориста *mog- получалась форма 1 л. ед. ч. аориста простого *mog-o-n, 2 л. *mog-e-s, 3 л. *mog-e-t и т. д., откуда получилось затѣмъ — др.-ц.-сл. **могѫ**, **може**, **може**.

Отъ основы *nes- форма аориста, образованная по тому-же принципу, была бы *nes-o-n, т. е. *nesъ, однако въ дѣйствительности такія формы—отъ основъ-корней съ гласнымъ корня -e не засвидѣтельствованы. Имѣются лишь формы 2 и 3 л. ед. ч. *nese, *nese (др.-ц.-сл. **несе**, **несе**),

однако эти формы, какъ и ф.ф. *može, *može, могутъ быть разсматриваемы, какъ остатки старыхъ образованій имперфекта: основа *nes- является въ то-же время основой наст. времени, и старый имперфектъ образовывался отъ этой основы такъ-же, какъ и аористъ простой: ср. греч. *ἔ-φευγ-ο-ν* (имперфектъ) при *φεύγω* (наст. вр.) и *ἔ-φυγ-ον* (аористъ); форма аориста отличалась отъ имперфекта кореннымъ гласнымъ на ступени редукціи при гласномъ *е* аориста.

§ 67. Рядомъ съ формами аориста простого праслов. языку извѣстны были и образованія аориста сигматическаго. Въ этихъ образованіяхъ признакомъ формы аориста являлось -s, откуда и названіе этого типа аориста.

При этомъ сигматическій аористъ въ прасловянскомъ, какъ и въ индо-европейскомъ, имѣлъ разновидности:

А. Суффиксъ могъ являться въ нетематическомъ видѣ -s: ср. др.-инд. á-bhār-š-am 1 л. ед. ч., гдѣ -am получилось изъ -m̥, á-bhār-š-ma 1 л. мн. ч., греч. *ἔ-γραψ-α*, гдѣ въ согласномъ *ψ* имѣемъ соединеніе согласнаго корня и признака -s, а въ *α*—окончаніе 1 л. ед. ч. (m̥).

В. Суффиксъ аориста могъ являться въ тематическомъ видѣ -so/se: ср. др.-инд. á-dik-šā-ma 1 л. мн. ч., греч. *ἔ-γραψε* 3 л. ед. ч., гдѣ въ слогѣ *-ψε* скрывается суффиксъ -se-.

Къ этимъ основнымъ различіямъ можно прибавить еще нѣкоторыя указанія. Въ коренномъ слогѣ основы сигматическаго аориста имѣло мѣсто колебаніе между ступенью удлиненія и ступенью редукціи; первая имѣла мѣсто, повидимому, въ формахъ единств. числа, вторая въ формахъ множ. и двойств. числа дѣйств. залога, также въ формахъ средн. залога: ср. др.-инд. á-rāuts-am 1 л. ед. ч. дѣйств. залога, но á-ruts-i (средн. зал.).

Однако въ этомъ отношеніи очень рано произошли обобщенія, и въ словянскомъ въ образованіяхъ аориста съ удлиненіемъ коренного гласнаго—это удлиненіе проведено во всѣхъ лицахъ.

Оба указанные выше типа сигматическаго аориста отражаются и въ словянскомъ, однако не въ чистомъ, первоначальномъ видѣ: между ними произошло извѣстное сближеніе и взаимное вліяніе, нѣкоторыя формы того и другого типа исчезли совершенно и замѣнились формами аориста простого.

А. Образованіе аориста помощью нетематическаго суффикса -s имѣетъ мѣсто въ словянскомъ какъ отъ основъ-корней (на гласный или на согласный), такъ и отъ основъ на -a, -i, -ě. Однако формы этого типа засвидѣтельствованы въ словянскомъ лишь по отношенію ко 2 л. мн. ч., 2 и 3 л. дв. ч. и 3 л. мн. ч.; при этомъ въ основахъ типа nes-, ved-

коренной гласный является долгимъ, а кромѣ того—въ 3 л. мн. ч. въ извѣстныхъ условіяхъ s (послѣ k, r, i, u) является въ видѣ š, въ силу фонетическаго измѣненія s въ ch, а этого послѣдняго въ š передъ ьn (изъ ѫ).

Такимъ образомъ имѣемъ:

1. 2 л. мн. ч. и 3 л. дв. ч. кѣсте (изъ *vědˑs-te), 2 л. дв. ч. кѣста (изъ *vědˑs-ta), 3 ч. мн. ч. кѣсѧ (изъ *vědˑs-ѫt); пѣсте, пѣста, пѣсѧ (изъ *pēnˑs-te, *pēnˑs-ta, *pēnˑs-ѫt); грѣсте, грѣста, грѣсѧ (изъ *grěbˑs-te, *grěbˑs-ta, *grěbˑs-te, *grěbˑs-ѫt).

2. 2 л. мн. ч. рѣсте (изъ *rěkˑs-te); 2 л. дв. ч. и 3 л. дв. ч. рѣста (изъ *rěkˑs-ta); 3 л. мн. ч. рѣшѧ (изъ *rěkˑs-ѫt, чрезъ посредство *rěkˑch-ьnt); такимъ же образомъ—*mērˑs-te, *mērˑs-ta, *mērˑš-ę (изъ *mērˑch-ьѫt)—ср. др.-ц. сл. мрѣсте, мрѣста, мрѣшѧ.

3. бисте, биста, бишѧ (изъ *biˑs-ѫt чрезъ посредство *biˑch-ьnt).

Подъ вліяніемъ формъ бишѧ, крышѧ, плоушѧ (изъ *ploų-s-ѫt) явилось и (*daste)—дашѧ вм. ожидаемаго *da-sę (изъ *da-s-ѫt).

4. молисте, молиста, молишѧ (изъ *moli-s-ѫt, чрезъ посредство *moli-ch-ьnt).

5. видѣсте, видѣста и, подъ вліяніемъ *moli-š-ę, также видѣшѧ.

Такимъ-же образомъ—подъ вліяніемъ приведенныхъ формъ явились на словянской почвѣ формы *bьraste, *bьrasta, *bьraste, *bьrašę, *dělaste, *dělasta, *dělaste, *dělašę и *minǫste, *minǫsta, *minǫste, *minǫšę.

В. Образованіе аориста помощью тематическаго суффикса -so имѣется въ формахъ 1 л. ед., дв. и множ. числа отъ всѣхъ тѣхъ основъ, которыя во 2 и 3 л. дв. и множ. числа образуютъ формы аориста посредствомъ суффикса -s: 1. кѣсъ 1 л. ед. ч. (изъ *vědˑs-om), кѣсомъ 1 л. мн. ч. (изъ *vědˑso-mъ), кѣсовѣ 1 л. дв. ч. (изъ *vědˑso-vě).

2. рѣхъ 1 л. ед. ч. (изъ *rěkˑso-mъ чрезъ посредство *rěkˑch-ъ), рѣхомъ (изъ *rěkˑso-mъ), рѣховѣ (изъ *rěkˑso-vě).

3. бихъ (изъ *biˑso-m), бихомъ (изъ *biˑso-mъ), биховѣ (изъ *biˑso-vě). Такъ-же—крыхъ, плоухъ, дахъ.

4. молихъ, молихомъ, молиховѣ (изъ *moli-so-m и т. д.).

5. видѣхъ, видѣхомъ, видѣховѣ (изъ *vidě-so-m,—по аналогіи *molichъ, и т. д.).

Такимъ же образомъ—подъ вліяніемъ *molichъ, *molichomъ, *molichově, *bichъ, *bichomъ, *bichově и т. д. явились и *bьrachъ, *bьrachomъ, *bьrachově, *čitachъ, *čitachomъ, *čitachově и *minǫchъ, *minǫchomъ, *minǫchově.

§ 68. С. Кромѣ типовъ А и В на словянской почвѣ явился новый, третій типъ сигматическаго аориста, образующійся помощью суффикса

-os-, который возможенъ лишь отъ основъ на согласный, т. е. отъ основъ, равныхъ корню; таковы основы *nes-, *vez-, *rek-, *id- и т. п.; этотъ же типъ аористическихъ образованій извѣстенъ глаголамъ, имѣющимъ основу наст. вр. на -ne и основу инфинитива на -nǫ: суффиксъ -os- присоединяется непосредственно къ корню. Типъ этотъ является, повидимому, контаминаціей формъ аориста простого и сигматическаго: *greb-o-n и *grēb-s-o-n, откуда *greb-o-son и позже *greb-o-chъ, съ ch, перенесеннымъ аналогіей изъ другихъ формъ.

Парадигма аориста этого типа такъ-же, какъ и предыдущихъ, не представляетъ единства: въ формѣ 1 л. ед., дв. и мн. чиселъ суффиксъ -os получаетъ тематическое -o, т. е. является въ видѣ -oso-, въ формахъ 2 и 3 л. дв. и мн. чиселъ суффиксъ -os является безъ тематическаго -o. При этомъ признакъ аориста -s нефонетически, подъ вліяніемъ иныхъ аористическихъ образованій, какъ *bichъ, *krychъ, *pluchъ, *rěchъ, *merchъ, (съ -er изъ -ēr), *molichъ и т. п., является въ видѣ ch во всѣхъ формахъ, кромѣ 2 л. мн. ч. и 2, 3 л. дв. ч., гдѣ s сохраняется и въ иныхъ типахъ аориста. Такимъ образомъ, имѣются формы съ суффиксомъ -os-o-: ведохъ (изъ *ved-os-o-m) 1 л. ед. ч., ведохомъ (изъ *ved-os-o-mъ) 1 л. мн. ч., ведохокѣ (изъ *ved-os-o-vě) 1 л. дв. ч., а съ другой стороны,— ведосте 2 л. мн. ч. и 3 л. дв. ч., ведоста 2 л. дв. ч., ведошѧ (изъ *ved-os-nt чрезъ посредство *ved-och-ǫt). Точно такъ-же отъ основы *dvig- образуются формы аориста движохъ, движохомъ, движосте и т. д.; эти образованія, очевидно, старше присоединенія къ корню *dvig- суффикса nǫ-, хотя затѣмъ и вошли въ систему формъ глагола *dvig-nǫ.

§ 69. Въ предыдущемъ анализѣ формъ сигматическаго аориста не были упомянуты формы 2 и 3 л. ед. ч.; формы эти нуждаются въ особомъ разсмотрѣніи.

Въ глаголахъ съ основой, равной корню и оканчивающейся на согласный, какъ при формахъ типа A—B, такъ и при формахъ типа C, т. е. при формахъ *nĕsъ, *rĕchъ и при формахъ *nesochъ, *rękochъ форма 2 и 3 л. ед. ч. была одна и та-же: *nes-e, *reč-e (изъ *nes-e-s, *reč-e-s 2 л. ед. и *nes-e-t, *reč-e-t 3 л. ед.). Форма эта, очевидно, не представляетъ сигматическаго образованія аориста, но есть форма 2—3 л. ед. ч. аориста простого или имперфекта.

При 1 л. ед. ч. *bichъ, *krychъ, *pluchъ, *dachъ — форма 2—3 л. ед. ч. являлась въ видѣ *bi, *kry, *plu, *da; при 1 л. *molichъ—*moli, при *vidĕchъ—*vidě, при *čitachъ—*čita, при *minǫchъ—*minǫ (ср. др.-ц.-сл. бихъ —би, крыхъ—кры, плоухъ — плоу, дахъ—да, молихъ—моли и т. д.).

Формы эти допускаютъ различное толкованіе.

Можно видѣть въ формахъ *da, *sta, *bi, *klę и т. д. аористическія образованія несигматическаго типа: *da-s 2 л. ед. ч., *da-t, *sta-s, *sta-t и т. д.,—ср. греч. ἔ-στη-ς, ἔ-στη изъ *ἔ-στη-τ, ἔ-βη-ς, ἔ-βη изъ *ἔ-βητ и т. п. Но столь же возможно, что въ нихъ (формахъ *da, *bi, *sta, *klę и т. д.) кроются сигматическія формы: *da-s-s, *da-s-t, *sta-s-s, *sta-s-t и т. п., такъ какъ формы *sta-s и *sta-s-s, *sta-t и *sta-s-t должны были дать одни и тѣ-же результаты.

Рядомъ съ формами 2—3 л. ед. ч. *da, *bi, *klę и т. п., именно въ тѣхъ случаяхъ, когда форма эта была односложна (наличность или отсутствіе префикса не принимается въ расчетъ)—существовала, вѣроятно, уже въ прасловянскомъ форма съ прибавленіемъ суффикса -tъ, которому въ нѣкоторыхъ формахъ предшествуетъ элементъ -s: *dastъ, *jastъ, *bystъ, *bitъ, *klętъ, *pitъ, *u-mer-tъ и т. п. (др.-ц.-слов. дастъ, ластъ, бистъ, битъ, клатъ, питъ, оумрѣтъ и т. п.). Объ этомъ -tъ ср. выше, § 62. Иначе—Leskien Gramm. 200, Meillet, Études, 138 с.

§ 70. Формы аориста имѣли значеніе прошедшаго времени недлительнаго вида. Для выраженія же прошедшаго съ оттѣнкомъ длительности въ прасловянскомъ языкѣ существовали формы имперфекта, представляющія словянскія новообразованія.

Можно думать, что поводомъ къ появленію этихъ новообразованій послужило совпаденіе въ звуковой сторонѣ имперфекта и аориста простого въ тѣхъ первичныхъ глаголахъ, въ которыхъ было утрачено чередованіе гласныхъ въ корнѣ: ср. аор. *nes-ъ и имперф. *nes-ъ.

Примѣчаніе. Первоначально аористъ такихъ глаголовъ отличался отъ имперфекта именно гласнымъ корня; ср. Фортунатовъ въ Сборн. Отд. LXIV т. (разборъ изслѣдованія Ульянова), 42 с.

Что же касается вопроса, какъ именно и изъ какихъ морфологическихъ элементовъ возникли словянскія новообразованія имперфекта, то вопросъ этотъ доселѣ нельзя признать рѣшеннымъ. Несомнѣнно, формы словянскаго имперфекта сложились уже въ прасловянскую эпоху, такъ-какъ въ общемъ показаніи отдѣльныхъ слов. языковъ по отношенію къ этимъ формамъ сходны.

Въ сравненіи съ формами сигматическаго аориста слов. имперфектъ характеризовался морфологически звуковымъ комплексомъ -ěach-, -aach-: *nesěachъ, *viděachъ, *bьraachъ, *dělaachъ и т. п.

По отношенію къ основѣ первоначально между аористомъ сигматическимъ и новообразованіемъ имперфекта различія не было: и тѣ, и другія формы связаны были съ основами инфинитива; формы имперфекта, связанныя съ основами наст. времени, повидимому, явились позже; ср. др.-ц.-сл. берѫ—бьрати—аор. бьрахъ, имперф. бьраахъ; зокѫ—зъвати—

аор. зъвахъ, имперф. зъваахъ; бесѣдоуѭ—бесѣдовати—аор. бесѣдовахъ—имперф. бесѣдоваахъ; виждѫ—видѣти—аор. видѣхъ—имперф. видѣахъ; ср. др.-чеш. формы имперфекта vidjech, brách, vzyvách, kupovách, др.-пол. siedziesze. Формы, которыя связаны съ основами наст. вр., въ др.-ц.-словянскомъ, относятся главнымъ образомъ къ Супрасльской рукописи, гдѣ въ соотвѣтствіи съ зъвааше Зогр. и Мар. Ев. имѣется зовѣаше, также словѣѣше, бесѣдоуꙗхъ, мелꙗаше, ѥмлꙗаше; въ той же Супр. рук. находимъ и иныя новообразованія, какъ приходѣахѫ вм. стараго прихождаахѫ (подъ вліяніемъ видѣахѫ, несѣахѫ).

Форма имперфекта отъ глаголовъ непроизводныхъ съ основой наст. вр. на -e(o) имѣла суффиксъ -ēach-, если въ корнѣ былъ гласный e, o: ср. др.-ц.-сл. несѣахъ, можаахъ (изъ *mogēachъ) и лит. nesziaũ—nẽszė; если же гласный корня представлялъ ступень редукціи, то суффиксъ былъ -aach-: ср. бьраахъ, жьдаахъ и лит. lìpo, bùvo, sùko (ср. Фортунатова разборъ Ульянова, 57—58 с.).

Форма имперфекта отъ глаголовъ съ основой наст. вр. на -ne и основой инфинитива на -nǫ—аналогична формѣ отъ глаголовъ съ основой наст. вр. на -e: ср. др.-ц.-сл. съхнѣахъ: *sъchne- и несѣахъ: *nese-. Глаголы съ основой на -i въ наст. вр. и инфинитивѣ, имѣвшіе въ 1 л. ед. ч. основу на -jo, получили въ формѣ имперфекта i̯ или j предъ -ēach-: *moljǫ—*moliti—*moli̯ēachъ, откуда *moljaachъ,—ср. др.-ц.-сл. молꙗахъ, рождаахъ.

Существеннымъ отличіемъ имперфекта отъ аориста является тематическая форма суффикса -ēach-, -aach-, во всѣхъ лицахъ: -ēachъ (изъ *-ēachon), -ēaše (*изъ *-ēache-s), -ēaše (изъ *-ēache-t), -ēachomъ, -ēašete, -ēachǫ (изъ -ēacho-nt) и т. д.

Въ рѣшеніи вопроса, что такое представляетъ по своему происхожденію -ēach-, -aach- имперфекта, можно различить два направленія: одни изслѣдователи видятъ въ словян. формѣ имперфекта сложеніе, второю частью котораго является нѣкогда самостоятельная форма прош. времени отъ корня es- (быть), другіе видятъ въ комплексѣ -ēach-, -aach- лишь совокупность морфологическихъ признаковъ, не имѣвшихъ самостоятельнаго значенія, а въ самой формѣ имперфекта разновидность сигматическаго аориста. Послѣднее мнѣніе можно признать болѣе вѣроятнымъ.

Примѣчаніе. По вопросу объ имперфектѣ ср. Wiedemann «Beiträge zur altbulgarischen Conjugation» 113—126, Vondrák въ B. B. XXIX, 295—305 и Vergl. Slav. Gr. II, 167 и слѣд.; Jagić Arch. XXVIII, 27—35; Baudiš I. F. XXIII, 135—151 с. На русскомъ языкѣ обзоръ теорій до 1905 г. у Грунскаго «О происхожденіи имперфекта др.-церк.-слов. памятниковъ». Уч. Зап. Юрьев. унив. 1905 г. Къ числу ученыхъ, которые видятъ въ словянскомъ имперфектѣ

сложеніе, аналогичное латинскому faciēbam, относятся Bopp. Vergl. Gr. II³, 403 с., Schleicher Formenlehre der ksl. Spr. 369 и сл. и Compendium⁴, 825 с., Даничичъ Историја облика 299 и сл., J. Schmidt K. Z. XXVI, 394 и слѣд., Wiedemann Beitr. zur altbulg. Conjug. 124 с., Ягичъ Arch. XXVIII, 33 с., Leskien Gramm. 196 с., Meillet Études, 140 с. Къ числу противниковъ этой мысли, стремящихся объяснить слов. имперфектъ безъ помощи сложенія, принадлежатъ Брандтъ Р. Ф. В. VI, 259—264, 335 и слѣд., Соболевскій Р. Ф. В. VII, 269 и слѣд., Ульяновъ Основы, 183 и сл., Фортунатовъ въ разборѣ сочиненія Ульянова «Значенія глагольныхъ основъ въ литовско-славянскомъ языкѣ» Сборн. отд. LXIV (и отдѣльно, 1897 г.), 39—42 и 55 и сл., Horák L. Fil. XXIX, 232—238 сс. (Vondrák въ B. B. XXIX, иначе въ Vergl. Sl. Gr.), Baudiš въ I. F. XXIII, 135 и сл.

По мнѣнію Baudiš'a, слов. *nesēachъ, *vidēachъ, *zijaachъ заключаютъ въ себѣ основы инъюнктива *nesēa- *vidēa-, *zijaa-, которыя онъ сравниваетъ съ литов. veizdėjo, žijójo и латин. videa- въ videam (подъ инъюнктивомъ разумѣются лишенныя приращенія формы изъявит. наклоненія, соотвѣтствующія формамъ съ приращеніемъ; они употреблялись отчасти въ смыслѣ прош. времени); эти основы инъюнктива на -ējā, -ājā нельзя, конечно, приписать индо-европ. эпохѣ, но изъ старыхъ элементовъ, которые находимъ въ индо-европ. основахъ инъюнктива на -ē и на -ā, по мнѣнію Baudiš'a, возникли вторичныя основы на -ējā и -ājā.

Отличительная черта имперфекта,—тематическая форма суффикса,—не характеризуетъ слов. формы *bĕchъ (др.-ц.-сл. бѣхъ, бѣ, бѣ); но эта форма, хотя и употреблялась въ значеніи имперфекта, по своему происхожденію была формой аориста отъ основы *bhųe-, въ словянскомъ *bĕ-; ср. прусс. be, bēi.

§ 71. Старыя индо-европ. формы перфекта, давнопрошедшаго и будущаго исчезли въ словянскомъ. Отъ формъ перфекта въ словянскомъ осталась лишь форма *vědě (др.-ц.-сл. вѣдѣ) съ окончаніемъ 1 л. ед. ч. средняго залога -ě изъ и.-евр. -ai (ср. др.-инд. tu-tud-ē, лат. tutud-ī).

Указанія на праславянскій рефлексъ индо-европ. формы будущаго времени сохранились лишь въ скудныхъ остаткахъ причастія будущаго времени бꙋдѫ—бꙋдѫштн—бꙋдѫ въ древне-русскихъ спискахъ церковно-слов. текстовъ; эти причастныя формы предполагаютъ форму будущаго времени съ суффиксомъ -s: *bysiǫ, *bysiši, *bysitъ и т. д., откуда затѣмъ *byšǫ, *byšiši, *byšitъ и т. д. (-y+s>—y+ch>—y+š); ср. лит. búsiu, bús (i), búsiva, búsita, búsime, búsite.

Примѣчаніе. Ср. Ягича въ Arch. XXVIII, 35—36 с.с., гдѣ собраны примѣры причастій отъ основы будущаго времени.

Взамѣнъ исчезнувшихъ формъ перфекта, давнопрошедшаго и будущаго въ праслов. языкѣ были созданы новые способы выраженія соотвѣтствующихъ грамматическихъ категорій. Форма перфекта выражалась соединеніемъ причастія прошедшаго на -lъ съ глаголомъ *jesmь: ср. др.-ц.-сл. пришьлъ ѥсмь и такіе же обороты др.-русскаго, сербскаго, польскаго и чешскаго языковъ. Категорія давнопрошедшаго нашла себѣ вы-

раженіе въ соединеніи того же причастія на -lъ съ формой имперфекта *bĕachъ. Форма будущаго времени представляла соединеніе инфинитива съ формой наст. времени глаголовъ *bǫdǫ, *imamь, *chotjǫ, *pačьnǫ. Въ то же время значеніе будущаго получила форма настоящаго отъ глаголовъ совершеннаго (перфективнаго) вида.

§ 72. Изъ старыхъ формъ наклоненій, полученныхъ изъ индо-европ. языка, словянскій сохранилъ лишь формы изъявительнаго наклоненія и формы желательнаго наст. вр., получившія на словянской почвѣ значеніе повелительнаго, причемъ формы 1 л. ед. и 3 л. мн. ч. не оставили слѣдовъ.

Суффиксомъ желательнаго наклоненія въ глаголахъ тематическаго спряженія было -i, а въ глаголахъ нетематическихъ *-jē, а на ступени редукціи -ī.

Въ основахъ наст. вр. на e/o (и no/ne) формы желательнаго наклоненія представляли, такимъ образомъ, основу на -oi- съ прибавленіемъ вторичныхъ окончаній: 2 л. ед. *beroi-s, 3 л. ед. ч. *beroi-t, откуда др.-ц.-сл. бери 2 и 3 л. ед. ч., во множ. ч. *beroi-mъ (1 л.), *beroi-te 2 л., откуда др.-ц.-сл. берѣмъ, берѣте, въ двойств. ч. *beroi-vě, *beroi-ta— др.-ц.-сл. берѣкѣ, берѣта. Въ формахъ единств. числа -i изъ oi связано съ извѣстнымъ качествомъ долготы.

Въ основахъ наст. времени на -jo/je изъ -joi получилось -jei, откуда -ji во всѣхъ формахъ: пиши изъ *pisjo-i-s, *pisjo-i-t и т. д.

Въ глаголахъ нетематическаго спряженія суффиксъ ī (на ступени редукціи) находимъ въ формахъ множ. и двойств. числа: др.-ц.-сл. ядимъ, ядите; дадимъ, дадите, но во 2 и 3 л. ед. ч. находимъ *vědjь, *jadjь, *dadjь (др.-ц.-сл. иждь, даждь, кѣждь, др.-чеш. jěz, daz, věz), р. ѣшь (изъ ѣжь), между тѣмъ такія формы не могли бы получиться чисто фонетическимъ путемъ изъ *dad-i̯ē-s, *dad-i̯ē-t. Происхожденіе формъ *dadjь, *vědjь, *jadjь неясно.

Примѣчаніе. Быть можетъ, форма *věd-jē получила вм. -ē—ī изъ формы повел. накл. *věd-dhi. Иначе—Vondrák «Die imperative daždĭ, věždĭ u. s. w. und die Genitive rabŭ, ženŭ, selŭ u s. w.» въ Arch. XX, 54 с. и въ Сборн. Ламанскаго I, 191 с. Форму даждь (Син. Мол.) не считаемъ старой; иначе—Horák въ Arch. XX, 409 с.

Въ основахъ наст. времени на -i формы желательнаго (повелительнаго) представляли также основы на -i съ присоединеніемъ вторичныхъ окончаній: *chvali, *chvalimъ, *chvalite и т. д. (др.-церк.-слов. хвали—хвалимъ—хвалите и т. д.). Это -ī получилось, повидимому, изъ стяженія -ī основы наст. времени и того-же суффикса желат. накл., который находимъ въ формахъ *dadimъ, *dadite и т. п.

Примѣчаніе. Ср. Meillet, Études, 143—145 с.с. Характеръ слогоударенія въ -i повелительнаго накл. былъ иной, чѣмъ въ изъявительномъ: ср. р. хва́лите и хвали́те и серб. chvâlī—chvâlī-te изъявител. накл. и chváli—chválite повелит.

Для выраженія условнаго наклоненія, повидимому, еще въ прасловянскомъ употреблялось соединеніе причастія прош. вр. на -lъ съ формой *bimь, *bi, *bi, *bimъ 1 л. мн. *bǫ 3 л. мн., которая представляетъ прош. вр. отъ основы *bhu̯ei- или *bhu̯ī- (корень *bhū-); въ 1 л. ед. ч. -mь, вѣроятно,—подъ вліяніемъ *jesmь; 3 л. мн. ч. *bǫ изъ *bhu̯ānt или *bhu̯ont; въ др.-цер.-слов. подъ вліяніемъ аориста бꙑсте, бꙑшѧ явилось бисте (вм. ожидаемаго *бите) и бишѧ.

§ 73. Категорія залога, поскольку она не выражается самой глагольной основой (ср. *nes-ti, *vidě-ti, *sъpa-ti, *bъdě-ti), имѣетъ свое выраженіе въ прибавленіи возвратнаго мѣстоименія *sę (вин. п.) къ формѣ дѣйствит. залога для обозначенія средняго или страдательнаго: ср. др.-ц.-сл. чьтетъ и чьтетъсѧ. Категорія страдат. залога выражается также соединеніемъ причастія прош. страд. залога съ формой глагола *jesmь—*byti: оубиѥнъ бꙑстъ и т. п.

Всѣ эти способы выраженія категоріи залога, какъ видно изъ согласныхъ показаній отдѣльныхъ слов. языковъ,—прасловянскаго происхожденія.

Именныя формы глагола.

§ 74. Именными формами глагола, т. е. формами склоняемыми, или же первоначально склоняемыми, вошедшими въ систему глагольныхъ формъ, являются формы инфинитива, супина и причастій.

Формы инфинитива и супина представляютъ окаменѣлыя падежныя формы существительныхъ, произведенныхъ отъ глагольныхъ основъ. Суффиксъ инфинитива въ прасловянскомъ -ti (ср. лит. -ti) представляетъ форму мѣстнаго падежа отъ существительнаго съ основой на -ĭ (им. ед. ч. -tis), (иначе—Hujer Slov. Dekl., 144 с., Lorentz Arch. XIX, 343 с.). Форма супина, соотвѣтствующая балтійской на *-tun изъ *-tum, латинской на -tum, представляетъ, повидимому, вин. п. ед. ч. отъ основы на -ŭ (-tŭ): *nes-tъ, *pi-tъ, *vidě-tъ и т. д.

Формы причастія настоящаго времени образовывались помощью суффикса -nt; основы причастій отъ глаголовъ съ тематическимъ гласнымъ o/e оканчивались на -ont; основы глаголовъ на jo—je оканчивались на -jont и основы глаголовъ на -i—на -int. Форма им. п. ед. ч. муж. рода оканчивалась на -y въ первомъ случаѣ (др.-ц.-сл. несꙑ), во второмъ на -jǫ (др.-ц.-сл. знаѩ), въ третьемъ—на -ę (др.-ц.-сл. молѧ).

Форму на -y (*nesy) большинство ученыхъ объясняетъ изъ -onts, откуда съ упрощеніемъ группы согласныхъ -ons и затѣмъ -y, подобно

формѣ вин. п. мн. ч. основъ на -o (ср. выше, § 44). Иначе—Zubatý, Arch. XV, 503 с. Подробнѣе см. у Hujer'a Slov. Dekl. § 43—44.

Формы им. п. м. р. ед. ч. на -jȩ (*znajȩ др.-ц.-сл. знаѭ) объясняются изъ -jonts (> -jons),—ср. вин. п. мн. ч. коньѫ изъ *konjons.

Тѣ-же формы отъ глаголовъ съ основой настоящаго времени на -i оканчивались на -ę, которое восходитъ къ первоначальному -ints: *molę (др.-ц.-сл. молѧ). Фонетически изъ -ints должно было получиться -ī: ср. *gosti вин. мн. ч. изъ gost-ins; должно думать поэтому, что -ę въ формѣ *molę и т. п. явилось изъ формъ косвенныхъ падежей (*molętja и т. д.); что касается происхожденія -ę въ послѣднихъ, то оно связано съ -ę въ 3 л. мн. ч. молѧтъ,—ср. выше, § 63.

Форма причастія им. п. ед. ч. ср. рода отъ глаголовъ съ основой настоящаго времени на -o/e оканчивалась, какъ и форма муж. р.,—на -y: *vedy (др.-ц.-сл. вѣды) хотя иные индо-европ. языки указываютъ на -n̥t и -ont (др.-инд. bhárat, греч. *φέρον*, лит. vežą); ни изъ -n̥t, ни изъ -ont не могло получиться -y.

Такимъ образомъ, форма им. п. ед. ч. ср. р. *vedy является нефонетической, и появленіе ея объясняютъ вліяніемъ совпаденія формъ им. ед. ч. муж. и ср. рода въ глаголахъ типа *znati и типа *moliti, гдѣ это совпаденіе болѣе отвѣчало фонетическимъ законамъ: *znajont—дало *znajȩ, *molint (фонетически или нефонетически)—*molę; ср. Leskien Gramm. 205 с. Иные изслѣдователи указываютъ на вліяніе совпаденія формъ им. п. ед. ч. мужескаго и средняго рода причастія прошедшаго врем.: ср. ниже. (Такъ Meillet, De quelques innovations 18, Brugmann Grundriss II², 2, 147 с.). Форма прич. наст. вр. ж. р. представляла основу, осложненную суффиксомъ -i̯ā, который въ им. п. ед. ч. являлся на ступени редукціи, т. е. въ видѣ -ī: ср. др.-ц.-сл. берѫшти, знаѭшти, молѧшти (шт изъ -tj). Косвенные падежи муж. и ср. рода также получили добавочный суффиксъ -i̯o и склоняются, какъ конь, поле: берѫшта, знаѭшта, молѧшта род. п. ед. ч. и т. д.

Старая форма им. п. мн. ч. м. р. *berǫte (склоненіе основъ на согласный) также получила tj вм. t подъ вліяніемъ иныхъ падежей: берѫште (также знаѭште, молѧште).

Примѣчаніе. Изъ формы *znajont-ja ожидали бы *znajentja и затѣмъ *znajętja; быть можетъ, *znajǫt- получилось подъ вліяніемъ *berǫt-.

Формы прич. прош. вр. образовались помощью суффикса -u̯os/u̯es, на ступени редукціи -us, откуда въ словянскомъ -ъ: др.-цер.-слов. вѣдъ изъ *ved-us (ср. др.-инд. vidús). Послѣ гласныхъ находимъ -vъ изъ -vъs: др.-ц.-сл. видѣвъ; -v могло получиться изъ -u̯ въ тѣхъ формахъ, гдѣ

суффиксъ являлся въ видѣ -ŭos/-ŭes, затѣмъ обобщиться,—ср. J. Schmidt K. Z. XXIII, 366 с.; иначе—Ляпуновъ, Формы склоненія, 67 с., Brugmann Grundr. II, 1, 572 с. Им. п. ед. ч. ср. р. **ведѫ** могъ получиться изъ -os: ср. греч. *εἰδός*. Форма ж. р. **ведѫши** представляетъ осложненіе причастной основы суффиксомъ -i̯ā̆,—въ им. п. ед. ч. на ступени редукціи, т. е. ĭ: *ved-ъs-ĭ (>*vedъchĭ>*vedъšĭ); род. пад. — **ведѫшѧ** изъ *ved-ъsi̯ę, ср. *zemi̯ę—др.-ц.-сл. **землѧ** и т. д. Въ косвенныхъ падежахъ муж. и средн. рода также находимъ добавочный суффиксъ -i̯o: **ведѫша** изъ *vedъsi̯a, **ведѫшоу** изъ *vedъsi̯u и т. д. Форма им. мн. ч. м. р. сохранила еще флексію стараго склоненія на согласный: **ведѫше** (*vedъs-e>*vedъche>*vedъše). Отъ глаголовъ типа **молити** при **молѧ** находимъ **моль**—изъ *moli̯-ъs (-i предъ гласнымъ является неслоговымъ).

Функцію причастія дѣйств. залога прош. времени получила также именная форма съ суффиксомъ -lъ (женск. р. -la, ср. р. -lo): др.-ц.-сл. **видѣлѧ**, **молилѧ**, **читалѧ** и т. д. Эта форма причастія, повидимому, уже въ праславянскомъ потеряла склоненіе и измѣнялась лишь по родамъ и числамъ.

Форма причастія наст. вр. страд. залога образуется помощью суффикса -mo-: **ведомѧ**, **движномѧ**, **знаемѧ**, **молимѧ**: ср. балт. sùkamas.

Форма прич. страд. залога прош. времени образуется помощью суффикса -to или суффикса -no; ср. лит. -tas и -nas, причемъ формы на -nas теперь извѣстны лишь какъ прилагательныя. Суффиксъ -to образуетъ причастія страдат. отъ глаголовъ съ основой инфинитива на носовой, r или гласный корня: *klьnǫ—*klęti—*klę-tъ: др.-ц.-слов. **клѧтъ**, *stьrǫ—*sterti—*stьr̥tъ: др.-ц.-сл. **стрьтъ**, *bьjǫ—*biti—*bitъ: др.-ц.-сл. **битъ**, *pojǫ—*pěti—*pětъ: др.-ц.-сл. **пѣтъ**.

Первоначально суффиксъ -tъ былъ, повидимому, болѣе распространенъ: ср. др.-ц.-слов. **отъкрыстъ** (корень *vьr̥z-), **оукласти** (корень *vęz-) и лит. kéltas, riñktas отъ keliù—kélti, renkù—riñkti (ср. Leskien Gramm. 210 с.). Суффиксъ -no находимъ при основахъ инфинитива на -a, -ě: **читанъ**, **данъ**, **сѣнъ**, **бьранъ**, **коупованъ**, **писанъ** (**пьсанъ**), **видѣнъ**, также при основѣ инфинитива на -l: *kolti—*koljǫ—*kolnъ: др.-ц.-слов. **клanъ**; въ иныхъ случаяхъ онъ присоединенъ къ основѣ настоящаго вр. на -e: др.-ц.-сл. **веденъ**, **жьренъ**, **движенъ**, **бьенъ**; аналогичны формы — **крьвенъ**, **забъвенъ** отъ исчезнувшихъ основъ *krъve- *bъve-; быть можетъ, отсюда былъ отвлеченъ суффиксъ -eno, который находимъ въ формахъ **коренъ**, **коленъ** (при **клanъ**); отъ основы на -je-образована форма причастія страдательнаго также въ глаголахъ съ основой инфинитива и наст. врем. на -i: др.-ц.-сл. **хвалѥнъ**, **молѥнъ**.

II. Формы древне-церковно-словянскаго языка.

§ 75. Судя по дошедшимъ до насъ древнѣйшимъ церковно-словянскимъ памятникамъ, языкъ Кирилла и Меѳодія IX вѣка въ общемъ сохранялъ унаслѣдованныя изъ праславянскаго языка отношенія въ области формъ со значительной вѣрностью, но въ то-же время эти памятники заключаютъ въ себѣ вмѣстѣ съ немногими измѣненіями весьма древняго происхожденія черты новыя, характеризующія болгарскій языкъ XI столѣтія. Бо́льшая часть этихъ новыхъ явленій относится къ области склоненія.

Склоненіе именъ.

Въ склоненіи именномъ въ древне-церковно-словянскомъ можно различить тѣ-же 6 главныхъ типовъ, что и въ праславянскомъ: 1) склоненіе основъ на согласный, 2) склоненіе основъ на -ū, 3) склоненіе основъ на -i, 4) склоненіе основъ на -u, 5) склоненіе основъ на -ā и 6) склоненіе основъ на -o. Система падежей, родовъ и чиселъ древне-церковно-словянскаго языка совпадала съ праславянской.

Примѣчаніе. О церковно-словянскомъ склоненіи, кромѣ указанныхъ работъ Ляпунова и Гуйера, ср. Scholvin «Beiträge zur Declination in den pannonisch-sloven. Denkmälern» въ Arch. für Slav. Phil. II, 482—569.

Склоненіе основъ на согласный.

§ 76. Къ основамъ на согласный относились слѣдующія имена.

а) имена муж. р. съ основой на -n, какъ дьн-, камен-, корен-, пламен-, ремен-, степен-, ѥлен-; нѣкоторыя изъ нихъ, какъ пламен-, содержатъ въ основѣ суффиксъ -men.

Сюда же относятся *въ формахъ множ. числа* имена муж. р., содержащія въ формахъ единственнаго числа сложный суффиксъ -ino- и обозначающія общественное положеніе или національность лица. Во множественномъ числѣ такія имена не имѣли суффикса -ino- и склонялись, какъ имена съ основой на согласный. Таковы имена: болꙗринъ, гражданинъ, властелинъ, жѧтелꙗнинъ (*жнецъ*) и имена собственныя,— галилѣꙗнинъ, жидовинъ, иѥроусалимлꙗнинъ, гоморꙗнинъ, иродиꙗнинъ, ѥгюп-

тѧнинъ, корунѳѧнинъ, римлѧнинъ, персинъ, роуминъ, содомлѧнинъ, сраци-нинъ, солоунѧнинъ, херсонѧнинъ. Не всѣ эти имена однако представлены въ памятникахъ формами множ. числа съ флексіями основъ на согласный.

Сюда же относятся имена муж. рода съ суффиксомъ -teljo- и -arjo-, сохранившіе слѣды склоненія во множественномъ числѣ по типу именъ съ основой на согласный. Таковы: мꙑтарь, цѣсарь, благодѣтель, дѣлатель, жѧтель, съвѣдѣтель, тѧжатель, законооучитель, подражатель, мѫчитель, писатель, родитель, съказатель, самодрьжитель, хранитель, свѧтитель.

b) Имена средняго рода съ основой на -n, отчасти содержащія суффиксъ -men: имен-, врѣмен-, брѣмен-, чисмен-, писмен-, сѣмен-, племен-, слѣмен- (бревно, балка), тѣмен-.

c) Имена средняго рода съ основой на -t, содержащія въ основѣ суффиксъ -ęt: агнѧт-, клюсѧт- (вьючное животное), козьлѧт-, осьлѧт-, отрочѧт-, овьчѧт-, жрѣбѧт-.

d) Имена средняго рода съ основой на -s: чюдес-, лютес-, (трудъ, усиліе), колес-, небес-, словес-, дивес-, дѣлес-, дрѣвес-, истес-, (истеса— почки), личес-, очес-, тѣлес-, оушес-.

e) Имена женскаго рода съ основой на -r: матер-, дъштер-.

a.

	Ед. ч.	*Мн. ч.*
Им.	камꙑ, дьнь	— дьне
Вин.	камень, дьнь	камени, дьни
Род.	камене, дьне	каменъ, дьнъ
Дат.	камени, дьни	каменьмъ, дьньмъ
Твор.	каменьмь, дьньмь	каменьми, дьньми
Мѣстн.	камене, дьне	каменьхъ, дьньхъ.

Двойств. ч.

Им.-Зв.-Вин.	камени, дьни
Род.-Мѣстн.	— дьноу
Дат.-Твор.	каменьма, дьньма.

Основы на согласный, какъ указано выше (§§ 49, 50, 51, 52), еще въ прасловянскую эпоху подверглись вліянію основъ на -i и въ нѣкоторыхъ падежахъ имѣли тѣ-же флексіи, что и послѣднія.

То-же вліяніе имѣло мѣсто и въ др.-церк.-словянскомъ языкѣ въ рядѣ иныхъ падежей.

Такъ, старое окончаніе *им. п. ед. ч.* ꙑ основъ на -n сохранилось лишь въ двухъ именахъ: камꙑ и пламꙑ и притомъ только въ Супр. рук., въ остальныхъ же памятникахъ—старая форма имен. падежа была вы-

тѣснена формой вин. п.: дьнь, ремень, степень, корень, камень, пламень. Можно думать, что эта замѣна произошла прежде всего подъ вліяніемъ тожества им. и вин. п. ед. числа въ основѣ на -і (гость), по аналогіи отношеній камени : гости, каменьмь : гостьмь, каменьмх : гостьмх, каменьхх : гостьхх; эта аналогія поддерживалась такимъ же совпаденіемъ им. и вин. ед. въ основахъ на -о и- u (рабх, сынх).

Подъ вліяніемъ тѣхъ же основъ на -і, при старой формѣ *род. п. ед. ч.* на -е, явилась новая,— на и; въ Супр. рук. камени, въ Мар. крѣмени, въ Зогр. Мар. Асс. Супр. Остром. дьни; такія формы на и обычны въ Син. Пс. и Син. Тр.

То-же—въ формѣ *мѣстн. п. ед. ч.:* (при формахъ на е) въ Зогр. камени, въ Ассем. пламени, камени, корени, въ Савв. пламени, въ Супр. дьни, пламени, камени, въ Остр. дьни—обычно.

Въ *им. п. мн. ч.* старое окончаніе -е засвидѣтельствовано памятниками лишь для имени дьнь и для именъ на -инх, -арь, -тель, склонявшихся по типу именъ на согласный лишь во множ. числѣ; но рядомъ съ формой дьне имѣется въ памятникахъ и новая—дьньѥ, дьниѥ, получившаяся подъ вліяніемъ соотвѣтствующей формы основъ на -і -гостьѥ, (гостиѥ); дьньѥ и дьниѥ встрѣчается въ Зогр., Асс. Супр., Савв., Остром.

Примѣчаніе. Примѣры формы им. п. мн. ч. -е отъ именъ на -инх, -арь, -тель: въ Зогр. иероусалимлѣне, галилѣане, граждане, самарѣне, римлѣне, жидове, сѫкѣдѣтеле, дѣлателе, мѵтаре, тѫжателе, благодѣтеле; въ Glag. Cloz. жидове, мѵтаре; въ Ассем. самарѣне, римѣне, граждане, жителѣне, иероусалимлѣне, сѫкѣдѣтеле, мѵтаре, цѣсаре, дѣлателе, оучителе, законооучителе; въ Супр. граждане, жителѣне; болѣре, властеле, жидове, господьпане, римьпане, херсонѣне; въ Савв. мѵтаре, дѣлателе, иерусалимлѣне, дѣлателе, подражателе, слоковписателе, шарописателе, хранителе, цѣсаре, самодрьжителе, сѫкѣдѣтеле, сказателе, мѫчителе, родителе, въ Мар. мѵтаре; въ листкахъ Ундольскаго жателе. Въ формахъ на -аре, -теле мягкость согласныхъ перенесена аналогіей изъ формъ единственнаго числа.

Въ формѣ *род. п. мн. ч.* такимъ же образомъ по аналогіи гостии или гостьи является форма дьнии или дьньи. Въ род. п. дв. ч. при дьноу встрѣчается форма дьнью, дьнию, въ Остр. дьниѫ (ѫ вм. ю); въ Супр. также ѥленію.

Съ другой стороны, наблюдаются однако случаи, правда единичные, вліянія на имена муж. рода съ основой на согласный со стороны основъ муж. рода на -о: въ Зогр. встрѣчается форма твор. п. мн. ч. дьнъı (Мар. XIV, 58; Іоа. II, 19) рядомъ со старой формой дьньми.

Вѣроятно, флексія -ꙑ на мѣстѣ -ьми явилась раньше въ именахъ на согласный средняго рода, подвергавшихся вліянію основъ сред. рода на -о и въ иныхъ падежахъ (ср. ниже, § 77); отсюда,—изъ именъ сред. рода съ основой на согласный, флексія -ꙑ могла проникнуть и въ имена муж. рода.

Примѣчаніе. Въ формахъ дат. п. мн. ч., твор. п. ед. ч., мѣстн. п. мн. ч. флексіи -ьмъ, -ьмь, -ьхъ въ нѣкоторыхъ памятникахъ являются въ видѣ -емъ, -емь, -ехъ въ силу фонетическаго измѣненія ь въ е въ закрытомъ слогѣ. Встрѣчающаяся въ Син. Пс. форма камни мѣстн. п. ед. ч. при камень, какъ и русское *камня, камню* и т. д., возникло по аналогіи отношеніи день (изъ дьнь) -дьни (въ русскомъ *день: дня*); иначе—Лескинъ Handbuch[5], 70 с.; отсюда и камьньѣ род. п. ед. ч. отъ каменьіе, если это не простая описка; приводимыя Лескиномъ l. c. крѣмна, знамнеі могутъ быть описками. Впрочемъ, ср. латыш. akmins—камень при akmens.

§ 77. b—c—d.

	Единств. ч.	*Мн. ч.*
Им.-Вин.-Зв.	има, отроча, слово.	имена, — , словеса.
Род.	имене, отрочате, словесе.	именъ, отрочатъ, словесъ.
Дат.	имени, — , словесн.	именьмъ, — , словесьмъ.
Твор.	именьмь, — , словесьмь.	— , — , словесꙑ.
Мѣстн.	имене, отрочате, словесе.	именьхъ, — , словесьхъ.

Двойств. ч.

Им.-Вин.-Зв.	именѣ,	— ,	словесѣ
Род.-Мѣстн.	— ,	— ,	словесоу
Дат.-Твор.	именьма,	— ,	— .

Какъ и въ формахъ на согласный муж. рода, при формахъ род. п. и мѣстн. п. ед. ч. на -е встрѣчаются и формы на -и, какъ крѣмени род. ед. въ Мар., имени, крѣмени мѣстн. п. въ Остром., отрочати мѣстн. ед. въ Мар., жрѣбати мѣстн. п. въ Супр., словесн род. п. въ Асс. (рѣдко) и Син. Псалт., Син. Требн. (послѣдовательно).

Съ другой стороны, имена сред. рода съ основой на согласный сближались съ основами на -о средняго рода; поэтому вмѣсто ожидаемаго тѣлесьми находимъ лишь формы тѣлесꙑ и т. п. (ср. селꙑ); въ силу того же вліянія основъ на -о находимъ въ памятникахъ формы им.-вин.-зват. дв. ч. именѣ, тѣлесѣ (ср. селѣ).

Наконецъ, сближеніе основъ на согласный средняго рода и основъ сред. р. на -о сказывается въ колебаніяхъ въ склоненіи однихъ и тѣхъ же именъ между основой на -s и основой на -о.

Такъ, рядомъ съ формами тѣла род. ед. (Зогр., Клоц., Асс., Супр., Остр.), тѣлоу дат. ед. (Клоц., Остром., Савв.), тѣломь твор. п. ед. ч. (Клоц., Супр., Зогр,, Савв.), тѣхмь (Остром.) или лицемх, лици, лица (Савв.). дрѣка (Савв.), дрѣкхмх (Пражск. лл.) и т. п. находимъ—дрѣкесе, дрѣкеса, дрѣкесѣхъ, личесе, личеса, тѣлесе, тѣлесьмь, тѣлеси, тѣлеса и т. п. (см. Scholvin Arch. II, 497, 534 и сл.); рядомъ съ небеса, слокесе, очеси, чоудеси и т. п.—нбоу дат. ед., слока вин. мн., слокомь твор. ед., оцѣ мѣстн. ед. Зогр., слокомь твор. ед., оцѣ мѣстн. ед. Мар., слокоу дат., слокомь твор. Асс., слока род. ед., слокоу, чоудоу, небоу дат. ед., слокомь твор. ед., слока им.-вин. множ. Супр., небоу дат. ед., слокомь твор. ед. ч. Савв., слокомь и слокхмь Остр., оцѣ Остром.

Имена око, оухо въ двойственномъ числѣ имѣютъ флексіи -і основъ: им.-вин. очи, оуши, род.-мѣстн. очію, оушію, дат.-твор. очима, оушима (съ и подъ вліяніемъ им.-вин. дв. ч.). Формы слокесьмь, именьмь, слокесьмх, именьмх, слокесьѣхъ, именьѣхъ и т. п. являются въ памятникахъ также въ видѣ слокесемь, именемь, слокесемх и т. д., т. е. съ е вм. ь. Въ памятникахъ, гдѣ ь фонетически переходитъ въ е, такія формы вполнѣ понятны. Однако и въ Савв. и Остром., гдѣ ь сильное въ иныхъ случаяхъ сохраняется, находимъ: именемь, крѣменехъ, нбесѣхъ, слокесьмх, (Савв.), слокесѣхъ и нбесѣхъ (Остром.). Въ этихъ памятникахъ формы съ е вм. ь должно, повидимому, объяснять нефонетически. Окончанія -емь, -емх раньше всего могли явиться вм. -ьмь, -ьмх въ основахъ на ї: ср. людемь дат. мн. (sic) въ Савв.,—подъ вліяніемъ основъ на -jo (отьцемь, отьцемх); при старыхъ формахъ гостьхъ и т. п. явилось затѣмъ гостехъ подъ вліяніемъ гостемх. Изъ основъ на -і—флексіи -емь, -емх, -ехъ могли проникнуть затѣмъ въ основы на согласный м. р., а оттуда и въ имена ср. р. на согласный. Подтвержденіемъ такого предположенія является форма дьнехъ Остромирова Ев. 279б. Иначе—Щепкинъ, Разсужд. 107 с.

§ 78. ѐ.

	Единств. ч.	*Множ. ч.*
Им.-Зв.	мати	матери
Род.	матере	матерх
Дат.	матери	матерьмх
Вин.	матерь	матери
Твор.	материѫ	матерьми.
Мѣстн.	матери	

Формы двойств. числа и мѣстн. п. множ. ч. памятниками не засвидѣтельствованы.

Въ нѣкоторыхъ падежахъ замѣчается продолженіе того процесса вліянія на разсматриваемыя основы со стороны основъ на -і женскаго рода, которое проявилось уже въ прасловянскую эпоху. Такъ, въ болѣе позднихъ памятникахъ,—Син. Пс. и Син. Требникѣ, обычно род. п. ед. ч. оканчивается на -и (матери), въ единичныхъ случаяхъ также въ Супр., въ формѣ род. п. мн. ч. въ Син. Пс. встрѣчается окончаніе -еи: дѫштереі (ср. костеи при костьи, костии).

Что касается формы вин. п. ед. ч., то она въ нѣкоторыхъ памятникахъ замѣняется формой род. п. е. ч.—матере, дѫштере (Савв., Супр., Син. Пс., Син. Эвхол.), но эта черта врядъ-ли характеризовала языкъ Кирилла и Меѳодія: въ Зогр., Мар. и Асс.,—старѣйшихъ евангельскихъ текстахъ,—ея нѣтъ. Наоборотъ, въ Остром., какъ и въ Савв., матере обычно, а старая форма вин. п. матерь (матерѫ) встрѣчается гораздо рѣже (въ Савв. 4 раза, въ Остром. 3 раза).

Склоненіе основъ на -ū.

§ 79. Къ основамъ на -ū въ древне.-церк.-слов. относились имена: ѕвекры (ѕвекрѫкъ-), неплодъı (неплодък-), любы (любък-), цѣлъı (цѣлък)—исцѣленіе, коукы (коукък-), брадъı (брадък-)—топоръ, жрѫнъı (жрѫнък-), локъı (локък-),—болото, смокъı (смокък-), црькъı (црькък-), *кръı (крък-), мѫтръı (мѫтрък-), тикъı (тикък-).

Основа косвенныхъ падежей на -иц въ силу измѣненія въ -ъv предъ гласнымъ окончанія стала основой на согласный, и склоненіе этихъ именъ въ общемъ совпадаетъ со склоненіемъ основъ на согласный, только въ формахъ дат. и мѣстнаго падежей множ. числа имена съ основой на -ū подверглись вліянію основъ женскаго рода на -а (можетъ быть уже въ прасловянскую эпоху).

	Единств. ч.	*Множ. ч.*
Им.-Зв.	црькъı	црькъви
Род.	црькъве	црькъвъ
Дат.	црькъви	црькъвамъ
Вин.	црькъвь	црькъви
Твор.	црькъвиѫ	—
Мѣстн.	црькъве	црькъвахъ.

Основа *krū—не сохранила старой формы им. п. ед. ч. *kry (ср. др.-пол. kry), замѣнивъ ее формой вин. падежа крькъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ быть въ силу своей двухсложности, основа эта тѣснѣе сблизилась въ своемъ склоненіи съ основами женскаго рода на -і; поэтому въ формѣ род. п. мн. ч. вмѣсто окончанія -ъ, обычнаго въ иныхъ именахъ

даннаго типа, находимъ -ьи: крькьи, а въ дат., твор. и мѣстномъ падежахъ множ. числа -ьмъ, -ьми, -ьхъ: крькьмъ, крькьми, крькьхъ.

Подобно основамъ на согласный, основы на -ū въ нѣкоторыхъ памятникахъ имѣютъ форму род. п. ед. ч. на -и рядомъ съ формою на -ε: локъви въ Син. Тр., црькъви въ Син. Пс., кръви при кръве въ Остр. Ев., то-же—въ мѣстн. п. ед. ч.: црькъви, любъви (при формахъ на -ε) въ Зогр. Ев., любъви въ Ассем., црькъви, смокъви, любъви въ Супр,, цркви въ Савв., любъви, црькъви въ Остр.; такія же формы—въ Мар., Син. Пс., Син. Тр.

Форма род. п. ед. ч. на -ε: црькъве и т. п. употребляется также въ функціи вин. п. въ Зогр., Клоц., Син. Пс., Савв., Супр., Остром.

Примѣчаніе. Въ оборотѣ любъ дѣти, прѣлюбъ сътворити, вѣроятно, сохранилась старая форма на -ūm, параллельная латинской socrum и греч. ἑκυρόν. Ср. Соболевскій, Ж. М. Н. Пр. 1904 г. № 3, 180 с.; Meillet, Recherches, 73 с.; Vondrák Vergl. Gr. II, 50 с. Иначе—Ильинскій Р. Ф. В. LX, 435 и сл. Ср. также Hujer Slov. Dekl. § 90.

Формы твор. п. мн. ч. и формы двойств. числа въ древнѣйшихъ церковно-слов. памятникахъ не засвидѣтельствованы.

Склоненіе основъ на -і.

§ 80. а. Къ основамъ на -і муж. рода относились имена: боль—больной, гвоздь, голмбь, господь, гость, грѣтань, дрьколь, зкѣрь, зать, лакъть, медвѣдь, ногъть, огнь, печать, пѫть, тать—воръ, тьсть, оушидь, чрьвь, жгль; во множ. числѣ—людіе. Въ именахъ зать, лакъть, ногъть, тьсть, тать содержится суффиксъ -ть.

Если принять во вниманіе показанія болѣе позднихъ церк.-славянскихъ текстовъ, то можно прибавить еще лось, рысь, моль.

b. Основы на -і женскаго рода представлены бо́льшимъ количествомъ именъ. Сюда относятся: а) имена съ тематическимъ -і: блѧдь—заблужденіе, ошибка, водонось—ведро, кувшинъ, вьсь—село, врьвь (Остром. вьрвь)—веревка, вѣдь—знаніе дверь, жаль=гробъ, гробиште (памятникъ), зльчь—желчь, зълъ—зло, испытъ—изысканіе, капь—изображеніе, жрьдь—жердь, кобь—гаданіе, волхвованіе, кобь—путо, конь—начало (ср. искони), мѣдь, мышь, прьсь—грудь, пропадь—пропасть, пѧдь—пядь, рѣчь, скрѣбь, голь, стоудень (отъ стоудень)—стужа, тварь, тврьдь, хоть—желаніе, чѧдь—собирательное къ чѧдо (домочадцы), ѣдь—кушанье; въ болѣе позднихъ текстахъ церковно-славянскихъ находимъ еще: гнусь—грѣхъ, голь—вѣтка, ржсь, грждь, ось, ржсь;

b) имена съ суффиксомъ -lь, -slь: гѫсли им. мн., мꙑсль, -расль въ лѣто-расль, отъраcль, новорасль, ꙗсли, гꙑбель, кѫпѣль, дѣтѣль, мльчаль откуда мльчальнъ, мльчальникъ, обитѣль, обрѣтѣль—находка, печаль, пищаль, скрижаль, свирѣль, тврьдѣль—твердыня;

c) имена съ суффиксомъ -nь (-snь, -znь): брань, дань, длань, голѣнь, стань въ без прѣстани, сѣнь; пѣснь, боꙗзнь, жизнь, казнь, каꙗзнь (покаяніе), приꙗзнь; въ болѣе позднихъ церк.-слов. текстахъ находимъ еще: аблань (ꙗблань)—яблонь, баснь;

d) имена съ суффиксомъ tь (-ostь): -бꙑть въ забꙑть—забвеніе, -висть въ зависть, власть, вѣсть (невѣсть)—възвить—рожденіе, ростъ (проценты), благодѣть, благодать, оужасть, жить—жизнь, кость, клѣть, масть, мьсть, лѣть—возможность, мошть, съ-мрьть, памѧть, напасть, пешть, плъть, пръсть, сласть, страсть, сѣть, сꙑть: ср. до-сꙑти (досыта), тръсть, чьсть, чѧсть, рѫкоѩть (рѫковѧть); въ болѣе позднихъ памятникахъ находимъ еще: вить—свитое, врьсть—возрастъ, нить, рить—podex, по-стать—часть, способъ, гръсть, срьсть—шерсть.

Особую группу составляютъ имена со сложнымъ суффиксомъ -ostь: бѣлость, благость, боуѥсть—глупость, доблѥсть, добрость, дрьзость, горѥсть, гръдость, жестость, крѣпость, кротость, лѣность, лютость, мѫдрость (цѣломѫдрость), милость, мрьтвость, мъдьлость—праздность, лѣность, безпечность, мрьзость, нагость, нѣмость, острость, пакость, присность—постоянство, простость—простота, радость, рьвьность, скѫдость, скѫпость, скорость, старость, стꙑдость, свѣтлость, сꙑтость, свѧтость, теплость, тѧгость, тврьдость, тихость, хоудость, хꙑтрость, чистость, ꙗрость, юность.

§ 81. а.

	Единств. ч.	*Множ. ч.*
Им.	пѫть	пѫтиѥ (пѫтьѥ)
Род.	пѫти	пѫтии (пѫтьи)
Дат.	пѫти	пѫтьмъ
Вин.	пѫть	пѫти
Твор.	пѫтьмь	пѫтьми
Мѣстн.	пѫти	пѫтьхъ.
Зват.	пѫти	

	Двойств. ч.
Им.-Вин.-Зват.	пѫти
Род.-Зват.	пѫтию (пѫтью)
Дат.-Твор.	пѫтьма.

Въ силу измѣненія ь въ извѣстномъ положеніи въ е, рядомъ съ формами пѫтьмь, пѫтьи, пѫтьхъ можно встрѣтить въ памятникахъ и

пѫтемь, пѫтеи, пѫтехъ. Иное значеніе имѣютъ примѣры людемь дат. мн., людехъ, мслехъ въ Савв. кн. и людемъ, мслехъ въ Остром., гдѣ ь не измѣняется фонетически въ е,—ср. выше, § 77.

Совпаденіе окончаній именъ муж. р. на -і въ нѣкоторыхъ падежахъ съ окончаніями основъ на -jo (им. и вин. ед.) вызвало замѣну старыхъ формъ род. и дат. ед. отъ нѣкоторыхъ основъ на -і новыми,—по образцу -jo основъ. Такъ, въ Супр. находимъ нерѣдко род. п. зкѣрѣ, огнѣ или огня, дат. п. огню, въ Зогр. встрѣчаются формы—господѣ род. п., господю дат. п. Особо стоятъ формы господа род. п. (Супр., Остр.), господоу дат. п. Супр., пѫтоу дат. п. Клоц., лакътъ род. мн. Ассем., Савв., Супр., печатомъ дат. мн. Клоц., ногътъі, лактъі твор. мн. Супр.

Формы господа, господоу, вѣроятно, возникли въ обычномъ сочетаніи съ формами бога, богоу; форма лакътъ представляетъ форму род. мн. ч. отъ основы на согласный (-t); при формѣ лакътъ род. мн. возникла форма твор. мн. лакътъі (ср. рабъ: рабъі). Такъ же и твор. п. ногътъі предполагаетъ основу на согласный, а печатомъ явилось по аналогіи рабомъ: рабъ при формѣ род. мн. печатъ (им. мн. печате).

§ 82. **ь.**

	Единств. ч.	*Множ. ч.*
Им.	кость	кости
Род.	кости	костіи (костьи)
Дат.	кости	костьмъ
Вин.	кость	кости
Твор.	костію (костью)	костьми
Мѣстн.	кости	костьхъ.
Зват.	кости	

Двойств. ч.

Им.-Вин.-Зв.	кости
Род.-Мѣстн.	костію (костью)
Дат.-Твор.	костьма.

При формахъ костьи, костьмъ, костьхъ, въ силу измѣненія ь въ е,—въ памятникахъ находимъ костеи, костемъ, костехъ.

Склоненіе основъ на -u.

§ 83. Основы на -u представлены въ др.-церк.-слов. памятникахъ весьма небольшимъ количествомъ именъ, причемъ не всѣ формы этого

склоненія могутъ быть документированы примѣрами. Къ основамъ этимъ относились: колѫ, крьхѫ, домѫ, медѫ, полѫ; быть можетъ, также ледѫ, чинѫ, сынѫ, садѫ, грѣхѫ, гроздѫ, гадѫ: ср. Meillet Études IV, 242 с., 453 с.

	Единств. ч.	*Множ. ч.*
Имен.	сѫнъ	сѫнове
Род.	сѫноу	сѫнокъ
Дат.	сѫноки	—
Вин.	сѫнъ	сѫнѧ
Твор.	сѫнѫмь	сѫнѫми
Мѣстн.	сѫноу	домѫхъ.
Зват.	сѫноу	

	Двойств. ч.
Им.-Вин.-Зв.	сѫны
Род.-Мѣстн.	сѫнокоу
Дат.-Твор.	сѫнѫма.

Такимъ образомъ, не документирована старая форма дат. мн. ч. Въ Остромировомъ Ев. находимъ сѫнѫмь, домѫмь твор. ед., въ иныхъ же памятникахъ лишь сѫномь и т. п.; для дат. п. мн. ч. имѣется лишь форма сѫномъ; въ мѣстн. мн. ч. въ Остром. находимъ домѫхъ, между тѣмъ какъ въ иныхъ памятникахъ—лишь домохъ, сѫнохъ; однако показаніе Остромирова Ев. поддерживается формой Син. Пс. дарѫхъ: здѣсь флексія -ѫхъ въ основѣ на -о является, очевидно, перенесенной изъ основъ на -u.

Имѣя въ виду соотвѣтствіе домѫхъ Остромирова Ев. формѣ домохъ иныхъ памятниковъ, а также соотвѣтствіе сѫнѫмь, домѫмь (тв. ед. ч.) Остромирова Евангелія формамъ типа сѫномь иныхъ памятниковъ, можно предполагать и въ формѣ дат. мн. форму сѫнѫмъ въ виду наличности въ памятникахъ сѫномъ.

Отъ иныхъ, указанныхъ выше, основъ на -u (колѫ, крьхѫ, домѫ, медѫ, полѫ), въ памятникахъ засвидѣтельствованы слѣдующія формы (ср. Scholvin въ Arch. II, 507—508 сс.): колоу род. ед. Зогр., Асс., Савв., Остр., крьхоу (крѫхоу) род. ед. Остр., Хиланд., Зогр., Мар., домоу род. ед. Зогр., Клоц., Асс., Супр., Остр., полоу род. ед. Зогр., Остр., Унд., Асс., Супр., Савв., медоу род. ед. Супр., домоки дат. п. ед. ч. Зогр.; колоу мѣстн. п. Зогр., крьхоу (крѫхоу) мѣстн. п. Асс., Супр., домоу мѣстн. ед. Зогр., Остром., Мар., Асс., Супр., Савв., полоу мѣстн. ед. Зогр., Асс., Супр., Савв., Остром., колокъ, домокъ род. мн. Супр., им.-вин. дв. полѧ въ Супр., дат.-твор. дв. ч. полѫма Савв., Супр., Асс.

Что касается второй категоріи именъ, которыя съ меньшей увѣренностью могутъ быть отнесены къ -u-основамъ, то относительно грѣхъ имѣется указаніе въ видѣ формы грѣховъ род. мн. Мар., Асс. и прилагательнаго грѣховьнъ; относительно гроздъ имѣется свидѣтельство Син. Тр.: гроздъмь твор. ед., гроздовъ род. мн.; отъ ледъ имѣется мѣстн. п. ед. ч. ледоу (Супр.) и прилагательное ледовьнъ: ср. латыш. ledus; отъ санъ— мѣстн. ед. саноу, род. мн. сановъ (Супр.) и прилагательное сановитъ, сановьнъ; отъ садъ—садове им. мн., садовъ род. мн. (Супр.) и прилагательное садовьнъ; отъ ꙗдъ—род. ед. ꙗдоу (Супр.) и прилагательное ꙗдовитъ; о принадлежности къ основамъ на -u имени чинъ говорятъ формы: мѣстн. п. чиноу Зогр., Мар., Асс., Супр., им. мн. чинове Супр., род. мн. чиновъ Супр.

Примѣчаніе. Къ основамъ на -u не принадлежитъ *кратъ, на которое указываетъ форма кратꙑ въ дъва кратꙑ, три кратꙑ, много кратꙑ Зогр.: ср. род. п. мн. ч. кратъ (см. Беличъ въ Изв. IV, 4 кн., 1185 с.). Нарѣчныя формы долоу Зогр., низоу Зогр., Асс., вьноу Зогр. не даютъ твердыхъ основаній заносить въ списокъ основъ на -u долъ, низъ, вьнъ, такъ-какъ эти формы могли быть созданы по образцу врьхоу (ср. Meillet Études IV, 242 с.).

При старыхъ формахъ отъ именъ съ основой на -u въ памятникахъ нерѣдко находимъ новыя—съ флексіями основъ на -o; эти новыя формы показываютъ, какъ рано начался въ слов. языкахъ процессъ смѣшенія основъ на -u съ болѣе многочисленными o-основами,—приведшій къ полному исчезновенію особаго склоненія основъ на -u во всѣхъ словянскихъ языкахъ. Въ Зогр. находимъ род. п. ед. ч. сꙑна, връха, дома, дат. домоу, мѣстн. сꙑнѣ, зват. сꙑне, им. мн. сꙑни, им. дв. ч. сꙑна; въ Мар. дома род. ед., домоу дат., сꙑна им. дв., въ Клоц. сꙑна род., сꙑноу дат.; въ Асс. сꙑна, дома, връха род., сꙑноу, домоу дат., сꙑне зват., сꙑна им. дв. ч., сꙑноу род. дв.; въ Супр. сꙑна, дома, сана, връха, чина род., сꙑноу, домоу, полоу, чиноу дат., сꙑне, чине зват., въ Сав. сꙑна род., домоу, сꙑноу дат., сꙑнѣ мѣстн., сꙑне зват., въ Остром. сꙑна род., сꙑноу дат., сꙑнѣ мѣстн., сꙑне зват., сꙑна им. дв., сꙑноу род.-мѣстн. дв., вьрха род.

Примѣчаніе. Ср. Arch. II, 510—511 сс. и Дополненія къ русскому переводу грамматики Лескина 1890 г. 179 с.

Склоненіе основъ на -o.

§ 84. Склоненіе основъ на -o охватываетъ наиболѣе значительное количество словянскихъ именныхъ образованій. Сюда относятся:

А. *Имена существительныя муж. рода:* а) съ тематическимъ гласнымъ o/e. Таковы: богъ, бѣгъ, -бои (разбои, оубои), блѫдъ, блѣскъ, -боръ

(съборъ), бракъ, бродъ, -броусъ (оуброусъ), варъ, въкоусъ, -вѣтъ (привѣтъ, обѣтъ), вои—воинъ, -волъ (доволъ—довольство), вратъ—шея (воротъ), гнои, громъ, западъ, лисъ—лиса, облакъ, отълѣкъ, платъ—рубище, плюскъ—шумъ, пьсъ—пёсъ, прахъ, повои—повязка, позоръ,—зрѣлище, послоухъ—свидѣтель, прѣлогъ—перемѣна, причьтъ, подрагъ—край одежды, кайма, ржгъ—насмѣшка, съсъ—сосокъ, свѣтъ, сподъ, сваръ—сраженіе, сълазъ, съньмъ, тржсъ—землетрясеніе, тоукъ—жиръ, творъ, тржд̑ъ—болѣзнь, тржтъ—отрядъ, стража, тръгъ—площадь, базаръ (ср. однако лит. tur̃gus), оукрои—погребальныя пелены, оудъ—членъ, оукропъ—кипящая вода и т. д.;

b) съ суффиксомъ -arjo-: мъıта̑рь, ръıба̑рь, вина̑рь, врьтограда̑рь, грънь-ча̑рь, клевета̑рь, врата̑рь; въ болѣе позднихъ церк.-слов. текстахъ находимъ еще: оусма̑рь;

c) съ суффиксомъ -to: животъ, потъ, кльчьтъ, клопотъ, кокотъ, ръпътъ, скрьжьтъ, шьпътъ, трепетъ, стръпьтъ, мьчьтъ=*φαντασία;*

d) съ суффиксомъ -teljo- (въ единств. числѣ): дате̑ль, (подате̑ль, прѣдате̑ль), благодѣте̑ль, дѣлате̑ль, подъıѧте̑ль, обрѣтате̑ль, словописате̑ль (шарописате̑ль), подражате̑ль, приıате̑ль, съвѣдѣте̑ль, тѧжате̑ль, власте̑ль, жѧте̑ль, жите̑ль, цѣлите̑ль, чистите̑ль, храните̑ль и т. п.;

e) съ суфф. -ko (-ьniko): съвѣдокъ, избъıтъкъ, начѧтъкъ, недостатъкъ, съвитъкъ, четврьтъкъ, пѧтъкъ, сланоутъкъ—горохъ, станъкъ, опрѣснъкъ, пѣсъкъ, съплетъкъ—connexio, шипъкъ—роза, ıѧзъıкъ, камъıкъ, мѣсѧць, заıѧць; безаконьникъ, хъıштьникъ, длъжьникъ, грѣшьникъ, каженикъ—скопецъ, кънижьникъ, наставьникъ и т. п.; близньць, чрьньць, хъıтрьць, юньць, мрьтвьць, слѣпьць и т. п.;

f) съ суффиксомъ -jo: любодѣи, сѫпьр̑ь, стражь, вождь, врачь, кличь, ключь, кошь, краи, ножь, плашть, раи, кон̑ь, врабии, змии, гвоздии, жрѣбии, приключаи—случай;

g) съ суффиксомъ -go: острогъ, ковьчегъ, кладѧѕь; -gjo: мѫжь, мѧ́тежь;

h) съ суффиксомъ -tajo-: ходатаи, поводатаи—поводырь, позоратаи—зритель;

i) съ суффиксомъ -ro (-rjo): даръ, миръ, пиръ; аштеръ—ящерица, аворъ—яворъ, говоръ, коуръ—пѣтухъ, одръ, сѣверъ, стежеръ—cardo, тоуръ, вечеръ, вепр̑ь; съ суффиксомъ -tro: вѣтръ;

k) съ суффиксомъ -lo (-ljo): калъ, козьлъ, красте̑ль, орьлъ, осьлъ, плѣвелъ, столъ, тоулъ—колчанъ, жьзлъ;

l) съ суффиксомъ -mo: храмъ, дъıмъ, гръмъ, ıарьмъ, срамъ, шоумъ, оумъ;

m) съ суффиксомъ -no: блазнъ—соблазнъ, чльнъ, глѣнъ—*φλέγμα*, остьнъ—остріе, овьнъ, плѣнъ, сънъ, трьнъ; -ino: болıаринъ, господинъ, гражданинъ и т. п.,—(ср. выше, § 110).

B. *Имена существительныя средняго рода:* a) съ тематическимъ гласнымъ -o/e: чело, гнѣздо, иго, мѧсо, перо, тьло, оуста им. мн., вѣко;

b) съ суффиксомъ -to: блато, длато, ꙗто—хлѣбъ, пѫто, брата им. мн., злато, жито;

c) съ суффиксомъ -ьstvo: безочьство, божьство, цѣсарьство, чистительство, чловѣчьство, хѫдожьство, ходатаиство, дѣиство, дѣвьство, диꙗконьство, ѥстьство, иночьство, лѫкавьство, мѫжьство, мъножьство, неплодьство, невѣрьство, пророчьство, рождьство, оубииство и т. п.;

d) съ суффиксомъ -dlo: брꙑсало—кисть, почрьпало, чрьнило, грѫло, кадило, крило, мѣрило, начѧло, наковало—наковальня, носила им. мн., одѣало, рало, рꙑло, сѣдало, сило—веревка, ставило, стрѣкало—острая палка, соушило, свѣтило, свѧтило, точило, жѧло, зрьцало;

e) съ суффиксомъ -ko (ce): чѧдьце, ꙗице; слъньце, срьдьце;

f) съ суффиксомъ -vo: сѣчиво, быть можетъ, сюда же относится чрѣво;

g) съ суффиксомъ -jo (-ьjo): ѫже—цѣпь, ложе, морѥ, плеште, полѥ, вѣште—вѣче; -ьje: ѫдолиѥ, бръселиѥ—черепица, бестрастиѥ, бестоудиѥ, благовѣриѥ, богочьстиѥ, брьниѥ, бꙑлиѥ, веселиѥ, вѣиѥ, гобьѕиѥ—изобиліе, дѫбиѥ, зелиѥ, копиѥ, корениѥ, камениѥ, иштѧдиѥ, листвиѥ, наслѣдиѥ, невѣриѥ, обилиѥ, остриѥ, отишиѥ, подроужиѥ и т. п.;

g) съ суффиксомъ -ro: бедро, ꙗдра им. мн., ѥзеро, ребро, бедро—вёдро, ютро;

k) съ суффиксомъ -lo: число, масло, весло, дѣло, солило;

l) съ суффиксомъ -mo: рамо—плечо;

m) съ суффиксомъ -no: колѣно, сѣно, стегно—бедро, соукно, зрьно.

C. *Имена прилагательныя мужескаго и средняго рода:* a) съ тематическимъ -o/e: хромъ, глоухъ, слѣпъ, любъ, лѣпъ, скѫдъ—скудный, слѫкъ—согнутый, блѣдъ, соухъ, дрьзъ, щрьбъ—ср. русс. щербатый, зълъ, дльгъ, грѫбъ, грѫдъ, крѣпъ—крѣпкій, лютъ, скѫпъ, тѫпъ, нѣмъ, прѣмъ (быть можетъ, съ суффиксомъ -mo) и др.;

b) съ суффиксомъ -to- (-ato- -ito-): чѧстъ, чистъ, истъ, свѧтъ, сꙑтъ (несꙑтъ), тлъстъ, жльтъ, богатъ, крꙑлатъ, мѫжатъ, перьнатъ, сѫкатъ, маститъ, именитъ, нарочитъ, домовитъ, ꙗдовитъ, плодовитъ, трѫдовитъ, сановитъ;

c) съ суффиксомъ -do-: тврьдъ, хоудъ, радъ, сѣдъ;

d) съ суффиксомъ -ko-: инокъ, ѫзъкъ, бридъкъ—острый, гладъкъ, горькъ, кратъкъ, крѣпъкъ, кротъкъ, льгъкъ, мѧкъкъ, мрьзъкъ, низъкъ, плъзъкъ—скользкій, рѣдъкъ, сладъкъ, сльзъкъ—скользкій, стꙑдъкъ, тѧжькъ, тьнъкъ, вльгъкъ—влажный, братъкъ—поворотливый, жидъкъ; глѫбокъ, грѫстокъ—трудный, широкъ, вꙑсокъ, жестокъ; великъ, прокъ—остальной,

прѣкъ—противный; -ьsko:- чловѣчьскъ, дѣтьскъ, мѫжьскъ, небесьскъ, земльскъ, л҃юдьскъ, пророчьскъ и т. п.;

e) съ суффиксомъ -vo-: кривъ, лѣвъ, правъ, сѫдравъ, трѣзвъ, живъ, плавъ—бѣлый; -ivo-: чьстивъ (благочьстивъ), лѣнивъ, льстивъ, лъживъ, памѧтивъ, подраживъ—подражательный, приꙗзнивъ, ѫродивъ, гѫгънивъ—косноязычный, гладивъ, кръвоточивъ, лопотивъ—заика, недѫживъ, опасивъ—περίεργος, пѣготивъ—прокаженный, пронꙑривъ—негодный, рьвьнивъ, страшивъ, строупивъ, жестосрьдивъ, животворивъ, обидьливъ, завидьливъ—молчаливый, скврьнавъ, тинавъ; львовъ, китовъ, юговъ, патриарховъ, прѣдадител҃евъ, скѫдельниковъ, оучител҃евъ, змиѥвъ и т. п.;

f) съ суффиксомъ -jo-, -ьjo-: цѣсар҃ь, чловѣчь, дѣвичь, диꙗвол҃ь, господин҃ь, говѧждь, юньчь, козл҃ь, кънѧжь, ловьчь, матер҃ь, младьньчь, орьл҃ь, отьчь, овьн҃ь, правьдьничь, пророчь, противьничь, скѫдельничь, творьчь, оученичь, вьдовичь; божии, коурии, лисии, отрочии, пьсии, рабии, вражии; безратии, безоумл҃ь, боуи, бъждрь—бодрый, дивии, добл҃ь, инорожь, негъбл҃ь—негнущійся, пѣшь, питии, полоудьн҃ь, рꙑждь—рыжій, соуи—напрасный, тоуждь (штоуждь), шоуи, тъшть, велии; сюда же относятся прилагательныя съ суффиксомъ -tjo- и -ьnjo-: ништь, обьшть, ближьн҃ь, дьньсьн҃ь, древьн҃ь, искрьн҃ь, нижьн҃ь, окрьстьн҃ь, послѣдьн҃ь, прѣдьн҃ь, прѣмьн҃ь—находящійся напротивъ, оутрьн҃ь, съвѧзьн҃ь—узникъ, вънѫтрьн҃ь, вꙑшьн҃ь, владꙑчьн҃ь, братрьн҃ь, господьн҃ь, домаштьн҃ь, кромѣштьн҃ь, вьнѣштьн҃ь, вьчерашьн҃ь, нꙑнꙗшьн҃ь, домашьн҃ь, кромѣшьн҃ь, вьнѣшьн҃ь;

g) съ суффиксомъ -ro-: добръ, бъдръ, бꙑстръ, ꙗръ, ѩдро—скоро, мѫдръ, мокръ, остръ, сиръ, старъ, сꙑръ, хꙑтръ, штедръ;

h) съ суффиксомъ -lo-: дрѧхлъ—унылый, цѣлъ, кꙑселъ, милъ, обилъ—обильный, свѣтьлъ, топлъ, веселъ, зьрѣлъ;

i) съ суффиксомъ -no-: деснъ, инъ, камѣнъ, лѣнъ, пламѣнъ, пльнъ, пространъ, рѣснъ, роумѣнъ, сланъ, стоуденъ, тѣснъ, зеленъ, желѣзнъ, чрьнъ, цвѣтьчанъ, дрѣвѣнъ, ѩчьнѣнъ, льнѣнъ, мѣдѣнъ, мождан (отъ мозгъ), оцьтѣнъ, оловѣнъ, рожанъ, трьнѣнъ, оусниꙗнъ; власѣнъ, воѥводинъ, ионинъ, илиинъ; бештѧдьнъ—бездѣтный, безоумьнъ, бѣдьнъ, бѣсьнъ, равьнъ и т. п.

D. Къ склоненію основъ на -o относятся, наконецъ, числительныя порядковыя съ различными суффиксами: -vo-, -ro-, -to-, -ьjo-: прьвъ, въторъ, третии, четврьтъ, пѧтъ, шестъ, девѧтъ, десѧтъ, также седмъ и осмъ (ср. о послѣднихъ Meillet Études 426 c.).

§ 85. Въ склоненіи именъ съ основой на -o въ церк.-словянскомъ можно различить 4 типа: a) имена муж. рода съ твердымъ согласнымъ предъ -o; b) имена муж. р. съ мягкимъ согласнымъ предъ -o; c) имена сред. рода съ твердымъ согласнымъ предъ -o; d) имена сред. рода съ мягкимъ согласнымъ предъ -o.

a—b.

	Единств. ч.	*Множ. ч.*
Им.	рабъ, конь (край)	раби, кони (краи)
Род.	раба, коня (краа)	рабъ, конь (краи)
Дат.	рабоу, коню (краю)	рабомъ, конѥмъ (краѥмъ)
Вин.	рабъ, конь (краи)	рабы, коньмъ (краѧмъ)
Твор.	рабомь, конѥмь (краѥмь)	рабы, кони (краи)
Мѣстн.	рабѣ, кони (краи)	рабѣхъ, конихъ (краихъ).
Зват.	рабе, коню (краю)	

Двойств. ч.

Им.-Вин.-Зв.	раба, коня (краа)
Род.-Мѣстн.	рабоу, коню (краю)
Дат.-Твор.	рабома, конѥма (краѥма).

c—d.

	Единств. ч.	*Множ. ч.*
Им.-Вин.-Зв.	село, поле (знамение)	села, поля (знамениа)
Род.	села, поля (знамениа)	селъ, полъ (знамении)
Дат.	селоу, полю (знамению)	селомъ, полѥмъ (знамениѥмъ)
Твор.	селомь, полѥмь (знамениѥмь)	селы, поли (знамении)
Мѣстн.	селѣ, поли (знамении)	селѣхъ, полихъ (знамениихъ).

Двойств. ч.

Им.-Вин.-Звat.	селѣ, поли (знамении)
Род.-Мѣстн.	селоу, полю (знамению)
Дат.-Твор.	села, полѥма (знамениѥма).

§ 86. Въ примѣненіи приведенной парадигмы къ именамъ, имѣющимъ предъ тематическимъ -о небный согласный (к, г, х) должно имѣть въ виду законы праслов. измѣненій этихъ согласныхъ въ положеніи предъ палатальными гласными: богъ—бозѣ—бози—боже; блькъ—блъцѣ—блъци—блъче; доухъ—доусѣ—доуси—доуше.

Имена, въ которыхъ, подъ вліяніемъ предшествующаго палатальнаго гласнаго, согласный k, g измѣнился въ c, dz, т. е. имена на -зь, -ць въ им. п. ед. ч. (кънязь, отьць) въ формѣ зват. п. ед. ч. оканчиваются на -е и имѣютъ предъ окончаніемъ — ж, ч: кънаже, отьче. Эта форма, документированная древнѣйшими памятниками, находитъ свое объясненіе въ томъ, что имена даннаго типа первоначально склонялись въ прасловянскомъ, какъ *bogъ: *kъnęgъ, *otьkъ — *kъnęga — *otьka;

*kъnęgu—*otьku и т. д. и слѣдовательно—*kъnęže—*otьče (изъ *kъnęge—*otьke). Измѣненіе *kъnęgъ—*otьkъ въ *kъnędzь, *otьcь и т. д. наступило позже. Въ Супр. рук. находимъ зват. кнѧѕоу 156. 8, что, очевидно, представляетъ черту болѣе позднюю: при кънѧѕь явилось кънѧѕю (затѣмъ кънѧѕоу)—по аналогіи оучителю при оучитель.

Основы на -о муж. рода, совпадая со старыми основами на -u въ нѣкоторыхъ падежахъ (им.-вин. ед., вин. мн. ч.), естественно подверглись вліянію со стороны послѣднихъ.

Вліяніе это сказалось въ слѣдующихъ формахъ.

Рядомъ съ формами род. ед. на -а изрѣдка и притомъ въ болѣе позднихъ памятникахъ встрѣчаются формы на -оу: родоу Супр., рѧдоу Супр., длъгоу Супр., гласоу Син. Пс. Рядомъ съ формами на -ѣ въ мѣстномъ падежѣ ед. ч.—такія же формы на -оу: дароу, дѫбоу, рѧдоу Супр., станоу Син. Пс., грѫмоу Син. Тр.

Въ формѣ дат. п. при старомъ окончаніи -оу встрѣчается -ови: богови Зогр. Мар. Асс. Клоц. Савв. Супр. Остр., доухови Мар. Остр. Асс., чловѣкови Мар. Супр., сътьникови Савв., львови, диꙗволови, рабови Супр., симонови, иродови, иѡсифови Остром.

Въ формѣ твор. п. ед. ч. при старомъ окончаніи -омь въ нѣкоторыхъ памятникахъ находимъ -ъмь: въ Кіевскомъ Миссалѣ—оплатъмь, образъмь, въсѫдъмь; въ Зогр. гласъмь (2 раза), сънъмь, слоухъмь; въ Син. Пс. гласьмь (вм. гласъмь), штитъмь; въ Син. Молитв. гласъмь; въ Супр. гладъмь, сънъмъ, мрътвъмъ, опасъмъ, трепетъмъ; въ Хиланд. л.л. образъмь, гоубительнъмь; въ Остром. -ъмь обычно (гнѣвъмь, господинъмь и т. п.), а окончаніе -омь—рѣже.

Въ формѣ им. мн. ч., подъ вліяніемъ основъ на -u, является въ болѣе позднихъ памятникахъ окончаніе -ове: въ Син. Мол.—попове, въ Супр.—дарове, доухове, попове, сѫдове, оудове.

Такимъ же образомъ въ формѣ род. мн. ч. при старомъ -ъ изрѣдка находимъ -овъ: грѣховъ Мар. Асс. Савв. Супр. Остр. Син. Мол.; родовъ Асс. Супр.; бѣсовъ, градовъ. даровъ, плодовъ, потовъ, троудовъ, сѫдовъ (сѫдъ—членъ), цвѣтовъ, оудовъ Супр.; даровъ, гадовъ Син. Мол.

Еще рѣже встрѣчаются формы твор. мн. на -ъми и мѣстн. мн. ч. на -ъхъ: грѣхъми Клоц., апостолъми, сѫпостатъми Супр., даръми, оудъми въ Син. Мол., жидохъ (изъ жидъхъ) Супр., даръхъ—дарохъ Син. Пс. и Син. Мол.

Судя по приведеннымъ примѣрамъ, болѣе древнимъ является проникновеніе въ склоненіе основъ на -о флексій дат. ед., твор. ед. и род. мн. ч. u-основъ, такъ какъ эти флексіи извѣстны уже древнѣйшимъ текстамъ.

Вліяніе основъ на -u однако не ограничилось именами муж. р. съ основой на -o: оно распространилось затѣмъ съ одной стороны на -jo-основы муж. рода, съ другой—на -o-основы средняго рода. При богови (и въ сочетаніи съ нимъ) возникло господеви Зогр. Асс. Савв. Супр. Син. Пс. Син. Мол. (ср. богъ : господь и богомь—господемь изъ господьмь); въ Зогр. Мар. находимъ также мѫжеви, винареви; въ Ассем. мѫжеви, цѣсареви; въ Син. Пс. цѣсареви; въ Син. Мол. врачеви; въ Савв. мѫжеви, цѣсареви, братареви; въ Супр. врачеви, мѫжеви, цѣсареви, благодѣтелеви.

Такимъ же образомъ въ формѣ им. мн. ч. основъ на -jo явилась флексія -еве, а въ формѣ род. мн. ч. -евъ: змиѥве, зноѥве въ Супр., врачевъ въ Зогр. Супр., змиѥвъ Супр. Син. Мол..

Имена средняго рода подвергались вліянію основъ на -u, разумѣется, не непосредственно, а чрезъ посредство основъ на -o муж. рода. Это вліяніе имѣло мѣсто главнымъ образомъ въ формѣ твор. п. ед. ч.: въ Супр. находимъ брашънъмъ, дѣльмь (вм. дѣлъмь), божьствъмъ, господьствъмь, оубожьствъмь; въ Остром. Ев.—дѣлъмь, словъмь (первоначально—основа на -os, ср. § 77), сътъмь; въ Пражск. л.л.—крижънъмъ, дрѣвъмъ. Въ единичныхъ случаяхъ флексіи -u-основъ въ именахъ сред. р. находимъ также въ дат. мн. и дат.-твор. дв. ч.: словъмъ въ Супр. (312, 14) ,крильма (вм. крилъма) въ Супр. Та-же Супр. рук. имѣетъ форму дат. п. ед. ч. мореви; ср. врачеви и т. п.

§ 87. Подобно основамъ на -o и -u, были связаны ассоціаціей основы на -jo и -i (им.-вин. гость и кон҃ь, мѣстн. ед. гости и кон҃и), почему и находимъ въ памятникахъ др.-ц.-сл. языка формы отъ основъ на -jo съ окончаніями основъ на -i.

Такъ, въ твор. п. ед. ч. встрѣчаемъ флексію -ьмь при обычномъ -ѥмь: сѫпьрьмь Зогр. (возможна описка); оукроимь (изъ *ukrojьmь) Асс.; плачьмь, отьцьмь Супр.; оцьмь, гл҃ѫштьмъ Савв.; олтарьмь, оц҃ьмь, оукроимь Остр. То-же находимъ въ твор. ед. ч. -jo-основъ средняго рода: ср. лицьмь, ложьмь въ Остр. Ев., поэтому возможно, что и формы твор. п. ед. ч. на -иимъ отъ именъ на -иѥ получились изъ *-ijьmь: ср. имѣниимь, пиꙗньствиимь, помꙑшлениимь, обѣдениимь, лобъзаниимь въ Остром., сп҃сеньимь, оустроѥниимь въ Хиланд.. псаньимь, хотѣниїмь въ Клоц. Сб., невѣрьствиїмь, оутврьждениїмь, камениимь и т. п. (очень часто) въ Супр. Изъ -иимь чрезъ стяженіе -имь: блисцанимь, испꙑтанимь Клоц. Сб.

Въ формѣ дат. мн. ч. въ памятникахъ встрѣчаются примѣры съ окончаніемъ -ьмь: отьцьмъ, манастꙑръмъ (вм. манастꙑрьмъ, кꙑпѧштьмъ Супр., лъжъмъ Савв.; формы цѣсарьмь, дѣлательмъ, мѫчительмъ, съвѣдѣтельмъ Савв., цѣсарьмъ Супр. (ср. Scholvin Arch. II, 499, Leskien, Handbuch[5], 84 с.) сюда не относятся: это—старыя формы основъ на соглас-

ный. Приведеннымъ выше формамъ твор. ед. ч. на -иимь отъ именъ сред. рода на -иѥ параллельны формы дат. мн. на -иимъ: ваꙗниимъ, милосръдиїмъ Супр.

Въ формѣ им. п. мн. ч. подъ вліяніемъ -і-основъ въ основахъ на -jo изрѣдка находимъ -иѥ: стражиѥ Супр., мꙑтариѥ Остром.

Въ род. мн. ч.—подъ вліяніемъ гостьи (гостеи) и т. п.—врачеи въ Ассем. Въ силу такихъ-же вліяній—въ Супр. находимъ въпльми, зълодѣими тв. мн. и плештьма (плеште—сред. рода) дат.-твор. дв. ч.—въ Супрасльской рукописи.

Примѣчаніе. Греческія собственныя имена на -еи имѣютъ въ др.-ц.-сл. памятникахъ формы съ окончаніями не -jo, но -о- основъ: иереа, иереови, иереомъ, фарисеомъ, мосеа, матѳеа, ѐлисса, иоудеомь, аньдреови, мосеомь и т. п.

Объ употребленіи формы род. п. именъ муж. рода -о- основъ, означающихъ живыя существа, въ значеніи вин. п. ср. Meillet «Recherches sur l'emploi du Genetif-Accusatif en vieux-slave» Paris 1897; Вондракъ въ Arch. XX (1898 г.), 325 и слѣд.; Мюленбахъ въ Изв. IV (1899 г.), 1192 и слѣд. Berneker K. Z. XXXVII (1904 г.), 364—386 с.с.; Некрасовъ «О замѣнительныхъ падежахъ: род. и винит. въ современномъ русскомъ языкѣ» Изв. X т. (1905) 2 кн., 31—65; Томсонъ «Родительный—винительный падежъ при названіяхъ живыхъ существъ въ славянскихъ языкахъ» Изв. XIII (1908) кн. 2, 232—264.

Склоненіе основъ на -ā.

§ 88. Подобно именамъ съ основой на -о (-jo), весьма обширный классъ представляютъ имена съ основой на -а (-ja). Сюда относятся—

A. Имена жен. р. на -а, какъ-то: брада, вода, вѣꙗ, жена, ѕвѣзда, мьзда, мѫка, нога, раба, рꙑба, слава, стьѕа, снъха, хвала, ꙗма и т. п.

B. Имена муж. р. на -а: какъ-то: слоуга, владꙑка, жжика, ближика (съ суффиксальнымъ -k-), старѣишина (съ суффиксомъ -ina), воѥвода; оубиица, сѣчьца, ꙗдьца, винопиица; чародѣица (съ суффиксомъ -ica изъ -ika).

C. Имена жен. р. съ суффиксомъ -ja- (-ija): братриꙗ (братиꙗ), боурꙗ, волꙗ, землꙗ, доуша, каплꙗ, кѫшта (куща), кожа, коуплꙗ, ладии, лъжа, млънии, мрѣжа, на-дежда, нѫжда, пишта, при-тъча, стража, соуша, свѣшта, свиниꙗ, тѫча, тьшта, чаша и т. п.

D. Имена муж. р. съ тѣмъ же суффиксомъ: дрѣводѣлꙗ, прѣдътеча, юноша, балии, сѫдии, вѣтии; съ суффиксомъ -čija-: ловьчии, кръмьчии, кънигъчии, сокачии, шарьчии (живописецъ), корабьчии, самъчии.

E. Имена жен. р. со сложнымъ суффиксомъ -ynja-: благꙑни, благостꙑни, богꙑни, господꙑни, гръдꙑни, крьстьꙗнꙑни, милостꙑни, поганꙑни,

правъıи̑и, простъıи̑и, поустъıи̑и, рабъıи̑и, самарıанъıи̑и, сѫсѣдъıи̑и, свѧтъıи̑и, ıеленъıи̑и, ханаанъıи̑и.

F. Къ этому же склоненію относятся имена прилагательныя въ формахъ женскаго рода, какъ съ тематическимъ -а, присоединеннымъ непосредственно къ корню, такъ и съ суффиксами,— -ıа (-ııа-) -ова, -ива, -ава, -ина, -ѣна (-ıана), -ьна, -ьска, -ита, -ата: добра, нова, слѣпа, синıа, божиıа, львова, змиıева, лѣнива, льстива, лѫкава, дивьна, ионина, роумѣна, кожана, чловѣчьска, ıадовита, крилата и т. п.

Точно такъ-же формы жен. р. сравнительной степени (хоуждьши, новѣиши) и причастій наст. и прош. вр. (идѫщи, несъши) измѣняются какъ формы жен. рода на -ja; формы жен. р. причастія страдат. залога, какъ имена сущ. на -а.

§ 89.

a.

	Ед. ч.	*Мн. ч.*
Им.	жена	женъı
Вин.	женѫ	женъı
Род.	женъı	женъ
Дат.	женѣ	женамъ
Твор.	женоѭ	женами
Мѣстн.	женѣ	женахъ
Зват.	жено	= имен.

Двойств. ч.

Им.-Зв.-Вин.	женѣ
Род.-Мѣстн.	женоу
Дат.-Твор.	женама.

b.

	Ед. ч.	*Мн. ч.*
Им.	землıа	землѭ
Вин.	землѭ	землѭ
Род.	землѭ	земл̑ь
Дат.	земл̑и	землıамъ
Твор.	землıеѭ	землıами
Мѣстн.	земл̑и	землıахъ
Зват.	земл̑е	= имен.

Двойств. ч.

Им.-Вин.-Зв.	земл̑и
Род.-Мѣстн.	землю
Дат.-Твор.	землıама.

Въ формѣ твор. п. ед. ч. находимъ изрѣдка -ѫ, а не -оѭ: въ Зогр. галилѣѭ, братрьѭ, въ Клоц. Сб. обрѣтаѭштѭ, въ Асс. братіѭ, въ Савв. славѫ, въ Супр. ноуждѫ, одеждѫ, воѥводѫ, сотонѫ, чистотѫ, домѫ, рѫкѫ, доушѫ, землѭ, братиѭ, божиѭ, многѫ, злѫ, ꙗснѫ, горѧштѫ, диꙗволѫ, господьнѭ, въ Син. Пс. многѫ силѫ.

По отношенію къ именамъ съ согласными к, г, х въ исходѣ основы должно имѣть въ виду законы измѣненія этихъ согласныхъ предъ палатальными гласными: рѫка : рѫцѣ; нога : ноѕѣ; снъха : снъсѣ.

§ 90. *Примѣчаніе.* Употребленіе формъ двойственнаго числа въ др.-ц.-словянскихъ памятникахъ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что грамматическая категорія двойственнаго числа была еще живымъ явленіемъ языка: съ существительными, находящимися въ двойственномъ числѣ, согласуются прилагательныя и мѣстоименія, къ нимъ относящіяся, даже тогда, когда форма двойств. ч. существительнаго совпадаетъ по окончанію съ формой множ. числа, какъ въ им.-вин. дв. и мн. ч. основъ на -і ж. р. Однако, въ извѣстныхъ синтаксическихъ условіяхъ формы двойств. числа нерѣдко замѣняются въ др.-ц.-слов. памятникахъ формами множ. числа, а именно—когда существительныя, обозначающія парные предметы, относятся къ другому существительному во множ. числѣ. Такъ: отътрѧсѣте прахъ отъ ногъ вашихъ (Матѳ. X, 14,—Мар. Зогр.); ї на рѫкахъ възъмѫтъ тѧ (Матѳ. IV, 6,—Зогр. Савв.); по чъто оученици твои... не омꙑваѭтъ бо рѫкъ своихъ (Матѳ. XV, 2,—Мар. Зогр.); прѣдаатъ сѧ въ рѫкꙑ грѣшьникомъ (Матѳ. XXVI, 45,—Мар. Ев.) и т. п. Однако въ тѣхъ же условіяхъ находимъ также еще и формы двойств. числа: въ рѫцѣ чл҃вкомъ—Мар. Асс. Савв. (Матѳ. XVII, 22); възложишѧ рѫцѣ на и҃са—Мар. Зогр. Асс. Савв. (Матѳ. XXVI, 50); се прѣдаатъсѧ сн҃ъ чл҃вчскꙑ въ рѫцѣ грѣшьникомъ—Мар. Зогр. (Марк. XIV, 46) и т. п. Ср. Беличъ «Къ двойственному числу въ старославянскомъ» Изв. IV (1899), кн. 4, 1159 и сл.

Склоненіе мѣстоименій.

Личныя мѣстоименія.

§ 91.

	Единств. ч.	*Множ. ч.*
Им.	азъ, тꙑ.	мꙑ; вꙑ.
Вин.	мѧ, мене; тѧ, тебе; сѧ, себе.	нꙑ, насъ; вꙑ, васъ.
Род.	мене; тебе; себе.	насъ; васъ.
Дат.	ми, мънѣ; ти, тебѣ; си, себѣ.	намъ; вамъ.
Твор.	мъноѭ; тобоѭ; собоѭ.	нами; вами.
Мѣстн.	мънѣ; тебѣ; себѣ.	насъ; васъ.

Двойств. ч.

Им.	кѣ; ка.
Вин.	на; ка.
Род.-Мѣстн.	наю; каю.
Дат.-Твор.	нама; кама.

Формы дат. ед. ми, ти, си и вин. ед. мѧ, тѧ, сѧ—энклитическія; формы вин. мн. ч. нѫ, кѫ обычно также—энклитическія.

Форма Зогр. Ев. мьнѣ, вѣроятно, представляетъ своимъ ь результатъ вліянія на первоначальное ѣ послѣдующаго мягкаго слога; въ Мар.—чаще мѧнѣ, чѣмъ мьнѣ, въ Остром.—постоянно мѧнѣ. Въ Кіев. М. им. мн. ч.—нѫ вм. мы другихъ текстовъ. Формы вин. мн. нѫ, кѫ и вин. дв. ка употребляются иногда, какъ энклитическія формы дат. падежа (нѫ въ Клоц. Сб., Супр., Син. Мол., кѫ въ Супр. и Син. Мол., ка—въ Супр.). Въ Син. Пс. и Син. Тр. вм. мене встрѣчаемъ мнѣ: ср. отношеніе тебе, себе и тебѣ, себѣ (мѧнѣ дало мнѣ).

Мѣстоименія указательныя, вопросительныя и притяжательныя.

§ 92. Основа на -о.

Единств. ч.

Им.	тъ	та	то
Вин.	тъ	тѫ	то
Род.	того	тоѭ	того
Дат.	томоу	тои	томоу
Твор.	тѣмь	тоѭ	тѣмь
Мѣстн.	томь	тои	томь

Множ. ч.

Им.	ти	тѫ	та
Вин.	тѫ	тѫ	та
Род.	тѣхъ	для всѣхъ родовъ	
Дат.	тѣмъ	» »	»
Твор.	тѣми	» »	»
Мѣстн.	тѣхъ	» »	»

Двойств. ч.

Им.-Вин.-Зв.	та	тѣ	тѣ
Род.-Мѣстн.	тою	для всѣхъ родовъ	
Дат.-Твор.	тѣма	» »	»

По данному образцу измѣняются овъ, онъ, такъ, какъ, ꙗкъ, вьсакъ, сикъ, самъ,—напримѣръ: такого, такомоу, тацѣмь, такомь; таци, тацѣхъ, тацѣмъ, тацѣми, тацѣхъ и т. д. Вопросительное мѣстоименіе къто въ косвенныхъ падежахъ представляетъ измѣненіе лишь первой части—къ: кого, комоу, цѣмь, комь (форма вин. замѣняется формой родит. падежа—кого).

Въ словахъ толикъ, коликъ, ѥликъ, селикъ, дроугъ, мъногъ находимъ колебаніе между именнымъ и мѣстоименнымъ склоненіемъ. Также и отъ тъ, самъ, такъ, овъ встрѣчаются формы, образованныя по аналогіи сложнаго склоненія прилагательныхъ: тъи въ Клоц., тиї им. мн. въ Супр., тъıѩ вин. мн. муж. р. въ Супр., тъıѩ им. мн. жен. р. въ Савв., такъıѩ вин. мн. муж. р. въ Супр., самии им. мн. м. р. въ Супр., самое им. ед. сред. рода въ Супр., овıи им. мн. муж. рода въ Асс., Зогр.: ср. Scholvin, Arch. II, 569 c.

§ 93. Основа на -jo.

Единств. ч.

Им.	(и-же)	(ꙗ-же)	(ѥ-же)
Вин.	и, (и҃)ь	ѭ	ѥ
Род.	ѥго	ѥѩ	ѥго
Дат.	ѥмоу	ѥи	ѥмоу
Твор.	имь	ѥѭ	имь
Мѣстн.	ѥмь	ѥи	ѥмь

Множ. ч.

Им.	(и-же)	(ѩ-же)	(ꙗ-же)
Вин.	ѩ	ѩ	ꙗ
Род.	ихъ	ихъ	ихъ
Дат.	имъ	какъ въ мужескомъ	
Твор.	ими	» »	»
Мѣстн.	ихъ	» »	»

Двойст. ч.

Им.	(ꙗ-же)	(и-же)	(и-же)
Род.-Мѣстн.	ѥю	»	»
Дат.-Твор.	има	»	»
Вин.	ꙗ	и	и

Форма им. п. ед., мн. и двойств. числа встрѣчается лишь въ составѣ сложнаго (по значенію—относительнаго) мѣстоименія иже.

Вин. п. ед. ч. муж. р. встрѣчается или въ формѣ и (изъ *jь): тъгда поѭтъ и диꙗволъ.... и постави и Мар. Матѳ. IV, 5, и т. п.,—или -ь послѣ предлоговъ: въ̑нь, за̑нь (ср. § 57).

Форма вин. дв. жен. р. и датирована Супрасльской рукописью,—ср. Leskien Handbuch[5], 98 с.

По данной системѣ измѣняются мои, твои, свои, нашь, вашь, чии. Изъ твоѥѩ, своѥѩ (род. ед. жен. р.) получаются твоѩ, своѩ Супр.,—ср. Leskien Handbuch[5], 90 с.

Рядомъ съ сикъ (ср. § 92) существуетъ сиць—сица—сице, имѣющее съ сикъ общія формы дат., твор., мѣстн. мн. ч.: сицѣмъ, сицѣми, сицѣхъ.

Взаимное отношеніе этихъ формъ должно понимать въ томъ смыслѣ, что при схемѣ сикъ, сикого, сика, сикоѩ и т. д...., сицѣмъ, сицѣми, сицѣхъ и т. д. въ силу вліянія предшествующаго палатальнаго гласнаго, ограниченнаго извѣстными условіями, получились въ нѣкоторыхъ падежахъ формы съ ц, которое могло быть перенесено аналогіей и въ другія формы, отсюда—сиць, сица, сице, сицего, сицѫ рядомъ съ сикъ, сика, сико, сикого, сикѫ.

Прилагательное тоуждь рядомъ съ формами по сложному склоненію имѣетъ также формы по мѣстоименному -jo- склоненію: ср. въ Мар. Ев.—въ тоуждемъ 272, 12; по тоуждемъ 357, 10; но—отъ тоуждиихъ 60, 20.

Точно такъ-же мѣстоименіе кꙑи (коѥго, коѥмоу и т. д.) въ формахъ им.-вин. ед. кꙑи, твор. ед. кꙑимь, им. мн. ции (изъ *koi̯-ji) и иныхъ формахъ множеств. числа. (кꙑѩ, каꙗ, кꙑихъ, кꙑимъ, кꙑими) представляетъ сложное склоненіе (ср. добрꙑи, добрии и т. д.); въ иныхъ падежахъ—формы мѣстоименнаго склоненія отъ основы *koje-: коѥго, коѥмоу, коѥмь, коѥѩ, коѥи, коѭ, коѥѭ.

Въ вин. п. ед. ч. жен. р. встрѣчается форма, образованная по типу сложнаго склоненія,—кѫѭ въ Супр., также въ им.-вин. дв. ч. жен. рода цѣи въ Супр.; наоборотъ, въ род. мн. при кꙑихъ встрѣчаемъ коихъ въ Зогр.,—ср. Leskien, Handbuch[5], 100 с.

§ 94. По образцу и(же)—ѥго—ѥмоу и т. д. склоняются также сь, вьсь и чь-то; послѣднее измѣняется лишь въ первой части.

Единств. ч.

Им.	сь	си	се
Вин.	сь	сиѭ (сьѭ)	се
Род.	сего	сеѩ	сего
Дат.	семоу	сеи	семоу
Твор.	симь	сеѭ	симь
Мѣстн.	семь	сеи	семь

Множ. ч.

Им.	сии	сиѧ (сьѧ)	си
Вин.	сиѧ (сьѧ)	сиѧ (сьѧ)	си
Род.	сихъ	какъ въ муж.	родѣ
Дат.	симъ	» » »	»
Твор.	сими	» » »	»
Мѣстн.	сихъ	» » »	»

Двойств. ч.

Им.-Вин.	сима (сьма)	си	—
Род.-Мѣстн.	сею	какъ въ муж.	родѣ
Дат.-Твор.	сима	» » »	»

Относительно формъ сиѭ, сиѧ, сима ср. § 56, п. 6. На основу *sьjo-, отражающуюся въ этихъ формахъ, указываетъ и форма им. ед. ч. муж. р. сы (т. е. сь-і) Кіевскаго Миссала, обычное сии Зогр. Евангелія, сеи Син. Требника (11 b); та-же основа—въ вин. п. ед. ч. муж. р. сии Супр., въ им. ед. сред. р. сиѥ Супр., Остром. (153[6]), Син. Тр., въ им. ед. ч. жен. р. сиі (си) Зогр., Асс. и им. мн. ч. сии (сіи, сиі), при которомъ встрѣчается си (Савв., Супр., Остром.).

Форма им.-вин. мн. ч. сред. р. въ Ассем. является въ видѣ сии.

Вопросительное мѣстоименіе чьто въ род. п. имѣетъ двѣ формы: чесо и чьсо; данныя памятниковъ показываютъ, что форма чесо древнѣе; форма чьсо встрѣчается (одинъ разъ) уже въ Кіевскомъ Миссалѣ (ничьсоже); но Зографское Ев. предпочитаетъ формы чесо, ничесоже формамъ чьсо, ничьсоже; Маріинское Ев., столь архаическое въ области формъ и лексики, употребляетъ исключительно чесо и обычно ничесоже; всего 6 разъ встрѣчается въ немъ ничьсоже; исключительно чесо, ничесоже употребляютъ Ассем. и Савв.; въ Остром. рѣдко чьсо при чесо, ничьсоже при ничесоже; только въ Супрасл. чьсо (чсо), ничьсоже (ничсоже) рѣшительно преобладаетъ надъ формами съ -е. Отъ формы род. п., какъ отъ основы, образована форма дат. п. чесомоу, чьсомоу: въ Зогр. та и другая форма по 2 раза; въ Мар.—только чесомоу, въ Асс. Остр. чесомоу; форма чемоу сохранена лишь Супрасльской рукописью; та-же форма чесо—чьсо послужила затѣмъ основой для образованія формы не только мѣстнаго падежа—чесомь при чемь (Мар. Супр.), но и род. п.—чесого (Савв. Супр.).

О кьсь ср. § 56, п. 11.

Единств. ч.

Им.	кьсь	кьсїа (кьса)	кьсе
Вин.	кьсь	кьсѭ	кьсе
Род.	кьсего	кьсеѭ	кьсего
Дат.	кьсемоу	кьсеи	кьсемоу
Твор.	кьсѣмь	кьсеѭ	кьсѣмь
Мѣстн.	кьсемь	кьсеи	кьсемь

Множ. ч.

Им.	кьси	кьсѧ	кьсїа (кьса)
Вин.	кьсѧ	кьсѧ	кьсїа (кьса)
Род.	кьсѣхъ	какъ въ муж. родѣ	
Дат.	кьсѣмъ	» » »	»
Твор.	кьсѣми	» » »	»
Мѣстн.	кьсѣхъ	» » »	»

Форма кьса (им. ед. жен. р. и им.-вин. сред. р. мн. ч.) датируется Супр., Савв., Клоц. Сб., Остром. Ев., древнѣйшіе глаголическіе тексты: Кіев. М., Зогр., Мар. ея не знаютъ; можно думать поэтому, что она— вторична.

Склоненіе числительныхъ.

§ 95. Числительное ѥдинъ склоняется по мѣстоименному склоненію,—какъ тъ, онъ, объ, самъ; ѥдинъ, ѥдиного, ѥдиномоу и т. д.; при этомъ встрѣчаются однако формы, образованныя по сложному склоненію, т. е. ѥдинаго, ѥдиноуоумоу; въ косвенныхъ падежахъ имѣются также формы съ основой ѥдьн- (Супрасл.). Числительное дъва измѣняется, какъ тъ въ двойств. числѣ, т. е. им.-вин. дъва муж. р., дъвѣ жен. и сред. р.; род.-мѣстн. дъвою, дат.-твор. дъвѣма; такъ-же измѣняется оба. Числительное трие (трье) для муж. р., три для женск. и средн. рода имѣетъ въ вин. п. сред. и жен. рода тоже форму три; въ остальныхъ падежахъ формы женск. и сред. р. совпадаютъ съ формами муж. р., которыя представляютъ склоненіе -і- основъ во множ. (ср. § 81): род. трии (трьи), дат. трьмъ, вин. три, твор. трьми, мѣстн. трьхъ.

Числительное четъıре измѣняется слѣдующимъ образомъ.

муж. р. четъıре—жен. р. четъıри—сред. р. четъıри

Вин.	четъıри	какъ въ муж. родѣ
Род.	четъıръ	» » » »
Дат.	четъıрьмъ	» » » »
Твор.	четъıрьми	» » » »
Мѣстн.	четъıрьхъ	» » » »

Форма им. п. муж. р. и род. п.,—очевидно, представляютъ формы склоненія основы на согласный; формы им. жен. и сред. р.—склоненія i-основы; остальныя формы общи тому и другому склоненію; въ род. п. Зогр. (при четꙑрѣ), Супр., Савв., Остр. имѣютъ четꙑрь, которое, вопреки Шолвину Arch. II, 557, должно признать вторичнымъ.

Числительныя пать, шесть, седмь, осмь, дєкать склоняются, какъ основы на -i женскаго рода: десать имѣетъ нѣкоторыя формы, образованныя по склоненію основъ на согласный,—при иныхъ съ окончаніями i-основъ: мѣстн. п. ед. ч. десати, но—єдинѣ на десате (=11); им. мн. десате, род. мн. десатъ и десатии (Зогр.); твор. п. мн. десатꙑ; при этомъ въ двойств. ч. десать употребляется, какъ имя муж. р.: дъва десати; во множ. ч. находимъ три десате (Остром.), четꙑре десате и четꙑри десати (Супр.),—ср. Scholvin, Arch. II, 557 c.

Дальнѣйшія числа до 20 выражаются сложеніемъ: єдинъ на десате, дъва на десате и т. д.; десятки: дъва десати, три десати (или десате), четꙑре десати (или десате), пать десатъ, шесть десатъ и т. д.

Числительное сто склоняется, какъ имя существительное съ основой на -о; ста, стоу и т. д., двѣ стѣ, три ста, четꙑре ста, пать стъ, шесть стъ, седмь стъ и т. д.—до 1000: тысѧща (тысѧща), которое измѣняется, какъ душа.

Порядковыя числительныя прьвъ, вторъ, четврьтъ, патъ, шестъ, седмъ, осмъ, дєватъ, десатъ склоняются, какъ прилагательныя съ основой на -о, третии (третьи), какъ прилагательныя съ основой на -jo, т. е. по именному или же сложному склоненію.

Склоненіе прилагательныхъ.

§ 96. Имена прилагательныя измѣняются или по именному склоненію, или же по склоненію сложному (ср. выше, § 58). То-же можно сказать о причастіяхъ. Такимъ образомъ, новъ склоняется, какъ рабъ, нова (жен. р.), какъ рабꙗ, ново (сред. р.), какъ лѣто; синь—какъ конь, синꙗ—какъ земля, синє—какъ поле; такъ-же—белии—белиꙗ—белиє.

Формы причастія наст. и прош. вр. дѣйствительнаго залога въ именномъ склоненіи отличаются отъ склоненія прилагательныхъ типа синь—синꙗ—синє лишь въ им. ед. и им. мн. ч. муж. р.: ср. синь—синꙗ—синє и несꙑ—несѧщи—несꙑ, знаѧ—знаѧщи—знаѧ, молѧ—молѧщи—молѧ—прич. наст. вр.; несъ—несъши—несъ, хвалѣ—хвалѣши—хвалѣ—прич. прош. вр.; им. мн. ч. сини, но несѧще, знаѧще, молѧще—прич. наст. вр., несъше—хвалѣше—прич. прош. времени: о формахъ имен. ед. ч. ср. выше,—§ 74; въ косвенныхъ падежахъ основа осложнилась

суффиксомъ -jo; им. мн. ч.,—старая форма основъ на согласный на -е,—подъ вліяніемъ иныхъ формъ имѣетъ также -шт изъ -tj (*nesǫtje вм. *nesǫte); форма несъше представляетъ рефлексъ прасловян. *nes-ъs-e (-ъs-e> -ъch-e> -ъš-e).

Склоненіе прилагательныхъ сравнительной степени: мьн̂ии—мьн̂ьши—мьнѥ, новѣи—новѣиши—новѣѥ и т. п. (ср. § 59) въ общемъ аналогично склоненію причастій, т. е. также представляетъ въ муж. и сред. родѣ окончаніе основъ на -jo, а въ женскомъ—основъ на -ja.

Должно лишь замѣтить, что форма вин. п. ед. ч. средн. рода причастій нетожественна съ формой им. ед., какъ то имѣетъ мѣсто въ формахъ сравнительной степени, но представляетъ, какъ и иныя падежныя формы кромѣ им. ед., основу на согласный, расширенную суффиксомъ -jo.

Такимъ образомъ: при им. ед. средн. р. несъı—вин. п. несѫште, при знаѭ—знаѭште, при молѧ—молѧште, при несъ—несъше, при хва̂ль—хва̂льше.

Примѣчаніе. Въ Супр. находимъ съı вин. ед. сред. р.,—ср. Scholvin, Arch. II, 544.

Между тѣмъ форма вин. ед. ч. сред. р. сравнит. степени обычно, какъ и именительнаго,—мьнѥ, болѥ, новѣѥ. Впрочемъ, отъ этой обычной нормы встрѣчаются отступленія: такъ, въ Савв., Остром., Супр. находимъ при болѥ вин. п. ед. ч. сред. р.—бо̂льше: ср. Scholvin, Arch. II, 548—549 с., Дополненіе къ переводу Лескина, 181 с. Съ другой стороны, форма вин. п. ед. ч. сред. р. причастій замѣняетъ иногда старую форму именительнаго: назнаменоуѭште им. п. сред. р. Супр., ср. Archiv II, 544 с., то-же въ формахъ сравнительной степени: множаише, честнѣише Супр.,—ibid. 548 с.

Форма вин. п. ед. ч. муж. р. сравнительной степени обычно тожественна съ формой именительнаго, что должно признать вторичнымъ фактомъ,—мьн̂ии им. и вин. ед. ч. муж. рода, какъ и въ положительной степени велии; но въ Клоц. Сб. находимъ вин. ед. муж. рода лоучъшъ (Arch. II, 550 с.).

Примѣчаніе. Рядомъ съ мьн̂ии, бо̂лии, крѣп̂лии—въ памятникахъ находимъ мьн̂ьи, бо̂льи, крѣп̂льи и въ силу измѣненія ь въ е: мьн̂еи, бо̂леи, крѣп̂леи и т. п.,—ср. Scholvin Arch. II, 550 с. Объ отношеніи формъ съ и и съ ь см. § 69.

Форма им. мн. ч. муж. р. причастій обычно имѣетъ старое окончаніе основъ на согласный -е, но изрѣдка встрѣчаются и формы съ но-

вымъ окончаніемъ jo- основъ -и: видѣвъши Мар. 4, 22, въходѧщи Мар. 19, 27; то-же изрѣдка наблюдается въ Супр., Остром., Син. Пс. То-же явленіе находимъ въ формѣ им. мн. муж. р. сравнит. степени: соулѣиши Зогр. Асс., множаиши Асс., бол҄ьши и т. п. Супр., лоучъши Савв. Остром. (ср. Arch. II, 551 с., Добавленіе къ переводу грамм. Лескина, 181 с.).

Примѣчаніе. О единичныхъ случаяхъ окончанія -и въ им.-вин. мн. ч. сред. р. и дѣепричастномъ употребленіи формы им. мн. причастій см. у Шолвина,—Arch. II, 553—555 сс.

§ 97. О принципѣ образованія формъ прилагательныхъ опредѣленныхъ ср. § 58. Схема склоненія въ древне-церк.-словянскомъ языкѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Единств. ч.

Им.	новꙑи	новаꙗ	новоѥ
Вин.	= им. п.	новѫѭ	= им. п.
Род.	новаѥго	новꙑѩ	какъ въ муж. р.
Дат.	новоуѥмоу	новѣи	» » » »
Твор.	новꙑимь	новоѭ, новѫѭ	
Мѣстн.	новѣѥмь	новѣи	

Двойств. ч.

Им.-Вин.	новаꙗ	новѣи	новѣи
Род.-Мѣстн.	новоую	какъ въ муж. родѣ	
Дат.-Твор.	новꙑима	» » » »	

Множ. ч.

Им.	новии	новꙑѩ	новаꙗ
Вин.	новꙑѩ	какъ им. п.	какъ им. п.
Род.	новꙑихъ	какъ въ муж. родѣ	
Дат.	новꙑимъ	» » » »	
Твор.	новꙑими	» » » »	
Мѣстн.	новꙑихъ	» » » »	

Единств. ч.

Им.	вꙑшьн҄ии	вꙑшьнꙗꙗ	вꙑшьнѥѥ
Вин.	какъ им. п.	вꙑшьнѭѭ	какъ им. п.
Род.	вꙑшьнꙗѥго	вꙑшьнѩѩ	какъ въ м. р.
Дат.	вꙑшьнюѥмоу	вꙑшьн҄ии	» » » »
Твор.	вꙑшьн҄иимь	вꙑшьнѥѭ, вꙑшьнѭѭ	» » » »
Мѣстн.	добл҄иимь	вꙑшьн҄ии	» » » »

Двойств. ч.

Им.-Вин.	вꙑшьнꙗꙗ	вꙑшьн҃ии	вꙑшьн҃ии
Род.-Мѣстн.	вꙑшьнюю	какъ въ муж. родѣ	
Дат.-Твор.	вꙑшьн҃иима	» » » »	

Множ. ч.

Им.	вꙑшьн҃ии	вꙑшьнѩѩ	вꙑшьнꙗꙗ
Вин.	вꙑшьнѩѩ	какъ им. п.	какъ им. п.
Род.	вꙑшьн҃иихъ	какъ въ муж. родѣ	
Дат.	вꙑшьн҃иимъ	» » » »	
Твор.	вꙑшьн҃иими	» » » »	
Мѣстн.	вꙑшьн҃иихъ	» » » »	

Причастія въ опредѣленной формѣ и формы сравнительной степени склоняются такимъ же образомъ:

Им. ед. несꙑи—несѫштиꙗ—несѫштеѥ
Вин. несѫштии—несѫштѫѭ—несѫштеѥ
Род. несѫштаѥго—несѫштѧѩ—несѫштаѥго и т. д.

Им. несꙑи—несꙑшиꙗ—несꙑшеѥ
Вин. несꙑшии—несꙑшѫѭ—несꙑшеѥ
Род. несꙑшаѥго—несꙑшѧѩ—несꙑшаѥго и т. д.

Им. мьн҃ии—мьн҃ьшиꙗ —
Вин. мьн҃ии—мьн҃ьшѫѭ—мьн҃ьшеѥ
Род. мьн҃ьшаѥго—мьн҃ьшѧѩ—мьн҃ьшаѥго и т. д.

Въ формѣ им. ед. сред. р. причастій имѣемъ, такимъ образомъ, сложеніе съ мѣстоименной формой ѥ формы несѫште, несꙑше, которую въ именномъ склоненіи находимъ въ вин. п. (им. п.—несꙑ, несꙑ); въ формѣ вин. п. ед. ч. сред. р. прилагательныхъ сравнит. степени находимъ рядомъ съ бо҆льшеѥ, го҆рьшеѥ—болѥѥ, вꙑшеѥ (Arch. II, 549 c.); послѣднія формы представляли, очевидно, первоначально формы им. ед. сред. р.; форма им. ед. сред. рода не документирована.

Форма им. мн. муж. р. причастій и прилагательныхъ сравнительной степени отличается отъ формы прилагательныхъ положительной степени постольку, поскольку отличаются другъ отъ друга краткія формы тѣхъ и другихъ: несѫштеи, несꙑшеи, мьн҃ьшеи; въ единичныхъ случаяхъ встрѣчаются формы им. мн. муж. р. сравнительной степени на -ии: Ср. Scholvin Arch. II, 551 c.

§ 98. Нѣкоторыя падежныя формы сложнаго склоненія нуждаются въ особыхъ замѣчаніяхъ.

1. О формахъ им. п. ед. ч. муж. р. и род. множ. см. выше, § 22.

2. При формахъ род. мн. на -иихъ, дат. мн. на -иимъ причастій въ памятникахъ встрѣчаются формы на -еихъ, -еимъ: чаѭштеіхъ, слъішѧштеімъ, вьзлежѧштеімъ, посълавъшеімъ Зогр., ѣдъшеимъ, въходѧштеимъ Мар., иштѫштеімъ Супр., бъіваѭщеіхъ Савв.,—ср. Leskien Handb.[5], 106 с.

Повидимому, е является въ этихъ формахъ подъ вліяніемъ формы им. мн. ч., какъ думаетъ Leskien (ibid.): ср. отношеніе въішьн҃ии : въішьн҃иимъ и чаѭштеи : чаѭштеимъ вмѣсто стараго чаѭштиимъ. Отсюда затѣмъ е могло проникнуть и въ мѣстн. ед. ср. о...каѭштеімьсѧ Зогр. (ср. Arch. II. 236 с., Leskien l. c.).

3. Формы род. и дат. п. ед. ч. муж. и сред. р. на -аѥго, -оуѥмоу представляютъ древнѣйшій видъ и датируются Зографскимъ Ев., Маріинскимъ Ев. и Сборникомъ Клоца. Рядомъ съ этими формами памятники представляютъ еще два вида формъ: ассимилированныя на -ааго, -оуоумоу и стяженныя на -аго, -оумоу; и тотъ, и другой типъ формъ встрѣчается уже въ древнѣйшихъ памятникахъ, какъ Зогр., Мар.

Кіевскій Миссалъ имѣетъ исключительно стяженныя формы; тѣмъ не менѣе врядъ ли можно считать формы Зогр. и Мар. на -аѥго, -оуѥмоу за позднія діалектическія формы вторичнаго происхожденія,—получившіяся подъ вліяніемъ ѥго, ѥмоу,—какъ думаетъ Фортунатовъ и за нимъ Щепкинъ: Roczn. Slaw. III, 216 с.

Формы Зогр. и Мар. на -аѥго, -оуѥмоу представляютъ слабые отзвуки кирилломеѳодіевской эпохи, между тѣмъ какъ формы на -ааго, -аго— болѣе позднія наслоенія. Кіевскій Мисс., несомнѣнно, старше послѣдняго писца Зогр. и Мар. Ев., какъ видно изъ его фонетики и палеографіи, но текстъ его по своему происхожденію—моложе (ср. выше чьсо). Кромѣ того возможно, что въ отдѣльныхъ говорахъ формы на -ааго, -аго, -оуоумоу, -оумоу получились изъ -аѥго, -оуѥмоу неодновременно.

4. Въ формѣ мѣстн. п. ед. ч. муж. и сред. р. -ѣѥмь въ силу ассимиляціи дало -ѣѣмь: ср. въ Супр. добрѣѣмь и т. п., изъ -ѣѣмь чрезъ стяженіе -ѣмь: грѣшьнѣмь, богатѣмь и т. п. уже въ Зогр., Мар. Въ Асс. Ев. и Супр. встрѣчаются формы на -ѣамь: адьстѣамь и т. п.

5. Стяженіе наблюдается и въ иныхъ формахъ: въ твор. п. ед. ч. -ъімь, -имь изъ -ъіимь, -иимь, дат. мн. -ъімъ, -имъ изъ -ъіимъ, -иимъ, твор. мн. -ъіми, -ими изъ -ъіими, -иими и т. д.

6. Въ твор. п. ед. ч. жен. рода при обычной формѣ на -оѭ, -ѥѭ изрѣдка встрѣчается форма на -ѫѭ—въ Зогр., Мар., Ассем., Супр., Син. Мол.,—ср. Лескинъ Handbuch[6], 106 с.

Форма эта получена изъ соединенія діалект. формы твор. п. ед. ч. жен. рода *novǫ и *(je)jǫ.

7. Наконецъ, должно отмѣтить, что въ памятникахъ встрѣчаются единичные примѣры вытѣсненія флексій сложнаго склоненія прилагательныхъ флексіями мѣстоименнаго склоненія: въ Савв. книгѣ елѣ живого сѫща 56 л., Асс. Ев. благовѣрномоу (въ календарѣ, изд. Чрнчича 165 с.); Пражск. листки—слѣпомоу (I, 22). Факты эти, очевидно, относятся къ говорамъ XI вѣка.

Спряженіе.

Общія замѣчанія.

§ 99. Среди глаголовъ др.-церк.-словянскаго языка можно, согласно принятому въ наукѣ дѣленію, различить пять классовъ, причемъ принципомъ классификаціи является основа наст. времени, при дальнѣйшемъ же дѣленіи принимается во вниманіе основа инфинитива.

Такимъ образомъ, I классъ составляютъ глаголы съ основой наст. времени на -e (o); въ этомъ классѣ можно различить a) глаголы съ основой инфинитива, равной корню (несетъ—нести), и b) глаголы съ основой инфинитива на -a- (беретъ—бьрати).

II-й классъ: глаголы съ суффиксомъ въ наст. вр. -ne-, причемъ въ инфинитивѣ—суффиксъ -nǫ- (двигнетъ—двигнѫти).

III-й классъ: глаголы съ суффиксомъ -je- въ формахъ настоящаго времени; глаголы этого класса съ суффиксомъ -je-, присоединеннымъ къ корню на гласный, не всегда могутъ быть отличены отъ глаголовъ I класса,—съ суффиксомъ -e- послѣ корня на гласный, такъ какъ между гласнымъ корня и суффиксальнымъ -e- часто было коренное i̯ (j). Въ глаголахъ этого класса можно такъ же, какъ и въ I классѣ, различить a) такіе, въ которыхъ основа инфинитива входитъ въ составъ основы настоящ. времени, какъ млѣти—мелѥтъ (млѣти изъ *melti), знати—знаѥтъ, цѣлѣти—цѣлѣѥтъ, дѣлати—дѣлаѥтъ и b) такія, въ которыхъ основа инфинитива имѣетъ суффиксальное -a, не входящее въ основу наст. времени: таꙗти—таѥтъ, орати—орѥтъ, коуповати—коупоуѥтъ.

IV классъ: глаголы съ основой наст. времени на -i—a) съ тѣмъ же -i- въ основѣ инфинитива (молитъ : молити) и b) съ основой инфинитива на -ě (видитъ—видѣти).

V классъ составляютъ глаголы нетематическаго спряженія (ср. § 60).

Примѣчаніе. Ср. такое раздѣленіе у Лескина. Нѣсколько иную классификацію предлагаетъ Ягичъ въ Arch. XXVIII 17—27: однако различіе между первичными и вторичными глаголами, играющее существенную роль въ этой

классификаціи, врядъ-ли можетъ быть строго проведено, и раздѣленіе глаголовъ типа сѣѣти—сѣѭ, чаѣти—чаѭ, копаѭ—копати на два класса (сѣѣти, чаѣти—III-й классъ, копати—V-й классъ) врядъ ли вызывается необходимостью. О древне-церк.-слов. спряженіи вообще ср. Wiedemann «Beiträge zur altbulgarischen Konjugation» 1886 г.

§ 100. О личныхъ окончаніяхъ др.-церк.-словянскаго глагола необходимо сдѣлать слѣдующія общія замѣчанія, относящіяся ко всѣмъ классамъ глагола.

Въ формѣ 3 л. ед. и множ. ч. наст. вр. обычной нормой является окончаніе -тъ. Въ Савв. книгѣ находимъ при обычномъ -тъ-ѣсть, нѣсть (2 раза), кѣсть (2 раза), моудить, мьнить; кромѣ того въ нѣсколькихъ случаяхъ ь исправлено на ъ: въ ѣстъ (2 р.), нѣстъ (2 р.), ходитъ, отъпоуститъ. Въ Супр. рукописи—нѣсколько разъ ѣсть (5 р.), имать, оголитьѥ, молить. Въ Асс. Ев. Видеманъ насчитываетъ 34 примѣра флексіи -ть, изъ нихъ 25 въ глаголахъ нетематическаго спряженія: ѣсть, нѣсть, дасть, вѣздасть, прѣдасть, сънѣсть. Въ Зографскомъ Ев. въ одномъ случаѣ вполнѣ ясно -ѣсть, въ значительномъ рядѣ другихъ случаевъ неясно,—ъ или ь. Въ главной части Остромирова Ев., въ общемъ сохраняющей безъ измѣненія черты др.-ц.-слов. оригинала, лишь въ нѣсколькихъ случаяхъ имѣется въ 3 л. ед. и 3 л. мн. ч. -тъ, обычно же -ть. Изъ этого Фортунатовъ заключаетъ, что -ть преобладало надъ -тъ уже въ др.-ц.-слов. оригиналѣ Остромирова Ев. и слѣдовательно было діалектическимъ явленіемъ въ старо-словянскихъ говорахъ, отразившихся въ др.-ц.-слов. памятникахъ. То-же -ть наблюдается въ формѣ 2—3 л. ед. ч. аориста глаголовъ нетематическаго спряженія: въ Савв. кн. вѣсть, дасть, въ Супр. дасть, въ Ассем., вѣсть; въ Остром. вѣсть, дасть, ѣсть, прѣвѣсть, прѣдасть и т. д.

Примѣчаніе. См. Фортунатова «Старославянское -тъ въ 3-мъ лицѣ глаголовъ» Изв. XIII, кн. 2, 36 и слѣд.

О формахъ типа прославитъі-и, оубиѭтъи-и (съ измѣненіемъ ъ въ ъі въ энклитическомъ сочетаніи съ послѣдующимъ и) ср. въ отдѣлѣ фонетики, § 22. Къ области фонетики относится также измѣненіе -тъ въ закрытомъ слогѣ въ -то: ср. можето-сь Мар. Ев. и т. п. примѣры въ Асс., Син. Пс. (ср. Wiedemann, Beiträge 13 с.).

О формахъ 3 л. ед. и мн. ч. съ вторичнымъ окончаніемъ, затѣмъ отпавшимъ, было упомянуто: см. § 66. Кромѣ приведенныхъ—достои, подобаа, ѥ—3 л. ед. ч. въ Зогр.. може, хоштѥ, сѫ въ Супр.,—ср. ѥ (3 р.) въ Клоц., ѥ, нѣ, бѫдѥ въ Мар., ѥ; сѫдѥ въ Асс., ѥ (2 р.), нѣ въ Савв., ѥ въ Син. Пс., нѣ, бѫдѥ, играѥ, прѣдаѥ, желѣѥ, праздьноуѥ, сѣди, нари-

цаѭ, оклевештѫ и т. д.—въ Супр., бѫде въ л.л. Ундол.,—ср. Wiedemann, Beiträge 13—14 с., 24 с.

Окончаніемъ 1 л. мн. ч. является обычно -мъ (въ силу смѣшенія ъ и ь -мь); однако уже въ др.-ц.-слов. памятникахъ находимъ -мъі не только въ тѣхъ случаяхъ, когда форма 1 л. мн. ч. имѣетъ за собою энклитическое и (слъішахомъі-и Мар. и т. п.), но и внѣ этого условія: вѣмъі Зогр., поспѣшимъі, сьнидохомъі сѧ, напльнѩемъі, ицѣлѣхомъі Супр.,—ср. Wiedemann, Beiträge 8 с.; -мъі, получившееся изъ -мъ въ положеніи предъ и, было поддержано мѣстоименіемъ мъі и являлось внѣ первоначальныхъ условій. Съ другой стороны, находимъ и -мо изъ -мъ: пожрѣхомо-и Син. Пс., оубиѣмо-и Ассем. (Wiedemann, 8 с.).

Въ отношеніи окончаній 3 л. двойств. ч. между памятниками наблюдается разногласіе: особое окончаніе 3 л. -те исключительно употребляется въ Мар., Клоц. Сб. и Син. Псалт.; въ Зографскомъ Ев. при 87 примѣрахъ -те находимъ уже 11 примѣровъ -та, въ Ассем. Ев. 10 примѣровъ -та противъ 75 -те; наоборотъ, въ Савв. книгѣ -та въ 3 л. уже гораздо чаще, въ Супрасл. рукописи -та—обычно, -те—въ видѣ исключеній; въ Остром. -те изрѣдка, обычно же -та:—ср. Wiedemann, 25—26 сс., Дополненія къ переводу Лескина 185 с. Несомнѣнно, что окончаніе -те,—болѣе древнее, постепенно вытѣснялось окончаніемъ -та, которое сознавалось, какъ исключительно окончаніе двойств. числа, а потому было болѣе удобно: -те совпадало съ окончаніемъ 2 л. мн. ч.

Примѣчаніе. Какъ отмѣтилъ Беличъ, появленіе -та въ Зогр. Ев. въ нѣкоторыхъ случаяхъ связано съ замѣной писцомъ формы аор. болѣе стараго типа, еще сохраненной въ Мар. Ев., — формой аориста новаго типа: Мар. привѣсте—Зогр. приведоста, Мар. рѣсте—Зогр. рекоста, Мар. оужасете—Зогр. оужаснѫста.

Новой чертой, не характеризующей кирилло-меѳодіевскихъ оригиналовъ, является окончаніе 2 и 3 л. дв. ч. -тѣ при подлежащемъ въ женскомъ или среднемъ родѣ: посъластѣ (сестрѣ), текостѣ, идѣстѣ (мариꙗ.... и дроугаꙗ мариѣ), ѩстѣ (онѣ), поклонистѣ сѧ (онѣ), видѣстѣ (очи)—въ Савв., ѩстѣ (тѣ),—въ Супр., посъластѣ, текостѣ, поклонистѣсѧ, радоуитѣ сѧ (2 л.)—въ Остром.,—ср. Wiedemann, 26 с. Несомнѣнно это -тѣ явилось подъ вліяніемъ окончанія въ тѣ, онѣ, женѣ, селѣ и т. д.

Въ формахъ имперфекта въ др.-церк.-слов. памятникахъ наблюдается двойственность флексій во 2 л. множ. ч. и 2—3 л. дв. ч. -шете и -сте, шета и -ста. Данныя памятниковъ не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что первый видъ окончаній (-шете, -шета) древнѣе второго (-сте, -ста): въ Зограф. и Сборн. Клоца имѣются лишь формы на -шете, -шета, въ Мар. отношеніе первыхъ ко вторымъ (-шета, -шете: -ста, -сте)=

25 : 1; въ Ассем. это отношеніе=9 : 8, въ Савв. употребляются исключительно -сте, -ста, въ Супр. обычны -сте, -ста: -шете, -шета встрѣчаются лишь изрѣдка, въ Остром., какъ и въ Савв. -шете, -шета не встрѣчаются (ср. Wiedemann, Beiträge, 42 с.).

I. *Глаголы съ основой наст. времени на* -е (о).

§ 101. А. Глаголы съ основой настоящаго времени на -е (о) и основой инфинитива, равной корню.

Въ глаголахъ этого рода можно различить еще двѣ группы: а) глаголы, въ которыхъ основа—корень инфинитива оканчивается на согласный и b) глаголы, въ которыхъ эта основа оканчивается на гласный. Однако ко второй группѣ можно съ увѣренностью отнести лишь тѣ глаголы, въ коихъ корень оканчивался дифтонгическимъ сочетаніемъ -eu̯, -ou̯, давшимъ на словянской почвѣ -u (-ju) предъ согласнымъ.

Глаголы съ инымъ гласнымъ въ исходѣ корня и гласнымъ -е въ основѣ настоящаго времени формально совпали съ глаголами III класса (суффиксъ наст. вр. -je), въ силу того, что передъ -е имѣли коренное -i̯- (j). Такъ-какъ трудно рѣшить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, принадлежитъ-ли -j- въ основѣ наст. врем. суффиксу -je-, или-же корню, то схема спряженія глаголовъ съ -je- въ основѣ настоящаго времени дана въ III классѣ.

а) Глаголы съ основой-корнемъ на согласный; въ корнѣ чаще всего гласный -е или -ę (изъ -en), рѣже -о, -ě (изъ -ē), -а (изъ -ō), і, ь, у. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ гласный корня въ основѣ наст. вр. является на ступени редукціи, тогда-какъ въ основѣ инфинитива гласный -е или -о (ср. § 61). Должно при этомъ имѣть въ виду, что прасл. -er, -el въ положеніи предъ согласнымъ является въ видѣ рѣ, лѣ.

α) Коренной гласный -е (ę): ведѫ—вести, везѫ—вести, гнетѫ—гнести, гребѫ—грети, жегѫ—жешти, метѫ—мести, несѫ—нести, плетѫ—плести, рекѫ—решти, текѫ—тешти; въ инфинитивахъ вести, гнести, грети, тешти, жешти имѣемъ результаты прасловянскаго измѣненія группъ dt, tt въ st;, bt въ t; kt-i, gt-i въ t´t´-i, откуда церк.-сл. шт-и; плести—изъ *plect-ti, плетѫ—изъ *plect-ǫ. Сюда же относятся: влѣкѫ—влѣшти, жлѣдѫ—жлѣсти (взимать), плѣвѫ—плѣти (собирать), стрѣгѫ—стрѣшти, блѧдѫ—блѧсти (заблуждаться), оувѧзѫ—оувѧсти (увѣнчать), грѧдѫ—грѧсти, звѧгѫ—звѧшти (пѣть), мѧтѫ—мѧсти, прѧгѫ—прѧшти (напрягать), прѧдѫ—прѧсти, сѧгѫ—сѧшти (достигать), трѧсѫ—трѧсти, блюдѫ—блюсти (ю изъ *-eu̯); въ двухъ глаголахъ ѧ лишь въ наст. вр.: лѧгѫ—лешти, сѧдѫ—сѣсти.

β) Коренной гласный -о (ǫ): бодѫ—бости, могѫ—мошти, владѫ—власти, растѫ—расти, (-ла, ра изъ *-ol, *-or), гѫдѫ—гѫсти; сюда же

относится бѫдѫ (инфинитивъ съ другимъ видомъ корня: бꙑти: отъ того-же корня лишь прич. бѫдꙑи и повелит. бѫди).

γ) Коренной гласный ē или ō, ā (ě или a): кладѫ—класти, падѫ—пасти, пасѫ—пасти, лѣзѫ—лѣсти, сѣкѫ—сѣшти; сюда-же—ѩдѫ.

Примѣчаніе. Отъ корня ѩд-: imperf. ѩдѣахъ, аор. ѩдѣ; ѩдохъ; инфин. и прич. прош.—отъ основы ѩха-: ѩхати, ѩхавъ; прич. прош. также отъ ѩ-: прѣ-ѣвъше Зогр.

δ) Коренной гласный i, ь, у: идѫ—ити, живѫ—жити, стригѫ—стришти, цвьтѫ—цвисти, чьтѫ—чисти; грꙁѫ—грꙁсти.

Примѣчаніе. Отъ глагола идѫ—прич. наст. вр. идꙋи, повел. н. иди, имперф. идѣахъ, аор. идѣ, идохъ; инфин. и супинъ отъ -и: ити, итъ; прош. прич. отъ корня шьд-: шьдъ, шьлъ.

ε) Коренной гласный въ основѣ наст. времени на ступени редукціи, тогда какъ въ инфинитивѣ -е (или о); бьрѫ—брѣти (изъ *verti—запирать), жьрѫ—жрѣти (ѣсть, приносить жертву), мьрѫ—мрѣти, ньрѫ—нрѣти (входить), пьрѫ—прѣти (опирать), сквьрѫ—скврѣти (таять), стьрѫ—стрѣти, тьрѫ—трѣти; сюда же относятся врьгѫ—(врꙁгѫ изъ *vьrgo)—врѣшти, врьзѫ (врꙁзѫ—открывать)—врѣти, врьхѫ (врꙁхѫ)—врѣшти (молотить), чрьпѫ (чрꙁпѫ)—чрѣти, чрьтѫ (чрꙁтѫ)—чрѣсти—рѣзать, мльзѫ (млꙁзѫ)—млѣсти—доить, тлькѫ (тлꙁкѫ)—тлѣшти. Гласные е, о можно предполагать въ корнѣ инфинитивныхъ формъ—жати—жьмѫ, ѭти—имѫ (изъ *jьmǫ), клѧти—кльнѫ, мѧти—мьнѫ, пѧти—пьнѫ, тѧти—тьнѫ, начѧти—начьнѫ, дѧти—дѧмѫ. Сюда же относится сыпати (изъ *sǫp-ti)—сꙁпѫ (сыпать).

b) Глаголы съ корнемъ-основой (инфинитива) на гласный: плокѫ—плоути, рокѫ (рекѫ)—роути, слокѫ—слоути, трокѫ—троути (питать);

В. Глаголы съ основой наст. вр. на -е (о) и основой инфинитива на -а: а) съ корнемъ на согласный и b) съ корнемъ на гласный;

а) берѫ—бьрати, дерѫ—дьрати, перѫ—пьрати (ср. *попрать*), женѫ—гꙁнати, жидѫ—жьдати, искѫ—искати, сысѫ—сысати, (сосать), тыкѫ—тыкати;

b) рыкѫ : рыкати, зовѫ—звкати, ковѫ—ковати (-ок- изъ *-оц).

§ 102. А.

Настоящее время.

Единств. ч.	несѫ,	пьнѫ,	жьрѫ,	плокѫ,
	несеши,	пьнеши,	жьреши,	плокеши,
	несетъ,	пьнетъ,	жьретъ,	плокетъ,

Множ. ч.	несемъ,	пьнемъ,	жьремъ,	плокемъ,
	несете,	пьнете,	жьрете,	плокете,
	несѫтъ,	пьнѫтъ,	жьрѫтъ,	плокѫтъ,
Двойств. ч.	несевѣ,	пьневѣ,	жьревѣ,	плокевѣ,
	несета,	пьнета,	жьрета,	плокета,
	несете,	пьнете,	жьрете,	плокете.

Повел. наклоненіе.

Ед. ч. 2 л.	неси,	пьни,	жьри,	плоки,
	неси,	пьни,	жьри,	плоки,
Множ. ч.	несѣмъ,	пьнѣмъ,	жьрѣмъ,	плокѣмъ,
	несѣте,	пьнѣте,	жьрѣте,	плокѣте,
Двойств. ч.	несѣвѣ,	пьнѣвѣ,	жьрѣвѣ,	плокѣвѣ,
	несѣта,	пьнѣта,	жьрѣта,	плокѣта.

Прич. наст. времени.

несъı,	пьнъı,	жьръı,	плокъı,
несомъ,	пьномъ,	жьромъ,	плокомъ.

Аористъ простой.

Единств. ч.	могъ,	—	—	—
	може,	—	жьре,	—
	може,	—	жьре,	—
Множ. ч.	могомъ,	—	—	—
	можете,	—	—	—
	могѫ,	—	—	—
Двойств. ч.	моговѣ,	—	—	—
	можета,	—	—	—
	можете,	—	—	—

Аористъ сигматическій.

	А. (стараго типа)	В. (новаго типа)
Ед. ч.	нѣсъ, рѣхъ, пасъ, жрѣхъ, плоухъ.	несохъ, рекохъ.
	несе, рече, па, жрѣ, плоу.	(несе, рече).
	несе, рече, па, жрѣ, плоу.	(несе, рече).
Мн. ч.	нѣсомъ, рѣхомъ, пасомъ, жрѣхомъ, плоухомъ.	несохомъ, рекохомъ.
	нѣсте, рѣсте, пасте, жрѣсте, плоусте.	несосте, рекосте.
	нѣша, рѣша, паша, жрѣша, плоуша.	несоша, рекоша.
Дв. ч.	нѣсовѣ, рѣховѣ, пасовѣ, жрѣховѣ, плоуховѣ.	несоховѣ, рекоховѣ.
	нѣста, рѣста, паста, жрѣста, плоуста.	несоста, рекоста.
	нѣсте, рѣсте, пасте, жрѣсте, плоусте.	несосте, рекосте.

Преходящее (imperfectum).

Ед. ч.	несѣахъ,	пьнѣахъ,	жьрѣахъ,	пловѣахъ
	несѣаше,	пьнѣаше,	жьрѣаше,	пловѣаше
	несѣаше,	пьнѣаше,	жьрѣаше,	пловѣаше
Мн. ч.	несѣахомъ,	пьнѣахомъ,	жьрѣахомъ,	пловѣахомъ
	несѣашете,	пьнѣашете,	жьрѣашете,	пловѣашете
	несѣахѫ,	пьнѣахѫ,	жьрѣахѫ,	пловѣахѫ
Дв. ч.	несѣаховѣ,	пьнѣаховѣ,	жьрѣаховѣ,	пловѣаховѣ
	несѣашета,	пьнѣашета,	жьрѣашета,	пловѣашета
	несѣашете,	пьнѣашете,	жьрѣашете,	пловѣашете

Прич. прош. вр.

несъ, пьнъ, жьръ, плоувъ
неслъ, пѧлъ, жрьлъ (жрълъ), плоулъ
несенъ, пѧтъ, жрѣтъ, пловенъ.

Инфинитивъ.

нести, пѧти, жрѣти, плоути.

Супинъ.

нестъ, пѧтъ, жрѣтъ, плоутъ.

§ 103. В.

Настоящее время.

Ед. ч.	Мн. ч.	Двойств. ч.
зовѫ	зовемъ	зовевѣ
зовеши	зовете	зовета
зоветъ	зовѫтъ	зовете.

Прич. наст. вр.

дѣйств. зал. зовъı; страд. зал. зовомъ.

Повел. накл.

зови; зови; зовѣмъ; зовѣте; зовѣвѣ; зовѣта.

	Аористъ	Преходящее (imperfectum)
Ед. ч.	зъвахъ	зъваахъ (зовѣахъ)
	зъва	зъвааше (зовѣаше)
	зъва	зъвааше (зовѣаше)

Множ. ч.	зѫкахомѫ	зѫкаахомѫ (зокѣахомѫ)
	зѫкасте	зѫкаашете (зокѣашете)
	зѫкаша	зѫкаахѫ (зокѣахѫ)
Двойст. ч.	зѫкахокѣ	зѫкаахокѣ (зокѣахокѣ)
	зѫкаста	зѫкаашета (зокѣашета)
	зѫкасте	зѫкаашете (зокѣашете)

Прич. прош.

зѫкакѫ; зѫкалѫ; зѫканѫ.

Инфинитивъ и супинъ.

зѫкати; зѫкатѫ.

§ 104. Формы повел. накл. отъ глаголовъ рекѫ, пекѫ, текѫ, жегѫ имѣютъ гласный корня на ступени редукціи: рьци, пьци, тьци, жьзи (о ꙁ, ц изъ г, к—ср. § 13). Въ послѣднемъ глаголѣ ступень редукціи является также въ другихъ формахъ: кѫжѫжеши, прич. жѫгомѫ, жѫгомѭимѫ Супр., сѫжѫжетѫ Савв., зажьже (аористъ) Мар.; ср. Wiedemann, Beiträge 60, 87 с.

Примѣчаніе. О формахъ пьци, жьзи, тьци ср. Rešetar Arch. XXVI, 571; Sievers Arch. XXVII, 142; Вондракъ V. Gr. I, 35 и сл.; Ильинскій Arch. XXXIV, 9 стр.

При стригѫ—стришти находимъ пострѣшти въ Син. Мол.; отъ гадѫ, лагѫ аор. простой имѣетъ тотъ же гласный корня, что и инфинитивъ: гѣдѫ, легѫ, также прич. прош. вр. гѣлѫ, леглѫ. Въ глаголѣ брѣгѫ—брѣшти встрѣчаются формы прич. прош. съ гласнымъ корня на ступени редукціи: брѫгѫше, брьгѫша въ Супр. (Beiträge, 132 с.), также отъ глагола блѣкѫ—блѣшти: сѫблькѫше, изблѫкѫше, облѫкѫ въ Зогр., изблѫкѫ, изблѫкѫше и др. въ Мар. и т. п. (въ Асс., Савв., Супр., Син. Мол.),—ср. Beiträge, 130—131 сс.

§ 105. Формы аориста простого и сигматическаго распредѣляются въ отдѣльныхъ памятникахъ неравномѣрно.

Формы аориста простого обильно представлены въ Мар., Зогр., Сб. Клоца, Ассем., Син. Пс., встрѣчаются въ Савв. и Син. Мол., но въ Супр. не находимъ ни одного примѣра, а въ Остром.—одинъ: кѫзможете. Въ Зогр. находимъ кынидѫ, обрѣтѫ, придомѫ, обрѣтомѫ, идѫ, кѫкрѫгѫ, кѫзмогѫ, обрѣтѫ; кысѣдѫ, кылѣзѫ, падѫ, идете (3 л. дв. ч.) и т. п.; въ Мар.—кьзидѫ, приобрѣтѫ, идомѫ, идѫ, кѫкрѫгѫ, оукрадѫ, нападѫ, ожике, идете и т. д.,—подробнѣе у Wiedemann'a Beiträge, 81 и слѣд.

Аористъ сигматическій стараго типа, съ долгимъ гласнымъ корня и s въ качествѣ признака времени, чаще всего, какъ и аористъ простой, встрѣчается въ Мар. Ев., нѣсколько рѣже въ Зогр. и Ассем., Син. Пс., еще рѣже въ Син. Мол., Савв. и Сб. Клоца, не встрѣчается вовсе въ Супр. и Остром.

Формы аориста этого типа образуются отъ корней на носовой или же согласный: поѭсъ, приѭсъ, ѭсомъ, ѭсѧ, възѧсѧ, начѧсѧ; пропѧсѧ, възнѣсѧ, отврѣсѧ (сѧ), съблюсъ, привѣсъ, въвѣсомъ, чисѧ, съблюсѧ, пробасѧ, ѣсѧ, вѣсѧ Мар., сънѧсомъ (сѧ) Син. Мол., начѧсъ, клѧсъ, възвѣсъ, възнѣсъ, чісѧ, отъврѣсъ, съмѧсъ (сѧ), съмѧсѧ (сѧ), ѣсѧ Син. Пс., процвисѧ Сб. Клоца, вьзнѣсѧ Савв.; ср. Видемана Beiträge, 88 и слѣд.

Формы аориста того же типа, но съ ch уже не такъ рѣдки и встрѣчаются также и въ Супр., Савв., Остром.

Примѣры: Зогр. поѭхъ, облѣшѧ, възѧхомъ, вьзѧшѧ, начѧшѧ, пропѧшѧ, Клоц. вьзѧшѧ, Мар. възѧшѧ, пропѧшѧ, Супр. вьзѧхъ, начѧхъ, распѧхомъ, проклѧшѧ, жихомъ, Син. Пс. сълѧхъсѧ, въжѣшѧ, ізвлѣшѧ, Асс. отъвѣшѧ, съмѧшѧ (сѧ) и т. п.,—ср. Beiträge 94 и сл. Отъ глаголовъ съ корнемъ на задненебный согласный, разумѣется, возможны только такія формы сигматическаго аориста стараго типа: рѣхъ, рѣшѧ Зогр., рѣхомъ Клоц., тѣшѧ Син. Пс., притѣшѧ и т. п.

При этомъ должно замѣтить, что рядомъ со старыми формами жрѣхъ—жрѣ—жрѣ въ памятникахъ встрѣчаются формы аориста со слабымъ видомъ корня: жръхъ—жръ—жръ и т. п. (изъ *žьr̥-s-o-m, *žьr̥-s-s, *žьr̥-s-t): ср. пожръхъ въ Син. Пс. пожръшѧ ibid., пожръ въ Супр., жръшѧ ibid. (Wiedemann Beitr. 93 c.); такъ-же: отръ въ Мар., Ассем. (тьрѫ—трѣти), истръ въ Син. Пс., ср. трѣ въ Супр. Ту-же ступень гласнаго корня находимъ въ инфинитивѣ: жръти Мар. и супинѣ сътрътъ Супр. (Beiträge 93—94 сс.), также въ причастіи: простръта Супр., простръто Клоц. (ibid. 140—141 сс.).

Иное явленіе представляютъ формы: простьрѣ Зогр., оумьрѣ Супр., опьрѣшѧ (сѧ) и т. п. (см. Beitr. 92—93 сс.)—вм. -стрѣ, -мрѣ, -прѣшѧ (сѧ); здѣсь имѣемъ основу аориста, измѣненную подъ вліяніемъ основы наст. времени (мьрѫ, стьрѫ, пьрѫ). Къ числу формъ аориста сигматическаго стараго типа съ признакомъ времени -х- относится форма отъвѣшѧ Асс. (корень вѣт-),—ср. отъвѣ 3 s. ibid. (ср. Wiedemann, Beiträge. 101 c.). Формы аориста сигматическаго новаго типа,—ведохъ, рекохъ, съблюдохъ, идохомъ, отидошѧ, възлегошѧ, обрѣтошѧ, рекоста, приведоста и т. п. извѣстны всѣмъ памятникамъ, кромѣ Мар. и Син. Пс.; въ Син. Мол.—всего лишь нѣсколько примѣровъ: въ кирилловскихъ памятникахъ этотъ типъ представленъ обильно,—ср. Wiedemann, Beiträge, 104 c. и сл.

§ 106. Въ односложныхъ формахъ 2—3 л. сигматическаго аориста употребляется добавочное окончаніе -тъ, о которомъ ср. выше, § 62: (по)ѭтъ, (къз)мтъ, (на)чатъ, (оу)мрѣтъ, (по)китъ и т. п. Зогр.; клатъ(ся), (къс)пѣтъ, питъ, (сън)ѣстъ и т. п. Мар., распатъ(ся) и т. п. Син. Мол.; (про)стрѣтъ, (кън)мтъ, (по)жрѣтъ и др. Син. Пс.; при-житъ Супр. и т. д.

Примѣчаніе. Примѣры китъ, питъ принадлежатъ глаголамъ, которые отнесены къ III классу (см. ниже, § 111); ср. также измѣтъся Син. Пс. и ѣатъ (=сказалъ), которыя неизвѣстны текстамъ въ какой либо иной глагольной формѣ; (из)мѣтъ(ся)—того же корня, что и мѣна; ѣатъ сопоставляютъ съ лат. censeo.

Формы съ -тъ являются обычными въ древнѣйшихъ церк.-словян. текстахъ: Мар., Зогр., Ассем., Клоц., Син. Пс.: въ Мар. 96 формъ съ -тъ и 6 безъ -тъ; въ Зогр. 94 съ -тъ, 6 безъ -тъ, въ Асс.—68 -тъ и 1 безъ -тъ; въ Клоц. Сб. только формы съ -тъ (36); въ Син. Пс. 35 -тъ и 2 безъ -тъ; Супр. рукопись имѣетъ формы съ -тъ гораздо рѣже: 31 при 116 безъ -тъ; такимъ образомъ, формы съ тъ, несомнѣнно,—архаизмъ.

Въ неодносложныхъ формахъ аориста (предлоги не принимаются въ расчетъ) -тъ встрѣчается очень рѣдко и является уже чертой новой, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ представляетъ, быть можетъ, ошибку: Зогр. (Іоа. 12, 16) прославитъ (тъ затѣмъ выскоблено), Остром. кръститъся (Марк. 1, 9), Син. Пс. изѣкѣтъ (17, 18; 33, 5), Ассем. ѣдѣлатъ (Матѳ. 26, 10), Савв. спѣтъ та=съпасетъ та, Зогр. речетъ (Іоа. 21, 23), л. л. Унд. спѣетъ та.

Примѣчаніе. Ср. Wiedemann, Beiträge 14 и слѣд., Фортунатовъ Изв. XIII, кн. 2, 2 и слѣд., Ильинскій Изв. V, 1 кн. 191 и слѣд.

§ 107. Рядомъ со старыми нестяженными формами имперфекта на—ѣахъ, -аахъ въ памятникахъ встрѣчаются и стяженныя формы: идѣаше, идѣахѫ, жьрѣахѫ, жикѣаше, печалше(ся), градѣаше, кедѣахѫ, можаахѫ, растѣаше (Зогр.), но также можахѫ, стрѣжахѫ (Зогр.), можаше (Мар.), жикѣше, кльнѣхѫ ся (Син. Пс.), идѣше, идѣста, растѣше (Савв.) и т. п. Нестяженныя формы значительно преобладаютъ надъ стяженными въ Зогр., Мар., Ассем., Остром., послѣднія нѣсколько чаще встрѣчаются въ Супр. и исключительно въ Савв. книгѣ: ср. Wiedemann, Beiträge, 113 и слѣд.

Въ глаголахъ типа зъкати форма имперфекта, связанная съ основой инфинитива, датируется, главнымъ образомъ, древними евангельскими текстами: зъкаше Зогр., Мар., зъкаахѫ Зогр. Мар., зъкахѫ Савв.; зъкаше, зъкаста, зъкаахѫ Остр., кокаахѫ Син. Пс., тъкаахѫ Супр. жьдаше

Супр., но въ Супр. находимъ также зовѣаше, зовѣахѫ и такъ-же жідѣахѫ и жьдѣахѫ, жьдѣаше—отъ основы наст. вр. жьд- при жид-.

Примѣчаніе. Ср. Wiedemann Beiträge 116 с., Leskien Handbuch[5], 148 с., Щепкинъ Савв. кн.—указатель, Дополненія къ русскому переводу Лескина, 187 с.

О формахъ причастія наст. вр. на носовой: сѫи, живѫи, грѧдѧи, живѧи, жьрѧ, живѧи, сѧи и съ особымъ знакомъ носового—ср. въ § 23: примѣры—у Wiedemann'a Beitr., 128 с.

II. *Глаголы съ основой наст. вр. на* -ne (-no).

§ 108. Глаголы этого класса не даютъ основаній для дальнѣйшихъ подраздѣленій. Сюда относятся: бънѫ (изъ *bъdnǫ: възбънѫста Супр.) бѣгнѫ, (по)винѫ, вꙑкнѫ, вѧнѫ, вѧзнѫ, гаснѫ, гонезнѫ (освободиться), грѧзнѫ (ср. р. погрязнуть), гънѫ, гꙑбнѫ, двигнѫ, дрьзнѫ (дръзнѫ), доунѫ, дъхнѫ, зинѫ, (ср. зіять), жаснѫ (ср. ужаснуться), зѧбнѫ (зябнуть), канѫ (кануть), кликнѫ, кръкнѫ (Супр. кръкнѫти 98, 13—бормотать), крьснѫ (воскреснуть), кꙑнѫ (кивнуть), манѫ (мануть), минѫ, мѣнѫ и мѧнѫ (ср. помянуть), млькнѫ, мрьзнѫ (мръзнѫ), мрькнѫ (мръкнѫ), мѧкнѫ, ньзнѫ (ср. пронзить), планѫ (воспламениться), плинѫ и плюнѫ, прѧнѫ (ср. воспрянуть), ринѫ, -рꙑгнѫ, сагнѫ (жениться), -свѧнѫ (засохнуть), сльпнѫ, станѫ, соунѫ, -сънѫ (уснуть), съхнѫ, -сѣкнѫ, сѧкнѫ (ср. изсякнуть), тлъкнѫ, тонѫ (и топнѫ съ возстановленіемъ п въ Супр.), тръгнѫ, тъкнѫ, тѧгнѫ, чезнѫ. Въ бънѫ, вѧнѫ (изъ *vęd-nǫ), гънѫ (изъ *gъb-nǫ). канѫ (изъ *kap-nǫ), прѧнѫ (изъ *pręd-nǫ), свѧнѫ (изъ *svęd-nǫ), сънѫ, тонѫ—имѣемъ праслов. упрощеніе группъ dn, bn, pn въ n; въ зѧбнѫ и сльпнѫ-п возстановлено подъ вліяніемъ родственныхъ образованій.

Форма причастія влъснѫштеи (Клоц.) предполагаетъ влъснѫ (бормотать); болѣе поздніе ц.-слов. тексты указываютъ на бльснѫ, бръснѫ (стричь), оудѣбнѫ (обольстить),—ср. Супр. оудѣбена, кꙑснѫ,—ср. 3 s. aor. въкꙑсе въ Савв., Остром.: мъкнѫ (переходить),—ср. р. мчать, мыкать; никнѫ,—ср. 3 s. aor. приниче въ Мар.; (оу)гльнѫ,—ср. оуглебъ Син. Пс.; -льнѫ (изъ *lьpnǫ); -плъзнѫ; -трьнѫ (изъ *tьr̥nǫ): см. Miklosich Lexicon 1035, 1042, 328, 385, 451, 672, 31, 46, 626, 1077. Можно предполагать также за-кленѫ (изъ *za-klepnǫ),—ср. 3 s. aor. заклепе въ Мар.

	Наст. вр.	Повел. накл.
Ед. ч.	двигнѫ	—
	двигнеши	двигни
	двигнетъ	двигни

Мн. ч.	двигнемъ	двигнѣмъ
	двигнете	двигнѣте
	двигнѫтъ	—
Дв. ч.	двигневѣ	двигнѣвѣ
	двигнета	двигнѣта
	двигнете	—

Прич. наст. в. дѣйств. з. двигнъı, стр. зал. двигномъ.

Аористъ.

Ед. ч.	двигъ	двигохъ	минѫхъ
	движе	—	минѫ
	движе	—	минѫ
Мн. ч.	двигомъ	двигохомъ	минѫхомъ
	движете	двигосте	минѫсте
	двигѫ	двигошѧ	минѫшѧ
Дв. ч.	двиговѣ	двигоховѣ	минѫховѣ
	движета	двигоста	минѫста
	движете	двигосте	минѫсте

Преходящее.

Ед. ч. сѫхнѣахъ	Мн. ч. сѫхнѣахомъ	Дв. ч. сѫхнѣаховѣ
сѫхнѣаше	сѫхнѣашете	сѫхнѣашета
сѫхнѣаше	сѫхнѣахѫ	сѫхнѣашете.

Прич. прош. вр. двигъ, двигла; минѫвъ, минѫла.

Прич. прош. страд. зал. движенъ.

Инфинитивъ двигнѫти; двигнѫтъ.

§ 109. Суффиксъ -нѫ въ однихъ случаяхъ является также въ формахъ аориста и прич. прош. вр., въ другихъ нѣтъ.

Памятники сохранили формы аориста простого, относящіяся къ глаголамъ этого класса, въ слѣдующихъ примѣрахъ: оужасѫ сѧ 3 л. мн. ч. Зогр. Мар., приседѫ 3 мн. ч. Зогр., Мар., исѫхѫ 3 множ. ч. Мар., исохъ (=исѫхъ) 1 л. ед. Син. Пс., прозебѫ 3 мн. ч. Мар., оутопѫ 3 л. мн. ч. Мар., кыскысѫ 3 л. мн. ч. Ассем.; оунѧзѫ (ньзнѫ) 3 л. мн. ч. Син. Мол., отъвѣгѫ 3 лицо множ. числа Син. Мол., оуглебъ (глькнѫ) = оуглькъ 1 л. ед., оуглебѫ 3 л. мн. Син. Пс., отъвѣгѫ 3 л. мн. набъıкѫ 3 л. мн. ч. Син. Пс., погыбѫ 3 л. мн. ч. Син. Пс., кѫзникѫ 3 л. мн. ч. Син. Пс., кѫздвигѫ 3 л. мн. ч. Син. Пс., оумлѧкѫ 3 л. мн. ч. Син. Пс., охрѧмѫ 3 л. мн. ч. Син. Пс., иштезѫ, ичезѫ 3 л. множ. ч. Син. Пс., потъкѫ 3 л. мн. ч. Савв., къскръсѫ 3 л. множ. ч. Супр.; ср. Wiedemann, Beiträge, 81 и слѣд.

Въ Супр. находимъ отъ тѣхъ же глаголовъ формы аориста сигматическаго новаго типа: навыкохъ, навꙑкошѧ, потъкошѧсѧ, погꙑбошѧ, въздвигошѧ, въскрьсошѧ, иштезошѧ, истопошѧ, отъбѣгошѧ, оужасошѧ сѧ, възникошѧ, также омрькохъ,—ср. Wiedemann ibid. 105—106 с.

Формы безъ суффикса -нѫ вродѣ *michъ при настоящемъ *minǫ (минѫ), *duchъ при *dunǫ (доунѫ), которыя можно теоретически предполагать, не сохранились; въ Син. Пс. находимъ, правда, помѧшѧ 3 л. мн. ч. (помѧнѫ), но нельзя быть увѣреннымъ, что это не описка (помѧнѫшѧ); отъ минѫ—аор. минѫхъ, отъ доунѫ—доунѫхъ (доуноу вм. доунѫ Мар.).

Повидимому, формы аориста съ суффиксомъ -nǫ первоначально существовали лишь при глаголахъ на -нѫ совершеннаго вида: изъ приведенныхъ формъ аориста безъ -нѫ—формы вꙑкъ (навꙑкѫ 3 л. мн. ч.), гꙑбъ (погꙑбѫ 3 л. мн. ч.), зѧбъ (прозѧбѫ), кꙑсъ (въскꙑсѫ), съхъ (исохъ), топъ (оутопѫ) принадлежатъ глаголамъ несовершеннаго вида.

Примѣчаніе. Ср. вꙑкни Супр. = μάνθανε; гꙑбнѫ Остром. = ἀπόλλυμαι (Boehme Die Actiones, 27 и сл.); р. гибну, зябну, кисну, сохну, тону.

Въ древнѣйшихъ церк.-слов. текстахъ глаголы эти не имѣютъ аориста съ суффиксомъ -нѫ, каковы — прикоснѫшѧ, оусѣкнѫхъ, оужаснѫшѧ 3 л. мн. Мар., оужаснѫста 3 л. дв. ч. Зогр. и т. п.,—ср. Wiedemann, Beitr. 151—152—153 с.с. Но въ Син. Пс. находимъ уже прозѧбнѫшѧ, въ Супр. оусъхнѫ, истопнѫшѧ; ср. также прич. вꙑкнѫвъшии (ibid.).

§ 110. Глаголы, имѣющіе суффиксъ -нѫ въ аористѣ, имѣютъ его также въ формахъ прич. прош. дѣйствит. залога: дръзнѫвъ, въздъхнѫвъ, коснѫвъ и т. д. Нѣкоторые глаголы въ прич. прош. страд. залога оканчиваются на -новенъ: дръзновенъ Супр., прикосновенъ Син. Мол., отъриновенъ Син. Пс. и т. п. На тѣ-же формы указываютъ существительные дъхновениѥ, кликновениѥ, косновениѥ, въскрьсновениѥ и т. п.,—ср. Leskien Handbuch[5], 151—152.

Примѣчаніе. Происхожденіе этихъ формъ неясно, но болѣе естественна мысль, что это—словянскія новообразованія, имѣющія въ основѣ суффиксъ -neu̯- Pedersen K. Z. XXXVIII, 347 c., Meillet, Études, 44 c.), чѣмъ совершенно невѣроятное объясненіе Вондрака въ Vergl. Gr. I, 511 c. Объ отношеніи -neu̯- и -nǫ-—ср. у Эндзелина въ Р. Ф. В., 1912 г., 171 с.

III. *Глаголы съ основой настоящаго времени на* -je- (-jo-).

§ 111. А. Глаголы, въ которыхъ основа инфинитива входитъ въ составъ основы настоящаго времени: основа наст. врем. равна основѣ инфинитива +je. Среди такихъ глаголовъ можно различить двѣ группы: a) съ первоначальной основой инфинитива на гласный и b) съ первоначальной основой инфинитива на согласный.

a) Въ группу глаголовъ съ основой инфинитива на гласный входятъ и такіе глаголы, которые первоначально относились къ I классу,— съ основой наст. времени на -e/o- (ср. выше, § 101). Различіе между глаголами первичными и вторичными (производными) не всегда можетъ быть проведено и потому не вводится въ классификацію.

1. Основа на гласный -a: знати—знаѭ, дѣлати—дѣлаѭ, знаменати—знаменаѭ, сѣтѧзати—сѣтѧзаѭ, отъвѣштати—отъвѣштаѭ, пражати—пражаѭ (терзать), подобати—подобаѭ, бѣгати—бѣгаѭ, взыкати—взыкаѭ, сѣбирати—сѣбираѭ, наричати—наричаѭ и т. п. (ср. Wiedemann, Beiträge, 74 и сл.). Большая часть этихъ глаголовъ несомнѣнно—производные: ср. дѣлати и дѣло, знаменати и знамя, взыкати и взыти, сѣбирати и берѫ, наричати и рекѫ; послѣдніе три имѣютъ видовое значеніе—кратное.

2. Основы на гласный -ě: грѣ-ти—грѣѭ, дѣти—дѣѭ, сѣти—сѣѭ, пѣ-ти (изъ *poiti)—поѭ, спѣ-ти—спѣѭ, имѣ-ти—имѣѭ, питѣ-ти—питѣѭ, желѣти—желѣѭ, слабѣ-ти—слабѣѭ, оскждѣти—оскждѣѭ, цѣлѣ-ти—цѣлѣѭ, (о)боуꙗ-ти—(о)боуꙗѭ (изъ *bujē-ti), (о)жесточати (-ча—изъ *-kē-)—(о)жесточаѭ, (къз-)мѫжати—(къз-)мѫжаѭ, кетъшати—кетъшаѭ, (ша—изъ *-chē-), цѣпѣнѣти—цѣпѣнѣѭ, (об)ништати—(об)ништаѭ,—ср. Wiedemann, Beiträge, 76 с.

Нѣкоторые, несомнѣнно,—производные: ср. цѣлѣти и цѣлъ, слабѣти и слабъ и т. п.

3. Основы на гласный -i: бити—биѭ, вити—виѭ, гнити—гниѭ, лити—лиѭ, пити—пиѭ, къпити—къпиѭ, по-чити—почиѭ.

4. Основа на гласный -y (изъ ū): крꙑти—крꙑѭ, мꙑти—мꙑѭ, шити—шиѭ (ши—изъ *sjū-), -нꙑти—-нꙑѭ (ср. р. ныть); эти глаголы, несомнѣнно, относятся къ III классу, такъ-какъ иначе имѣли бы формы наст. вр. *kruǫ—*kruǭši.

5. Основа на -u (ju):—доути—доуѭ, чюти—чюѭ.

b) Нѣсколько глаголовъ съ первоначальной основой инфинитива на согласный въ силу звуковыхъ измѣненій не отличаются въ инфинитивѣ отъ глаголовъ первой группы (a), но различіе между первыми и вторыми ясно въ формахъ наст. врем.: брати—борѭтъ (брати изъ *borti,—ср. р. бороть), клати—коѭ (клати изъ *kolti,—р. колоть), млѣти (изъ *melti,—р. молоть)—меѭ; жати—жьноѭ (жати изъ *genti или *gьnti). Сюда же можно отнести обрѣсти—обрѧшѫ.

§ 112. B. Глаголы съ основой инфинитива на -a представляютъ болѣе многочисленную группу. Среди нихъ такъ-же, какъ и въ A, можно различить группу a) съ гласнымъ предъ -je- основы наст. времени и -a инфинитива и b) съ согласнымъ предъ этими элементами основъ.

a) -ва-ꙗ-ти—ва-ѭ, ка-ꙗ-ти—ка-ѭ, ла-ꙗ-ти—ла-ѭ, ма-ꙗ-ти—ма-ѭ (ср. р. манить) и т. п. (таꙗти, чаꙗти, даꙗти, стаꙗти, вѣꙗти, сѣꙗти, зиꙗти, лиꙗти, смиꙗти сѧ, рѣꙗти).

Сюда же относятся бл҃ьвати—блюютъ, пл҃ьвати—плюютъ, такъ какъ согласный в получился изъ u̯, составлявшаго вторую часть дифтонга, давшаго -ю- въ формахъ настоящаго времени. Въ глаголахъ зиꙗти, лиꙗти, смиꙗти (сѧ) форма настоящаго времени представляетъ иную ступень гласнаго корня: лѣѭ, зѣѭ, смѣѭ (сѧ), т. е. въ данномъ случаѣ имѣется чередованіе ej—ēj (ср. § 14), такъ какъ ej>ьj=ц.-сл.—íj-.

При формахъ зиꙗти, лиꙗти, смиꙗти находимъ зьꙗти, льꙗти, смьꙗти. Въ глаголѣ бл҃ьвати—блюѭ также имѣется чередованіе въ корнѣ: е въ наст. вр., ступень редукціи (ь) въ инфинитивѣ.

Сюда же относятся производныя на -овати: коуповати—коупоуѭ, вѣровати—вѣроуѭ, обѣдовати—обѣдоуѭ, съвѣдѣтел҃ьствовати—съвѣдѣтел҃ьствоуѭ; такъ-же—непьштевати, наказовати, благовѣствовати, измѣновати, радовати, трѣбовати, цѣсарьствовати, знаменовати, миновати (въ болѣе позднихъ текстахъ влъхвовати, дрѧселовати).

b) Группа съ согласнымъ передъ -je- наст. времени и -а инфинитива представлена гораздо бо́льшимъ числомъ глаголовъ, среди которыхъ значительная часть производные: алкати—алчѫ, вѧзати—вѧжѫ (-жѫ- изъ z jǫ-), гасати—гашѫ, гъıбати, гъıблѭ, глаголати—глаголѭ, дрѣмати—дрѣмлѭ, доухати—доушѫ, зьдати—зиждѫ, жѧдати—жѧждѫ, имати—ѥмлѭ, казати—кажѫ, капати—каплѭ, клепати—клеплѭ, клеветати—клевештѫ, клокотати—клокоштѫ, колѣбати—колѣблѭ, лизати—лижѫ, лобъзати—лобъжѫ и т. п.: мазати, метати, орати, пьсати—пишѫ, плакати—плачѫ въ двухъ значеніяхъ: мыть и плакать; плескати, плѧсати, поꙗсати, рѣзати, ръпътати, стьлати—стелѭ, слѣпати (кипѣть), стѣнати, строугати, стрѣкати, сълати, скрьжьтати, тесати, чесати, чрьпати—чрѣпати, страдати, трепетати, шьпътати, оу-вѧдати, двиѕати, клицати, лѧцати, въıцати, мрьцати, ристати, нарицати, скакати, сѧѕати, тѧѕати, хапати, ницати.

Leskien, Handbuch[5] 127—128, указываетъ: оугльбати (Син. Пс.), мръмърати, тратати, плъзати, трѣзати (Супр.), съхати (Син. Пс.); формы съ ц, ѕ предъ -а получились въ силу измѣненія k, g подъ вліяніемъ предшествующаго мягкаго гласнаго, въ наст. времени является -че-, -же-, изъ *-ke-, *-ge-: проричетъ, движетъ и т. п.; въ въıцати -ц, очевидно, явилось нефонетически, подъ вліяніемъ рицати, клицати и т. п. Сюда же относится форма наст. вр. деждѫ—деждеши и т. д. (отъ основы съ удвоеніемъ *de-d) при инфинитивѣ дѣти. При инфинитивѣ искати существуетъ форма наст. вр. иштѫ (изъ *iskjǫ) рядомъ съ искѫ. Въ глаголахъ зьдати, пьсати, стьлати, имати отражается ступень редукціи гласнаго

корня (ь, и начальное въ имати изъ jь) при ступени *е* въ наст. времени. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ вокализмъ корня формы наст. вр. является и въ инфинитивѣ: пріемати Зогр., прѣнемати въ Син. М. (отсюда въ формѣ аориста: пріемаста Супр.),—ср. Wiedemann, Beiträge, 150 с.

§ 113. A.

Настоящ. врем.

	a.	b.
Ед. ч.	знаѭ, сѣѭ, биѭ	борѭ
	знаеши, сѣеши, биеши	борѣши
	знаетъ, сѣетъ, биетъ	борѣтъ
Мн. ч.	знаемъ, сѣемъ, биемъ	борѣмъ
	знаете, сѣете, биете	борѣте
	знаѭтъ, сѣѭтъ, биѭтъ	борѭтъ
Дв. ч.	знаекѣ, сѣекѣ, биекѣ	борѣкѣ
	знаета, сѣета, биета	борѣта
	знаете, сѣете, биете	борѣте.
Прич. наст. вр.	знаѧ; сѣѧ; биѧ.	борѧ; борѣмъ.
	знаемъ; сѣемъ; биемъ.	

Повел. накл.

	a.	b.
Ед. ч. 2 л.	знаи, сѣи, бии	бори
3 л.	знаи, сѣи, бии	бори
Мн. ч.	знаимъ, сѣимъ, биимъ	боримъ
	знаите, сѣите, биите	борите
Дв. ч.	знаикѣ, сѣикѣ, биикѣ	борикѣ
	знаита, сѣита, биита	борита.

Аористъ.

	a.	b.
Ед. ч.	знахъ, сѣхъ, бихъ	брахъ
	зна, сѣ, би	бра
	зна, сѣ, би	бра
Мм. ч.	знахомъ, сѣхомъ, бихомъ	брахомъ
	знасте, сѣсте, бисте	брасте
	знашѧ, сѣшѧ, бишѧ	брашѧ
Дв. ч.	знахокѣ, сѣхокѣ, бихокѣ	брахокѣ
	знаста, сѣста, биста	браста
	знасте, сѣсте, бисте	брасте

Преходящее.

	a.	b.
Ед. ч.	знаахъ, сѣахъ, биꙗахъ	(борꙗахъ)
	знааше, сѣаше, биꙗаше	(борꙗаше)
	знааше, сѣаше, биꙗаше	(борꙗаше)
Мн. ч.	знаахомъ, сѣахомъ, биꙗахомъ	(борꙗахомъ)
	знаашете, сѣашете, биꙗашете	(борꙗашете)
	знаахѫ, сѣахѫ, биꙗахѫ	(борꙗахѫ)
Дв. ч.	знааховѣ, сѣаховѣ, биꙗаховѣ	(борꙗаховѣ)
	знаашета, сѣашета, биꙗашета	(борꙗашета)
	знаашете, сѣашете, биꙗашете	(борꙗашете)
Прич. прош.	знавъ, сѣвъ, бивъ	—
	зналъ, сѣлъ, билъ	бралъ
	знанъ, сѣнъ, биѥнъ, битъ	коленъ.
Инфинитивъ.	знати, сѣти, бити	брати.
Супинъ.	знатъ, сѣтъ, битъ	братъ.

Глаголы крꙑти, чюти и т. п. измѣняются аналогичнымъ образомъ: крꙑѭ—крꙑѥши, крꙑѥтъ и т. д., чюѭ—чюѥши—чюѥтъ и т. д., аор. крꙑхъ, чюхъ; имперф. крꙑꙗахъ, чюꙗахъ и т. д., повел. накл. крꙑи, чюи, прич. прош. страд. кръвенъ, чювенъ. Такимъ же образомъ—коупоуѭ—коупоуѥши—коупоуѥтъ и т. д.; повел. накл. коупоуи—коупоуимъ и т. д.; аористъ—коуповахъ; преходящее (imperfect.) коуповаахъ и т. д.

B.

§ 114. Въ глаголахъ типа Ва формы наст. вр., повел. накл., прич. наст. вр. совершенно тожественны формамъ типа Аа, т. е. даѭ, даѥши, даѥтъ и т. д., повел. наст. даи—даи—даимъ и т. д.; прич. наст. вр. даѩ; даѥмъ. Формы аориста образуются отъ основы инфинитива такъ же, какъ въ типѣ Аа, т. е. даꙗти—даꙗхъ; сѣꙗти—сѣꙗхъ, какъ знати—знахъ; сѣти—сѣхъ. Имперфектъ: сѣꙗахъ, сѣꙗаше и т. д., прич. прош. сѣꙗвъ; сѣꙗлъ; сѣꙗнъ; супинъ—сѣꙗтъ. Въ глаголахъ типа В*b* формы образуются аналогично формамъ типа А*b*, т. е. глаголѭ—глаголѥши, глаголѥтъ и т. д., какъ борѭ, борѥши, борѥтъ и т. д., повел. накл. глаго͡ли, глаго͡лимъ, глаго͡лите и т. д., какъ бо͡ри, бо͡римъ, бо͡рите и т. д.; аористъ глаголахъ—глаголаше и т. д., имперфектъ глаголаахъ—глаголааше и т. д., прич. глаголѩ; глаголѥмъ; глаголавъ; глаголалъ; супинъ—глаголатъ.

§ 115. Въ формахъ настоящаго времени глаголовъ типа *a* съ основой на -aje- памятники представляютъ примѣры выпаденія j и ассимиляціи,—аналогичные тѣмъ, какіе наблюдаются въ сложномъ склоненіи прилагательныхъ. Въ Мар. Ев. находимъ: бꙑваатъ, събираатъ, прѣдаатъ, дѣлаатъ, подобаатъ, показаатъ, познаатъ, покаатъсѧ, коньчаатъ, раждаатъ, познаате, даате, почиваате, послоушаате и т. п. Такое-же явленіе наблюдается въ Мар. Ев. и въ глаголахъ съ основой наст. времени на -uje-: трѣбоуоуте, вѣроуоутъ, вѣроуоуте, радоуоутъсѧ, обѣдоуоутъ и т. д. Въ глаголахъ съ основой на -ěje- наблюдаются формы на -ѣатъ, -ѣате: оумѣате, дѣатъ, дѣата, цѣлѣатъ, оуспѣатъ, оскѫдѣатъ, питѣатъ, сѣатъ, пролѣатъ и т. п.,—см. Ягичъ, Мар. Ев. 444—446 сс.

Такія же явленія замѣчаются и въ другихъ памятникахъ: въ Зогр.—авлѣатъ (=ꙗвлꙗатъ), събираатъ, разбиваатъ, подобаатъ, прѫжаатъ(сѧ), безъ -тъ—подобаа; со стяженіемъ—напаѣтъ (т. е. напаꙗтъ изъ напаꙗатъ), ицѣлѣтъ (изъ ицѣлѣѣтъ); въ Син. Пс.: повѣдаши, обладатъ—со стяженіемъ; въ Савв. отъвѣштаваши; въ Супр. прѣбꙑваааши, гнѣвааши(сѧ), събираатъ, подобаатъ, подобаа, прѣбꙑвате, ставьꙗте (изъ ставлꙗате),—см. у Видеманна, Beiträge, 76—78 сс. Въ Хиландарскихъ лл. находимъ въстааши, въ Пражскихъ Отр. обличатъ.

Формы на -ѣатъ, -ѣате изъ -ѣѥтъ, -ѣѥте представляютъ явленіе, параллельное тому, какое находимъ въ склоненіи сложныхъ прилагательныхъ: адьстѣамь изъ адьстѣѥмь (ср. выше, § 216). Можно думать вмѣстѣ съ Лескиномъ, что форма оумѣатъ и т. п. получились непосредственно изъ оумѣѣтъ, а эта послѣдняя изъ оумѣѥтъ: измѣненіе -ѣѣ- въ -ѣа- должно разсматриваться, какъ фактъ диссимиляціи.

§ 116. Формы повелительнаго наклоненія представляютъ въ памятникахъ двойственность: старыя формы, по происхожденію желат. наклоненія: биите, покажите, плачите и т. п. сравнительно рѣдки; чаще употребляются формы съ -ꙗ (послѣ шипящихъ -а): въ Зогр. оубиѣмъ (ѣ=ꙗ), емлѣте, гл҃ѣте, покажѣте, иштѣте, иштате; въ Мар. оубиѣмъ, вънемлѣте, покажѣте, осѧжате и т. п.; такія же формы—въ Ассем., Савв., Син. Пс., Супр., Остром.,—см. у Видеманна Beiträge, 27—28 сс. Дополненія къ переводу грамм. Лескина, 188 с.

Эти формы объясняются различно: Облакъ и за нимъ Meillet считаютъ ихъ остатками стараго сослагательнаго наклоненія (ср. лат. ferēmus, ferētis (употребляется въ значеніи будущаго), греч. *φέρωμεν*, *φέρητε*, др.-инд. bhárāma, bhárāta); Лескинъ предполагаетъ, что формы эти возникли въ силу вліянія на старыя формы *bijite, *golgoljite со стороны формъ типа *nesěte, *dvigněte: изъ послѣднихъ -ě (изъ -oi) проникло

въ первыя формы въ эпоху, когда еще дѣйствовалъ законъ измѣненія -ě послѣ j (č, ž, š) въ -a; такъ получились формы—*bijěte, *golgoljěte и затѣмъ *bijate, *golgoljate.

Примѣчаніе. Ср. Облакъ въ Arch. X, 143 с. Meillet въ M. S. L. XV, 36 с., Leskien Handb.[5], 159 с. Вопреки Meillet, считаемъ возможнымъ вліяніе формъ типа *nesěte на формы типа *bijite, *vęzjite: *bьješi—*bьjetъ и т. д. были параллельны *nesetъ, *neseši и т. д., и потому по аналогіи отношеній *nesi—*nesěte могло явиться *bьji—*bьjěte.

Относительно гласнаго корня основа повелит. наклоненія расходится съ основой настоящаго времени въ формѣ ізліите, пролы Син. Пс. при пролѣетъсѧ Зогр. Мар., пролѣѭтъ (ср. Wiedemann Beiträge, 29, 69, 70 сс.).

§ 117. Форма имперфекта отъ глаголовъ типа Aa образуется прибавленіемъ -ахъ къ основѣ инфинитива въ глаголахъ, имѣющихъ основу инфинитива на -а или -ѣ (зна-ти, сѣ-ти); въ иныхъ глаголахъ (би-ти, кръі-ти, чю-ти) это -ахъ присоединяется къ основѣ инфинитива, расширенной элементомъ -ꙗ (изъ ē или ā): биꙗ-ахъ, кръіꙗ-ахъ, чоюꙗ-ахъ; такимъ же образомъ—поꙗ-ахъ отъ поѭ—пѣти. При биꙗахъ находимъ и стяженныя формы ср. бьѣахѫсѧ, пьѣахѫ въ Зогр., биѣаше, биѣахѫ Мар., поꙗахѫ Супр., но—биꙗше, биꙗхѫ Савв., Супр., поꙗхѫ Супр. (ср. Beiträge Видеманна, 113—116 сс.). Отъ кръіти, чюти (чоути) встрѣчаются лишь стяженныя формы: кръіꙗше Супр., чоуѣше Клоц., чоуꙗста Супр., (Leskien, Handbuch[5], 154 с.).

Въ глаголахъ типа Ab—форма имперфекта представлена незначительнымъ количествомъ примѣровъ: въ Син. Пс. находимъ борѣахѫ 3 л. мн. ч. (Wied. Beitr.), въ Супр. рук. мелꙗаше (ibid. 118 с.) и брахомъ (изъ бъраахомъ, Leskien,—Hand.[5], § 197); послѣдняя форма представляетъ образованіе отъ основы инфинитива, однако самая основа -бра (изъ *bor-) является въ видѣ бъра-, ср. бърашѧсѧ въ Супр., закъла вм. закла- въ Зогр., закьла въ Ассем. (Wied. Beitr. 149, 156 с.), мьлѣть=мьлѣтъ въ Супр. (Leskien, Handb.[5] 156 с.). Форма Син. Пс. не даетъ возможности съ увѣренностью рѣшить, была ли въ языкѣ Кирилла и Меѳодія форма борѣахъ или борꙗахъ; поэтому въ парадигмѣ формы борꙗахъ и т. д. заключены въ скобки.

Примѣчаніе. Основы бъра-, мьлѣ-, къла- —вторичнаго происхожденія и, возможно, представляютъ лишь факты правописанія: писецъ могъ написать ъ (ь) подъ вліяніемъ традиціонныхъ написаній: бьрати (бърати) -берѫ, зьрѣти, сълати, гдѣ онъ также въ своемъ произношеніи не слышалъ ъ.

Отъ глагола (обрѣшти)—обрѧштѫ въ Супр. находимъ имперфектъ обрѧштаахъ, образованный отъ основы настоящаго времени: ср. обрѧ-

штахом'сѧ (Wiedemann, Beiträge, 118), но форма эта не характеризуетъ языка Кирилла и Меѳодія.

Отъ глаголовъ типа Ва имперфектъ образовывался прибавленіемъ къ основѣ инфинитива на -ꙗ- комплекса -ахъ: даꙗти—даꙗахъ, откуда чрезъ стяженіе—даꙗхъ. Отъ глаголовъ коуповати, бесѣдовати и т. п.—обычный, болѣе старый, типъ имперфекта—коуповаахъ, бесѣдоваахъ и т. п.; однако въ Супр. находимъ формы, образованныя отъ основы наст. вр.: бесѣдоуꙗше, красоуꙗше, трѣбоуꙗше,—см. у Видеманна—Beiträge, 118 с., (ср. выше, § 186).

Въ глаголахъ типа Ва при старыхъ формахъ глаголаахъ, писаахъ, метаахъ и т. п., образованныхъ отъ основы инфинитива, въ болѣе позднемъ памятникѣ,—Супр.,—также встрѣчаются формы, связанныя съ основой наст. времени: приѥмлꙗаше, мештаахѫ (Wiedemann, ibid. 118 с.).

§ 118. О формахъ причастія прош. страд. залога данъ, сѣнъ, биѥнъ, битъ, кланъ, боренъ, коленъ, -кръвенъ—ср. выше, § 74.

Отъ глаголовъ типа бити въ памятникахъ представлены какъ формы съ суффиксомъ -no, такъ и формы съ суффиксомъ -to: въ Зогр.—бьенъ, оубиенъ, въ Мар. бьенъ, въ Асс. оубіенъ, въ Клоц. оубьенъ, въ Син. Пс. побьенъ, въ Син. Мол. биенꙑ, въ Супр. биѥнъ, а съ другой стороны—въ Зогр. Мар. повитъ, въ Мар. съвитъ, въ Савв. повитъ, въ Асс. сьвитъ,—ср. Wiedemann, Beitr. 136—141.

Отъ глагола колѭ—клати прич. прош. страд. въ Мар.—(ис)коленъ, въ Супр.—(за)кланъ,—ibid. 138.

IV. *Глаголы съ основой наст. времени на* -i.

§ 119. А. Глаголы съ основой инфинитива на i—боудити—боуждѫ, варити—варѭ, вратити—враштѫ и т. д.: блазнити, водити, возити, влачити, вратити, глоумити сѧ, гонити, гоубити, гонозити (ср. выше гонезнѫти), дивити сѧ, десити (находить), дьлити (Супр.), живити, крьстити, крѣпити, коупити, ключити сѧ, коусити, крѣсити, лазити, ломити, ловити, лишити, любити, лѣпити, молити, мꙑслити, моудити, мьстити, мѣнити, мъножити сѧ, мѣсити (смѣшивать), носити, нѫдити сѧ, оштютити, просити, пльнити, постити, поити, поустити, родити, ротити сѧ (клясться), садити, сѫдити, стрьмитисѧ, свободити, срамити, ставити, скочити, творити, троудити, таити, топити, хвалити, ходити, хоулити, чюдити сѧ, чинити, цѣлити, оучити, ꙗвити. Между этими глаголами есть несомнѣнно производные, какъ мъножити (мъногъ), поити (пити), сѫдити (сѫдъ), цѣлити (цѣлъ).

B. Глаголы съ основой инфинитива на -ě изъ ē (-а послѣ j, ž, č, š, šč=ц.-сл. щ), болѣти—болѭ, обидѣти—обиждѫ, бльштати (изъ *blьskēti)—бльштѫ, боꙗти(сѧ)—боѭ(сѧ), бъдѣти—бъждѫ, бѣжати (изъ *bēgēti)—бѣжѫ, велѣти—велѭ, висѣти—вишѫ, велѣти—велѭ и т. п. (видѣти, висѣти, врьтѣти, вьрѣти—кипѣть, горѣти, грьмѣти, движати, дрьжати, зьрѣти, звьнѣти, клѧчати, кричати, късьнѣти, кꙑпѣти, лежати, летѣти, -льпѣти, бльштатисѧ—блестѣть, млъчати, мрьзѣти, мъчати, мьнѣти, плъзѣти—ползти, полѣти — пылать, пьрѣти сѧ— спорить, свьтѣти сѧ— свѣтиться, скръбѣти, смрьдѣти, слꙑшати, стоꙗти, стꙑдѣтисѧ, сѣдѣти, трьпѣти, тъштати – стремиться, съ-тѧжати — стяжать, штѧдѣти—щадить, Лескинъ указываетъ жѧдѣти—желать, радѣти—заботиться — въ Супр. (Handbuch[5], 130 с.).

C. Инфинитивъ отъ глагола съплѭ—съпиши имѣетъ, въ отличіе отъ всѣхъ иныхъ глаголовъ этого класса,—основу на -а (ср. выше, § 61): съпати.

§ 120. Настоящее время.

	A.	B.
Единств. ч.	молѭ	велѭ, слꙑшѫ
	молиши	велиши, слꙑшиши
	молитъ	велитъ, слꙑшитъ
Множ. ч.	молимъ	велимъ, слꙑшимъ
	молите	велите, слꙑшите
	молѧтъ	велѧтъ, слꙑшѧтъ
Двойств. ч.	моливѣ	веливѣ, слꙑшивѣ
	молита	велита, слꙑшита
	молите	велите, слꙑшите
Прич. наст. вр.	молѧ	велѧ, слꙑшѧ
	молимъ	велимъ, слꙑшимъ.

Повел. накл.

Единств. ч.	моли	вели, слꙑши
	моли	вели, слꙑши
Множ. ч.	молимъ	велимъ, слꙑшимъ
	молите	велите, слꙑшите
Двойств. ч.	моливѣ	веливѣ, слꙑшивѣ
	молита	велита, слꙑшита.

Аористъ.

Единств. ч.	молихъ	велѣхъ, слышахъ
	моли	велѣ, слыша
	моли	велѣ, слыша
Множ. ч.	молихомъ	велѣхомъ, слышахомъ
	молисте	велѣсте, слышасте
	молиша	велѣша, слышаша
Двойств. ч.	молиховѣ	велѣховѣ, слышаховѣ
	молиста	велѣста, слышаста
	молисте	велѣсте, слышасте.

Преходящее (имперфектъ).

Единств. ч.	молѧахъ	велѣахъ, слышаахъ
	молѧаше	велѣаше, слышааше
	молѧаше	велѣаше, слышааше
Множ. ч.	молѧахомъ	велѣахомъ, слышаахомъ
	молѧашете	велѣашете, слышаашете
	молѧахѫ	велѣахѫ, слышаахѫ
Двойств. ч.	молѧаховѣ	велѣаховѣ, слышааховѣ
	молѧашета	велѣашета, слышаашета
	молѧашете	велѣашете, слышаашете.

Прич. прош.	моль	велѣвъ, слышавъ
	молилъ	велѣлъ, слышалъ
	молѣнъ	велѣнъ, слышанъ.
Инфинитивъ:	молити	велѣти, слышати.
Супинъ:	молитъ	велѣтъ, слышатъ.

§ 121. Объ единичныхъ примѣрахъ отсутствія -тъ въ 3 л. ед. ч. глаголовъ IV кл. ср. выше, въ §§ 66, 100.

Въ формахъ имперфекта должно имѣть въ виду звуковыя явленія, связанныя съ вліяніемъ j на коренной согласный: носити—ношаахъ; ходити—хождаахъ; родити—рождаахъ и т. п. Рядомъ съ полными формами находимъ въ памятникахъ стяженныя: молѣше 3 л. ед. ч., молѣхѫ 3 л. мн. ч. при молѣаше, молѣахѫ—Мар. и т. п.

Формы причастія прошедшаго вр. отъ глаголовъ типа A образуются двоякимъ образомъ: молилъ и моль (изъ *moli-(ų)ъs- и *molj-ъs-); (къз-)любилъ и (къз-)любль. Памятники указываютъ на бо́льшую древность второго типа: въ Зогр. Видеманнъ насчитываетъ 5 примѣровъ

-ихъ на 160 -ь; Маріинское Ев., особенно архаическое въ области морфологіи, знаетъ лишь 1 примѣръ -ихъ (186 -ь), въ Ассем., Клоц. и Син. Пс. нѣтъ ни одного -ихъ, въ Син. Мол. 11 (на 176 -ь), въ Остром. Ев. -ихъ встрѣчается рѣдко, въ Савв. два раза (69 -ь). Наоборотъ, въ Супр. рук. формы типа моликъ употребляются несравненно чаще, чѣмъ формы типа моль; ср. Wiedemann, Beitr., 134 с., Дополненіе къ переводу грамм. Лескина 134 с.

§ 122. Глаголъ хъштѣти или хотѣти (хотѣти, вѣроятно,—подъ вліяніемъ наст. врем.,—хоштѫ) представляетъ примѣръ смѣшаннаго спряженія. Форма инфинитива можетъ быть сравниваема съ инфинитивами видѣти, велѣти и т. п. Бо́льшая часть формъ наст. времени представляетъ основу на -je (*chotje-): хоштѫ—хоштеши—хоштетъ; хоштекѣ—хоштета—хоштете, хоштемъ, хоштете; но форма 3 л. мн. ч. образована аналогично глаголамъ IV класса (т. е. съ основой наст. вр. на -i): хотѧтъ. Къ формамъ того же IV класса относится прич. наст. вр. хотѧ (ср. молѧ, видѧ); повел. накл.—хошти.

Примѣчаніе. Лескинъ Handb.[5], 164 с. разсматриваетъ форму хошти въ формѣ—аште хошти Супр. 65, 21, какъ остатокъ стараго употребленія формы въ значеніи желат. наклоненія; примѣры употребленія хошти въ значеніи изъяв. накл. въ др.-русск. спискахъ съ др.-ц.-слов. оригиналовъ ср. у Соболевскаго: Лингвист. и археол. зам. 72—73 сс.

Формы аор. и имперфекта отъ глагола въпльѫ образуются отъ основы инфинитива въпаҳъ, въпаахъ. Въ глаголѣ горѫ—горѣти наблюдаются формы причастія, образованныя отъ основы *goro-, какъ въ I классѣ глаголовъ,—горѫште Зогр. Мар. при горѧшта Супр.,—ср. Leskien Handb.[5], 164 с.

Глаголъ добьлѣти имѣетъ формы отчасти по схемѣ III класса: добьлѫтъ (=добьлѭтъ) Мар. и иначе—добьлѣѭтъ, какъ можно предполагать въ виду причастной формы добьлѣѭ въ Савв. Мол., отчасти же по схемѣ IV класса: добьлѧтъ Зогр.,—Leskien, ibid.

Глаголъ видѣти имѣетъ повел. накл. 2 л. ед. ч. виждь.

V. *Глаголы нетематическаго спряженія.*

§ 123. Къ этому спряженію относятся пять глаголовъ: ѥсмь; кѣмь, имь, дамь, имамь (ср. выше, § 60).

Настоящ. вр.

Ед. ч.	ѥсмь,	кѣмь,	дамь,	имь,	имамь
	ѥси,	кѣси,	даси,	иси,	имаши
	ѥстъ,	кѣстъ,	дастъ,	истъ,	иматъ

Мн. ч.	ѣсмъ,	бѣмъ,	дамъ,	ѣмъ,	имамъ
	ѣсте,	бѣсте,	дасте,	ѣсте,	имате
	ѣдѫтъ,	бѣдѫтъ,	дадѫтъ,	ѣдѫтъ,	имѫтъ
Дв. ч.	ѣсвѣ,	бѣвѣ,	давѣ,	ѣвѣ,	имавѣ
	ѣста,	бѣста,	даста,	ѣста,	имата
	ѣсте,	бѣсте,	дасте,	ѣсте,	имате.

Повел. накл.

Ед. ч.	бѫди,	бѣжь,	дажь,	ѣжь,	имѣи
	бѫди,	бѣжь,	дажь,	ѣжь,	имѣи
Мн. ч.	бѫдѣмъ,	бѣдимъ,	дадимъ,	ѣдимъ,	имѣимъ
	бѫдѣте,	бѣдите,	дадите,	ѣдите,	имѣите
Дв. ч.	бѫдѣвѣ,	бѣдивѣ,	дадивѣ,	ѣдивѣ,	имѣивѣ
	бѫдѣта,	бѣдита,	дадита,	ѣдита,	имѣита.

§ 124. Формы аориста, имперфекта, прич. прош. вр., инфинитива и супина къ глаголу ѣсмь—такъ же, какъ и формы повел. накл., образованы отъ иного корня.

Формы повел. наклоненія—бѫди и т. д. относятся къ формѣ изъявит. наклоненія бѫдѫ, которая имѣетъ значеніе будущаго времени по отношенію къ глаголу ѣсмь. Формы инфинитива и супина,—бꙑти, бꙑтъ,—образованы отъ корня *bhū-=слов. *bу-. Аористъ бꙑхъ, бꙑ, бꙑ (бꙑстъ, бꙑстъ,—ср. § 186); бꙑхомъ, бꙑсте, бꙑша; бꙑховѣ, бꙑста, бꙑсте образованъ отъ основы-корня инфинитива. Рядомъ съ нимъ находимъ также аористъ отъ основы *bě- (ср. выше, § 70, прим.): бѣхъ, бѣ, бѣ; бѣхомъ, бѣсте, бѣша; бѣховѣ, бѣста, бѣсте. Имперфектъ бѣахъ, образованный отъ той же основы, измѣняется аналогично несѣахъ: бѣаше, бѣаше, бѣахомъ и т. д. Прич. наст. вр. образовано отъ основы наст. вр. съ гласнымъ корня на ступени полной редукціи (звуковой нуль): сꙑ (изъ *sonts), сѫшти, сꙑ. Прич. прош. дѣйств. зал.: бꙑвъ, бꙑлъ связано съ основой инфинитива; прич. прош. страд. зал.—(за-)бꙑвенъ (ср. крꙑти—крꙑвенъ).

Формы глагола дамь,—однѣ связаны съ основой наст. вр. (*dad-), какъ формы повел. накл. и прич. настоящаго вр. дадꙑ (изъ *dad-o-nt), другія—съ основой инфинитива (*da- въ дати, датъ—супинъ), какъ аор. дахъ, да, да; дахомъ, дасте, дашя; дховѣ, даста, дасте; такъ-же прич. прош.—давъ, далъ, данъ. Имперфектъ отъ дамь не употребляется.

Въ глаголѣ имь всѣ формы образуются отъ основы *jad-: инфинитивъ ꙗсти (изъ *jad-ti); супинъ ꙗстъ, прич. ꙗдꙑ; имперфектъ ꙗдѣахъ (ср. несѣахъ при нести), аористъ ꙗсъ (изъ *jad-sъ) или ꙗхъ; 2 и 3 л. встрѣчается лишь съ предлогомъ: из-ѣ (изъ *iz-ēd-s-s, *iz-ēd-s-t); мн. ч.

ѧсомъ (ѧхомъ), ѧсте, ѧсѧ (ѧша); дв. ч. ѧсовѣ; ѧста, ѧсте: ср. напр. въ Син. Пс. ѣсѫ, ѣсѧ, повѣсѧ, сънѣсѧ, въ Супр. ѧхъ, изѣ, ѧшѧ (Wiedemann, Beitr. 100—102 сс.). Прич. прош. ѧдъ, ѧлъ, ѧденъ.

Къ глаголу вѣмь инфинитивомъ является вѣдѣти; о формѣ вѣдѣ— ср. выше, § 71. Отъ корня-основы наст. вр. *vĕd-, кромѣ повел. накл. образуются формы прич. наст. вр. вѣдѧи (изъ *vĕd-o-nt), вѣдомъ. Формы аориста, имперфекта и причастій прош. времени образуются отъ основы инфинитива: вѣдѣхъ—вѣдѣ и т. д. (ср. видѣхъ), вѣдѣахъ и т. п. (ср. видѣахъ); вѣдѣкъ; вѣдѣлъ; вѣдѣнъ. Супинъ—вѣдѣтъ.

Глаголъ имамь отличается отъ иныхъ глаголовъ нетематическаго спряженія окончаніемъ 2 л. -ши; въ 3 л. множ. ч., какъ и въ формѣ сѫтъ, находимъ форму тематическую: имѫтъ. Прич. наст. врем. имѧи— аналогично ѣзи, ѧдѧи, вѣдѧи, дадѧи. Всѣ остальныя формы образуются отъ основы инфинитива имѣ- (имѣти),—ср. выше вѣдѣти. Въ Остром. Ев. встрѣчается форма имаамъ (имаамь), имааши (Дополненія къ грамм. Лескина 189 с.).

О формахъ 2—3 л. ед. ч. даждь, ѧждь, вѣжды было сказано выше (§ 72). Въ Син. Мол. обычно формы эти имѣютъ вм. ь окончаніе и: даждии, подаждии, заповѣждии, повѣждии и т. п.; такъ-же вижди,—см. Видеманнъ, Beitr. 10 с. Древнѣйшіе памятники такихъ формъ не знаютъ; онѣ явились подъ вліяніемъ окончанія -и въ повел. формахъ нести, глаголи, моли, вѣдѣжди и т. п.

Формы 2—3 лица аориста отъ глаголовъ нетематическихъ: дастъ, бѣстъ, сънѣстъ Зогр., дастъ, бѣстъ Мар., Ассем., Син. Мол., Син. Пс., ѣстъ Асс., -дастъ, -бѣстъ ѧ Савв., Супр., ѧстъ Савв., бѣсть, дасть, ѣсть Остром.—были оговорены выше. Примѣры—см. у Видеманна, Beiträge, 15 и слѣд., Дополненія къ переводу грамм. Лескина, 189 с. Рядомъ съ этимъ—да, отъда, прода Зогр.; отъда Мар.; забѫи Клоц.; прѣда Син. Мол.; забѫи Син. Пс.; да, отъда Савв.; бѫи, изѣ, прода, забѫи Супр. (Wiedem. op. cit. 21—22 с.).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

О старословянскихъ говорахъ, отражающихся въ древне-церковно-словянскихъ памятникахъ.

Въ основѣ др.-церк.-словянскаго языка, какъ мы знаемъ, лежитъ болгарскій говоръ второй половины IX вѣка,—говоръ словянскаго населенія окрестностей Солуня.

Однако, помимо этой общей основы, въ дошедшихъ до насъ древнѣйшихъ по времени памятникахъ церковнаго языка отражаются также черты различныхъ словянскихъ нарѣчій конца X и XI столѣтія, черты языка послѣднихъ писцовъ этихъ памятниковъ.

Въ этомъ отношеніи среди памятниковъ, перечисленныхъ во введеніи (VIII), можно различить нѣсколько группъ.

I. За единичными исключеніями, др.-ц.-словянскіе памятники характеризуются наличностью типично-болгарскихъ рефлексовъ прасловянскихъ сочетаній tj, dj,—группъ согласныхъ шт, жд.

Таковы: Зографское Ев., Маріинское Ев., Сборникъ Клоца, Ассеманіево Ев., Синайская Псалтырь, Синайскій Требникъ, Саввина книга, Супрасльская рукопись, Хиландарскіе отрывки, листки Ундольскаго, Македонскій листокъ, отрывокъ Охридскаго Евангелія. Сюда-же, конечно, должно отнести и оригиналъ Остромирова Евангелія, но самый памятникъ, какъ русская копія, долженъ быть изъ этой группы выдѣленъ.

То-же нарѣчіе, несомнѣнно, лежитъ и въ основѣ надписи Самуила, хотя въ ней и не находимъ ни одного слова, гдѣ бы могло встрѣтиться шт или жд.

II. Въ сторонѣ отъ этой группы памятниковъ стоитъ Кіевскій Миссалъ.

Представляя во всемъ остальномъ памятникъ древне-церковно-словянскаго языка, К. М. имѣетъ однако ц и ꙁ на мѣстѣ обычныхъ церк.-словянскихъ шт и жд и шч на мѣстѣ церк.-слов. шт изъ sk (предъ палатальными звуками); кромѣ этихъ двухъ чертъ мы не находимъ въ немъ ничего, что-бы указывало на чехо-моравскую почву: носовые употребляются правильно, губные въ положеніи предъ j дали группу *губной*+l′;

группа dl упрощена въ l—молитка, молимъ, вѣсели (о формѣ небесьскоуѫ— ср. § 23). Въ виду этого должно видѣть въ К. М. отраженіе старо-словянскаго говора конца X или начала XI вѣка, представлявшаго переходъ отъ южно-словянской (болгарской) языковой области къ западно-словянской.

III—IV. Иное положеніе занимаютъ Пражскіе отрывки,—списокъ съ церковно-словянскаго оригинала, сдѣланный въ области чехо-словацкаго языка, и Остромирово Евангеліе,—русское происхожденіе котораго документируется его записью.

Примѣчаніе. Въ Пражскихъ отрывкахъ находимъ не только просвѣць=просвѣщь, хвалѧцимъ=хвалѧщимъ, розьство=рождьство, оутрьзение=оутрьжденіе, но и свѣтидлъна, модлитвоу=молитвѫ, (земѧ=земля, прѣставение=прѣставление); кѫи=кѣи, кѫчьскаѣ=кѣчьскаѣ, т. е. цѣлый рядъ чехо-словацкихъ чертъ.

Среди основной группы др.-церк.-словянскихъ памятниковъ (I) можно безъ труда также различить нѣсколько діалектическихъ типовъ.

1. Одинъ типъ представляютъ такіе глаголическіе памятники, какъ Зографское Евангеліе, Ассеманіево Евангеліе, Синайская Псалтырь и Синайскій Требникъ.

Памятники эти обнаруживаютъ измѣненіе старыхъ ъ и ь сильныхъ въ о и е: ср. въ Зогр. Ев. токмо, оусохшѫ, родось, цркокь и т. п. Къ той же группѣ въ данномъ пунктѣ относятся также Маріинское Ев. и Сборникъ Клоца.

Всѣ эти памятники отражаютъ болгарское нарѣчіе, знавшее переходъ ъ и ь въ о и е въ извѣстномъ положеніи. Внутри этой группы памятниковъ замѣчаются опять таки нѣкоторыя различія, позволяющія думать, что въ нихъ отразились различные говоры одного и того-же нарѣчія. Такъ, а) Ассеманіево Ев. и Синайская Псалтырь являются представителями такого македонскаго говора или такихъ македонскихъ говоровъ, въ которыхъ старое dz сохранялось, какъ звукъ, отличавшійся отъ z (ср. выше, § 32); такой же говоръ отражается въ младшей части Зографскаго Евангелія. b) Зографское Ев. (древняя часть) и Синайскій Молитвенникъ, наоборотъ, отражаютъ македонскіе говоры, измѣнившіе dz въ z. c) Особое положеніе занимаютъ Маріинское Ев. и Сборникъ Клоца, въ которыхъ отражается говоръ, въ нѣкоторыхъ пунктахъ своей фонетики и морфологіи сближающійся съ ближайше-сосѣднимъ сербскимъ языкомъ: оу=ѫ; раннее совпаденіе zi съ и; оу=кь; форма тѧ вин. мн. м. р. вм. тѣі въ Glag. Cloz., форма сега вм. сего въ Мар. Ев. (если это не описка:—сега ради).

2. Другой типъ представляютъ кирилловскіе памятники: въ нихъ нельзя установить свойственнаго глаголическимъ памятникамъ перехода ъ въ о, а въ нѣкоторыхъ и перехода ь въ е. Саввина книга, повидимому, отражаетъ говоръ (восточно-болгарскій), въ которомъ не было ни перехода ъ въ о, ни перехода ь въ е; единичные случаи того и другого (смоковиѭ, смоковъвьнѧ—описка, кождо, скѫдельничи),—вѣроятно,—отзвукъ македонскаго оригинала). Оригиналъ Остромирова Ев., повидимому, былъ таковъ-же (лишь смоковьницѫ, -и, -еѭ).

Не наблюдается переходъ ъ въ о и ь въ е и въ Македонскомъ листкѣ.

По отношенію къ Хиландарскимъ отрывкамъ и листкамъ Ундольскаго мы не можемъ установить, зналъ-ли говоръ, отражающійся въ томъ и въ другомъ памятникѣ, измѣненіе ъ въ о, такъ-какъ въ нихъ не встрѣчаемъ стараго ъ въ положеніи, допускающемъ такой переходъ; но переходъ ь въ *е* этимъ двумъ фрагментамъ извѣстенъ. При этомъ означенные памятники различаются между собою въ отношеніи къ судьбѣ звука dz: въ говорѣ Саввиной книги и оригинала Остромирова Ев. dz измѣнилось въ z, Хиландарскіе отрывки, листки Ундольскаго и Македонскій листокъ указываютъ на сохраненіе dz, какъ особаго звука, въ языкѣ писца.

Особое положеніе въ группѣ кирилловскихъ памятниковъ занимаетъ Супрасльская рукопись. Въ ней отражается говоръ, знавшій лишь переходъ ь въ *е*, но не измѣнявшій въ такомъ же положеніи ъ въ о (единичные случаи: любовънꙑи, смоковьнаго, крѣпокъ,—вѣроятно, не относятся къ языку писца). Говоръ этотъ въ то-же время характеризуется другими весьма оригинальными чертами: изъ начальнаго or предъ согласнымъ при нормальномъ др.-ц.-словянскомъ (и южнословянскомъ вообще) ра мы находимъ иногда въ Супрасльской рукописи ро: робъ, робота, роз-, розвѣ, ровьнъ (ср. § 25).

Группа *губной*+j является въ видѣ сочетанія *губной*+j слѣдующаго слога: -бьѥ, -бьꙗ и т. д. (ср. § 28). При этомъ находимъ з на мѣстѣ dz и характерное болгарское ст изъ болѣе древняго сц.

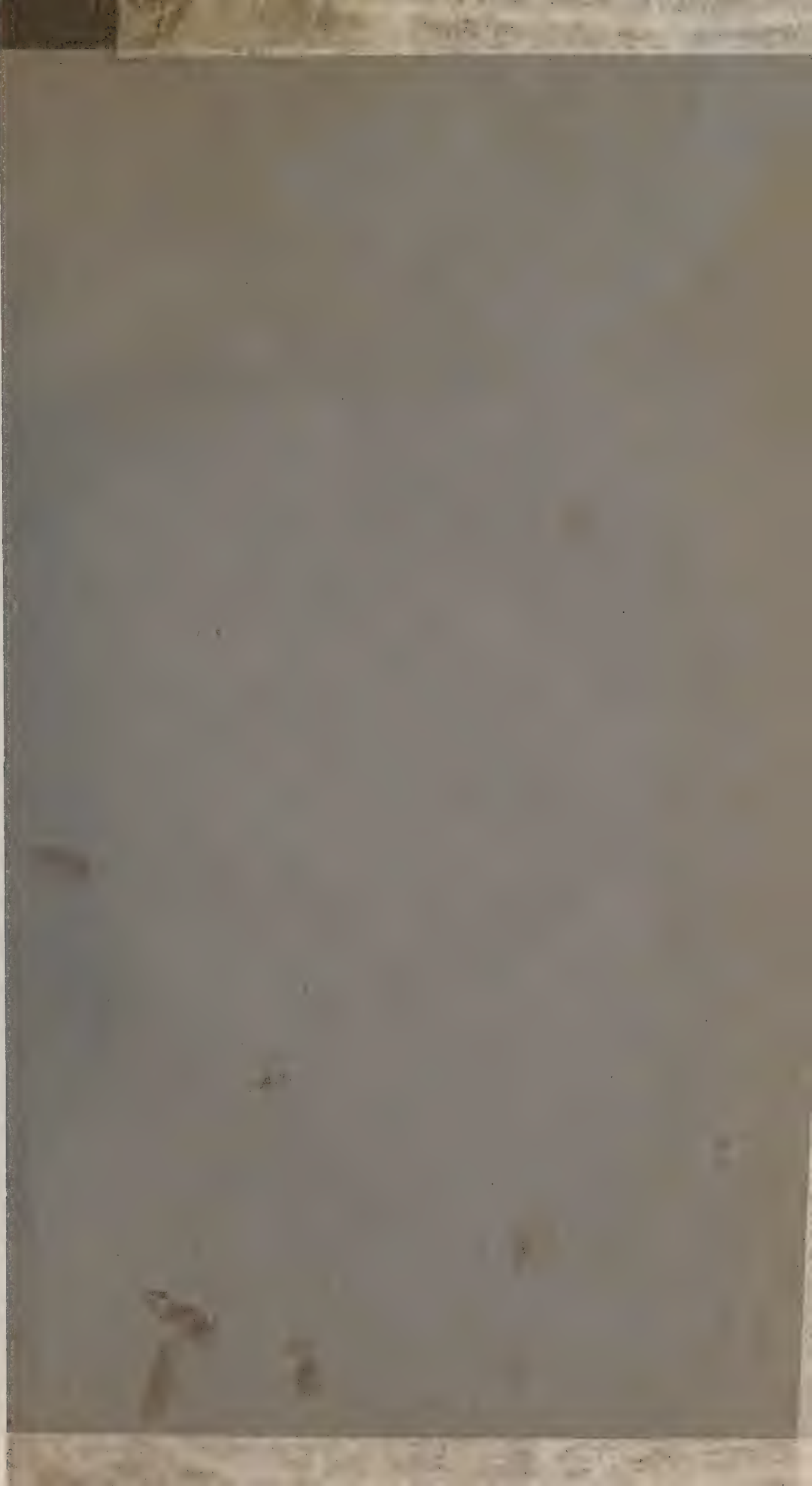
Въ морфологіи памятника оригинальной чертой являются формы твор. п. ед. ч. ж. р. на -ѫ (типа женѫ),—ср. § 51.

Сочетаніе ро на мѣстѣ обычнаго церк.-словянскаго ра указываетъ на близость говора писца Супрасльской рукописи къ западнымъ или восточнымъ словянскимъ нарѣчіямъ; съ этой близостью могутъ быть связаны и сочетанія типа -пьѥ, -бьꙗ и форма твор. п. ед. ч. ж. р. на -ѫ.

Покойный Облакъ съ извѣстной долей вѣроятности предполагалъ возникновеніе Супрасльской рукописи въ сѣверной Дакіи, неподалеку отъ словацкихъ говоровъ; см. Arch. XV, 338 и сл.

ИСПРАВЛЕНІЯ И ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка.	Напечатано:	Должно быть:
5	6 сн.	1900	1913 (2 изд.)
20	2 сн.	1826	1836
21	4 сн.	Тэорія	Теорія
22	19 св.	Ягича)	Ягича),
26	13 сн.	Gymn.-Progr.	Jahresberichte гимназіи
»	14 сн.	1888	1888—1890
44	12 сн.	кънѧзь	кънѧѕь
47	13 св.	gnosco	(g)nosco
51	1 св.	такъ-же,	такъ-же
»	3 св.	сочетаніемъ	сочетаніямъ
»	17 сн.	*vĕnъkъ	*vĕnьсь
»	2 сн.	**sluti	*sluti
56	18 сн.	ельмл	ельма
58	8 св.	сохранилнсь	сохранились
68	4 сн.	ъ, ь	у, і
71	1 сн.	цесарествье	цѣсарествье
73	7 св.	-ꙑ, -ꙑи	-ꙑ, ꙑи
76	7 сн.	глѧголѭ	глаголѭ
80	19 св.	плъть	плоть
81	15 сн.	цр҃квь	црквь (671)
82	1 св.	кръстъ	крстъ
99	10 св.	konjo-s	*konjo-s
101	8 св.	Имен. п.	Имен. вин. п.
111	18 сн.	Dol'as,	Dol'as
112	17 св.	*mъnojǫ	*mъnojǫ,
114	10 св.	ki	*ki
123	17 сн.	Études»	»Études
124	8 св.	vežù,	vežù
»	6 сн.	váha-tí	váha-ti
127	12 св.	*ἔ-φορ-ον*	*ἔ-φερ-ον*
128	7 св.	аориста	въ имперфектѣ
132	15 сн.	-ēacho-nt	*-ēacho-nt
»	16 сн.	*изъ	изъ
136	8 св.	gostins	*gostins
137	5 сн.	*krъve-	*krъve-,
138	1 св.	**II. Формы**	**Формы**
144	8 сн.	знаніе двьрь	знаніе, двьрь
147	13 св.	сꙑны	сꙑнꙑ
154	4 сн.	-ьмь:	-ьмъ:
161	17 св.	(си)	(сн)
183	6 сн.	Мм. ч.	Мн. ч.
186	17 св.	чоюꙗ-ахъ	чюꙗ-ахъ



Того-же автора:

Матеріалы для характеристики среднеболгарскаго языка:

I. Боянское Евангеліе . . . . . 40 к.

II. Евангеліе Григоровича XII–XIII вѣка . . . . 30 „

III. Охридскій апостолъ . . . . . 50 „

Морфологія Сважендзскаго говора . . . . . 20 „

Охридская рукопись апостола конца XII вѣка . . . 2 р. — „

Историческое развитіе и современное состояніе словянскаго языкознанія . . . . . 20 „

Древне-церковно-словянскій языкъ. II. Морфологія. 1912 г. 142 стр. . . . . 1 р. 50 „

Древне-церковно-словянскій языкъ. Тексты со словарчикомъ . . . . . 50 „

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ

въ книжномъ магазинѣ Дредера въ Харьковѣ.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія и Литографія М. Зильберберга и С-вья.
Донецъ-Захарженская ул., с. д., № 6.
1913.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
000130381 43